

НЕ ТЯНИ
ЛЕОПАРДА ЗА ХВОСТ

PHANTOM PRESS

ЭЛИЗАБЕТ ПИТЕРС

Annotation

Кто бы мог подумать, что в угрюмом и чопорном Лондоне, с его сыростью, туманами и светскими чаепитиями, могут разгореться такие нешуточные страсти! Столица Британии ошеломлена и испугана: по улицам разгуливает странное существо, в наряде древнеегипетского жреца и леопардовой накидке. И ладно бы просто разгуливало, так нет же — там, где появляется пришелец из древних времен, немедленно кто-то умирает, да еще насильственной смертью.

Амелия Пибоди, разумеется, не в силах пройти мимо таких загадочных событий. Вооружившись своим неизменным оружием — зонтиком, отбиваясь от своего любознательного и энергичного чада и скармливая любимому супругу небылицу за небылицей, она начинает расследование. Мало того, что в ходе расследования она вынуждена посещать самые непотребные лондонские трущобы и вертепы, так еще таинственный жрец открывает на нее охоту. И если бы не поддержка ненаглядного Эмерсона и проницательность малолетнего Рамсеса, не унести ей ноги...

- [Элизабет Питерс](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

Элизабет Питерс
Не тяни леопарда за хвост

«The Deeds of the Disturber» 1988, перевод Е. Ивашина

Глава 1

Счастливее меня женщины в целом свете не найти. «Подумаешь, — фыркнет циник. — Невелика честь, в наше-то время». Как ни прискорбно — возразить нечего. Деятнадцатый век в разгаре, а лучшая половина человечества по-прежнему лишена практически всех «неотъемлемых» для мужчин прав. И при всем моем глубочайшем уважении к короне, я вынуждена посетовать на нашу венценосную сестру, чьи легкомысленные замечания упрочивают удручающее положение прекрасного пола.

Не держите зла на автора за это отступление, любезный читатель. Понимаю, что ухожу от темы, но ничего не могу с собой поделаться. Когда же наконец восторжествует справедливость?! Когда наконец Женщина спустится с пьедестала, куда ее вознес Мужчина и где ей позволено лишь стоять истуканом, не открывая рта? Когда наконец она займет достойное место — рядом с ним?

Одному Богу ведомо, когда наступят эти благословенные времена для всех женщин... Но что касается Амелии Пибоди Эмерсон, то ей грех жаловаться. Мне удалось прорваться сквозь преграды, возведенные противоположным полом на пути к успеху. Получив от отца в наследство прекрасное образование и материальную независимость, я отправилась изучать мир.

Увы, мир так и остался неизведанным. Дальше Египта я не добралась. Страна пирамид навсегда завладела моим сердцем; с первых же шагов на земле великих фараонов я увлеклась археологией и внесла, скажу без ложной скромности, существенный вклад в эту науку.

Вдумчивый читатель наверняка уже догадался, почему я считаю себя счастливейшей из женщин. Профессия профессией, но без мужчины... Вознося молитвы Создателю, я первым делом благодарю его за помощь в моих археологических начинаниях. Помощь, которая пришла в лице выдающегося египтолога нынешнего и, уверена, всех прочих столетий — моего нежного, любящего и бесконечно любимого супруга. Встреча наша не была ни случайностью, ни праздным капризом судьбы. О нет! Рок, провидение — назовите как угодно, но

мы с Эмерсоном не могли не встретиться. Быть может, правы языческие философы, верившие в то, что человек проживает не одну жизнь. Быть может, мы знали друг друга задолго до знакомства в пропыленном зале Каирского музея... Бродили, быть может, взявшись за руки, среди величественных колонн древнего Карнака... Почему бы и нет? Иначе не объяснить удивительное ощущение, что я уже любовалась этим скульптурным торсом, уже смотрела в эти синие глаза (не глаза, а очи!), уже видела этот твердый рот и упрямый подбородок с ямочкой (правда, скрытый поначалу под устрашающего вида бородой, но мне не составило труда убедить профессора расстаться с его драгоценной растительностью).

Прошу прощения, опять увлеклась. Эмерсон и эмансипация — темы для меня неисчерпаемые, но это не дает автору права до бесконечности испытывать терпение читателя. Итак, с вашего позволения, возвращаюсь к рассказу.

Ни одному смертному не удавалось и не удастся достичь совершенного блаженства в нашем несовершенном мире. Человек я разумный, а потому никогда и не ждала от семейной жизни рая на земле. Однако и у самого разумного человека есть предел душевной выносливости. Вот этого-то предела я и достигла весной 18... года, когда мы готовились к отъезду из Египта после очередной экспедиции.

Некоторые безответственные личности обвиняют меня в предубеждении против мужского пола. Даже Эмерсон позволял себе подобные намеки, а уж Эмерсону это совсем не к лицу. Да какое там предубеждение! Сами посудите. Начиная с моего замечательного, достойного, но невыносимо рассеянного отца и пятерых мерзких братьев и заканчивая разным сбродом — убийцами, ворами, мошенниками всех мастей, — мужчины только и делали, что испытывали меня на прочность. Мой собственный сын, Уолтер Пибоди Эмерсон, друзьям и недругам больше известный под прозвищем Рамсес, и тот приложил к этому руку. Более того, в моем *мысленном* черном списке (если вести учет, чего я, разумеется, не делаю) первую строчку занимал бы именно он.

Рамсеса нужно как следует узнать, чтобы оценить. *Оценить*, заметьте, в самом что ни на есть прямом смысле, то есть «оценить по достоинству», а достоинства, как известно, бывают разными.

Внешность сына меня вполне устраивает. Я не разделяю предрассудков некоторых наших соотечественников и не ставлю англосаксонскую бледность выше оливкового цвета кожи жителей Средиземноморья, на которых (неизвестно почему) так сильно смахивает Рамсес. С его интеллектуальными данными тоже все в порядке, но по-другому и быть не могло. Я ни секунды не сомневалась, что наш с Эмерсоном отпрыск унаследует выдающиеся способности родителей, однако, признаться, результат превзошел все ожидания. Во всем, что касается языков, Рамсеса иначе как малолетним гением не назовешь. К семи годам он изучил древнеегипетские иероглифы; на арабском болтает бегло до ужаса — *до ужаса* окружающих, не привыкших к его оригинальной манере выражать мысли, — и даже на родном языке изъясняется высоким штилем, свойственным скорее почтенному ученому старцу.

Этот уникальный талант Рамсеса нередко вводит людей в заблуждение. Им кажется, что юное дарование не по годам развито и во всем остальном. Как бы не так. Мне лично на ум приходит сравнение с Моцартом в детстве. У гениального композитора с пеленок проявился музыкальный слух, у Рамсеса же — лингвистический. Только и всего. А так наш сын — абсолютно нормальный ребенок со средними, если не сказать ниже средних, способностями. Согласитесь, сравнение с Моцартом напрашивается само собой. Образованный читатель, разумеется, помнит историю неудачной женитьбы и печальной кончины Моцарта.

Боюсь, я сгустила краски. Не сложилось бы у вас превратное впечатление о Рамсесе. Уверяю вас, у нашего чада есть кое-какие и очень милые качества. Он обожает животных... правда, частенько доходит в своей любви до абсурда — когда, скажем, выпускает из клеток *чужих* птичек или отвязывает *чужих* псов, тем самым спасая животных от безобразно жестокой, с его точки зрения, участи. Вечно его кто-то царапает и кусает, а хозяева освобожденных животных, само собой, активно возражают против столь своеобразной формы грабежа.

Так о чем это я? Ах да, о симпатичных сторонах характера Рамсеса... Наш сын, например, начисто лишен снобизма. Нормальным играм с благовоспитанной английской детворой этот негодник предпочитает общение с прислугой из египтян, — общение, нужно отметить, далеко не безобидное, поскольку в страсти ко всяческим

малопристойным, а чаще вовсе неприличным историям египтянам нет равных. С одеждой тоже морока. Прелестный костюмчик черного бархата с кружевным воротничком Рамсесу, видите ли, «сковывает движения»! Еще бы. Босиком и в драном балахоне (национальном египетском наряде) куда выгоднее гонять по окрестностям в поисках очередного предмета для очередного эксперимента.

М-да... Кажется, речь шла о привлекательных чертах Рамсеса? Его можно назвать послушным ребенком. Родительским требованиям он, как правило, подчиняется... если только эти самые требования «не противоречат высшим этическим соображениям» (цитирую Эмерсона-младшего). Кроме того, приказ должен быть высказан достаточно четко и определенно, чтобы малолетний хитрец не выискал словесную лазейку и не увильнул от ответственности. А чтобы сочинить такую формулировку, требуются юридические познания лорда-канцлера и иезуитское хитроумие.

А где же положительные качества, спрашиваете? Да есть они, разумеется, есть! Как не быть. Правда, сейчас ни одно на ум не приходит...

Впрочем, на суть рассказа это не влияет. Как ни странно, той памятной весной мое терпение испытывал отнюдь не Рамсес, а его папуля. Да-да! Виновником был мой собственный обожаемый, уважаемый, необыкновенный супруг.

Сразу оговорюсь, что для плохого настроения у Эмерсона были причины, и вполне законные. Мы вели раскопки в Дахшуре близ Каира — месте захоронения многих титулованных особ Древнего Египта. Получить разрешение на раскопки — фирман — оказалось не так-то просто. Директор Департамента древностей мсье де Морган положил на Дахшур глаз и приберегал гробницы для себя. Понятия не имею, почему он все-таки уступил нам эту археологическую жемчужину. Знаю лишь, что тому каким-то образом содействовал Рамсес, а когда в дело вступает наш сын, я предпочитаю не вдаваться в детали.

Зная мою слабость к пирамидам, Эмерсон, добрая душа, фирману радовался как ребенок. Даже выделил мне крохотную пирамидку — одно из тех второстепенных захоронений, что применялись, по мнению некоторых археологов, для погребения жен фараонов, — так сказать, в личное пользование.

Изучение мрачных узких коридоров, где кишмя кишели летучие мыши, доставило мне массу удовольствия, но, к сожалению, не принесло ровным счетом ничего стоящего для науки. Там не нашлось ни мумии, ни украшений, ни сколько-нибудь любопытных предметов обихода — словом, ничего, кроме гулко-пустой усыпальницы да никчемных глиняных обломков.

Все наши попытки выяснить причину возникновения внезапных резких вихрей, проносящихся по коридорам Ломаной пирамиды, тоже оказались тщетными. Если недра древнего памятника и таили секретные лазы и выходы, то обнаружить их нам не удалось. Даже Черная пирамида, нижняя усыпальница которой чуть было не стала нашей могилой, в конце концов принесла одни разочарования. Из-за необычно мощного паводка воды Нила затопили подземные коридоры, а достать гидравлический насос, на который Эмерсон очень рассчитывал, не вышло.

Открою вам один маленький секрет археологов, дорогой читатель. Все они мнят себя высокоморальными личностями. Утверждают, что, дескать, единственной их целью является раскрытие тайн прошлого и обогащение знаний человечества. Врут без зазрения совести, уж поверьте. На деле они мечтают о великом и, главное, эффектном открытии. Мечтают увидеть свои имена напечатанными громадными буквами на первых страницах газет. Мечтают вызвать черную зависть и жгучую ненависть в сердцах соперников. Мсье де Морган в Дахшуре добился-таки исполнения этой мечты, раздобыв (не спрашивайте меня, каким образом, — не знаю и знать не хочу!) украшения принцессы Среднего царства. Загадочное мерцание золота и драгоценных камней завораживает; открытие мсье де Моргана снискало ему вождеденную славу в полном объеме, вплоть до хвалебной оды в иллюстрированной «Лондон ньюс».

Позвольте представить еще одного из так называемых ученых, преуспевших в рекламе собственного имени, — мистер Уоллис Бадж, директор Британского музея. Всем известно, что трофеи свои Бадж добывал не на раскопках, а путем нелегальных сделок с местными воришками, расхитителями пирамид, после чего вывозил древности из страны вопреки египетским законам. Подобные методы Эмерсон презирает, но, клянусь, даже Эмерсон поступился бы принципами ради той плиты с письменами, что год назад откопал в Египте его главный

соперник, профессор Питри^[1]. Стела Питри буквально взорвала библейскую науку. Ученые ликовали, обнаружив первое и пока единственное упоминание об Израиле, выбитое на камне древними египетскими иероглифами. Что и говорить, открытие эпохальное... За такой трофеей мой дорогой Эмерсон продал бы душу дьяволу, в которого, впрочем, все равно не верит. Мистер Питри — один из немногих археологов, авторитет которого Эмерсон пусть и против собственной воли, но все же признает. Питри, насколько я могу судить, отвечает ему тем же. Это взаимное уважение и стало причиной их соперничества, хотя оба скорее заживо похоронили бы себя в какой-нибудь из египетских гробниц, чем признались в зависти к успехам коллеги.

Эмерсон — Мужчина с большой буквы, но и он не лишен слабостей братьев по полу, а потому не смог честно признать это вполне естественное и понятное чувство. О нет! Вину за все свои археологические неудачи той весны он, разумеется, попытался возложить на *меня!* Не стану отрицать — на какое-то время нам действительно пришлось из археологов превратиться в частных сыщиков, но Эмерсон к подобным загвоздкам давно привык; без них, к *счастью*, не обходился ни один наш сезон в Египте. И, несмотря на его нескончаемое нытье, я отлично знаю, что распутывание детективных клубков доставляет ему наслаждение не меньшее, чем мне.

Последнее приключение, однако, было особенным. Мы во второй раз столкнулись с Гением Преступлений по кличке Сети, подлинное имя которого неизвестно. Как уже однажды случилось в прошлом, мы разгадали и остановили его гнусные планы, но негодяю вновь удалось уйти от возмездия. Вот только прежде он успел объявить о внезапно вспыхнувшей в его сердце непостижимой страсти к вашей покорной, ничем не примечательной слуге. Несколько памятных часов мне довелось провести в плену у Гения Преступлений. Эмерсон, истинный потомок славных рыцарей короля Артура, немедленно бросился на помощь и вызволил меня в самое время — до того, как произошло... гм... скажем, хоть что-нибудь выходящее за рамки приличий.

Проблемы начались позже. Я из кожи вон лезла, вновь и вновь убеждая Эмерсона, что мои чувства к нему не изменились. В красках расписывала, как греет мне душу воспоминание о том дивном моменте, когда он ворвался в пещеру, потрясая ятаганами (любимый

вооружился основательно — прихватил по кривому ножу в каждую руку). Все впустую. Разумеется, Эмерсон верил в мою искренность... но червячок сомнения продолжал свое губительное дело. Только легкомысленная супруга отмахнулась бы от этого вредителя, который способен сгубить божественный цветок любви.

Однако сантименты в сторону. Скажу честно — чтобы избавиться от этой напасти, я сделала все, что только было в моих силах. Не жалела ни слов, ни *очень конкретных* действий, лишь бы убедить Эмерсона в своей вечной и неизменной преданности. И что же? Слова любимый оценил, действия — тем более... а гнусные подозрения ни в какую не желали сдаваться! Я уж начала терять терпение. Как долго, скажите на милость, мог продолжаться этот кошмар? И главное — надолго ли еще меня хватит? Пусть красноречие не слишком утомительно, но мои *очень конкретные* действия уже начинали сказываться на нас обоих. Да так основательно, что даже Рамсес, подметив черноту вокруг глаз Эмерсона, заинтересовался причиной папочкиной бессонницы.

Но подобным житейским мелочам не сбить с пути Амелию Пибоди. По зову долга и любви я упорно шла к цели, пока благоверный, окончательно выбившись из сил, не заявил, что мои методы сработали, убеждение подействовало и он верит мне безоговорочно. Кстати пришлась и находка каменной плиты с выбитым на ней именем хозяина Ломаной пирамиды. Это открытие до некоторой степени оправдало профессора в собственных глазах, поставив в конце экспедиции не жалкое многоточие, а триумфальный восклицательный знак. Увы, увy... Эмерсон мог обманывать коллег-археологов и любопытствующую публику, но я-то знала, что его неукротимое честолюбие задето и он по-прежнему изнывает от беспросветной тоски. Не стыжусь признаться в минутной слабости — я не сдержала вздоха облегчения, когда все вещи были собраны и мы распрощались (очень тепло, но, надеюсь, не навечно) с песчаными холмами Дахшура.

Любая женщина поймет мою радость при виде номера в одной из шикарнейших гостиниц Каира, «Шепард-отеле», где меня ждала *настоящая* ванна — с горячей водой, душистым мылом и громадными пушистыми полотенцами; где не было недостатка в услугах цирюльников и прачек; где свежие газеты появлялись на подносе

вместе с чаем... Да что там говорить. За время экспедиции я успела отвыкнуть не только от всех благ цивилизации, но и от приличного общества.

Через полторы недели из Порт-Саида отходил почтовый паром, на котором мы заказали места. Разумеется, пароходом до Марселя вышло бы быстрее, зато оттуда до Лондона через Париж и Булонь — путь просто немыслимый, особенно для пассажиров с тяжелой кладью. Путешествие нас ожидало хоть и комфортабельное, но довольно долгое, а потому я и настояла на нескольких днях блаженного ничегонеделания. Вряд ли найдется женщина, способная сравниться со мной в таланте устраивать сносный быт в палатке, полуразрушенной гробнице или древнем монастыре, где из жильцов остались одни привидения, но даже я не стану отказываться от удобств, если уж они под рукой. Эмерсон из другого теста. Палатка для него — что дом родной. Без горячей воды он спокойно обходится, а приличное общество так и вовсе презирает. Мою настоятельную просьбу отдохнуть в Каире он встретил в штыки, но под натиском разумных доводов, стиснув зубы, все же смирился.

В «Шепард-отеле» я немедленно плюхнулась в ванну и уж наплескалась вволю, наслаждаясь редкой передышкой от материнских забот. Рамсес исчез в неизвестном направлении под недремлющим оком Абдуллы, добродушного гиганта и неизменного помощника Эмерсона в египетских экспедициях. Королева кошачьего племени Бастет, не любительница долгих разлук с нашим сыном, на этот раз наотрез отказалась сопровождать искателей приключений, подтвердив тем самым сомнительность их экскурсии. Ну да ладно. На Абдуллу можно положиться. Уверена, в обещанное время юный экспериментатор возникнет на пороге по уши в грязи и по горло напичканный всякой несъедобной дрянью, от которой стошнило бы кого угодно, только не Рамсеса с его железным желудком. С сынулей позже разберемся. Пока же его отсутствие могло только радовать.

Бастет, устроившись на краю ванны, сверлила меня немигающим желтым взором. Обычай людей погружаться в воду, чтобы навести на себя чистоту, кажется ей совершенно диким.

Дахшур не так уж далеко от Каира, но раскопки на несколько недель оторвали нас от столицы. За это время в номере скопилась порядочная стопка нечитаной корреспонденции, за которую первым

делом и ухватился Эмерсон. Чтобы не терять времени даром, я оставила дверь в ванную открытой.

— Читай вслух, дорогой!

Приятно было получить весточку от Уолтера, младшего брата Эмерсона, и его жены Эвелины, моей ближайшей и любимой подруги.

— У них все в порядке, — подал голос Эмерсон. — У наших многочисленных племянников тоже. Поздравляют нас с окончанием сезона и ждут не дождутся встречи.

Проглядев остальные письма, Эмерсон счел их недостойными моего внимания, отбросил в сторону и взялся за газеты двух-трехнедельной давности. Я же мокла в благоухающей ванне и втихаря посмеивалась над оригинальным выбором моего благоверного. Статья об успехах британских войск в Судане... положим, это имело интерес, учитывая близость Судана к нашему обожаемому Египту. Но зачем мне, скажите на милость, реклама «деймлера», современного экипажа с его немыслимым двигателем внутреннего сгорания?! Впрочем, я не стала возражать даже против подробного описания устройства ультрамодного ватерклозета. Сочный баритон Эмерсона убаюкивал, а язвительные комментарии насчет «нынешних удобств, от которых одно неудобство», придавали новостям особую пикантность. Из блаженной дремы меня внезапно вырвал львиный рык. Сразу оговорюсь — знаковый рык, поскольку издал его, само собой, мой ненаглядный.

— Что за несусветная чушь!!!

Все ясно. С «Таймс» покончено, и наступила очередь печати иного сорта, — скорее всего, скандальной лондонской «Дейли йелл», чьи «достоверные сведения» чаще всего вызывают именно такую реакцию Эмерсона.

— О чем ты, дорогой?

За яростным шелестом страниц последовал очередной вопль. Как видите, я оказалась права.

— Опять этот твой дружок О'Коннелл, чтоб ему!...

Дружок?! Гм-м... Сильно сказано, но возражений Эмерсон все равно не принял бы. В последние годы жизнь не часто сталкивала нас с мистером О'Коннеллом, но было время, когда мы бок о бок работали над загадочной смертью лорда Баскервиля и я, признаться, даже привязалась к веснушчатому пройдохе-ирландцу с огненной

шевелюрой. Репортер он, конечно, настырный, чтобы не сказать нахальный, однако в тяжелую минуту сумел доказать свою верность истинным друзьям. Да и «неистового профессора», как окрестили журналисты Эмерсона, выносил со стоическим терпением. Достаточно вспомнить безобразную выходку Эмерсона в «Шепард-отеле», когда он спустил ирландца с лестницы (в прямом смысле, заметьте)! О'Коннелл и не пикнул. Отряхнул штаны — и вперед, в погоню за сенсацией!

— Не тяни, Эмерсон. Чем тебе на этот раз не угодил мистер О'Коннелл?

— Мошенник взялся за старое, Пибоди. Снова заколдованные мумии, будь они прокляты! Снова проклятия фараонов, будь они прок... неладны!

— В самом деле? — Вскинув голову, я ненароком обдала пеной лапы Бастет. Потомок египетской богини зашипел, выгнул спину и воинственно сузил янтарные глаза. — Извиняюсь.

— За что, собственно? — рявкнул Эмерсон.

— Это я не тебе, а Бастет. Ну же, Эмерсон, читай!

— Незачем.

— Прошу прощения?...

— Нет, это я прошу прощения, Амелия. — От ледяной учтивости мужниного тона я едва не превратилась в айсберг. — Низжайше прошу прощения, но читать статью *вслух* не буду. Скорее уничтожу... Точно! Уничтожу к чертям и эту газету, и все остальные, где есть хоть намек на идиотскую историю О'Коннелла. Уж и не знаю почему, но подобного рода бессмыслицы даже на такую разумную женщину действуют...

— Разумную? Я не ослышалась, Эмерсон?! Ты действительно сказал — *разумную*?

Ответ — если, конечно, Эмерсон вообще соизволил ответить — заглушили не слишком приятные для моего слуха звуки: любимый превращал экземпляры «Дейли йелл» в содержимое мусорной корзины. Пришлось дожидаться, когда минует первый шквальный порыв торнадо.

— Успокойся, Эмерсон. Сам посуди — не можешь же ты уничтожить все до единой газеты в Каире! Да и мое любопытство, если уж на то пошло, ты этим только разжигаешь.

«Неистовый профессор» по обыкновению принялся бурчать себе под нос. Навострив уши, я уловила что-то вроде «гиблое дело»... «упряма как черт»... «так и знал, так и знал»... «столько лет»... Пусть себе бурчит на здоровье. Годы замужества многому меня научили, в том числе и тому, что пять минут молчания гораздо эффективнее многочасовых препирательств. Признав силу моих безмолвных аргументов, Эмерсон подал голос. Сарказма в нем было, нужно сказать, хоть отбавляй.

— Яркий пример древнего проклятия. Царская мумия вновь наносит удар: весьма знатная дама, чье имя у всех на слуху, в прошлый вторник растянула ногу, поскользнувшись на огрызке яблока...

— Ладно, ладно, Эмерсон, — со смешком оборвала я любимого. — Очень забавно. Считай, что я хохочу во все горло, и переходи к статье О'Коннелла.

— Боюсь, Амелия, мне таланта не хватит подражать литературному стилю твоего гениального приятеля. Я читаю оригинал.

Сарказма в голосе поубавилось, но теплоты больше не стало. Да и обращение... Настроенный благодушно, Эмерсон зовет меня Пибоди. Так повелось с первых дней наших бурных отношений в гробнице времен Среднего царства. Если я вдруг стала для него Амелией — значит, дело плохо. Само собой, мне подобное ребячество не к лицу. Никогда у меня не повернется язык произнести то жуткое имечко, которым его родители наградили своего первенца. Рэдклифф?! Фи! Как был мой ненаглядный для меня Эмерсоном, так Эмерсоном и останется.

Как бы там ни было, но историю, вызвавшую профессорский гнев, я все-таки услышала. Зловредная мумия, оказывается, обитала вовсе не в родном Египте, а в стенах прославленного Британского музея. Поврежденная лодыжка неведомой леди пусть останется на совести мистера О'Коннелла — иначе как плодом буйной ирландской фантазии это растяжение не назовешь. Однако суть происшествия не стала от этого менее печальной. Я бы даже сказала, роковой.

Как-то утром, заняв свой пост в египетском зале, охранник музея обнаружил перед одним из экспонатов бездыханное тело ночного сторожа Альберта Гора. Вне всяких сомнений, беднягу хватил удар; трагедия, конечно, но ничего из ряда вон. Случись этот прискорбный эпизод под витриной со средневековым манускриптом или, скажем,

неподалеку от какой-нибудь расписной глиняной вазы, и кончина сторожа осталась бы почти незамеченной. Разве что родные всплакнули бы, да друзья вздохнули с сожалением: редуют, мол, понемногу наши ряды... К несчастью, экспонат, рядом с которым дама в белом взмахнула своей гибельной косой, оказался футляром для мумии, причем с самой настоящей мумией внутри! Какой простор для фантазии! Мистеру О'Коннеллу было где развернуться, что он и сделал во всю свою безудержную ирландскую прыть. Да ему, если уж на то пошло, и карты в руки. В конце концов, после «дела Баскервиля» Кевин О'Коннелл может с полным правом называться экспертом по древним египетским проклятиям.

«АПОПЛЕКСИЧЕСКИЙ УДАР?! — гласил заголовок к первой статье. — НО ПОЧЕМУ???»

— Потому! — откомментировал Эмерсон. — Доживешь до седьмого десятка, как этот бедолага, — узнаешь.

«УЖАС НА ЛИЦЕ СТОРОЖА!!! — заходился в истерике Кевин. — ЧТО ВЫЗВАЛО СМЕРТЕЛЬНЫЙ СТРАХ?!!»

— Шальное воображение мистера О'Коннелла, — отвечивал профессор.

«СПОСОБЕН ЛИ СТРАХ УБИТЬ ЧЕЛОВЕКА?!!» — вопрошал Кевин.

— Белиберда, — поставил точку Эмерсон.

Злополучную мумию передал в дар Британскому музею некий щедрый любитель истории, пожелавший остаться неизвестным. Кевин, понятное дело, из кожи вон лез, чтобы вычислить анонимного благодетеля, и добился-таки своего. Открытие дотошного ирландца распалило интерес публики к этому, в общем-то, заурядному происшествию. И неудивительно. Ничто не вызывает такой повальный восторг британцев, как намек на участие членов королевской семьи в каком-нибудь скандалчике.

Я лично предпочитаю обходиться без громких имен даже на этих неофициальных страницах. Вдруг моими записками заинтересуются археологи, и что тогда? В придачу к научным фактам потомки получат ворох сплетен об оплоте британской монархии. Нет уж. Достаточно будет сказать, что наш аноним (назовем его граф Ливерпуль) приходился кровной родней весьма и весьма знатной *Леди*. Цитируя Эмерсона, добавлю, что бесчисленное количество прямых и побочных

потомков этой дамы скитаются по свету, то и дело попадая в неприятные истории.

Если Ливерпуль надеялся избавиться от пагубного влияния египетского сувенира, то со своим щедрым даром музею он слегка запоздал. Не прошло и двух недель, как графа на охоте настигла смерть от шальной пули.

— Поделом негодяю, — заметил Эмерсон, всегда разделявший мою неприязнь к кровавым забавам аристократии. — А мумия-то очень даже неглупа. Знает, куда прицелиться. Графову отпрыску, между прочим, тоже не удалось сбежать от проклятия. Юный дегенерат, говорят, гниет заживо. Великолепно! Лучше наказания не придумашь. Молодчина мумия!

— Заживо?... Ты о чем, Эмерсон?

— Приличные дамы подобных вопросов не задают, Пибоди. — Его баритон перекрыл хруст газетных страниц.

— Ах во-он оно что! А ты откуда узнал? Уверена, даже «Дейли йелл», самая бульварная из всех бульварных газет, не рискнула бы шокировать читателей названием такой болезни!

— Есть способы, Пибоди, есть способы. Журналисты умеют все сказать, не говоря ничего конкретного.

— По-твоему, выходит, все это проделки мумии? Несчастный случай на охоте с графом, неприлич... м-м... неприятность с его сыном и сердечный приступ ночного сторожа?

— Плюс несколько обмороков — слабонервные дамочки теряли сознание при виде египетского саркофага, — ехидно процедил Эмерсон, — да парочке медиумов явились гости с того света. Тьфу! Стоит ли винить легковерную публику, если этот ажиотаж подогревает сам почтеннейший хранитель восточных древностей!

— Ладно тебе, Эмерсон! Уоллис Бадж не может...

— Может, Пибоди. Уже смог! Мерзавец ни перед чем не остановится, только бы лишний разок покрасоваться перед пишущей братией. Одного понять не могу: как это ничтожество сумело добиться поста... *ДЬЯВОЛЬЩИНА!!!*

Никакими средствами печати, включая заглавные буквы, курсив и десяток восклицательных знаков, не передать мощь вопля. Уважительное прозвище «Отец Проклятий» Эмерсон заслужил среди египтян именно силой и сокрушительным смыслом ругательств, но в

этот раз Отец Проклятий, пожалуй, переплюнул самого себя. Я подскочила в ванне, и даже Бастет, привыкшая к громоподобному реву хозяина, с испугу рухнула в воду.

Следующую сцену в деталях лучше не описывать. Бастет не оценила мою помощь, встретив попытки спасти утопающего отчаянным сопротивлением. Мыльные волны плескали через край и заливали пол. Эмерсон кинулся на подмогу; Бастет вынырнула, взвилась в воздух и с истеричным воем рванула в комнату. Столкновение было неизбежно...

Когда в наступившей тишине из-за двери раздался испуганный писк коридорного, Эмерсон, сидя в луже на пороге ванной, издал такой протяжный вздох, что две пуговицы сорвались с рубашки и булькнули в лужу.

— Все в порядке, — хладнокровно заверил Эмерсон египтянина, обращая на меня взгляд, полный леденящей душу тревоги. — Она тебя поцарапала, Пибоди.

— Ничего страшного. Крови почти нет. Бастет не виновата.

— Разумеется. Это я во всем виноват, — бесстрастным тоном отозвался любимый.

— Ну что ты! Может, поднимешься?

— Нет.

Газету из рук он так и не выпустил. Очень медленно, с неспешностью, достойной гениального актера, профессор отклеивал одну мокрую страницу за другой, выискивая статью, которая стала причиной шторма и наводнения. Несчастливая жертва стихии Бастет, забравшись под кровать, безостановочно богохульствовала. (Спрашиваете, как я распознала в кошачьем монологе богохульство? Значит, у вас никогда не было кошки.) На меня же вновь нахлынули любовь и восхищение.

Ах, как несправедливы к Эмерсону те, кого он не осчастливил своей дружбой! Как они жестоки к этому удивительному человеку! Характер у него, конечно, взрывной, но ведь и отходчивый. Громы и молнии не длятся дольше пяти минут — и вот уже он снова спокоен и дружелюбен. А кто еще, скажите, смог бы сохранять почти королевское достоинство после стычки с обезумевшей мокрой кошкой? Бастет налетела на него со всего маху и свалила с ног, рубашка его промокла, на брюках расплывались пятна от мыльной

лужи, но Эмерсон и бровью не повел, словно устроился в шезлонге под жарким египетским солнцем.

— Ага, вот она! — вырвал меня из раздумий глубокий голос. — Огромная просьба, Амелия. Воздержись от комментариев, пока я не дочитаю до конца.

— Я вся внимание, дорогой.

— Итак... "Экстренное сообщение. Новые факты дают надежду на разгадку трагедии в Британском музее. Наш корреспондент из достоверных источников узнал о скором возвращении на берега туманного Альбиона прославленных ученых и детективов. Профессор Рэдклифф Эмерсон с супругой Амелией Пи-боди Эмерсон, о чьих подвигах не раз сообщала своим читателям наша газета...

Тут и святой не утерпел бы!

— Силы небесные! — выпалила я, поднимаясь в ванне во весь рост.

Поверх края мокрой газеты вспыхнул ослепительный синий огонь. *Этот* взгляд я знала слишком хорошо.

— Помилуй бог! Эмерсон!!! Ты же не думаешь, что я причастна к этому безобразию?! Сам посуди — даже если бы мне и захотелось разобраться с вредной мумией (да-да, знаю, знаю! Согласна! Мумия тут ни при чем!), то когда бы я успела связаться с мистером О'Коннеллом?! Газете-то наверняка не меньше месяца...

— Всего лишь две недели, — уточнил Эмерсон. Отшвырнув газету, он встал с пола, но взгляда от меня не отвел. Ярко-синее пламя разбушевалось вовсю.

— В чем дело? Ты мне не веришь?!

— Верю, Пибоди, верю. — Эмерсон стащил насквозь промокшие брюки и взялся за оставшиеся на рубашке пуговицы.

— Будь добр повесить брюки на стул! Я отдала всю нашу одежду в стирку. Неизвестно, когда ее... Ты что творишь?!

Влажная ткань рубашки не желала поддаваться. Одно движение широченных плеч — и проблема была решена. Пуговицы стрельнули во все стороны.

— Афродита... — хрипло прозвучало в ванной. — Афродита, рождающаяся из пены морской.

— Ха-ха-ха! Не смей меня, Эмерсон! Дай-ка полотенце...

В один прыжок любимый перемахнул ванную и стиснул меня в объятиях.

— Прекрати сейчас же! Окно! Окно открыто! Эмерсон! Среди бела дня! В любую минуту может появиться коридорный... Рамсес... Абдулла...

Напрасный труд. Ссылка на некий сборник арабской поэзии — вот и все, чего мне удалось добиться в ответ. Уверяю вас, ни одна, даже самая любящая английская супружеская пара не рискнет воспользоваться советами из этого сборника. Убедившись, что все разумные доводы тщетны, я... прекратила сопротивление. А что еще оставалось делать? Эмерсон как никто другой умеет убеждать. Еще через полчаса я уже готова была согласиться, что некоторые — не все, заметьте, лишь некоторые! — примеры из арабской книжки очень даже достойны подражания.

* * *

Расставание с Абдуллой и его несметной родней далось нам нелегко. С тяжелым сердцем прощались мы с нашими верными друзьями на каирском вокзале. Абдулла, правда, рвался проводить нас до Порт-Саида (за наш счет), но мне удалось его отговорить. Несмотря на седину, этот добродушный гигант силен, как немногие юноши, но уж больно склонен к драматическим представлениям. В минуты уныния Абдулла принимается стенать, жалуясь на беспощадную старость, близкую кончину и вечную разлуку с «Отцом Проклятий и Ситт Хахим». Чем дольше прощание, тем болезненнее. Болезненнее для нас с Эмерсоном, а не для самого Абдуллы, — как и все египтяне, тот обожает любые представления.

Благодаря моим усилиям последние наши минуты в Египте не были омрачены черной тоской Абдуллы. Все мужчины, не исключая и Эмерсона с Рамсесом, по местному обычаю устроились на корточках, и станция огласилась шутками, смехом, воспоминаниями о событиях прошедшего сезона. А когда подошло время отправления, наши верные друзья под пронзительный паровозный гудок на руках внесли нас в купе.

— Да сохранит тебя Аллах, Отец Проклятий! — многоголосым хором звучало вдогонку медленно двинувшемуся поезду. — Да будет благословение Всевышнего с тобой и твоей ученой женой, Ситт Хаким! Да пребудет всегда мир в ваших сердцах!

Ах, что это были за трогательные мгновения!

Признаться, морская часть путешествия меня слегка тревожила. Точнее, не столько само путешествие, сколько путешествующий без постоянного надзирателя Рамсес. Юноша, исполнявший эту нелегкую обязанность, вынужден был покинуть свой пост в силу сложившихся обстоятельств. Чтобы не утомлять вас подробностями, читатель, скажу лишь, что гувернера Рамсеса арестовали по обвинению в предумышленном убийстве, но нам удалось вытащить его из-за решетки. Прямо со скамьи подсудимых молодой человек вместе с невестой отправился в Англию. Еще одно юное чувство благодаря мне расцвело пышным цветом.

Однако как ни счастлива я была соединить два любящих сердца, отъезд мистера Фрейзера причинил нам массу неудобств. Видите ли, я не понаслышке знаю, какую серьезную угрозу для пассажиров, команды корабля и навигации в целом представляет Эмерсон-младший, оставленный без присмотра. О нервах родителей и говорить не стоит. Любящий папуля наотрез отказался разделить нашу каюту с сыном. Только поймите меня правильно, читатель! Эмерсон просто обожает Рамсеса, но... *"время от полуночи до восьми утра — не в счет"*. Вы наверняка узнали автора цитаты.

Редчайший случай. В кои-то веки Рамсес не доставил нам никаких хлопот. Вечерами все внимание малолетнего экспериментатора занимали попытки мумифицировать лягушек, а при свете дня (как ни прискорбно, но факт) это самое внимание переключалось на сборник арабской поэзии, который папуля, изнемогая от усталости после *арабских* опытов, однажды забыл сунуть под матрац. К несчастью (или к счастью — это уж как кто сочтет), интерес Рамсеса к *не совсем традиционной* поэзии обнаружился лишь при подходе к Лондону, поскольку наш сообразительный отпрыск всякий раз аккуратненько возвращал книгу на положенное место.

Едва устроившись на борту парома, я зарылась в свежую прессу. Свежую — это громко сказано, но все же газеты были значительно свежее тех, что ждали нас в каирском отеле. Обратите внимание на

мою предусмотрительность! Заполучив газеты, я первым делом вырезала все статьи по интересующему меня вопросу, и правильно сделала. К величайшему возмущению пассажиров, Эмерсон отправил все остальное за борт. Я же, прихватив вырезки, подыскала подходящий шезлонг (подальше от моего благоверного) и вникла наконец в дело зловерной мумии.

Как и следовало ожидать, комментарии Эмерсона в ванной можно было вовсе не принимать во внимание, как несерьезные и даже не соответствующие действительности. Справедливости ради замечу, что в этом не было его вины: только человек, способный читать между строк, добрался бы до сути искаженных, перевранных репортерами фактов.

Во-первых, сам роковой футляр для мумии, вызвавший ажиотаж в Британском музее и во всем Лондоне, египтолог назвал бы точнее — деревянным внутренним саркофагом. Спрашиваете, к чему такие подробности? Проще было бы отослать вас, читатель, к монументальному труду профессора Эмерсона «Эволюция способов погребения в Египте от додинастического периода до упадка Двадцать шестой династии...» и т.д. Одно название занимает полстраницы. Однако будем смотреть на вещи трезво. Даже самые любознательные из вас вряд ли променяют роман на историческую монографию, а потому я позволю себе краткое отступление.

Самые ранние из египетских саркофагов представляли из себя грубые деревянные коробки — чаще квадратные, чем продолговатые, поскольку своих усопших египтяне хоронили в позе младенца в утробе матери. Гораздо позже на внутренней и внешней поверхности саркофагов появились резные или рисованные узоры — магические и религиозные символы. Во времена Среднего царства загробное ложе египтянина изменило форму, стало более вытянутым, и в одном саркофаге хоронили только самых бедных. Сколько-нибудь значительный член общества мог рассчитывать на два саркофага, а уж знать находила успокоение в трех, каждый из которых вкладывался в чуть больший, точно китайские коробочки. Комплект из трех саркофагов нередко помещали еще и в каменный футляр. Теперь вы представляете, каких усилий стоило захоронение особы голубой крови. Вот до чего довела этих очаровательных, но наивных язычников страсть к сохранению плоти! С этой целью, кстати сказать, куда проще

было отдавать умерших на волю жаркого солнца, сухих ветров и горячих песков Египта.

В одной из газетных статей приводился рисунок, вырезанный на стенках злополучного саркофага. Доскональное знание трудов профессора Эмерсона позволило мне определить возраст мумии — вне всяких сомнений, период Девятнадцатой династии! Все признаки налицо — причудливый парик, скрещенные на груди руки и вязь иероглифов: "О Озирис, повелитель Базируса... и т.д. и т.п. *К милости вашей взывает Хенутмехит...*"

Итак, судя по отсутствию титулов, усопшая много веков назад дама (именно дама — хоть это-то мы теперь точно выяснили) при жизни не была ни принцессой, ни жрицей таинственного, зловещего культа. Так с какой же, спрашивается, стати мумия жены или сестры самого заурядного египетского жреца превратилась в орудие мщения?

За ответом, как сказал бы Эмерсон, нужно обращаться к неумемной фантазии репортеров. О'Коннелл оказался не единственным из этой братии, кто набросился на сенсацию, как шакал на падаль. Некий М. М. Минтон из «Морнинг миррор» буквально наступал нахальному ирландцу на пятки, а временами и обгонял. Мистеру Минтону первому пришла в голову гениальная идея порыскать вокруг владений Сент-Джонов, и — о счастье! — он сумел разыскать особу, прислуживавшую покойному лорду. Читатели Морнинг миррор", полагаю, были в восторге от интервью с бывшей прислугой, в котором она поведала, как вся тряслась, смахивая пыль с гроба". Если верить разговорчивой девице, то в особняке творились жуткие вещи: в отведенных для мумии покоях летали вазы и фарфоровые безделушки, а в полнолуние оттуда же неслись приглушенные стоны и вопли.

Чушь, конечно. Вздор и ерунда, как и связь между мумией и несчастным случаем в музее. Но для исследователя человеческой природы — а значит, и для меня — реакция публики на идиотскую историю гораздо любопытнее самой истории. Народ повалил в музей валом. Кто-то оставлял перед саркофагом цветы или жертвовал музею деньги на те же цели, кто-то забрасывал редакции воспоминаниями о происшествиях, случившихся где-то, с кем-то, когда-то, но «все было точь-в-точь как у нас». Скандально известный лондонский медиум изрекла нечто уж вовсе смехотворное. Ей, мол, явился дух принцессы (ой-ой-ой, так уж и принцессы!). Вскипая благородным гневом,

египетское привидение на чистом английском возвестило, что работники музея оскорбили честь стыдливой принцессы, выставив ее на всеобщее обозрение. (Прошу прощения, а честь здесь при чем? Мумии, возлежащей в наглухо закрытом гробу, да еще в оберточной ткани для сохранности, абсолютно нечего стыдиться. В отличие, кстати сказать, от многих дам, явившихся на нее поглазеть.) Далее привидение потребовало вернуть *себя* в склеп. Адрес склепа, хотя бы приблизительный, никому не известен, так что вздорное требование «принцессы» осталось без ответа. Впрочем, я сомневаюсь, чтобы даже такой идиот, как Уоллис Бадж, всерьез отнесся к просьбам с того света.

Самым курьезным из почитателей мумии оказался безумец в маскарадном костюме египетского жреца. Время от времени комичная фигура в леопардовой накидке загадочным образом появлялась у злосчастливого экспоната и так же таинственно исчезала. Репортеры терялись в догадках. На вопрос одного из них мистер Бадж со всей ответственностью заявил, что незнакомец никак не может быть свихнувшимся ученым-египтологом. "Этот самозванец появляется в парике, в то время как, по утверждению Геродота, жрецы всегда брили головы и *все остальные части тела*. (Курсив, заметьте, не мой. Очень надеюсь, что и не мистера Баджа тоже.)

Бадж, собственно, никогда напрямую не поддерживал дикие теории репортеров; более того, даже пытался их отрицать. Не буду судить строго. Быть может, и нет вины самого мистера Баджа в том, что его ответы на вопросы въедливых газетчиков не рассеивали мистику вокруг мумии. На то они и репортеры, чтобы задавать каверзные вопросы.

«Верно ли, что древние египтяне верили в силу проклятий, мистер Бадж?» — "Н-ну... да... конечно... это верно... Нам известны некоторые примеры... — И жрецы действительно обладали сверхъестественной силой, так ведь?" — «Трудно отрицать свидетельства Священного Писания. Во второй книге Ветхого Завета, Исходе, повествуется о том, как жрецы превращали свои жезлы в гадюк...»

— Кретин! — не выдержала я. Благообразный джентльмен, прикорнувший в соседнем шезлонге, вздрогнул и уставился на меня во все глаза.

В спешке (или нарочно, на него это похоже) Эмерсон забыл сообщить мне одну существенную деталь из жизни и смерти того самого ночного сторожа, с которого и началась вся эта околоегипетская заваруха. Альберт Гор, оказывается, был не только в летах, но еще имел немалое пристрастие к крепким напиткам (как, впрочем, и большинство наших сограждан, занимающих подобные посты). Его хобби, говорят, не мешало ему исполнять свои не слишком обременительные обязанности. Ночному сторожу положено несколько раз за дежурство обойти музей, а все остальное время он может в свое удовольствие почивать в каморке, примыкающей к парадному входу. Маловероятно, чтобы грабителю хватило безрассудства забраться в музей среди ночи: во-первых, здание надежно заперто; во-вторых, на центральных лондонских улицах полно констеблей. И наконец, в-третьих, продать что-либо из Британского музея весьма и весьма проблематично.

Скорее всего, Альберт Гор действительно умер от кровоизлияния в мозг. В конце концов, неумеренность в пище и особенно в питье как раз и приводит к подобным результатам. Ну а «выражение ужаса на лице погибшего» можно со спокойной душой отнести к излюбленному репортерскому приему. То бишь к преувеличению.

И все же, все же... Кое-что меня насторожило. Полы в египетском зале, если верить газетам, были усеяны осколками стекла, обрывками бумаги и... что самое непонятное... увядшими цветами...

Покончив с вырезками, я последовала примеру Эмерсона и покончила с ними в прямом смысле, выбросив за борт. Прав был «неистовый профессор». Чушь все это. Бред, не достойный внимания мыслящей личности.

Но эти увядшие цветы...

Глава 2

Ах, Темза, Темза!... Все такая же, как во времена Спенсера! По-прежнему «вдоль берегов зеленых незабудки расцветают», по-прежнему «к ночи фиалки прячут лица» и «девственные лилии благоухают».

Королевская Пристань была затянута пеленой дождя. Почему, интересно, Лондон всякий раз встречает нас дождем? На память пришли брызжущие синевой небеса Египта, и все же встреча с великим городом вдохновляла. Лондон! Центр Империи, средоточие интеллекта и искусств, царство свободы, родина истинного британского характера! Я обернулась к мужу:

— Мой дорогой Эмерсон! Не правда ли, как вдохновляет встреча с великим городом? Мы возвращаемся в центр Империи, средоточие интеллекта и искусств, царство...

— Прекрати городить... гм-м... говорить глупости, Пибоди, — прорычал Эмерсон. Проведя платком по моей щеке, он продемонстрировал черное пятно. — От смога деваться некуда.

Мы стояли у поручня, крепко держа за руки наше чадо. Разумеется, Рамсес не мог не внести свою лепту в родительскую беседу.

— Детальный анатомический анализ тел умерших лондонцев показывает, что проживание в этом городе ведет к различным заболеваниям легких, — сообщил он. — Однако не могу не обратить внимание на твою ошибку, папочка. Уверен, что мама выражала восхищение не внешними атрибутами столицы, а скорее...

— Успокойся, Рамсес, — привычно оборвала я тираду.

— Я прекрасно понял, что имела в виду твоя мама, — насупился Эмерсон. — Ты чему радуешься, Амелия? Я застряну в этом мерзком городе на добрых...

— Придется, дорогой, если хочешь закончить монографию до начала следующего археологического сезона. Учítывая, что издательство Оксфордского университета обещало выпустить книгу в прошлом году...

— Не зуди, Амелия!

Скосив глаза на сынулю, следующий взгляд (укоризненный) я послала его папочке.

— Ха-ха-ха! — Сиропная улыбочка Эмерсона предназначалась наострившему уши Рамсесу. — Шутка, сынок. Наша мама никогда не зудит. А если бы такое и случилось, сам понимаешь, истинный джентльмен не стал бы пенять на это даме.

— Ха-ха, — отозвался Рамсес.

— М-да... — продолжил Эмерсон. — С чего бы это, Амелия, тебе скакать от радости при виде этого людского муравейника? Уж не задумала ли ты...

Не в моих интересах было позволить ему закончить фразу. Выкручивайся потом...

— Боже правый! На кого мы все похожи! Ну и нос у тебя, Рамсес... будто ты им землю рыл! Дай-ка вытру. Так-то лучше! А где Бастет?

— В каюте; где же еще, — процедил Эмерсон. — У этого создания хватает ума не высовывать *свой* нос наружу.

— Отлично. Пора, пожалуй, и нам вернуться. Самое время закончить сборы. Рамсес, ошейник у тебя? Не забудь надеть на Бастет, другой конец застежки на руке и ни в коем случае не... — Напрасный труд. Извернувшись ужом, Рамсес скрылся из виду.

Нависшие над городом тучи были все так же черны, но даже их свинцовая тяжесть не могла омрачить радость встречи с дорогими людьми. С пристани нам уже махали чета младших Эмерсонов — Уолтер и Эвелина, наша преданная служанка Роза и верный лакей Джон. Эвелина, милая Эвелина, дорогая подруга и сестричка, особенно тронула мое сердце. Лондон она всегда ненавидела; ее прелестная золотоволосая фигурка казалась такой жалостно хрупкой на фоне угрюмо-серых доков.

Эмерсон, без сомнения, со мной согласился. В душе. Жаль только, что, высказанная вслух, мысль его прозвучала грубовато. Ухмыльнувшись брату, он перевел взгляд на невестку и подозрительно прищурился:

— Да она опять беременна?! Ей-богу, Пибоди, это уж чересчур. Просто выше моего понимания. Какого черта они...

— Ш-ш-ш! — Незаметно, но ощутимо я ткнула Эмерсона ручкой зонтика в бок.

Папуля скосил глаза на свое любознательное дитяtko. Эмерсон так до конца и не пришел в себя после прошлогодней дискуссии с Рамсесом на тему, которую английские джентльмены обычно не поднимают лет эдак до двадцати пяти — тридцати.

Рамсес согнулся под тяжестью Бастет, пристроившейся у него на плече, но неудобство позы никогда не останавливало нашего отпрыска, если была возможность порассуждать.

— Я намереваюсь задать тете Эвелине вопрос по этому поводу, — глубокомысленно прозвучало откуда-то из-под кошки. — Та информация, которую я почерпнул от тебя, папочка, недостаточно исчерпывающа. Изложенные тобой факты не объясняют, зачем разумная личность ставит себя в неестественное положение. Неестественное — это в лучшем случае. В худшем же...

— Успокойся, Рамсес! — побагровел Эмерсон. — Я запретил тебе...

— С подобными вопросами ты к тете Эвелине и близко не подойдешь, понял?! — выпалила я.

Ни слова в ответ. Из чего следовало, что Рамсес обдумывает обходной маневр. В том, что он найдет способ провести родителей, сомневаться не приходилось.

Благодаря внушительной фигуре, бесцеремонным манерам и громовому голосу Эмерсона по трапу мы сошли одними из первых. Не теряя ни секунды, я полетела к Эвелине, но вместо дорогих объятий меня встретил потный капкан чьих-то гигантских ручищ! Громадина в черном плаще-накидке и блестящем цилиндре с жаром притиснула меня к животу необъятных размеров и... неслыханная наглость!... прошлась колючим поцелуем по моему лбу!!! Вывернувшись из хамской хватки, я взмахнула своим незаменимым зонтиком, как вдруг наглец завопил неожиданно тонким для такой туши голосом:

— Сестричка моя дорогая!

Сестричка! Ничего не поделаешь, «сестричка» и есть.

Своего брата Джеймса я не видела несколько лет. Почему, спросите? Да потому, что не желала видеть и прикладывала титанические усилия, чтобы избегать встреч. Так что неудивительно, что он едва не познакомился с моим вечным спутником и орудием — зонтиком!

Стройным Джеймс никогда не был. Лет десять назад он весил раза в два больше нормального человека. Лет пять назад его можно было со спокойной совестью назвать тучным. Теперь же на ум приходили чудовищные определения: разжиревший, толстобрюхий, слоноподобный. Вислые усы не слишком украшали круглую и красную, как луна перед грозой, физиономию. Подбородок, вместо того чтобы плавно переходить в шею, складка за складкой опускался прямым на торс без малейшего признака талии. А когда он улыбался (как в момент «счастливой» встречи), черные крохотные глазки утопали в мясистых щеках.

— Какого черта ты тут делаешь, Джеймс?

Деликатная Эвелина закашлялась, в ужасе от моей беспардонности.

— То есть как? Приехал встретить тебя, дорогая сестричка, — проворковал Джеймс. — Мы так долго не виделись. Пора бы уж нам вспомнить о родственных узах и покончить с маленькими недоразумениями, что нас разлучили.

Тем временем Эмерсон, как следует встряхнув руку младшего брата (вы ведь знаете, читатель, что на публике джентльмен не может позволить себе большего), по-братски обнял изящные плечики Эвелины и пробасил:

— Это Джеймс, что ли? Дьявольщина, Пибоди! Как он растолстел! Вот вам и старый добрый английский ростбиф. Да плюс портвейн, мадера и кларет, а? Какого... гм... Что ему надо? Почему не уезжает?

— Говорит, что хотел поприветствовать нас на родине.

— Чушь, Пибоди. Держу пари, ему приспичило. Он появляется только в тех случаях, когда ему что-то от тебя нужно. Выясни — что, да побыстрее. И поехали домой.

Натужная улыбка Джеймса дрогнула, но каким-то чудом ей удалось удержаться на круглой физиономии.

— Ха-ха! Ха-ха! Рэдклифф, дорогой, твои шуточки... Клянусь честью, они любого... — Братец протянул руку.

Эмерсон обозрел ее с прищуром. Поджал губы. Ослабил. И наконец, одарил Джеймса рукопожатием, исторгшим из того писклявый стон.

— Слабак. — «Неистовый профессор» уронил безвольную руку шурина. — Поехали, Пибоди.

Не тут-то было. Слишком легко он захотел избавиться от Джеймса. Пока мы обменивались новостями, братец столбом торчал рядом, ухмыляясь, кивая и поддакивая невпопад.

Роза схватила Рамсеса в охапку (вместе с Бастет) и все никак не могла оторваться. Своих детей у нее нет; видимо, поэтому она боготворит «нашего мальчика», вечно потекает ему и по мере возможности покрывает его проказы. Роза зовется служанкой, но, по сути, на ней держится весь наш дом. Не помню случая, чтобы Роза отвергла какую-нибудь, даже самую грязную работу. В Лондон она приехала с единственной целью присмотреть за Рамсесом. Справиться с ним, конечно, не в ее силах, но... как говорит Эмерсон, справиться с Рамсесом не в силах никто.

Наш лакей Джон, бывавший с Эмерсоном на раскопках в Египте, немедленно забросал нас вопросами «о своих дружках Абдулле, Селиме и всех-всех-всех». Видели бы вы, читатель, с каким презрительным изумлением Джеймс следил за нашим дружеским общением. Разговаривать с прислугой, как с ровней!... Фи! Что за плебейские манеры! Ха-ха-ха! Джеймс еще в пленках был жутким снобом.

Заметив, как ежится бедняжка Эвелина, я поняла, что встреча затянулась. Джону предстояло прямо из порта вернуться в Кент с нашими вещами. Наш же путь лежал в лондонский дом младших Эмерсонов.

В одном экипаже места всем явно не хватало, поэтому Уолтер предложил разделиться:

— Дамы пусть воспользуются экипажем, ну а мы с братом найдем кеб и отправимся следом.

О *моем* брате речи не было, что не помешало Джеймсу присоединиться к мужской компании.

Рамсеса я решила взять с собой. В комплекте с Розой, разумеется, — после долгой разлуки никакие силы не заставили бы ее расстаться с мальчиком. Запрыгнув на сиденье, Рамсес с головой ушел в подробнейшее описание своих египетских подвигов. Повезло парню. Где бы он нашел более благодарного слушателя? Роза внимала ему молча, с улыбкой бессмысленного обожания на устах.

— Надолго в Лондон, дорогая? — Повернувшись к Эвелине, я еще разок обняла подругу. Мы так редко видимся и так надолго разлучаемся... но тем трогательнее наши встречи...

— Нет-нет! Хотели только встретиться с вами, дорогая моя Амелия, и пригласить на лето в Элсмир. Дети соскучились по Рамсесу, все спрашивают, когда приедет их братик.

— Так уж и спрашивают!

Прервав ученую речь, Рамсес одарил меня недвусмысленно долгим взглядом. На комментарии я ему времени не оставила.

— Видишь ли, дорогая... Эмерсон еще не определился с планами, но скорее всего нам придется задержаться в Лондоне. Нужно помочь ему дописать первый том «Истории Древнего Египта». Издатель торопит. Его можно понять, ведь Эмерсон обещал сдать рукопись еще в прошлом году. Да и отчет о последних раскопках тоже займет время...

— Уолтер так и сказал, — вздохнула Эвелина. — Поэтому мы решили не закрывать свой лондонский особняк. Там Рэдклиффу будет удобнее, чем в гостинице. Я только надеялась, что ты...

— О нет! Исключено! Без моей помощи ему не справиться. Благодарю за предложение, дорогая. Мне и самой приятнее было бы провести лето за городом, но я не брошу Эмерсона. Без моей поддержки и напоминаний он не закончит эту книгу и к следующему сезону.

— Да-да, конечно, — с легкой улыбкой кивнула моя прелестная подруга, — я все понимаю.

— Тетя Эвелина! — неожиданно встрял Рамсес. — Тетя Эвелина, мне крайне важно получить информацию по одному интересующему меня вопросу. Надеюсь, вы не сочтете мое вторжение в вашу беседу...

— Рамсес! Я категорически запретила тебе обсуждать эту тему.

— Да, мама. Но...

— Ты понял?

— Да, мама. Только...

— Ни под каким видом.

— Ну что ты, Амелия! — укоризненно шепнула Эвелина. — Пусть мальчик спросит. Разве он может обидеть?

Отреагировать на это наивное замечание я не успела. Почувствовав поддержку, Рамсес моментально воспользовался

выпавшим шансом.

— А дядя Джеймс живет у дяди Уолтера и тети Эвелины! — выпалил он.

— Рамсес, я тебе уже тысячу раз говорила... сколько можно повторять... *Что-о-о?!*

— Роза сказала, что он приехал с лакеем и с чемоданами и... остался. Я решил, мама, что тебе следует это знать. Обратив внимание на не слишком сердечный прием, который вы с папой...

— Ясно. Не стоит углубляться в детали, Рамсес. Я благодарна тебе за информацию и возможность обсудить ее без папы. Боюсь, эта новость радости ему не принесет.

— Прости, Амелия! — ломая руки, простонала Эвелина. — Я не виновата...

— Да как я могу винить тебя, дорогая?! И за что? За доброе сердце? Беспардонность — отличительная черта моего брата. Уверена, он и не подумал спросить позволения. Свалился как снег на голову, полагаясь на «кровные узы», такие же, кстати сказать, сомнительные, как и его братские чувства ко мне. Угадала? — Эвелина молча уронила голову. Роза, скорбно поджав губы, закивала как марионетка. — Вопрос в другом... Что у Джеймса на уме? Просто так он не приехал бы. Эмерсон прав — братцу определенно что-то от меня нужно.

— Не будь такой циничной, Амелия, — покачала головой Эвелина. — Мистер Пибоди открыл мне сердце. Он искренне сожалеет об отчуждении между вашими семьями и сгорает от желания возродить былую теплоту...

— Возродить?! Ха и еще раз ха! Да между мной и Джеймсом отродясь не было никакой теплоты. А уж между ним и Эмерсоном... Смех, да и только. Ладно, Джеймса я сама выпровожу, если только Эмерсон от него еще не избавился.

Эмерсон, как выяснилось, понятия не имел ни о планах, ни даже о вторжении Джеймса в гостеприимный дом Уолтера и Эвелины. Сомневаюсь, чтобы во время поездки профессор закрыл рот хоть на секунду и позволил вставить спутникам хоть одно слово. При виде выползающего из кеба Джеймса (пыхтел и кряхтел он при этом так, что и не описать) я, признаться, вздохнула с облегчением. Какой-

никакой, а брат все-таки. Эмерсон запросто мог вышвырнуть его по дороге на мостовую, а расхлебывать-то потом мне!

Легко спрыгнув вслед за Джеймсом со ступеньки кеба, Эмерсон схватил пухлую руку брата, стиснул как следует, отпустил побелевшие толстые пальцы — и решил, что с родственничком покончено.

— Вперед! — Эмерсон подхватил нас с Эвелиной под руки и зашагал по дорожке к парадному входу.

Но прежде чем он втоптал нас в дом, нечто весьма и весьма любопытное отвлекло меня от мыслей о кознях брата-ловкача.

Дождь к этому времени усилился, разогнав народ по домам, так что не заметить единственную открытую всем стихиям голову было трудно; тем более что голова эта на фоне серой пелены сияла всеми огненными оттенками. Владелец буйной ирландской шевелюры занял выжидательную позицию через дорогу от дома, у ограды парка. Поймав мой взгляд, он поднялся на мыски и принялся жестикулировать, точно обезумевший глухонемой. Вскинул руку, продемонстрировав четыре пальца, затем поднес к губам воображаемую чашку, ткнул пальцем в меня, влево, в небеса и снова влево. Прделав все эти манипуляции, рыжеволосая бестия пришлепнула кепку на макушку и была такова.

Джеймс от ленча отказался. Поразительная тактичность, которой я никак не ожидала от своего нахального брата! После семейной трапезы Эмерсон и Уолтер продолжили дискуссию на египетскую тему в библиотеке. Эвелину я уговорила прилечь (подозрения моего наблюдательного супруга насчет прибавления в этом чадолюбивом семействе подруга подтвердила, заливаясь горделивым румянцем). Без умолку болтающий Рамсес остался на попечении Розы.

Самое время обдумать странное, мягко говоря, поведение мистера Кевина О'Коннелла.

Почему, спрашивается, настырный репортер просто не оставил записку, вместо того чтобы гоняться за нами от порта до дома, а потом изображать из себя полоумного мима? Опасался реакции Эмерсона? Очень может быть... Признаться, впутывать своего благоверного в эту историю мне тоже не улыбалось... а вот перекинуться парой слов с мистером Ирландским Всезнайкой не мешало бы.

Пантомима в оригинальном исполнении Кевина могла означать только одно — приглашение на чай в четыре часа. Времени до четырех оставалось не так уж и много, а меня еще ждала целая кипа непрочитанной прессы.

Спустя полтора часа я расправилась с газетами, а заодно и с остатками дружеского снисхождения к репортерским выходкам мистера О'Коннелла. Нет, каков наглец! Мало ему было заявления о нашем страстном желании взяться «за дело мумии-убийцы», так на прошлой неделе он окончательно распоясался.

Подумать только, «мумия-убийца»! Курам на смех. Кевин О'Коннелл в своем репертуаре. Да никто и не вспомнил бы о смерти подвыпившего ночного сторожа и уж тем более не связал гибель графа Ливерпуля с мумией, если бы репортеры не продолжали раздувать сенсацию всеми мыслимыми, а по большей части немислимыми способами! Справедливости ради добавлю, что и публика внесла в это «дело» немалый вклад. Особенно постарался так называемый жрец в изъеденном молью леопардовом одеянии. Загадочная личность, то и дело возникая в египетском зале музея, падала ниц перед древним саркофагом и диким воем наводила ужас на остальных посетителей — не иначе как в попытке умиловить злобную мумию.

Острие своего журналистского пера предатель О'Коннелл направил на нас с Эмерсоном. О чем только не вспомнил въедливый писака! Не жалея красок, живописал наши прошлые подвиги, а уж портрет Эмерсона нарисовал такой, что мой ненаглядный, попадись ему на глаза эта статья, не остановился бы и перед смертоубийством. На страницах газет вновь всплыла прошлогодняя стычка профессора с почтенным хранителем. Подумаешь, было бы о чем говорить! Эмерсон помахал кулаком перед физиономией Баджа, только и всего! Бадж, между прочим, еще легко отделался. Его возмутительная статья в «Таймс» с критикой в адрес Эмерсона пестрела выражениями, которые джентльмен не вправе себе позволить.

Наш бедный мальчик и тот оказался втянутым в гнусные журналистские игры. Для достижения своих целей мистер О'Коннелл не погнушался использовать даже ребенка. Трудно представить себе что-либо более возмутительное, чем строки, посвященные Рамсесу. К чему, спрашивается, было описывать выходки «юного дарования» в Египте? Зачем делиться с читателями прозвищами вроде «демон в

детском обличье», которые наше чадо заработало у малообразованных и суеверных египтян? И наконец, совсем уж безобразным выглядело заявление ирландца о нерадивых родителях, подвергающих «неокрепший организм» ребенка опасностям нездорового климата Египта и антисанитарии археологических лагерей. Египет в сравнении с Лондоном — самый настоящий курорт; что же касается родительской «нерадивости», то, уверяю вас, лишь благодаря моим нечеловеческим усилиям Рамсес не погиб от змеиного яда, не был похоронен заживо в песках и не попался в лапы Геня Преступлений.

Теперь вы понимаете, читатель, в каком расположении духа я собиралась на встречу с вероломным ирландцем. Сказать, что в душе моей клокотало негодование, — значит ничего не сказать. Я была готова придушить негодника... или хотя бы взгреть его как следует зонтиком!

Мысль о зонте пришла очень кстати. Без этого незаменимого орудия — или оружия, если припечет, — я никуда не выхожу ни на Востоке, ни в Британии. Лондон — город, конечно, цивилизованный, но чем черт не шутит... На его улицах можно столкнуться с опасностью не меньшей, чем в пустынях Египта. В последнюю минуту я достала из комода еще один излюбленный предмет своего туалета. Эмерсон не устает глумиться над моим поясом, несмотря на то, что притороченные к нему приспособления зачастую спасали не только меня, но и самого мистера Скептика. Спички в непромокаемом коробке, фляжка питьевой воды, блокнот с карандашом, ножницы, нож — вот лишь немного из того, что составляет мой поясной арсенал, который может понадобиться в любую минуту и в любом государстве.

Из особняка мне удалось выскользнуть не замеченной ни одним из домочадцев, кроме дворецкого.

Гаргори был новеньким в штате прислуги, его наняли уже после нашего отъезда на раскопки. Среднего роста, щупленький, светловолосый юноша с бесхитростным лицом никак не вписывался в классический образ невозмутимого британского дворецкого. На пояс с позвякивающими причиндалами он уставился во все глаза, словно в жизни не видал ничего подобного. (Так оно, собственно, и было на самом деле.)

Сент-Джеймский парк разбит неподалеку от всегда людных Пэлл-Мэлл и Риджент-стрит, но в тот сумрачный весенний день он казался

пустынным, как леса в окрестностях города. Плотный туман, приглушая цоканье копыт и стук колес по бульжной мостовой, призрачной пеленой накрыл знаменитый пруд в центре парка.

Следуя бессловесным указаниям мистера О'Коннелла, я свернула на Йорк-стрит, а затем в первый же переулок налево. Оставалось только надеяться, что идиотская пантомима ирландца действительно означала дорогу к месту встречи. Черт его знает, какое заведение имел в виду Кевин — ресторан ли, кафе или просто чайную?

Четверть часа энергичной ходьбы — и я очутилась в квартале, не знавшем роскоши Сент-Джеймса. Обшарпанные, жмущиеся друг к другу дома неодобрительно тарасили черные глазницы окон на прохожих, чьи сумрачные лица, казалось, навечно застыли в угрюмых гримасах. Зонтиков в поле зрения не было; подняв свое орудие повыше, я упорно высматривала знакомую веснушчатую физиономию.

Физиономию еще невозможно было разглядеть, но рыжую шевелюру я заметила издалека. О'Коннелл загородил вход в полуподвальное помещение с облезлой вывеской. Пивная «Зеленый карлик» — только подумайте! «Зеленый карлик»! Вы *такое* когда-нибудь видели? При виде меня ирландец стащил с рыжих лохм кепку и принялся махать, ухмыляясь во весь рот.

Я сложила зонтик и остановилась рядом с О'Коннеллом под ржавым навесом.

— Ах, что за картинка! Отрада для глаз, и точка! Солнечный лучик среди ненастья! — зачирикал репортер, косясь на мой зонтик. — Признавайтесь, миссис Эмерсон, не отыскал ли профессор живой источник для вас, а? Ей-богу, вы хорошеете и расцветаете с каждым сезоном в Егип...

— Хватить молоть чепуху! — оборвала я эту страстную речь, недвусмысленно взмахнув зонтом. — Проживу без ваших лицемерных комплиментов, мистер Пустомеля. Имейте в виду, вы меня всерьез допекли.

— Лицемерных?! Боже упаси, мэм! Я же от всего сердца... Гм... Умоляю, используйте свое чудовище по назначению, чтобы мы не промокли, подыскивая приличное местечко, где можно поговорить!

— А здесь чем плохо? — Я кивнула на вход в подвальчик.

О'Коннелл выпучил глаза:

— Здесь?! Моя дорогая миссис Амелия, это заведение...

— ...для того и предназначено. Эмерсон, сколько я его ни уговаривала, так ни разу и не согласился показать мне какой-нибудь из местных пабов. Ну же, мистер О'Коннелл, вперед! Времени у меня в обрез, а сказать есть что!

— Угу, угу, — пробурчал О'Коннелл. — Шутки в сторону, и точка. Верно, миссис Эмерсон? — Он обреченно пожал плечами и вслед за мной переступил порог.

Преодолев три ведущие вниз щербатые ступеньки, мы оказались в тесном зале, где наше появление почему-то вызвало переполох. С чего бы это, спрашивается? Дамы в пивной не видели, что ли? Если уж на то пошло, за стойкой как раз стояла... с позволения сказать, дама. Упитанная девица довольно приятной наружности, которую портил лишь нарисованный на щеках ядовито-малиновый румянец.

Я двинулась к свободному столику, на ходу подозвав официантку. Бедняжка, по-видимому, была слегка не в себе. На мою просьбу принести чашку чая она ответила младенчески-бессмысленным взглядом.

— Видите ли, мэ... — промямлил О'Коннелл. — Боюсь...

— Ах да! В подобных заведениях подают исключительно спиртные напитки, так ведь? Что ж, отлично. Будьте любезны, виски с содовой, милочка.

— Два, — приказал О'Коннелл.

— И вот еще что, милочка, — по-матерински тепло добавила я. — Не считите за труд протереть стол. Он у вас грязноват. — У официантки отпала челюсть. Пришлось легонько подтолкнуть девицу кончиком зонтика. — Принимайтесь за дело. Время не ждет.

Когда зонтик оказался под стулом, О'Коннелл наконец вздохнул свободнее и подался ко мне, водрузив локти на стол:

— Вы задержались, миссис Эмерсон. Не сразу нашли дорогу? Были проблемы?

— Никаких проблем, успокойтесь, хотя ваши указания точно не отличались. Впрочем, будь они даже копией путеводителя по Лондону, я не стала бы утруждать себя этой прогулкой, если бы не желание взглянуть вам в глаза, мистер О'Коннелл. Я пришла сюда с единственной целью — услышать ваши извинения за все, что вы понаписали о нас в своей мерзкой газете.

— Помилуйте! — притворно ужаснулся рыжий пройдоха. — «Дейли йелл» всегда отзывается о вас и профессоре с величайшей почтительностью!

— Вы назвали меня никуда не годной матерью.

— Упаси боже! Вы ко мне несправедливы! «Миссис Эмерсон, — процитировал он, — ревностно относится к материнским обязанностям...»

— "...и тем более поразительно, что она не в силах оградить ребенка от участия в опаснейших похождениях". Ну? Возражения есть? — Мой взгляд, надеюсь, был достаточно суров. Взгляд мистера О'Коннелла сиял голубизной и чистотой ирландских озер. — Ладно... — смягчилась я. — Допустим, вы не так уж и погрешили против истины. Но какого... что вы себе думали, когда заявили о нашем с профессором желании распутать тайну «мумии-убийцы»?! Иначе как наглой ложью это не назовешь!

— Да разве ж я такое говорил, миссис Эмерсон, — заныл Кевин. — Вы преувеличиваете...

— Довольно препирательств. Я улизнула из дома без ведома мужа; не дай бог, он обнаружит пропажу... такой тарарам поднимет, небесам станет жарко!

— Ваша правда, — поежился О'Коннелл. — Меткое замечание, миссис Эмерсон.

Юная малиновощекая особа прошаркала к столику с подносом и мокрой тряпкой. Тряпка могла быть и почище, но за дело официантка взялась с таким жаром, что я воздержалась от нареканий, указав лишь на несколько упущенных ею пятен. Кевин схватил свой бокал прямо с подноса и тут же осушил до дна.

— Повторите! — без промедления приказал он.

— Какое славное платьице, милочка. — Прежде чем упрекать, даже более чем снисходительно, нужно сначала похвалить. Это азы педагогики, читатель. — И вам очень идет. Вот только грудь слишком открыта, дорогая. Так недолго и простудиться. Нет ли у вас шали потеплее? Или хотя бы шарфика?

Девушка тупо замотала головой.

— Вот, возьмите мой. — Шарф у меня отменный, из плотной, долговечной шерсти. — Оберните два раза вокруг шеи... концы

заправьте внутрь... Так-то лучше. А теперь принесите джентльмену его виски. Что с вами, Кевин?

Уронив голову и спрятав лицо в ладонях, О'Коннелл содрогался всем телом.

— Вам плохо? Продрогли на улице?

— Нет-нет, все в порядке, благодарю вас, — заверил ирландец, поднимая наконец голову. Лицо у него, однако, сравнялось цветом с шевелюрой, а губы ходили ходуном.

— Уверены? Рада за вас. Итак, на чем мы остановились?

— Понятия не имею, — тряхнул головой О'Коннелл. — И что это со мной? Общение с вами как-то странно на меня действует.

— В этом вы не одиноки. Мало кому удастся следить за ходом моих мыслей. Но ваша профессия, юноша, требует быстроты реакции, гибкости ума, а в особенности — предельной концентрации. Настоятельно вам рекомендую учиться сосредоточиваться, друг мой. Мы остановились на вашем беспочвенном заявлении, будто бы профессор Эмерсон и я согласились заняться делом «мумии-убийцы».

— Не совсем так! Я всего лишь выразил надежду, что вы согласитесь проконсультировать...

— Кого? Вас? «Дейли йелл» в вашем лице?

— Ах, об этом я могу только мечтать!!! — Доморощенный артист в припадке экстаза заколотил себя в грудь. — Мой босс заплатит любую сумму... э-э... любую *разумную* сумму за ваши с профессором консультации. Позвольте ли вы мне надеяться...

— Не позволю. Во-первых, связываться с газетой — особенно такой низкопробной, как «Дейли йелл», — ниже нашего достоинства. А во-вторых, о каких консультациях идет речь? Мы не частные детективы, мистер О'Коннелл. Мы серьезные, признанные в своей области ученые!

— Но ведь вы раскрыли убийство Баскервиля...

— Сравнение неуместно. В тот раз нас пригласили в качестве египтологов для завершения раскопок, начатых покойным лордом Баскервилем. Иными словами, мы занимались *своим* делом. И не наша вина, что за таинственной смертью лорда Баскервиля последовал целый ряд не менее загадочных и крайне опасных инцидентов. Дела же, как вы его именуете, «мумии-убийцы» вообще не существует.

Пшик! Басня для легковерных, выпорхнувшая из-под пера мистера Кевина О'Коннелла.

— Вы ко мне несправедливы, мадам, и точка! Не я начал первым. Снизойдите же к просьбе несчастного репортера! Позвольте объяснить...

— Не ерничайте, Кевин. Я для того и пришла, чтобы услышать ваши объяснения.

О'Коннелл в комичном отчаянии запустил пятерню в рыжие патлы.

— Ей-богу, миссис Эмерсон, автором идеи о мумии-убийце был не я, а... один мой коллега. Но первая же статья наделала столько шума, что мой босс пришел в ярость. Его можно понять, ведь по части сенсаций «Дейли йелл» всегда была в лидерах. Мне предложили расследовать это дело. Ну подумайте, миссис Эмерсон, мог ли я отказаться?! Ведь меня считают докой во всем, что касается Египта и древних проклятий. Что бы вы сделали на моем месте?

— Гм... В ваших рассуждениях есть резон, мистер О'Коннелл. А этот ваш коллега-соперник... не Мinton ли из «Морнинг миррор»? Помнится, я обнаружила подпись «М. М. Мinton» под несколькими статьями и удивилась, что такое достойное издание, как «Миррор», опустилось до дешевых сенсаций. Отдаю вам должное, Кевин, сказку вы сочинили трогательную, но факт остается фактом: знакомство со мной вы использовали самым непристойным образом.

— Помилуйте, миссис Эмерсон! У меня не было другого выхода! На кого ж мне и рассчитывать, как не на вас, — удивился бесстыжий щелкопер. — Знакомство... будет ли мне позволено употребить слово *дружба*?... м-м... понимаю, понимаю... *Знакомство* с вами и вашим выдающимся супругом — это единственное мое преимущество перед коллегами-конкурентами. Непосредственное участие в деле Баскервиля — вот что создало мне репутацию... да и вам тоже, дорогая миссис Эмерсон. Согласитесь, что без публикаций «Дейли йелл» вы не были бы так известны среди читающей лондонской публики. А сейчас ваши имена у всех на устах! Британия увлекается археологией и восхищается археологами! Прибавьте к несомненному профессионализму ваш тонкий вкус и неприятие условностей, ваш неповторимый детективный дар...

— Что касается «неповторимого детективного дара», — прервала я поток ирландского красноречия, — то он развился не по нашей воле. Поразительно, что мы с Эмерсоном всякий раз оказываемся в центре какого-нибудь расследования. Видимо, все дело в особом свойстве ума, в способности улавливать подоплеку преступления, которая, как правило, ускользает от личностей с традиционным мышлением.

— Именно так, миссис Эмерсон, именно так, — с жаром закивал О'Коннелл. — Теперь вы понимаете, почему я рассчитывал на вас и почему *был вынужден* упомянуть вас в своих статьях.

— Допустим, понимаю. Однако понять — не значит простить, мистер О'Коннелл. Вся эта шумиха должна немедленно прекратиться. Надеюсь, имя профессора Эмерсона и «его многоуважаемой, незаурядной супруги», как вы изволили выразиться, больше никогда не появится на страницах вашего бульварного листка.

— Но... Вы меня без ножа режете, миссис Эмерсон! — ужаснулся О'Коннелл. — Я рассчитывал хотя бы на интервью! Самое обычное интервью о ваших достижениях за последний сезон!

Взгляд прозрачно-голубых глаз был так открыт, так невинен, что любой другой, незнакомый с мистером Пройдохой человек тотчас согласился бы исполнить любую его просьбу. Ха! Не на ту попал!

— За дурочку меня принимаете, мистер О'Коннелл? Думаете, мы не читали ваших излияний по делу Фрейзера? Эмерсон, между прочим, бесновался несколько недель. Я даже начала тревожиться за его здоровье.

— Пардон! — округлил голубые глазищи О'Коннелл. — Эти «излияния» — не что иное, как точное повторение слов самой миссис Фрейзер.

По крайней мере в этом юный нахал был искренен. Энид Фрейзер, урожденная Дебенхэм, рассказала ему чистую правду, и не его вина, что профессор разъярился, прочитав излияния репортеришки (цитата из разгромной речи Эмерсона).

— Миссис Фрейзер вместе со всеми, кого вы спасли от бесчестия и даже смерти, поет вам хвалу, — продолжал О'Коннелл, не отводя от меня восторженного взгляда. — Разве можно ее винить? Это ведь такая редкость в нашем мире — чтобы отвага и доброта получили достойное признание! Вы — гордость британской нации, миссис Эмерсон!

— Что ж... Если вы так считаете...

— Разумеется! Вы рисковали собственной жизнью... да что там! Вы поставили на карту нечто более дорогое, чем сама жизнь! — разливался Кевин. — Трудно представить себе, как страдал профессор... что за ужасные минуты боли и отчаяния пришлось ему пережить... какой страх терзал его сердце... Вы человек несгибаемой воли и мужества, но все-таки женщина! Что, если бы вы дрогнули под натиском этого безумца?... Каковы были ваши чувства к нему, миссис Эмерсон?

Подумать только! А я-то кивала с идиотской улыбкой в ответ на каждое его слово! Когда смысл сказанного наконец до меня дошел, О'Коннелл содрогнулся от моего возмущенного вопля:

— Проклятье! Как вы смеете, Кевин! Что за грязные намеки!... Кто вам это наплел?! Вот погодите, доберусь я до Энид!...

— Да успокойтесь же, миссис Амелия, — заныл О'Коннелл. — Миссис Фрейзер ни в чем не виновата. Честное слово, она отрицала все, что невзначай... м-м... вырвалось у ее супруга. (Нам с вами встречались джентльмены и поумнее мистера Фрейзера, не так ли?) Какие только страшные кары она не сулила мне, если хоть слово просочится в прессу!

— Любая, даже самая страшная кара покажется вам отеческой взбучкой по сравнению с гневом Эмерсона, — пообещала я. — Только и позвольте себе один-единственный намек в газете, и...

Договаривать не было нужды. Кевин позеленел и как-то усох прямо на глазах.

— По-вашему, я этого не знаю, миссис Амелия? — с непритворным ужасом простонал он. — Да я так ценю вас, так почитаю, что никогда не стал бы подрывать ваш авторитет. К тому же босс сказал, что профессор запросто может подать на меня в суд и я окажусь за решеткой.

Вот оно что! Убедительный аргумент для мистера О'Коннелла. На его «преклонение» перед нашим авторитетом я бы, пожалуй, не рассчитывала... но угроза тюрьмы плюс страх перед Эмерсоном (в данном случае вполне обоснованный) надежно закроют репортеру рот.

— Отлично. — Отставив пустой бокал, я оглядела стол, но ничего хоть отдаленно напоминающего салфетку не обнаружила. — Все, мистер О'Коннелл, мое время истекло. Боюсь, Эмерсон уже всю

округу на ноги поднял. Я на свидание не напрашивалась, так что счет оплатите сами.

— Я провожу! — Кевин швырнул на стол пару монет.

После всех наших приключений в Египте прогулка по вечернему Лондону меня не пугает, но отказ джентльмену в такой просьбе выглядел бы неучтивым. Девушка с малиновыми щеками догнала нас у выхода и протянула шарф.

— Оставьте себе, милочка. У меня еще есть. Укутайтесь поплотнее.

Сопровождение Кевина оказалось кстати. По крайней мере, было на кого опереться. Мерзкая каша из грязи, воды и всякой скользкой гадости под ногами крайне затрудняла ходьбу. Призрачно-желтые пятна от газовых фонарей едва пробивались сквозь пелену тумана, размывая очертания редких прохожих.

— Согласитесь, Кевин, есть в этой картине некое мрачное очарование. Славный наш любимый Лондон! — Я не удержалась от умильного вздоха. — Приятно сознавать, что даже в своей зловещей и зловонной прелести он не уступает трущобам Каира.

В ответ О'Коннелл лишь крепче стиснул мой локоть и ускорил шаг.

После поворота, в том месте, где Йорк-стрит расширяется и образует овальную площадь, мой провожатый остановился.

— Отсюда вы уже и одна дойдете, миссис Амелия. Здесь с вами ничего не случится.

— Могли бы и не утруждать, мистер О'Коннелл. Я везде умею сама за себя постоять. Благодарю за угощение и за экскурсию в паб. Весьма и весьма любопытно. Приятно узнать что-то новое. Будьте здоровы и не забывайте об уговоре.

— Что вы, мэм! Никогда!

— Вы не имеете права ссылаться на меня в своих статьях.

— Понял, миссис Амелия. Если только... — поспешно добавил Кевин, — не произойдет что-нибудь из ряда вон и об этом не напечатают в других газетах. Я все-таки журналист, сами понимаете. Остаться в стороне от сенсации — значит предать свое призвание!

— Бог мой! Да вы как будто с Рамсесом сговорились! — Моему возмущению не было предела. — Ничего «из ряда вон» не случится, не надейтесь.

— Вы так думаете?... — Ирландец вдруг выпучил глаза, заалел всеми веснушками да как рывкнет: — Тысяча чертей!!! Я должен был догадаться, и точка! Ах ты, проныра! Змея подколотная!

— Да как вы смее... Кто?! Где?!

— Вон там! — Кевин ткнул пальцем через площадь. — Видите гигантский желтый зонт?

— Дождь идет, юноша, если вы не заметили. А в сырую погоду люди, как известно, нередко пользуются зонтами. Должна, однако, заметить, что знаменитый лондонский смог не дает возможности отличить желтый зонт от...

— Ой, только не нужно лекций, умоляю, миссис Амелия! *Этот* зонт не заметить невозможно. Он у меня как бельмо на глазу. Смотрите! У самого вашего дома, перед оградой! — рычал О'Коннелл. — У-у-у, кровосос! Так и вьется над добычей!

Вьется? Я бы не сказала. На самом деле ненавистный О'Коннеллу зонт тем и отличался от остальных, что не двигался с места. Мутный свет фонаря, падавший на ограду, не позволял рассмотреть саму «змею подколотную». Впрочем, даже не будь тумана, я бы вряд ли что разглядела. Желтый зонт и впрямь оказался гигантских размеров.

— Кто это? — Щурься не щурься, все равно ничего не видно.

— Минтон, кто же еще! Всюду свой нос сует! Зайдите-ка лучше с черного входа, миссис Амелия.

— Еще чего. Не стану я красться к себе домой, как ночной воришка. Бегите, бегите, мистер О'Коннелл. Не забудьте сразу же сменить носки и обувь, иначе простуда вам обеспечена. С вашим конкурентом я как-нибудь разберусь. Оставьте его в покое. Попомните мои слова, такое соперничество до добра не доведет.

— Но... миссис Амелия...

— Никаких «но»! Я найду управу на беспардонного репортера. Это мой конек, не забыли?

— Но...

Массивная парадная дверь особняка с треском распахнулась. На ступеньки легла дорожка яркого света, затем туда же выскочила длинная черная фигура.

— Пибоди-и! Ты где-е, Пибоди?! Проклятье!

Бедняга дворецкий, цепляясь за полу пиджака Эмерсона, пытался оттащить его от порога. Куда там! Целая армия дворецких не уняла бы

в этот момент любящего супруга. Позабыв про шляпу, пальто, шарф или хотя бы зонт, Эмерсон скатился с крыльца и ринулся к воротам. Задвижка взбунтовалась против яростного насилия, и он устроил целое представление, застряв по ту сторону ограды. Исступленный топот, железный лязг прутьев и дикий рев, казалось, в ключья разметали туман.

— Пибоди-и-и-и-и! Да где же ты-ы-ы, черт бы все побра-а-а-ал?!

— Прощайте, Кевин. — А О'Коннелла-то как ветром сдуло! Я обращалась к мелькнувшей вдалеке тени. — Уже иду, Эмерсон!

Напрасный труд. Вопли отчаявшегося супруга заглушали все остальные звуки в округе. Пока я пересекала площадь, желтый зонт пошел в атаку. Приняв нападение лоб в лоб (если не считать ограды), Эмерсон внезапно умолк. До меня донесся чужой высокий голос:

— Каково ваше мнение, профессор, по поводу?...

— Что ты себе думаешь, Эмерсон?! В такую погоду — и без шляпы!

Профессор изволил наконец обратить на меня внимание.

— Ах, вот ты где, Пибоди. Поразительная штука! Ты только взгляни... — После чего ухватился за громадный желтый зонт и крутанул его, точно колесо от египетской повозки. Нахальная личность, прицепленная к зонту неведомым мне способом, развернулась вместе со своим аксессуаром... и мне открылось ее лицо. Да-да, читатель, ее лицо! Репортер оказался *дамой!*

— Боже милостивый! Ну надо же! Я решила, что М. М. Минтон — это мужчина.

— Будьте уверены, я ничем не хуже, — прозвучал гневный ответ.

Прямо у меня перед носом зашелестели страницы репортерского блокнота. Чтобы зонт не мешал исполнению профессионального долга, журналистка прикрепила его к поясу. Манеры этой дамы оставляли желать лучшего, но ее изобретательность не могла не вызывать восхищения.

— Не считите за труд, миссис Эмерсон, ответить на вопросы, интересующие наших читателей. — Ну и энергия! Репортер в юбке без передышки снова ринулась в бой: — Во-первых, согласились ли вы вместе со Скотланд-Ярдом работать над делом об убийстве...

— Каким таким делом? Насколько мне известно, убийства вовсе...

— Амелия! — Столбняк профессора при виде женщины-репортера (больше как будто удивляться было нечему) длился недолго. Ухватив за руку, Эмерсон пытался протащить меня сквозь прутья ограды. — Не смей отвечать этой... этой *персоне!* — рявкнул он. — Ни слова, ни звука! Скажешь «да» или «нет», а эти шакалы... прошу прощения у юной дамы... насочиняют черт знает... *невесть что!* К тому же ты имеешь обыкновение распускать язык в самый неподходящий...

— Тысяча извинений, Эмерсон!!! Будь так добр, придержи *свой* язык. Позже поговорим. Наедине, если не возражаешь. Никакого интервью я давать не собиралась. Терпеть не могу, когда меня подстерегают и набрасываются на пороге собственного дома. Однако позволь заметить, что сквозь запертые ворота войти крайне затруднительно.

К концу своей возмущенной — но, согласитесь, справедливой — речи мне удалось протиснуться между Эмерсоном и журналисткой. Мисс (или миссис, бог ее знает) Минтон, спасаясь от спиц моего зонта, отступила. В прямом смысле, но не в переносном. От своих намерений настырная журналистка не отказалась.

— Наши читатели были бы рады узнать, миссис Эмерсон...

Только теперь я смогла как следует рассмотреть ненавистного конкурента Кевина О'Коннелла. Совсем юная девица. Моложе, чем мне показалось вначале. Не сказать чтобы хорошенькая... Черты лица резковаты для дамы; по-мужски упрямый подбородок, суровый взгляд из-под темных, непреклонно сдвинутых бровей. Шпильки и гребни, призванные сдерживать копну тяжелых волос, потерпев поражение, выпустили на волю массу влажных черных локонов.

Непрерывно чертыхаясь сквозь зубы, но все же довольно отчетливо, Эмерсон лязгал засовом и молотил по нему кулаком. М. М. Минтон приподнялась на цыпочки и замерла, как перед прыжком. Нисколько не сомневаюсь, что ей хватило бы наглости запрыгнуть вслед за нами не только в ворота, но и на крыльцо, если бы не одна неожиданность.

Я первой обратила внимание на совершенно невообразимую, просто-таки абсурдную картину. Мой изумленный возглас заставил журналистку оглянуться, а Эмерсона оторвать взгляд от строптивного

засова. Так мы и застыли тремя каменными идолами, глядя на чудовищное видение.

По ту сторону дороги размеренно-широкой поступью шествовал египетский жрец, облаченный в длинное белое платье и леопардовую накидку. Белесые хлопья тумана липли к развевающимся одеяниям, шлейфом тянулись по мостовой; в угольно-черных завитках парика вспыхивали блики от фонаря.

Видение ступило на тротуар и растворилось в серой дымке смога.

Глава 3

Репортерская реакция мисс Минтон оказалась что надо. С пронзительным воем взявшего след охотничьего пса журналистка ринулась в погоню за «жрецом» — только зонтик запрыгал из стороны в сторону!

Я шагнула следом, но не тут-то было. Железные пальцы мужа сомкнулись на моем плече и припечатали спиной к ограде.

— Предупреждаю, Пибоди... — прошипел Эмерсон. — Еще один шаг...

Избавив меня от окончания угрозы, засов наконец поддался его героическим усилиям. Мгновение спустя я уже летела на поводу у Эмерсона по дорожке к дому. Любимый хранил зловещее молчание. Благоразумие требовало того же и от меня, но я ни разу в жизни не поступалась принципами в угоду благоразумию!

— Эмерсон, стой!!! Отпусти сейчас же! Разве так можно?! Своей дочери в пример я бы эту юную особу не поставила, но она ведь так молода... сумасбродна... женщина, наконец!!! И ты бросишь даму одну в такой ситуации? Да мало ли с чем она столкнется, если, не дай бог, догонит этого безумца? Не могу поверить! Ты... Ты! Джентльмен из джентльменов!

Эмерсон замедлил бег.

— Э-э-э... М-м-м...

Разумное замечание, ничего не скажешь. Однако не последнее — в этом я была уверена. Эмерсон и сам не без греха, чего уж скрывать. Сумасбродство ему свойственно (как и большинству мужчин; женщинам эту черту приписывают незаслуженно), но все же он добрейшей души человек. Спасая меня от опасности в лице мисс Минтон, он просто забыл о своем долге джентльмена. Достаточно лишь напомнить — и...

— Обойдусь без советов, — пробурчал самый галантный из супругов. — Я собирался догнать ее, как только ты окажешься в доме. Уж извини, Пибоди, нет тебе доверия.

— А вдруг опоздаешь?! Откуда нам знать, что на уме у этого шута в леопардовой шкуре? Попав к нему в лапы, она...

Эмерсон замер на первой ступеньке крыльца. Развернувшись, по привычке встряхнул меня как следует.

— Не преувеличивай, Амелия. В Лондоне полным-полно оригинальных личностей. Им доставляет удовольствие расхаживать по улицам и по музеям в костюмах, которым место на маскараде. Полагаю, все дело в нездоровом климате. Несчастный безумец, которого следовало бы отправить в...

— Вот именно! И я о том же! Этого человека необходимо отправить в больницу. Некогда спорить, бежим спасать мисс...

— Напрасно беспокоишься, Амелия. — Облегченно выдохнув, Эмерсон повернул меня к ограде.

Похоже, наше участие в судьбе мисс Минтон запоздало. Пока мы пререкались, к журналистке присоединился очень высокий, худой джентльмен в длинном темном плаще и элегантной шелковой шляпе. Молодые люди явно спорили: два голоса — приглушенный баритон и гневный альт — слились в пламенном дуэте.

— Я могу чем-нибудь помочь, мисс... э-э?... — оглушительно заорал Эмерсон. — Или это ваш знакомый?

Журналистка отпихнула собеседника и помчалась к дому, шлепая по всем лужам подряд. Эмерсон, умница, предусмотрительно задвинул щеколду, так что дальше ворот девице ходу не было. Там она и застряла, повиснув на перекладине и глаза на нас сквозь прутья, словно узник из темницы.

— Прошу вас, профессор! Миссис Эмерсон... Коротенькое интервью, умоляю! Я отниму у вас всего пару минут, не боль...

— Проклятье! — взревел Эмерсон. — Для вас правил приличий не существует, юная леди? Мы хотели убедиться, что безрассудство не довело вас до беды, а в благодарность получаем...

— Ну-ну, Эмерсон, спокойно. Ты высказал свою точку зрения, а мисс Минтон, я уверена, ее уяснила.

— Вы совершенно правы, — прозвучало из-за спины журналистки. — Добрый вечер, миссис Эмерсон. Добрый вечер, профессор. — Молодой человек в длинном плаще остановился у ворот. Он был в очках, как я только теперь увидела; очки то и дело сползали с носа, и юноша упорно возвращал их на место. — Боюсь, вы меня не помните. Уилсон, к вашим услугам. Имел честь быть представленным вам в прошлом году в кабинете мистера Баджа.

— Разве? Что-то такое припоминаю. Смутно, — крикнул в ответ профессор. — Какого дьявола вы здесь...

— Эмерсон! Тебя на том конце парка слышно. Может, подойдем к воротам?

— Ни за что на свете, Пибоди, — отрезал дорогой супруг, сжимая пальцы на моем запястье, в чем вовсе не было нужды.

— Мы с мисс Минтон друзья, — напрягая голос, продолжал молодой Уилсон. — Не беспокойтесь о ней. Напрасно она вас потревожила. Я пытался убедить ее этого не делать, но...

— Как не стыдно! — заорал на всю округу профессор. — Безобразия! А еще ученый... Преследуете коллег...

— Он тут ни при чем! — потрясая зонтиком, вмешалась девица-репортер. — Мистер Уилсон сделал все возможное, чтобы меня отговорить. Разве что силой не удерживал!

— Угу, угу, — неожиданно весело отозвался Эмерсон. — Тогда все понятно. Чокнутый комедиант сбежал, судя по всему?

Журналистка промолчала, оскорбленно сдвинув брови. Ее спутник сконфузился.

— Извините, профессор, я никого не видел. Слишком густой туман...

— Послушай-ка, Эмерсон... — вставила я шепотом, — по-моему, сюда направляется констебль.

Профессора эта мелочь не остановила бы, но мистер Уилсон, краешком глаза заметив приближающуюся внушительную фигуру в глянцевого форменном плаще, что-то сдавленно пробормотал и потянул подружку от ворот. Эмерсон радостно помахал им вслед, поприветствовал недоумевающего констебля, и мы вошли наконец в дом.

Прихожая была полна народу. Похоже, все домочадцы стали свидетелями нашего дружелюбного общения с журналисткой.

Эвелина первой подбежала ко мне:

— Амелия, ты насквозь промокла! Нужно сразу же переодеться!

— Пожалуй. — Я вручила зонт и плащ дворецкому. — Надеюсь, к чаю мы не опоздали? Глоток крепкого горячего чая — вот то, что мне сейчас нужно.

— А глоток виски с содовой не лучше? — лукаво подмигнул мой деверь. Младший брат Эмерсона — милейший из мужчин; так весь и

искрится юмором.

— Нет, благо да... — Чуть было не сделала глупость. Визит в «Зеленый карлик» не мог не оставить *определенный* след. Наверняка от меня здорово пахнет третьесортным угощением О'Коннелла. Излюбленный ритуал общения перед ужином Эмерсон ни за что не пропустит, а значит, непременно унюхает витающий вокруг меня запах. Посыплются вопросы... подозрения... — Отличная идея, Уолтер! Возьму, пожалуй, рюмочку с собой. Виски, как известно, — радикальное средство от простуды.

В спальне мне удалось отхлебнуть пару глотков прежде, чем Эмерсон приступил к той самой излюбленной процедуре, о которой я только что упомянула.

— Ну погоди же, дорогой! Дай хоть сбросить мокрое платье. Да и тебе неплохо бы переодеться; рубашка превратилась...

— М-м-м... — ответил любимый. Ни на что более конкретное в данный момент он был просто не способен.

Ах, читатель! Уж сколько лет я замужем за этим удивительным человеком — и все не перестаю восхищаться его талантом делать несколько дел сразу. Талантом особенно выгодным, когда хочется *пообщаться* и переодеться одновременно.

Какая жалость! Звонок к чаю прервал это увлекательнейшее из занятий.

— Извини, дорогой. — Я сделала попытку высвободиться. — Нас ждут. Опаздывать неприлично. Начнутся сплетни...

— Ер-рундистика, — лениво пророкотал Эмерсон. — Уолтер и Эвелина слишком хорошо воспитаны, чтобы сплетничать. Они будут только рады за нас. В конце концов, моя дорогая Пибоди, мы супруги перед законом, Богом и людьми. Забыла? Позволь освежить твою память. Вот так... И еще вот так... И еще...

— О-о-о, Эмерсон... О-о!

Увы, увы. За дверью послышались шаги, потом негромкий стук.

— Дьявольщина! — Выпустив меня из объятий, Эмерсон метнулся в гардеробную.

На наше счастье, в спальню заглянула Роза, а не кто-нибудь из слуг, чуждых нетрадиционному укладу профессорской семьи. Роза давно усвоила незыблемое правило: прежде стучать, а потом уже входить к нам в комнату. Остается только добавить, что это был

нелегкий опыт (не столько для самой Розы, сколько для моего бедного мужа).

— Звонили к чаю, мэм, — прошелестел в чуть заметную щелочку смущенный голос.

— Спасибо, Роза. Мы слышали. Дайте нам десять минут и приходите помочь одеться.

Дверь закрылась. Эмерсон появился из гардеробной уже в брюках, но по-прежнему без рубашки. Боже, что за восхитительное зрелище! От одного вида этих сильных загорелых плеч мне захотелось чуда. Очутиться бы сейчас в нашем доме в Кенте... где повар не возражает против отсрочки ужина на час... или хоть на полчаса...

Как ни прискорбно, на этот раз отсрочка сыграла против меня. Эмерсон вспомнил свои недавние переживания, о чем, разумеется, тут же и сообщил.

— Ты почему исчезла, никого не предупредив? Как посмела выйти на улицу одна?

— Дело было срочное. — Главное в спорах с мужем (по крайней мере, с моим) — сохранять спокойствие и невозмутимый вид. — Твоя парадная сорочка висит на стуле.

— Ненавижу! — зарычал профессор. — Ненавижу переодеваться к ужину. С какой стати? Уолтер и Эвелина...

— Таковы традиции, дорогой. Не переживай. Вот вернемся в Кент — и всем мукам придет конец. Дома твоя неотесанность никому не в новинку.

— Жду не дождусь, — сообщил Эмерсон. — Мы и дня не пробыли в этом распроклятом городе, а за тобой уже гоняются лунатики в ночных сорочках. Какого дьявола ему было нужно? Как он вообще узнал наш адрес, черт побери? Ты по телеграфу сообщила?

— Шутка не удалась, Эмерсон. Если это, конечно, была шутка! Нами интересуются все британские газеты. Кроме того, в списке пассажиров были наши имена; любой желающий мог узнать время прибытия в паровой компании.

— Угу. Теперь понятно, откуда взялась эта дамочка. Ну и поразительная же штука, Пибоди!

— Ты о чем? Удивляешься, что женщина пошла в репортеры? Весьма необычно, согласна, но от этого не менее похвально.

Репортеров я терпеть не могу, сам знаешь, однако мне радостно видеть, что прекрасный пол в нашем обществе добивается...

— Я не об этом. Самое поразительное — это ее сходство...

— С кем?

— С тобой, моя дорогая Пибоди.

— Глупости. — Вытащив шпильки, я подошла к зеркалу. — Ничего общего.

— Ты уверена, что у тебя нет сестры?

— Абсолютно. Не смей меня, Эмерсон!

Возвращение служанки положило конец бессмысленной дискуссии. Эмерсон снова скрылся в гардеробной, откуда несло злобное бормотание все время, пока я с помощью Розы переодевалась и пыталась как-то сладить со своей непокорной гривой. Через четверть часа Эмерсон объявился при полном параде, если не считать вечно исчезающих запонки.

— Черт бы их побрал... прошу прощения, Роза... — Он протопал к трюмо. Мои туалетные принадлежности, само собой, полетели в разные стороны.

Роза обнаружила пропажу в верхнем ящике комода, где и положено находиться запонкам.

— Вы позволите, сэр?

— Что? Ах да. Благодарю. Роза, вы не обратили внимание на юную леди, что беседовала с нами у ворот?

— Нет, сэр. Мне без надобности глазеть в окно. Прислуге всегда есть чем заняться.

— Поразительное сходство с миссис Эмерсон. Просто поразительное. Ой!

Странное дело. Обычно наша Роза очень осторожна даже с моими шпильками, не говоря уж о запонках хозяина. Неужели она его уколола? Я оглянулась. Ого! Не просто случайно уколола! Горничная, похоже, подвергла профессора своеобразной пытке, защемив запонкой волосы на руке.

— В самом деле, сэр?

Ответ резкий и холодный. Еще одна странность. Роза прекрасно к нам относится и не прочь поболтать о том о сем, если есть время.

— А где Рамсес? — поинтересовалась я. — В прихожей его не было, а ведь он не из тех, кто пропустит представление.

Роза только поджала губы и фыркнула. Достаточно громко, чтобы подтвердить мое предположение. Эмерсон хмуро сдвинул брови:

— Рамсес в опале. Он останется у себя в комнате до тех пор, пока я не позволю ему выйти. Вам бы лучше вернуться к нему, Роза. Боюсь, он найдет способ... О-ой!

Еще бы не «ой»! Вставляя вторую запонку, Роза чуть не вывернула моему бедному мужу запястье.

— Слушаюсь, сэр! — тоном оскорбленной добродетели огрызнулась она, сделала поворот на сто восемьдесят градусов, точно полководец на параде, и строевым шагом промаршировала вон из комнаты.

— Ты обидел Розу.

— А она вечно за него заступается, — процедил Эмерсон. — Ты видела, Пибоди?! Видела, что она со мной сделала? Так вцепилась ногтями — чуть насквозь не пропорола!

— Не выдумывай. Это случайность. Наша Роза такого себе никогда бы не позволила. Расскажи лучше, что натворил Рамсес? За что ты его наказал?

— Вот, полюбуйся. — Эмерсон кивнул на письменный стол.

— Твоя «История Древнего Египта»? И что?

Зайдя в спальню, я заметила внушительную стопку бумаг и порадовалась явному прогрессу, но пролистать рукопись не было времени. Боже! Лучше бы мне этого не видеть! Первая страница поверх основного текста была густо исписана заметками и поправками. *Этот* почерк я отлично знала.

— Нет! Как он посмел!... Ну, в этом-то он прав... Четвертая династия ведет свое начало с...

— *Et tu, Brut! И ты, Пибоди!* — взвыл Эмерсон, театрально хватаясь за голову. — Горе мне, горе! Мало того, что я взрастил змееныша в собственном доме, так еще и пригрел змею на собственной груди!

— Только без сцен, Эмерсон, умоляю. Если Рамсес отважился подправить твой текст...

— Подправить?! Негодник его *переписал!* Изменил даты, подверг сомнению анализ исторических событий, даже мою версию принципов мумификации разбил в пух и прах!

— А язык? — Меня душил смех. — Ты забыл упомянуть о языке. Ей-богу, Эмерсон, с грамматикой у нашего сына сложились весьма странные отношения.

Кажется, я перестаралась. Глаза оскорбленного автора налились кровью, на шее вспухли жилы. Пришлось срочно исправлять положение.

— Ты прав, дорогой. Поступок Рамсеса заслуживает наказания. С ним нужно будет серьезно поговорить.

— И это, по-твоему, наказание?

— Ты... Ты же не бил его, нет?! Эмерсон!!!

Ледяной взгляд в ответ.

— Тебе, Амелия, прекрасно известна моя точка зрения на телесные наказания. За всю свою жизнь я не ударил ни ребенка, ни женщину. Ни разу. И не собираюсь. Но вынужден признать, что сегодня я был к этому близок как никогда.

Мой взгляд на телесные наказания, как и на многое другое, совпадает с точкой зрения мужа. Вот только аргументы у нас разные. Если Эмерсон отвергает побои из соображений морали, то я смотрю на жизнь практически. Попробовала бы я ударить Рамсеса — сама же и пострадала бы. Этот ребенок, кажется, весь состоит из локтей и коленок. К тому же он нечеловечески вынослив и терпит боль, как маленький спартанец.

Бедный мой, бедный Эмерсон! День и без того выдался не из самых приятных, а тут еще будь добр — терпи общество шурина. Джеймс, в вечернем костюме выглядевший просто-таки чудовищно толстым, из кожи вон лез, чтобы поддержать компанию. Услужливо и громогласно хохотал, стоило только Эмерсону открыть рот, даже если речь шла об отвратительной лондонской погоде. Меня же осыпал нескончаемыми комплиментами по поводу моего вкуса, внешнего вида и даже — представьте себе! — моих родительских талантов. Из комплиментов-то и начала вырисовываться истинная цель его визита, но мне идея показалась до того дикой, что захотелось встряхнуться, чтобы она исчезла как наваждение.

Ужин подошел к концу, а Джеймс так и не подобрался к сути дела. Он все ерзал в кресле, явно дожидаясь, когда дамы оставят мужчин одних, пока Эвелина по доброте душевной не сжалилась над гостем:

— Видите ли, мистер Пибоди, наша дорогая Амелия находит этот обычай изжившим себя и унижительным для женщин.

— Унижительным?! — Братец уставился на меня во все глаза.

Пришлось объяснить:

— Все сколько-нибудь значимые темы джентльмены, как известно, обсуждают за бутылочкой портвейна и сигарами. Я лично и сама против глотка портвейна не возражаю. Интеллекта мне, слава богу, хватит для любой беседы. Ну и наконец, я ничего не имею против запаха хороших сигар.

— А-а! — потрясенно выдавил Джеймс.

— После ужина мы обычно обращаемся к профессиональным вопросам. Если египтология тебя утомляет, Джеймс, задерживать не станем. Можешь удалиться в гостиную.

«Это уж слишком, дорогая», — прочитала я в широко распахнутых глазах подруги.

Братец предпочел обратить мое предложение (абсолютно серьезное предложение, уверяю вас, читатель) в шутку. Перегнувшись через стол, он со слащавой улыбкой похлопал меня по руке:

— Амелия, Амелия... Дорогая сестрица. Ты все такая же. Помнишь, как мы в детстве...

Какая незадача. У «дорогого братца» не осталось милых сердцу воспоминаний. Ну а у меня их и в помине не было. Потерпев фиаско, Джеймс зашел с другой стороны:

— Папочка всегда говорил, что из всей нашей оравы дочь у него самая толковая. Уолтер, мальчик мой, будь так любезен, передай портвейн. И он оказался прав. Достаточно вспомнить, как ты преуспела в жизни. Верно, сестрица?

«Преуспевание» у Джеймса может означать только одно — финансовую сторону.

— Благодарю за комплимент, но я тут ни при чем. Всеми вложениями занимается поверенный.

Эмерсон долго разглядывал родственника с гадливой гримасой патологоанатома, столкнувшегося с доселе ему неведомым и крайне неприятным органом. Затем передернул плечами, обернулся к Уолтеру и заговорил о выпуске Новой Британской энциклопедии. А Джеймсу, похоже, только того и нужно было.

Без устали накачиваясь портвейном, он продолжал «налаживать отношения» со мной.

— Вот бы и мне бог даровал твою мудрость, се-стриц-ца. Н-не моя вина... Расп-проклятые корабли... Пош-шли ко дну... Ск-колько товаров п-погибло...

— О чем речь, Джеймс? У тебя проблемы с деньгами? Ни пенни не дам, не надейся.

— Н-нет. Нет и нет. Н-не то чтобы трудности. Н-нет. Я справлюсь. — Приложив пухлый палец к носу, он попытался подмигнуть. — М-между нами. Большой секрет. Ген-ниальный план. Одно только...

— Ты понял, Джеймс? *Ни пенни!*

Братец обиженно заморгал:

— Денег не прошу, сестрица. Н-не возьму. Хочу обратиться к материнскому сер-рдцу. За деток прошу.

А вот это уже интересно.

— Каких деток?

— Моих. Каких же еще?

— Тебе лучше знать. Чтобы мистер Джеймс Пибоди проявил о ком-нибудь бескорыстную заботу?! Уж не настал ли конец света, братец? Да, но с какой стати твоим детям понадобилось чье-то участие? У них же, если не ошибаюсь, есть мать... Была, по крайней мере. Скажи на милость, куда девалась твоя... твоя...

Как же ее зовут, черт побери? Джеймс, впрочем, тоже не сразу вспомнил имя жены. Неудивительно. Эта особа из тех, о которых так и подмывает поскорее забыть, — кряжистая, рыхлая, с одутловатой физиономией, злобным безгубым ртом и интеллектом гусыни.

— Элиз-забет, — выудил наконец Джеймс из своего затуманенного сознания. — Зо-вут Лиз-забет. Бедняжка. Нервы. Так стр-радает. Доктор велел покой... н-на воды... в-все такое. Ник-каких детей. А я... Мне надо на Восток. В Индию. Ген-ниальный план. Вернусь богатым, сестрица. Оч-чень богатым! Теперь понимаешь? О милос-сти прошу. За м-моих осир-ротевших деток. Присмотришь за ними? Возьмешь к себе? Только на лето. Через три месяца Эмили... э-э... Лизабет вернется. Умоляю, Амелия. П-по старой п-памяти...

— Ты сам-то понимаешь, что говоришь, Джеймс? В жизни не слышала более нелепой просьбы! А как же занятия? Перси, должно

быть, ходит в школу?

— Н-на дому, сестрица. Н-никаких школ. Обойдется без уроков. З-зачем? Он джентльмен. Джентльмену учиться не обязательно.

— В точку, — хмыкнул Эмерсон.

Кого-кого, а мою мягкосердечную подругу братец уже уговорил. Эвелина — лучшая из подруг, читатель, но из-за своей неземной доброты беспомощна перед любым велеречивым негодяем. И совсем уж теряет рассудок, если дело касается детей, в которых она души не чаёт (лучшее тому доказательство — ее нежная привязанность к Рамсесу).

— О, Амелия! — со слезами умиления на глазах воскликнула Эвелина. — Ты ведь согласишься, правда? Иначе и быть не может! Бедные, бедные крошки...

Кровные узы и сестринская любовь требовали немедленного и безоговорочного согласия. Так почему же, спросите вы, мое молчание длилось так долго? Попытаюсь оправдаться перед вами, любезный читатель.

Человек я, как вы уже поняли, трезвомыслящий и разумный. С моей точки зрения, родство — это одно, а любовь — совсем, совсем другое. Кровными узами меня не привяжешь. Подумаешь, большое дело!

Природе вздумалось наградить Амелию Пибоди братцем вроде Джеймса? Неприятно, но ничего не попишешь. Я вынуждена мириться с этим досадным фактом биографии — и только! Ни о каких обязательствах не может быть и речи.

Любовь же, в отличие от кровных уз, с рождением не дается. Любовь нужно заслужить. За тех, кто завоевал мое сердце, я отдам и жизнь, и честь, и все материальные блага. Ни минуты не сомневаюсь, что и для меня близкие сделают то же самое.

Я никогда не была особенно дружна с братьями. Все они старше меня; Джеймсу, к примеру, исполнилось семь лет, когда родители произвели на свет дочь. Если остальные сестру попросту игнорировали, то Джеймс, вместо того чтобы стать моим защитником, как полагается в добропорядочных семьях, издевался надо мной в полную меру своих умственных и физических способностей. Воровал кукол и возвращал не иначе как за выкуп в виде тех крох, что мне выдавали на Рождество и день рождения. Стоило сбережениям

иссякнуть — и «заложницы» лишались рук, ног, а то и головы. А сколько пинков и подножек я заработала — и не счесть! Слезы и жалобы не помогали; взрослые лишь отмахивались или перекладывали вину на меня. Клянусь, тот день, когда Джеймса отправили в школу, стал счастливейшим днем моего детства!

Со временем братья обзавелись семьями, занялись карьерами, а меня оставили ухаживать за нашим папочкой. Милейший, но крайне рассеянный отец; бессердечные, а в лучшем случае безучастные братья. Стоит ли удивляться, что у меня сложилось крайне нелестное мнение о так называемой сильной половине человечества? И семья, и друзья семьи были единодушны в своем пренебрежении к *«типичной старой деве, у которой нет никаких шансов на замужество»*.

Мечь всегда сладка — утверждает старинная поговорка. Мечь недостойна христианина — возражает Священное Писание. Боюсь, в данном случае библейские пророки ошиблись. Ох и насладилась же я той сценой неистового буйства, которую мастерски отыграли братья после оглашения отцовского завещания! Узнав, что папочка отписал мне *все до последнего пенни*, Джеймс ринулся в суд — доказывать, что «бесстыжая дочь использовала в корыстных целях немощность и старческое слабоумие отца». Вечно буду признательна мистеру Флетчеру. Благодаря непревзойденному профессиональному таланту нашего поверенного (и моему собственному непревзойденному упорству) завещание осталось в силе, однако, как вы сами понимаете, нас с Джеймсом этот факт не сроднил.

Попытка сближения была — что правда, то правда. Старший братец изволил прибыть на мое венчание. Нужно было видеть его физиономию, когда падре, осенив нас с Эмерсоном крестом, тем самым заодно поставил крест на надеждах Джеймса прибрать к рукам папочкины денежки! Такую вселенскую скорбь, читатель, редко когда увидишь даже на похоронах.

С тех пор мы встретились лишь однажды — как раз на похоронах (прошу прощения за невольный каламбур) нашего брата Генри, которого свело в могилу несварение желудка. Его любящие невестки, правда, шептались, будто бы это несварение — дело рук безутешной вдовы. Не знаю, не знаю. Даже если и так, я лично ее оправдала бы.

Безрадостные воспоминания заняли гораздо меньше времени, чем потребовалось на их пересказ, и все же, очнувшись, я была встречена

гробовой тишиной и выжидающими взглядами четырех пар глаз, в том числе и пронзительно-синих, самых дорогих для меня. Но вот что странно. Эмерсон, конечно, слышал просьбу Джеймса, не мог не слышать... Почему же он хранит молчание? Почему с ходу не выдал братцу все, чего тот заслуживает? Почему его взгляд так непривычно бесстрастен?

Утопив в необъятной ладони бокал, Джеймс навалился грудью (или брюхом?) на стол. По багровым жирным щекам струился пот; от уголков бесформенного рта пролегли скорбные складки; физиономия сложилась в гримасу, которая должна была бы смягчить мое сердце, а на деле лишь вызвала отвращение.

— Дорогая моя, единственная сестрица!... — с пьяным надрывом взвыл Джеймс.

Фу! Я перевела взгляд на мужа. Какая потрясающая, какая божественная разница! По-мужски твердые, потрясающе очерченные губы и загорелые до черноты скулы; густые непокорные вихры, спадающие на гордый лоб; упрямый подбородок с очаровательной ямочкой (вмятиной, как утверждает сам Эмерсон, когда осмеливается упоминать об этом «вопиющем недостатке»).

— Мне нужно посоветоваться с мужем, Джеймс. Это слишком серьезный шаг, чтобы делать его без супружеского совета и согласия.

Эмерсон округлил глаза. Затем прищурился в тщетной попытке спрятать удивление.

— Ничего другого я от тебя и не ожидал, Пибоди. Все важные решения в нашей семье принято принимать сообща. Верно?

— Именно. Итак, Джеймс... сначала нам нужно обсудить твою просьбу. Результат ты узнаешь позже.

Братец намека не понял. Другой воспользовался бы моментом и удалился, но Джеймс упорно гнул свою линию. Разбросав руки в стороны — и уронив при этом бокал, — он обратил свои сомнительные чары на Эмерсона.

— Рэдклифф, др-ражайший брат... Молодч-чина. Глава семьи. Сестрица моя... Амелия что надо... Любит командовать... Ты скаж-жи... Скажи ей... Она женщина... мать... бедные детки...

— Боже правый! — не выдержал Эмерсон. — Не знаю, как ты, Пибоди, а я готов забрать хоть кучу детей, лишь бы избавить их от

этого непотребного субъекта. И как тебя угораздило обзавестись таким родственником?

* * *

С помощью двух дюжих лакеев нам удалось отправить Джеймса в постель. Он не слишком сопротивлялся. Не иначе как уловил, несмотря на баснословное количество угробленного портвейна, что победа на его стороне. Согласие Эмерсона — очень сильный аргумент для меня, а мольбы Эвелины смягчили бы даже каменное сердце. Словом, эти двое не оставили мне выбора. Откажись я — и Эвелина, боюсь, взяла бы детей Джеймса в придачу к своей троице. А в ее положении это не самый мудрый шаг.

Единственным, кто позволил себе сомнение, как ни странно, был Уолтер.

— Вам не кажется, что следовало бы подумать и о Рамсесе? — мягко поинтересовался он. — Мальчик не совсем... Его манеры... А вдруг он...

— Прекрати заикаться, Уолтер! — скомандовал старший брат. — Говори как есть, здесь все свои. Если ты считаешь, что наш сын — не совсем подходящая компания для благовоспитанных детей, то ты в чем-то прав. Если же надеешься, что мы отправимся к Рамсесу за советом, то сильно ошибаешься. Он и так распустился.

Пожав плечами, Уолтер улыбнулся и сменил тему. Я же вернулась к ней, едва мы с Эмерсоном переступили порог спальни.

— Послушай-ка, дорогой... Раз уж так сложилось, я готова взять детей, но не понимаю, почему ты пошел на поводу у Джеймса. Уж не связано ли это с последним художеством нашего сына? Дай слово, что ты не задумал отомстить Рамсесу за то, что он посмел отредактировать твою рукопись.

— Что за возмутительное обвинение! — вспыхнул Эмерсон. — В жизни не слыхивал ничего подобного! Чтобы я стал мстить ребенку? Своему мальчику?! Моему единственному наследнику, моей надежде, оплоту моей старости...

— Отлично. Так я и думала. Может, попрощаемся с ним?

— Он уже спит.

— Исключено.

Рамсес не спал. В комнате было темно, если не считать небольшого островка света от настольной лампы. Эвелина, нежная и заботливая мама, свято верит в пользу ночников. «Малыши так боятся темноты, моя дорогая Амелия!». Рамсес темноты не боится (хотелось бы мне знать, чего вообще боится этот ребенок), но против ночника не возражает. Только использует его не по назначению. Едва мы открыли дверь, как он опустил тяжеленный фолиант, который читал на сон грядущий, и сел на кровати.

— Добрый вечер, мамочка. Добрый вечер, папочка. Я испытывал опасение, что сегодня вас не увижу, поскольку вызвал у папочки справедливый гнев.

Счастливы признать, что это опасение оказалось ошибочным. Даже абсурдные теории мистера Баджа по вопросу мумифицирования, высказанные этим джентльменом в его последнем научном опусе, не смогли полностью отвлечь меня от угрызений...

— Не стоит читать при ночнике, Рамсес. — Присев на краешек кровати, я забрала книгу. — Глаза испортишь. Тебе давно пора спать. А еще лучше — подумать как следует над своим поведением. Папа не зря рассердился. Ты должен попросить у него прощения.

— Я уже извинился, мамочка. Не один раз. Но...

— Никаких «но», Рамсес.

— Просто я думал, что папочка будет рад помощи. Зная, насколько он занят и как торопит его издатель... и как ты, мамочка, постоянно напоминаешь папочке о необходимости закончить...

— Ничего себе! — Меня с кровати как ветром сдуло. Подумать только! Я жалела этого ребенка! В мягком свете ночника он казался таким маленьким, таким обыкновенным. Грустное личико в обрамлении черных кудряшек... по-детски недоуменно насупленные бровки... Да как он смеет обвинять в собственных фокусах *меня!* — Ну вот что. Будь добр признать свою вину, Рамсес, и пообещай больше никогда так не делать.

— Ты имеешь в виду, мамочка...

— Я имею в виду, что ты больше никогда не прикоснешься к папиной рукописи!

— Даже если возникнет необходимость спасти ее из огня? Даже если какая-нибудь из собак дяди Уолтера и тети Эвелины схватит...

— Довольно! — топнула я. Выходки Рамсеса, вынуждена признать, нередко доводят меня до бессильного иступления и заканчиваются таким вот ребяческим жестом с моей стороны. — Ты все отлично понял. Не смей дописывать папин труд, исправлять его или каким-либо образом изменять.

— А! — задумчиво протянул Рамсес. — Теперь, мамочка, когда ты выразилась достаточно определенно, я, вне всяких сомнений, исполню твоё требование.

— Очень хорошо. — Я шагнула к выходу.

— Мамочка! — раздался за спиной тоненький голосок. — Ты не поцелуешь меня на прощание?

Эмерсон застыл у двери олицетворением отцовской кручины. Поникие плечи, скорбно сложенные на груди руки и глаза долу.

— А разве ты не хочешь, чтобы и папочка тебя поцеловал, сынок?

— Трудно выразить словами, папочка, какую я испытал бы радость. Однако я посчитал подобную просьбу слишком дерзкой. Твой отказ, вызванный обидой — справедливой обидой, — умножил бы мои страдания. Мне следовало бы догадаться, что ты продемонстрируешь качество, свойственное всем благородным натурам. В соответствии с Кораном умение прощать...

Рамсес получил от мамочки желанный поцелуй. Должна честно признаться, что мною двигала не столько материнская любовь, сколько желание остановить нашего Цицерона. Эмерсон тоже склонился над кроватью, и папочкин поцелуй, уверяю вас, был ничуть не суше обычного.

Только выскочив из спальни, причем довольно поспешно, в страхе перед очередным монологом, я вспомнила о самом главном.

— Эмерсон! Ты же не рассказал ему о детях Джеймса!

— Утро вечера мудренее. Завтра и расскажем, — с довольным видом пророкотал Эмерсон. Блуждающую на его губах ухмылку я сразу раскусила. Папочка обожает своего гениального отпрыска, и любая размолвка огорчает его безмерно.

— Может, все-таки не стоит их брать? Ты не передумал, Эмерсон?

— Не передумал, Пибоди. Рамсес — славный мальчуган... хотел помочь, а я обошелся с ним... Только он немного... Ей-богу, он бывает таким странным! Может быть, слишком много времени проводит со

взрослыми? Думаю, ему не повредит пообщаться с нормальными детьми. Поиграть в крикет и... во что они там играют?

— А ты сам когда-нибудь играл в крикет, Эмерсон?

— Я?!! С ума сошла, Пибоди? Чтобы я... я!... гробил время на одно из самых бессмысленных, самых идиотских занятий, придуманных пустоголовыми индивидуумами? *Такое* у тебя в голове укладывается?!

Нет. *Такое* у меня в голове не укладывалось.

Глава 4

Надеюсь, вы не думаете, что невероятная просьба Джеймса заставила меня забыть о любопытных эпизодах этого дня и вечера, а особенно — о явлении маскарадного жреца. Поразмышлять же над этими событиями удалось лишь следующим утром.

Как правило, я просыпаюсь раньше Эмерсона. Случается, использую свободные полчаса, чтобы ответить на письма или написать статью в научный журнал; но чаще просто лежу себе тихонько, обдумывая дела предстоящего дня. Присутствие Эмерсона под боком мне несколько не мешает. Напротив, его ровное дыхание и тепло сильного тела успокаивают и напоминают о том, что я счастливейшая из женщин.

Если память мне не изменяет — дурацкое выражение; мне лично память никогда не изменяет, — тем утром я кое до чего додумалась.

Итак, главное, что мы имеем, — это «египетский жрец». Криминальной истории известен прием так называемого подражания. Преступник, если он неглуп и изобретателен, может использовать цепочку грабежей или убийств, вставив (образно выражаясь) в эту цепочку одно-единственное собственное звено, сходное со всеми остальными. Таким образом легче всего скрыть истинные мотивы, поскольку полиция сочтет *все* преступления делом рук одного злодея.

Допустим, второй маньяк, не придумав ничего нового, просто-напросто украл идею первого жреца (назовем его *подлинным*, как бы далеко от истины это ни было)... Маловероятно. Вчерашнее видение, уверена, было тем самым, что бродило по залам Британского музея. Возможно, «жрецу» и впрямь место в клинике для душевнобольных, однако в определенном интеллекте ему не откажешь. Как и любой другой житель Лондона, он запросто мог разузнать адрес наших родственников и возможное время приезда. Любопытство, вынудившее его появиться у нашего дома, вполне объяснимо. Благодаря нахальным заявлениям О'Коннелла и мисс Минтон весь город ждал, что мы начнем расследование дела мумии-убийцы". Лестно было бы сознавать, что моя скромная особа вызвала интерес настоящего маньяка, но... задирать нос не приходится, поскольку

убийства не получилось. Эмерсон был прав на все сто процентов. Ну а я... тоже была права. Я ведь ни секунды не сомневалась в том, что злобная мумия — не более чем плод репортерской фантазии. А жаль...

Как следует попереживать по этому поводу не удалось. Дверь скрипнула негромко, приоткрылась, и в спальню заглянула Роза.

— Ш-ш-ш! Не шумите! Профессор еще спит.

— Неужели, мэм? — почти не понижая голоса, отозвалась Роза. — Я пришла узнать, можно ли юному джентльмену выйти из комнаты.

— Не знаю. Наказал Рамсеса профессор; только он и может отменить наказание.

— Ясно, мэм. — Голос служанки взвился до уровня оперной арии. — Могу ли я спросить...

— Не сейчас. Вы разбудите профессора.

— Да, мэм. Прошу прощения, мэм. Благодарю вас, мэм. — Роза хлопнула дверью.

— Вот так всегда, — недовольно пробурчал Эмерсон. — Вечно она за него заступается. — Свернувшись калачиком, он натянул одеяло на голову.

Роза своего добила. Профессор проснулся, причем явно не в духе. Дольше валяться в постели не было смысла. Эмерсон не дал бы мне подумать, а уж о том, чтобы обсудить проблемы вдвоем, как это часто бывает при более счастливых обстоятельствах, и говорить нечего. Я молча поднялась, молча оделась, благоразумно не прибегая к помощи горничной, и спустилась в гостиную.

Нужно будет как можно быстрее увезти Эмерсона из Лондона... чтобы потом как можно быстрее вернуть его в Лондон. Египет, конечно, обитель моего сердца, и я прекрасно обустроиваю домашний очаг в любой относительно чистой гробнице, но и наше поместье в Кенте тоже очень люблю. Просторный кентский особняк (восемь спален, четыре гостиных, кабинет и прочие необходимые помещения), сложенный из розового кирпича, был построен во времена королевы Анны. Прилегающий к дому парк и фермерские угодья занимают почти двести пятьдесят акров. Купив поместье после рождения Рамсеса, мы переименовали его в Амарна-хаус — в память о месте нашего романтического знакомства — и прожили там безвыездно все время, пока Эмерсон преподавал в университете.

Но остаться в родных пенатах на все лето нам, к сожалению, никак не удастся. Лондон привяжет нас к себе... грязный, сырой, туманный Лондон ждет, когда профессор Эмерсон допишет книгу. Только осчастливив издательство университета, мы сможем вернуться к сочным краскам и сонному покою нашего *английского* дома.

Я почти закончила приготовления к отъезду, когда внизу наконец объявился профессор. В сопровождении Рамсеса. На лицах обоих Эмерсонов (даже на солидной от природы физиономии младшего) сияли лучезарные улыбки, из чего нетрудно было сделать вывод, что перемирие состоялось.

Однако о скорой встрече с кузенами Рамсес узнал не от папочки. Это радостное известие с болезненным родственным щипком в придачу наш сын получил от дяди Джеймса.

— Ну что, малыш? Разве это не прекрасно? — засюсюкал Джеймс. — Вот здорово будет побегать с ребяташками вроде тебя, верно я говорю? Перси у нас парень хоть куда. Уж он-то прибавит румянцу этим бледным щечкам и нарастит тебе мускулы...

Рамсес снес щипки и тряску со снисходительным терпением, которого я от него не ожидала.

— Позвольте поинтересоваться их возрастом и количеством, дядя Джеймс. Вынужден признать, что не часто приходилось о них вспоминать. Я не владею информацией...

— Помолчи, Рамсес, — вставила я, — иначе дядя Джеймс просто не сможет тебе ответить.

— Э-э-э... — задумался дядя Джеймс. — Ну-ка, ну-ка... Детей у нас двое — Перси и крошка Виолетта. Я зову ее «крошкой», потому что обожаю свою маленькую дочурку. Спрашиваешь, сколько им лет? Ну-ка, ну-ка... дай подумать... Перси, пожалуй, девять. Или десять. Точно. А милой крошке Виолетте... э-э-э...

Эмерсон презрительно скривился, выразив свое отношение к отцу, не способному запомнить возраст единственного наследника и единственной обожаемой «крошки». Рта он, однако, не открыл; напрямую к своему родственнику профессор вообще ни разу не обратился.

Рамсес поднялся с кресла:

— Прощу прощения. Позвольте удалиться. Я позавтракал и должен вернуться к Бастет. Ее поведение вызывает тревогу. Не

хотелось бы тебя отвлекать от дел, мамочка, но, думаю, тебе стоило бы осмотреть ее, чтобы убедиться...

— Чуть позже, Рамсес.

Джеймс покачал головой вслед удаляющемуся Рамсесу:

— В жизни не слышал от детей таких выражений. Ну ничего. Перси вернет парнишку в норму. Перси-то мой... Ого! Крепкий такой... Будь здоров! Свежий воздух — вот что детям надо. Перси в вашего заморыша жизнь вдохнет! Положит конец нездоровой семейной склонности к чахотке. Верно я говорю, Амелия?

Джеймс принялся поглощать завтрак, а мне осталось только любоваться этим зрелищем, поскольку аппетит у меня братец отбил напрочь. Откуда он, спрашивается, выудил байку о нездоровой семейной склонности"? Ни на моей памяти, ни на памяти родителей никто из родни не болел чахоткой. До чего же мерзкий тип! На ходу сочинил, лишь бы представить дело так, будто это он нам одолжение делает, а не наоборот!

Благополучно уничтожив все, что было съестного на столе, Джеймс наконец отбыл, вызвав у всех облегченный вздох. Детей он обещал доставить к концу недели. Усаживаясь в кеб, который должен был отвезти его на железнодорожную станцию, Джеймс как-то подозрительно ухмылялся. Откровенно говоря, я усомнилась в мудрости своего решения, когда заметила эту удовлетворенную ухмылку. Но, как говорится, жребий брошен... Амелия Пибоди Эмерсон не из тех, кто бежит от трудностей или отказывается от данного обещания.

С отъездом брата настроение Эмерсона заметно поднялось. Ненадолго, к великому моему сожалению. Утренняя газета преподнесла нам неприятный сюрприз в виде статьи мисс Минтон с отчетом о событиях прошлого вечера. Не стану скрывать — мне понравился уверенный, выразительный слог настырной девицы. Только слог, но никак не точность изложения. Призрак в леопардовой накидке вовсе не выписывал на мостовой танцевальные па, не бормотал на тарабарском языке и не сопровождал свои выкрутасы угрожающими телодвижениями. Профессор вовсе не набрасывался на этого шута с кулаками и не вызывал на поединок. Ну а уж я тем более не хлопалась в обморок от ужаса и не валилась в беспамятстве на

мужа, пока он тащил меня к дому. Если меня и трясло немного, то виноват в этом был сам Эмерсон.

Профессор усеял гостиную обрывками газеты, исполнил на останках творения мисс Минтон ритуальный танец, после чего пришел в себя, и мы смогли спокойно обсудить планы на лето. Уолтер и Эвелина настаивали на том, что двери этого дома для нас открыты, пока я не приняла их гостеприимное предложение. У Эмерсона вытянулось лицо. Я было собралась пнуть его тихонько под столом, но он, наученный горьким опытом, вовремя убрал ногу. К счастью, намек оказался излишним. Доброта моего мужа — качество, о котором мало кто догадывается, — победила приступ желчного недовольства, и Эмерсон вслед за мной рассыпался в благодарностях.

По правде говоря, лондонский дом младших Эмерсонов — не самое удобное жилище для людей со скромными запросами, предпочитающих домашний уют парадной вычурности. «Распроклятые катакомбы», как обозвал Эмерсон этот роскошный особняк, смахивают больше на музей, чем на жилье для нормальных людей из плоти и крови. На пятьдесят с лишним комнат здесь слишком мало окон, а потому не хватает ни света, ни воздуха. Один из самых древних особняков на площади, Шалфонт-хаус был построен в начале восемнадцатого столетия, но дедушка Эвелины в шестидесятые годы уже нашего века реконструировал его в попытке, надо заметить тщетной, угнаться за Ротшильдами. Парадную лестницу скопировали с лестницы в одном из пышных римских палаццо, бальный зал обязан своей вычурностью Версальскому дворцу, на арочный потолок и стены в бильярдной ушли целые мили японской шелковой драпировки. Но по крайней мере в одном нынешние владельцы и гости особняка точно могут быть благодарны мистери Ротшильду. При *каждой* спальне есть ванная комната.

* * *

На экскурсию в Британский музей нас пригласил Уолтер. Если бы эта идея принадлежала мне, Эмерсон принял бы ее в штыки; Уолтеру же досталась только парочка по-братски добродушных шпилек.

— Надеюсь, ты не собираешься потчевать нас зрелищем злокозненной мумии, Уолтер? Подобного рода сенсации нас не увлекают.

Уолтер скосил глаза на жену. Эвелина примолкла, улыбаясь каким-то своим мыслям.

— Ну что ты, мой дорогой Рэдклифф, мне такое и в голову не приходило. Хотя... любопытство, признаться, гложет. Что поделать, не хватает твоей рассудительности и научного подхода к жизни.

— Вот еще! — расцвел Эмерсон.

— Мне действительно нужно побывать в музее, — объяснил младший брат. — Хочу взглянуть на один занятный папирус. Помнишь, я работал над письменами, найденными в Лейдене? Там встречаются некоторые необычные обороты; хотелось бы сравнить их с текстом из музейного папируса.

— Что ж. В таком случае буду рад составить тебе компанию, — отозвался Эмерсон. — Заодно покажусь идиоту Баджу и справлюсь, не отдал ли он еще кому-нибудь мой кабинет. Кабинет! — презрительно фыркнул профессор. — Слишком большая честь для коробки без окон, куда с трудом втиснули конторку и две книжные этажерки. Пибоди! Надеюсь, ты с нами?

— Надеешься? Не смей меня, Эмерсон. Разумеется, я с вами. Хотелось бы убедиться, что мистер Бадж перебил не всю утварь, которую мы привезли для музея из прошлой экспедиции.

— Ты несправедлива к нашему хранителю, Пибоди. Наверняка он еще и не прикасался к контейнерам с экспонатами. Так небось и пылятся в кладовой. Поразительно... Зависть этого, с позволения сказать, ученого к собратьям по науке — имен, заметь, я не называл, Пибоди! — выходит за всякие рамки.

Эвелина последовала моему совету и от экскурсии в музей отказалась, пообещав хоть ненадолго прилечь. Но, зная ее слабость к детям, Рамсеса я все-таки решила взять с собой. И мне спокойнее, и шансы на отдых Эвелины стократно увеличатся.

Рамсес был в восторге. Я поняла это не по его лицу, как всегда бесстрастному, а по длинной речи, которую он немедленно произнес, обстоятельно изложив все свои эмоции.

Директора в кабинете не было.

— Эй, Бадж! — Эмерсон затарабанил по двери. — Дьявольщина! Ты куда запропастился? Бадж!!!

Он бушевал до тех пор, пока из-за соседней двери не выскочил на грохот джентльмен в костюме клерка. Накануне туман, темнота и просторное одеяние не позволили мне как следует рассмотреть злосчастного спутника мисс Минтон, но сегодня я узнала его по очкам в тонкой золотой оправе и застенчиво-нерешительным манерам. В свете дня он оказался худощавым юношей среднего роста с длинным лицом и мечтательными светло-кариими глазами.

Мистер Уилсон приветствовал нас довольно скованно (молодые люди нередко так мило тушуются!), но Эмерсон быстро нашел с ним общий язык. Одно медвежье профессорское рукопожатие, полновесный хлопок по плечу, несколько грубоватых шуток по поводу египетских жрецов, репортеров в юбках, любительниц приключений — и вот уже стеснения как не бывало, а юноша цветет счастливым румянцем.

— Примите мои извинения, профессор. Со стороны мисс Минтон...

— С какой это стати вы извиняетесь? За действия мисс Минтон вы не в ответе! А хотелось бы? Признавайтесь, Уилсон, не прочь взять такую ответственность? Похвально, похвально. Славная девушка... э-э... отважная...

Пунцовая волна от щек мистера Уилсона разлилась по лбу и шее. Он судорожно поправил очки.

— Вы не так поняли, профессор. Мое уважение к мисс Минтон... мое восхищение... безграничны... Но я никогда не...

— Угу, угу. — Профессор потерял интерес к теме. — А Бадж, значит, играет в прятки? Отлично. Не придется тратить на него время. Через неделю я вернусь в Лондон, Уилбур... э-э... Уилсон. Будьте добры к моему приезду приготовить кабинет. Тот, что в конце коридора с северной стороны. Договорились?

— Да, но... Этот кабинет отдали... — Юноша поперхнулся. — Слушаюсь, профессор. Будет сделано.

Эмерсон с Уолтером отправились изучать папирус, а я, несмотря на бурный протест Рамсеса, повела его в зал древних книг и манускриптов.

— Знаю, Рамсес, знаю. Кроме египетской истории тебя ничто не интересует. Это наша с папой вина. Образованный человек должен быть образован всесторонне. Раз уж подвернулся такой случай, грех им не воспользоваться.

Рамсес для своего возраста маловат ростом — дотянуться до витрин с экспонатами он может только на цыпочках, да и то с трудом. А посмотреть в Британском музее есть на что. Первое издание пьес Шекспира, гутенберговская Библия, англосаксонские летописи, автографы английских венценосных особ (у витрины с автографами я вкратце изложила Рамсесу историю Англии), корабельный журнал «Виктории», флагмана ее величества, заполненный рукой доблестного адмирала Нельсона. К глубочайшему своему стыду должна признаться, что Рамсес впервые услышал о доблестном адмирале Нельсоне! После моей сжатой, но насыщенной лекции о битве при Трафальгаре Рамсес пожаловался на усталость и боль в шее.

— Крайне затруднительно, мамочка, усваивать хронологию исторических событий, если приходится все время задирать голову.

— Согласна, Рамсес. Пожалуй, на сегодня довольно.

— Ты не будешь возражать против посещения Египетской галереи, мамочка? Учитывая мой интерес...

— Хорошо, хорошо, Рамсес. Надеюсь только, что твой папочка не будет возражать.

Откуда Рамсес узнал о пресловутой «мумии-убийце» — выше моего разумения, сама я ни слова не произнесла в его присутствии. Лишнее доказательство того, что способность нашего сына «получать информацию» по любым вопросам, в том числе и тем, которые его не касаются, близка к сверхъестественной. Слух и зрение у него феноменальные, а Эмерсон нередко забывает придержать язык или хотя бы приглушить свой баритон. В свое время мне стоило огромного труда добиться от Рамсеса обещания не подслушивать под дверьми (*«кроме тех случаев, мамочка, когда в силу вступают высокие этические принципы»*), но... толку, как видите, никакого.

На мой вопрос, почему он прошел через всю галерею напрямик в зал, где был выставлен зловерный египетский экспонат, Рамсес честно признался, что ему известно о деле «мумии-убийцы». Отдаю ребенку должное. Он мог бы пуститься в подробные объяснения и

заявить, что интересуется мумиями, поскольку начал их изучать еще в Египте, но вместо этого я услышала откровенное:

— Пресса утверждает, мамочка, что странная личность в наряде египетского жреца имеет обыкновение появляться именно в это время.

— Хотелось бы знать, Рамсес, откуда такое внимание к поступкам душевнобольного человека?

— Душевнобольного? Я в этом не уверен.

Глубокая мысль. И ведь не возразишь, поскольку она и мне самой приходила в голову, но обсуждать эту версию с нашим юным философом я не собиралась. По крайней мере не здесь и не сейчас.

«Зал мумий» Британского музея всегда привлекал нездоровое любопытство малообразованной публики. Толпа зрителей заслонила от нас с Рамсесом *главный* экспонат; с первого же взгляда стало ясно, что здесь полным ходом идет представление. Однако в центре внимания зрителей оказался не «леопардовый» жрец, а пышнотелая дама в свободном одеянии из тонкой летящей ткани, сшитом по моде времен прерафаэлитов. В экстравагантной леди я узнала известного лондонского медиума, чьи спиритические сеансы года три назад вызывали фурор. Мадам Блатановски купалась в славе до тех пор, пока кто-то из членов Общества психологических исследований в пух и прах не разгромил ее неприкрытое жульничество.

Будем великодушны и не станем винить даму в попытке использовать невежество публики для восстановления своей пошатнувшейся репутации. Одно скверно: мадам явно переусердствовала. А хороший лицедей должен уметь вовремя остановиться.

Мы стали свидетелями обычного для спиритических спектаклей диалога между медиумом и вызванным «духом». Собеседник мадам Блатановски носил впечатляющее, но с точки зрения египтологии абсолютно нереальное для древнеегипетского языка имя Фетет-Ра; его баритон поражал сходством с глуховатым низким голосом самого медиума. Трудно сказать, по какой причине, но «дух Фетет-Ра» изъявил желание, чтобы «принцессу» вернули в ее родную гробницу, и настоятельно призывал жертвовать средства для этой цели мадам Блатановски.

Аудитория реагировала по-разному, в зависимости от степени доверчивости. Кто притих в благоговейном почтении, кто скептически

посмеивался. В двух шагах от меня сияла самая широкая и язвительная ухмылка.

— Не ты ли сказал, что подобного рода сенсации тебя не увлекают? — поинтересовалась я шепотом, остановившись за спиной насмешливого зрителя.

— А меня Уолтер притащил, — хохотнул Эмерсон. — Привет, Рамсес! Обрати внимание, мой мальчик, зрелище редкое: человеческая глупость во всей красе!

Уолтер приветствовал меня лукавой улыбкой, а вот мистеру Уилсону было не до смеха.

— Боже, боже... — заблеял он. Сравнение тем более уместное, что джентльмен и внешне сильно смахивал на молодую овечку. — Что скажет мистер Бадж?! Он же приказал мне ни в коем случае не допускать подобных...

— Ну-ну, успокойтесь, — похлопал его по плечу Уолтер. — Считайте, что приносите пользу людям. Глядишь, кто-то из зрителей задержится в музее подольше, узнает побольше.

Уилсон в отчаянии хрустел пальцами.

— Благодарю, мистер Эмерсон. Вы так добры, сэр... Непременно воспользуюсь вашим аргументом при беседе с мистером Баджем... Только он не... Он строго-настрого запретил...

— В кои-то веки я согласен с Баджем, — во всеуслышание объявил *мой* Эмерсон. — Все это дешевое лицедейство — пустая трата времени. Дамочка понятия не имеет, как заинтересовать публику.

— Твои сеансы изгнания нечистой силы не в пример эффективнее, — согласилась я. — Будь снисходителен, Эмерсон. Природа мало кого одаривает драматическим талантом.

— Точно. Но и эта комедиантка заслуживает вознаграждения.

Остановить профессора я не успела. Побренчав монетами в кармане, он выудил горсть мелочи и ловко швырнул поверх зрительских голов. Серебристые кружочки с мелодичным звоном покатались по мрамору к ногам мадам Блатановски.

Finita la comedia. Толпа разразилась хохотом; многие полезли в карманы, последовав профессорскому примеру, остальные бросились ловить неожиданную финансовую удачу, и поднимать с пола монеты. Эмерсон с благодушной улыбкой любовался результатами своего хулиганства.

— Грубо и непристойно! — пожурила я мужа.

— Извиняюсь, ничего не мог с собой поделать. Дурачье выносить — не моя стихия. Если эта дамочка... Ха! Взгляни-ка, Пибоди... Пролог завершен. Приступаем к основному действию.

Ну и ну! «Жрец» знал, когда выйти на сцену. Лучшего момента не выбрал бы и сам великий трагик профессор Эмерсон. Внимание всех посетителей было приковано к медиуму; никто не заметил, каким образом и в какую именно минуту в зале появилось главное действующее лицо. Создавалось впечатление, что он просто-напросто выбрался из античного саркофага, длинный ряд которых вытянулся вдоль противоположной стены. Там он и замер с высоко поднятой головой и скрещенными на груди руками, неподвижностью черт соперничая с рисованными египетскими ликами... чему, собственно, удивляться не приходилось, поскольку «жрец» нацепил маску. Это была не обычная карнавальная маска — из тех, что прикрывают только лицо, а точная копия сложных сооружений из папье-маше, которые изредка надевали на головы мумий. Мелкие смоляные завитки были выложены башней по моде париков Поздней Династии. Пухлые губы на четко вылепленном лице подкрашены, брови подведены, а вместо глаз зияли черные дыры.

Накидка оказалась настоящей, то бишь из цельной шкуры настоящего леопарда. Понятия не имею, почему меня ошеломила именно эта деталь облачения «жреца». Возможно, виной тому разительный контраст между грозным оскалом животного и жалко повисшими лапами. Накидка была перекинута через плечо и скреплена так, что голова несчастного леопарда покоилась на груди хозяина. Длинный белый балахон довершал облачение.

Сказать, что диковинная фигура произвела впечатление, — значит ничего не сказать. Посетители остолбенели и в ужасе затаили дыхание. Стоило «жрецу» сделать шаг — и толпа отшатнулась. Должно быть, именно так поступали древние язычники, освобождая дорогу какому-нибудь правителю. Вперив взор прямо перед собой, «жрец» пересек зал и остановился перед витриной со знаменитой мумией.

У леди Хенутмехит был неплохой вкус. Гроб она себе выбрала — картинка, да и только. Вместо безвкусных многокрасочных сцен из жизни небожителей и демонов последнее ложе Хенутмехит украшала

нежная позолота, словно приглашая зрителей задуматься — а не были ли саркофаги более влиятельных особ сделаны из *чистого* золота.

К делу это, впрочем, не относится. Уместнее будет отметить тот очевидный факт, что саркофаг принадлежал особе, занимавшей очень скромное положение в обществе. Никаких знаков королевского отличия я не увидела. Цветок лотоса в черных волосах — вот и все, чем удостоили усопшую даму.

«Жрец» изобразил земной поклон и снова надолго застыл, вглядываясь в безмятежное лицо леди Хенутмехит. Мне сцена показалась более чем эффектной, но профессору она скоро наскучила.

— Подумать только! — фыркнул он, обернувшись к Уилсону. — А я-то еще критиковал медиума. Это представление даже примитивнее, чем предыдущее! Что застыли как истукан, Уилбур? Чего ждете? Исполняйте свой долг! Прикажите схватить этого шута, стащите с него маску, выясните, кто он такой, и верните в клинику, где его наверняка уже хватились.

Не тут-то было. Юный Уилсон, впад в прострацию, лишь бормотал что-то нечленораздельное и заламывал руки. Зато отреагировал один из охранников:

— Парень-то безобидный, профессор. Что такого, коли он решил тут постоять? Однако ж могу и вывести — только прикажите.

— Не стоит утруждаться, Смит, — ехидно пророкотал профессор. — Без вас справимся.

Неподвижная персона в маске вдруг развернулась, выбросила вперед руку и забубнила хриплым речитативом:

Сестра его, сестра-заступница...

Та, что оберегает от врагов...

Та, что силой слов своих

Остановит супостата...

— Какого черта! — пробурчал Эмерсон. — Пибоди, это же...

А занавес-то, оказывается, еще не упал. Хриплый голос набирал силу:

Речи ее мудры,

Жало языка ее поражает цель,

Падают ниц... падают ниц ...

Перед...

«Жрец» умолк, не закончив фразу. Зловещую тишину в зале нарушил другой голос — звонкий и чуть дрожащий от возбуждения.

— "Падают ниц"! Вот где заложен главный смысл, — сообщил Рамсес. — Речь, разумеется, идет о богине Исиде. Согласно верованиям древних египтян, она покровительствует...

Лекцию юного египтолога прервал неприлично громкий хохот.

— Богиня Исида?! — надсаживался Эмерсон. — Ну нет! Речь о тебе, Пибоди! *Речи ее мудры... Ха-ха-ха!... Жало языка... поражает...* Ой, не могу! — Профессор в изнеможении сложился пополам.

— Ты куда? — Я успела схватить сына за руку. — Стой на месте!

— Но он же уходит! — завопил Рамсес.

И впрямь уходит. Шлепая сандалиями, «жрец» с невиданной скоростью буквально перелетел зал и исчез в проходе.

— Пусть себе идет. Тебя это не касается, Рамсес. Эмерсон! Прекрати ломать комедию. Наш фокусник сбежал...

— На здоровье, — задыхаясь, простонал Эмерсон. — Он меня покори... Парень-то умен... образован... Ой, умора. *Силой слов своих... остановит супостата...*

— Очень милый комплимент. — У Уолтера губы дрожали от едва сдерживаемого смеха, и неудивительно — Эмерсон кого угодно заразит своим хохотом. — Лучше про тебя не скажешь, дорогая Амелия.

— М-да? Благодарю за поддержку. Возьми себя в руки, Эмерсон! Пора возвращаться, Эвелина уже заждалась.

Остаток дня прошел в домашних хлопотах. Осмотрев Бастет, я успокоилась сама и успокоила Рамсеса. Его любимица явно нервничала, но на ее аппетите это не отразилось, да и температура была нормальной. Видимо, просто сказались долгое морское путешествие и вынужденное заточение: отпускать кошку на улицу в Лондоне — чистое безумие.

На следующее утро гостеприимный дом опустел. Хозяева вернулись в свое йоркширское поместье, а мы ненадолго — как я полагала — отправились к себе в Кент, не подозревая о том кошмаре, что надвигался на нас с неотвратимостью песчаной бури.

Я часто спрашиваю себя, сколько может быть лет нашему дворецкому Уилкинсу, но ни разу не осмелилась задать ему этот вопрос. В ответ на просьбу сделать что-нибудь, с его точки зрения, *неподобающее* — а такие просьбы не редкость в нашем доме, — он принимается брюзжать, точно древний старик. Тем не менее за десять лет он ничуть не изменился, и я несколько раз собственными глазами видела, как дворецкий с юношеским проворством бросался на выручку Рамсесу. Не удивлюсь, если узнаю, что его благородные седины — плод парикмахерского искусства.

Уилкинс был искренне рад нашему возвращению. Скатившись с лестницы, он затряс протянутую Эмерсоном руку и только потом вспомнил, что дворецкому *не подобает* обмениваться рукопожатием с хозяином. Тут же подоспел Джон с улыбкой от уха до уха и с горделивым известием о доставке нашего багажа в целости и сохранности. Настал черед и остальной прислуги. Горничные, лакеи, садовники — все сочли своим долгом засвидетельствовать почтение путешественникам, благополучно вернувшимся в родное гнездо. Жена Джона принесла новорожденного малыша, чтобы мы смогли порадоваться прибавлению в семействе и оценить удивительное сходство младенца со счастливым отцом. (Какое там сходство! Из свертка выглядывали лишь пухлые щеки да недовольно сморщенный лоб.)

Рамсес сломя голову кинулся к себе разбирать вещи. Заглянув к нему чуть позже, я обнаружила в комнате полнейший хаос, чего и следовало ожидать, а самого Рамсеса — склонившимся в задумчивости над ящиком — или саркофагом? — с сомнительной чистоты песком.

— Ты что же, притащил это из Египта? Боже правый, Рамсес! Мало нам своей грязи...

— Это не грязь, мамочка. И не простой песок, а окись натрия! Надеюсь, ты не забыла, что папочка дал согласие на проведение экспериментов с мумифицированием...

— Ф-фу! Ладно, ладно. Только не растаскивай эту гадость по всему дому. Ей-богу, Рамсес, ты заставляешь меня сомневаться...

— Понимаю, мамочка. Со стороны мои опыты выглядят проявлением нездорового интереса к останкам живых существ, но, уверяю тебя, опасения беспочвенны. Я работаю над доказательством

последней из своих версий. Убежден, что мистер Бадж с коллегами ошибочно сочли жидкий натрий основной химической средой для мумифицирования. Неверное толкование мистером Петтигрю древнегреческих...

— Неверное толкование, говоришь? Умница, сынок, — произнес у меня за спиной Эмерсон. — В неверном толковании Бадж у нас дока. На создание собственной теории у него мозгов не хватит, вот он и повторил ошибку Петтигрю, не дав себе труда проверить...

Я предпочла удалиться. К мумиям мне не привыкать — насмотрелась на них предостаточно, но к сути моего рассказа теория мумифицирования Рамсеса отношения не имеет.

Как ни странно, скорое знакомство с кузенами, особенно с «крошкой Виолеттой», несколько не расстроило Рамсеса. Скорее даже воодушевило. Имя двоюродной сестры то и дело слетало с его губ, а от подозрительного блеска черных глазенок мне становилось не по себе.

Прошлой зимой Рамсес неожиданно заинтересовался отношениями между мужчиной и женщиной. На папочке этот допрос отразился самым плачевным образом (он до сих пор в шоке), да и мамочка, признаться, особой радости не испытала. Впрочем, я быстро успокоилась. Если подумать, в любопытстве Рамсеса не было ничего удивительного, ведь общался-то он в основном с египтянами, а они развиваются раньше европейцев и зачастую к пятнадцати годам уже вступают в брак. После долгой и суровой беседы Рамсес обещал впредь не поднимать подобных тем в присутствии посторонних, но... на его обещание я как-то не очень рассчитывала.

Джеймс не заставил себя ждать. Еще не все чемоданы были распакованы, а он уже привез детей и немедленно уехал, как будто был счастлив сбросить этот груз со своих плеч. Даже на обед не остался! (Правда, его никто и не приглашал.)

— До свидания, папа. — Дети покорно помахали вслед экипажу, но особой печали не выразили.

Дети у моего брата и его уродливой жены на удивление удались. Темноволосый Перси больше похож на меня, чем на собственных родителей, а его белокурая сестра пошла в мать — такая же тонкогубая, пухлощекая, с невинно-бессмысленным взглядом громадных, в пол-лица, глаз. Женщину в возрасте подобные черты не украшают, ну а для ребенка — в самый раз. Во всяком случае, Рамсес

был очарован. Уставился на нее своим коронным немигающим взглядом и таращился до тех пор, пока Виолетта с заливистым хихиканьем не спряталась за спину брата.

Если не считать хихиканья — которое, я знала, уже очень скоро начнет действовать мне на нервы, — манеры наших новых подопечных были безукоризненны. Перси обращался к Эмерсону не иначе как «сэр», причем заканчивал этим самым «сэр» любую фразу, а меня именовал «дорогой тетей Амелией». Виолетта больше помалкивала, что, как вы сами понимаете, не могло меня не радовать.

Одним словом, первое впечатление оказалось более чем приятным. За ужином, когда выдалась возможность поговорить на эту тему, даже Эмерсон со мной согласился, заметив:

— Парень очень даже ничего... для несчастного, которого угораздило быть названным Перси Пибоди. Могло быть и хуже.

«Премиленькая восковая куколка», — чуть позже отозвался он о Виолетте и дружелюбно добавил:

— Глуповата, прямо скажем, но в наше время это модно. Надеюсь, ты ею займешься, Пибоди.

* * *

С приезда племянников прошло несколько дней. Не раз и не два за это время я порадовалась тому, что Рамсес обзавелся компанией. Его бесконечные монологи и научные лекции кого угодно могут довести до помешательства. Эмерсон закрылся в библиотеке, предварительно посулив страшное возмездие любому, кто осмелится его потревожить. Меня же с утра до ночи занимали хозяйственные проблемы, вполне естественные для хозяйки, которая по полгода проводит вдали от дома. Погода, к счастью, баловала, так что ребята дни напролет проводили на свежем воздухе.

Без мелких неурядиц, разумеется, не обошлось. Иначе и быть не могло, при троих-то детях, особенно если не забывать, что одним из этих детей был Рамсес. Первым делом он свалился с лестницы, заработав здоровенную шишку, — загляделся, как сам признал, на Виолетту и забыл, что нужно смотреть под ноги. Следующий инцидент оказался посерьезнее.

Как-то днем мои подсчеты расходов за прошлую зиму были прерваны громкими криками и плачем. Я вылетела в прихожую, надеясь замять скандал, пока он не дошел до Эмерсона, но представшая моим глазам картина заставила меня забыть даже о муже. Джон вносил в дом нашего сына... бледного до синевы, с закатившимися глазами...

От воплей Виолетты, казалось, готовы были рухнуть стены дома. Пухлые щеки тряслись, от слез и другой малоприятной жидкости потемнели кружева на платье.

— Умер, умер, — верещала она. — О-о-о... умер, о-о-о, умер, умер, о-о-о...

Роза с причитаниями бросилась к Рамсесу, но я велела ей сначала привести в чувство Виолетту — к этому времени барышня уже рухнула на пол, где и продолжила истерику, всхлипывая и судорожно извиваясь.

Первым делом я обратилась за объяснениями к Перси — единственному из троицы, кто остался в сознании. Как ни болело мое сердце за сына, сначала нужно было узнать, что именно произошло. Таково незыблемое правило, читатель. Не зная причин травмы, легко нанести пострадавшему вред.

Перси мужественно перенес трагедию. Застыв по стойке «смирно», как солдат перед военачальником, он не сводил с меня глаз.

— Это моя вина, тетя Амелия. Я заслужил наказание. Попросите дядю Рэдклиффа выпороть меня. Во всем виноват только я...

— Что ты с ним сделал?!!

— Крикетный мяч попал Рамсесу прямо в живот, тетя Амелия. Я показывал правильный удар и...

Та-ак, ладно. Теперь хотя бы ясно, на что обратить внимание. Сильные удары в область солнечного сплетения могут быть очень болезненными, но редко когда ведут к смерти, тем более у детей. Я до сих пор помню, как мучилась в детстве, когда Джеймс ударил меня камнем в живот. (А родителям сказал, что я сама споткнулась и упала.)

Рамсес пришел в себя, заметно порозовел и даже попытался приоткрыть глаза. Слава богу!

— Все будет в порядке, он поправится. Отнесите мальчика в его спальню, Джон. Нужно быть осторожнее, Перси.

У Перси дрожали губы, но голос был тверд:

— Я один во всем виноват, тетя Амелия. Рука соскользнула с клюшки... но это меня нисколько не извиняет...

— В некоторых случаях... игрок... — раздался у меня за спиной невнятный шепот, — может не рассчитать... силу удара... или траекторию полета...

— Верно, Рамсес, верно. — Я отвела черный завиток с влажного лба. — Это случайность. Перси не виноват.

— Траектория полета...

— Ну все, довольно! Джон, живо несите его в спальню и дождитесь меня.

Джон зашагал вверх по лестнице, Роза увела не просохшую от слез Виолетту, и мы остались наедине с Перси. Мальчик съежился и напрягся — не иначе как в ожидании побоев.

— Успокойся, Перси. В этом доме никого не секут и не бьют. Слышишь? Никого — ни слуг, ни животных, ни *даже* детей. То, что произошло, неприятно, но от тебя не зависело. Это случайность. Я ценю, что ты взял вину на себя.

Заглянув в изумленные глаза племянника, я дала себе слово, что докажу этим несчастным детям преимущество нашего метода воспитания перед варварством их родителей.

Если вначале мы лелеяли надежду на то, что общество благовоспитанных детей повлияет на Рамсеса, то уже к концу первой недели оптимизма у меня поубавилось. У Перси вошло в привычку бродить по дому в одиночестве. Не сразу, но он признался, что скучает не только по «дорогим маме и папе», но и по друзьям. Рамсес с ним не играл.

— Рамсес меня не любит, — печально сообщил мальчик.

Пришлось отвести сына в сторонку и втолковать ему правила гостеприимства.

— Перси плохо без родителей, Рамсес. Это естественно. Как хозяин, ты обязан отвлечь его от грустных мыслей. Понимаешь? Будь добр отложить на время свои драгоценные мумии и заняться тем, что любит Перси.

Рамсес кисло возразил, что любимые занятия кузена ему не по душе.

— К тому же, мамочка, судя по некоторым замечаниям Перси, он вовсе не скучает по дяде Джеймсу.

Терпеть не могу сплетни, особенно детские!

— Чтобы я больше ничего подобного не слышала! Перси говорит, что ты его не любишь.

— В этом он совершенно прав, мамочка. Не люблю.

— Ты его не знаешь. Узнал бы получше — может, и полюбил.

— Сомневаюсь, мамочка. Я очень занят. Опыты по мумифицированию требуют концентрации...

И вновь мне пришлось оборвать сына. Его опыты, будь они неладны, уже доставили мне массу хлопот — в тот день, когда Рамсесу вздумалось продемонстрировать Виолетте собранную в Египте коллекцию мумифицированных экспонатов. Дикий визг юной леди и мертвого бы на ноги поднял... а о реакции выпрыгнувшего из библиотеки профессора и вспоминать не хочется.

Скоро мне удалось обсудить эти проблемы с человеком, чье мнение во всем, что связано с детьми, я ценю очень высоко. Речь идет о мисс Хелен — одной из немногих дам-соседок, с которыми я поддерживаю отношения. Она занимает пост главы местной школы для девочек и разделяет мои взгляды на женское образование, право женщин голосовать, носить *удобную* одежду и так далее.

Шотландка по национальности, Хелен внешне не очень привлекательна: ширококостная, плотная, с жидким пучком седеющих волос и глубоко посаженными умными глазами. В Амарна-хаус она приехала в шароварах из твида, просторной кофте и тяжелых ботинках.

— Только не говорите, что вы проделали такой путь на велосипеде!

— Почему бы и нет? Каких-нибудь десять миль — разве это расстояние? — рассмеялась Хелен. — Да и добропорядочные матери семейств уже не швыряются камнями, когда я еду по Хай-стрит! Я извинилась за мужа, объяснив, что работа над книгой не позволит профессору засвидетельствовать свое почтение. По правде говоря, Эмерсон мою приятельницу не жалуется: «Я чувствую себя третьим лишним, Пибоди. В вашу беседу слова не вставишь». Хелен против отсутствия Эмерсона не возражала. Если не ошибаюсь, симпатия у них обоюдная.

— Вот и хорошо, — улыбнулась она. — Поболтаем по душам, без мужских ушей, верно, дорогая? Расскажите о своих египетских

приключениях, Амелия. Я, конечно, читаю газеты, но вы же знаете, как мало можно доверять этому источнику.

— Лучше вовсе не доверять. Что касается мисс Дебенхэм, мы действительно ей помогли, что верно, то верно...

— ...а еще раскрыли убийство и избавили невинного от тюрьмы. Так?

— Точно. Но все остальное, о чем вы могли узнать из газет...

— Выдумки? Секундочку! Выходит, не было никаких гнусных намеков со стороны Геня Преступлений, я правильно вас поняла? Извините мой смех, Амелия. Ну и прозвище! Очень подходит для романа.

— Преувеличение. И давайте больше не будем об этом, Хелен. Хотите послушать о раскопках?

Свой краткий рассказ я закончила выводом Эмерсона:

— Профессор считает, что пирамида принадлежала Сенефру из Третьей династии. Следующей зимой мы надеемся закончить работу над погребальным храмом, а если все сложится удачно, то даже приступить к исследованию интерьера.

Хелен, специалист по классической истории, в средневековой археологии разбирается слабо. Выслушав мой отчет, она поспешила сменить тему:

— Ну а как Рамсес?

— С головой ушел в опыты по мумифицированию.

— Неужели? — расхохоталась Хелен. Рамсес ей всегда нравился. Пожила бы она бок о бок с ним хоть недельку! — Замечательный у вас ребенок, Амелия. Только не пытайтесь слепить из него типичного английского джентльмена. Воспитание — мерзкая штука.

— Не смогла бы, даже если бы и захотела. Рамсес сам себе скульптор. Бесполезно пытаться слепить из него то, чего он не желает... По правде говоря, Хелен, я хотела с вами посоветоваться. Ваш опыт в воспитании детей...

— Девочек, Амелия, только девочек! Слушаю вас. Весь мой опыт и знания, какими бы скромными они ни были, в вашем распоряжении.

Я рассказала ей о вражде между кузенами.

— Они даже дерутся, Хелен! Честное слово! Наверняка Рамсес первым задирает брата — он его терпеть не может и не скрывает этого. Перси в отчаянии. Он так хочет подружиться... Я-то думала, что в

присутствии ребят Рамсес изменится в лучшую сторону, а он ведет себя все хуже и хуже.

— Да-а... — Хелен сочувственно цокнула. — Вы новичок в воспитании. Рамсес — всего лишь ребенок, выросший... как бы это поточнее выразиться?... в не совсем обычных условиях. Он привык к постоянному, безоговорочному вниманию взрослых. Так чего же вы сейчас хотите? Ему неприятно делить ваше внимание и даже, возможно, любовь с другими детьми.

— Вы это серьезно?

— Разумеется. Уж поверьте, Амелия, я знаю, о чем говорю. Сколько раз наблюдала такую же ревность в своих девочках. Появление в семье младенца всегда отражается на старших детях.

— Но Перси же не младенец!

— И что? Тем хуже. Мальчишки всегда дерутся, Амелия. Бывает, и девочки тоже. Хотя девочки, как правило, хитрее ребят и потому изобретают более изощренные способы, чтобы избавиться от тех, кого не любят.

Услышав несколько случаев из практики Хелен, я могла только порадоваться, что выбрала иную стезю.

Кое-какие теории директрисы показались мне рискованными; во всяком случае, ни о чем подобном не упоминал ни один из известных специалистов в области воспитания. С другой стороны... кто к ним прислушивается, к этим специалистам? Не я — это уж точно.

Перед уходом Хелен предложила взглянуть на свой велосипед.

— Отличная штука, Амелия. Совершенно новая конструкция. Вам понравится.

У крыльца велосипеда не было.

— Странно... — Хелен в недоумении оглянулась. — Точно помню — здесь оставила.

Краешком глаза я заметила светлые локоны, выглядывающие из-за громадной каменной вазы, целый ряд которых украшает нашу террасу.

— Ты что там делаешь, Виолетта? Велосипед этой леди не видела случайно?

— Видела, тетя Амелия.

— Ну и где он? Да прекрати дрожать! Иди сюда немедленно!

Хелен укоризненно покачала головой:

— Вы испугаете малышку, Амелия!

— Я?! С чего вы взяли...

— Позвольте мне с ней поговорить. — Сделав шаг вперед, она протянула руку: — Ну здравствуй, здравствуй. Так ты, значит, и есть Виолетта? Тетя Амелия рассказывала, какая ты милая, послушная девочка! Не бойся. Подойди, поцелуй тетю Хелен.

Виолетта засеменила к ней, сунув палец в рот, округлив голубые глаза и бросая на меня опасливые взгляды. Можно подумать, будто я только тем и занимаюсь, что луплю ее денно и ночью.

— Ты скажешь тете Хелен, куда подевался ее велосипед? — ворковала моя приятельница.

Виолетта ткнула пальчиком куда-то в сторону:

— Рамсес взял.

Поместье у нас, как я уже говорила, не маленькое: от двери дома до ворот парка — добрая четверть мили. Усыпанная гравием дорожка образует перед террасой правильный круг, причем дальняя половина этого круга скрыта за деревьями и густым кустарником. Вот оттуда-то и появился велосипед.

В седле восседал мой сын. Достать до педалей он мог, лишь когда они оказывались в самом верхнем положении, поэтому двигался рывками, виляя из стороны в сторону — с одного края дорожки к другому. Если бы не Перси, поддерживающий велосипед сзади — так, во всяком случае, это выглядело, — Рамсес далеко не уехал бы.

Хелен в ужасе всплеснула руками. С приближением цирковой труппы я поняла, что Перси не помогает Рамсесу, а изо всех сил пытается остановить это безобразия.

— Нельзя, братец, — лепетал он. — Ну нельзя же... Ты не спросил разрешения...

Заметив меня, Рамсес опешил и перестал толкать педали; в тот же миг Перси рванул за руль. Последствия можно было предсказать. Велосипед с душераздирающим скрежетом рухнул на дорожку, придавив малолетнего циркача. Перси чудом избежал печальной участи, в последний момент резво отпрыгнув в сторону.

Директриса бросилась к месту катастрофы. Виолетта, само собой, заверещала как резаная. Под аккомпанемент ее жизнерадостных воплей («Умер, умер! О-о... умер!») я поспешила вслед за Хелен.

Рамсес намертво сплелся с велосипедом. К счастью, только на первый взгляд. Общими усилиями нам удалось отцепить одного

потерпевшего от другого. Ноги и физиономия седока покрылись ссадинами и кровоточили, новенький матросский костюмчик можно было без раздумий отправлять на свалку. Вместе с новеньким велосипедом Хелен.

Убедившись, что сынуля относительно цел, я не удержалась — встряхнула его хорошенько.

— Как ты до такого додумался, Рамсес? Возмутительно! Во-первых, этот велосипед для тебя велик. Во-вторых, ты взял чужую вещь без разрешения!

— Виолетта сказала...

— Ах, Рамсес, Рамсес, — печально вздохнула директриса. — Джентльмен никогда не должен сваливать вину на леди. Виолетта ведь тебя не заставляла, верно?

— Извините, мэм. Извините, тетя Амелия, — благонаравно потупился Перси. — Позвольте объяснить. Виолетте очень хотелось посмотреть, как ездит наш кузен. Рамсес хвастался... немножко... что у него очень хорошо получается. Я должен был его остановить. Это моя вина. Я несу всю ответственность за...

Рамсес волчком вывернулся из моей хватки и носком ботинка заехал брату по ноге.

— Еще чего! Да кто ты такой, дьявол тебя побери, чтобы нести ответственность *за меня*?!

Перси не издал ни звука. С перекошенным от боли лицом он отпрянул от обидчика и спрятался за ближайшим кустом. Рамсес прыгнул бы следом, если бы я не успела подцепить его за воротник.

— А ну прекрати немедленно! Стыдно, Рамсес! Очень стыдно. Взгляни на себя со стороны! Ругаешься, набрасываешься на ни в чем не повинного брата... Изуродовал велосипед мисс Макинтош...

Рамсес наконец оставил бесплодные попытки вывернуться.

— Приношу свои извинения мисс Макинтош, — сдавленно пробубнил он, рваным рукавом размазывая по физиономии кровь. — Даю слово в ближайшем времени возместить ей убытки. В данный момент я располагаю двенадцатью шиллингами и шестью с половиной пенсами, которые... Хвои действия, мамочка, причиняют мне значительные неудобства. Сдавливание дыхательных путей подобным образом дает возможность в полной мере оценить мучения преступника, приговоренного к казни через повешение...

— Отпустите его, Амелия! — распорядилась директриса.

Я охотно повиновалась. *Охотно*, потому что приказ был своевременным: лицо Рамсеса уже приобрело синюшный оттенок. Хелен наклонилась к дебоширу.

— Я на тебя не сержусь, Рамсес, — ласково сказала она, погладив его исцарапанную щеку. — За велосипед не сержусь. Ты ведь не хотел его сломать, правда? Но я разочарована. Хочешь знать почему?

Рамсес всегда любил мисс Макинтош — по-своему, конечно, но любил. Сейчас же... Если бы он одарил *меня* таким же взглядом — клянусь, я послала бы за представителем закона. Надеюсь, мисс Макинтош не успела заметить этот бешеный взор «а-ля профессор Эмерсон». Миг спустя Рамсес нацепил привычную равнодушно-бесстрастную маску.

— Думаю, не ошибусь, если выскажу предположение, что вы разочарованы, потому что мои поступки не соответствовали званию джентльмена.

— Верно. Джентльмен не прикасается к чужим вещам без позволения; джентльмен не оправдывает себя за счет других; он не позволяет себе скверных выражений и никогда... *ни при каких обстоятельствах* не лягается!

— Гм-м-м... — Рамсес надолго задумался. — Справедливости ради отмечу, что папочка и мамочка неоднократно старались внушить мне те же понятия. Правда, в их изложении правил поведения джентльмена существенно меньше догматизма. Вынужден признать, что до настоящего времени я не отдавал себе отчета, насколько сложно...

— Отправляйся к себе, Рамсес! — Даже моему терпению есть пределы.

— Да, мамочка. Но мне хотелось бы добавить...

— Я сказала — к себе! Живо!

Рамсес удалился, заметно подволакивая ногу.

Я приказала заложить экипаж для Хелен, превознесла похвальные намерения и достойное поведение Перси, утешила Виолетту, чьи завывания стихли, как только она поняла, что до них никому нет дела.

И наконец поплелась в дом.

Меня ждала долгая, серьезная беседа с сыном. Осмотреть ногу и приложить холодный компресс к лиловому ушибу Рамсес милостиво

позволил, но мои педагогические наставления, судя по всему, пропали втуне.

— Не знаю, не знаю... — донеслось до меня уже из-за двери. — Стоит ли звание джентльмена тех усилий...

* * *

После аварии с велосипедом вражда между детьми поутихла... скорее всего, просто потому, что Рамсес трое суток ногой не ступал из комнаты. Его заточение и временное затишье в доме позволили мне закружиться со всеми делами и подготовиться к отъезду. Эмерсон по-прежнему не вылезал из библиотеки — разве что на ужин, чтобы слегка развеять и облегчить душу нотациями в адрес домочадцев. Поначалу из его научной темницы доносился бешеный рев, топот и треск искалеченной мебели — это профессор наталкивался на очередное художество сыночка. Паузы между приступами ярости увеличивались, потом надолго наступила блаженная, греющая мою душу тишина, и в один прекрасный день Эмерсон объявил, что для дальнейшей работы ему необходима библиотека Британского музея.

— Как скажешь, дорогой. У меня все готово. Можем ехать в любую минуту.

Оберегая душевный покой мужа, я ни разу не упомянула о деле мумии-убийцы, но сама не пропустила ни одной газеты с продолжением этой странной истории.

О'Коннеллу и М. М. Мinton не везло. Как ни тщились они подогреть интерес публики, как ни лезли из кожи вон, чтобы раздуть дело, сенсация медленно угасала. «Леопардовый жрец» систематически устраивал представления перед саркофагом Хенутмехит — и только. Ни один из посетителей музея, ни один его работник не пострадал даже от пустяковой царапины. Хоть бы кто ножом для бумаги поранился на радость репортерам! Увы, увы.

Я уж и думать забыла о злополучных останках египетской дамы, как вдруг однажды утром — кажется, во вторник — Уилкинс сообщил о приезде нежданной гостьи.

— Юная леди мне незнакома, мэм. Она также отказалась представиться, но я думаю, мэм... *Уверен*, что вы не будете возражать

против встречи, — с таинственным видом добавил дворецкий.

— Вот как? И почему же вы в этом уверены?

Уилкинс неодобрительно кашлянул:

— Прошу прощения, мэм. Юная леди была весьма настойчива.

Наш дворецкий не так прост. Его упорное «леди» что-нибудь да значит...

— Ну что же, просите, Уилкинс. — Я отложила перо. — Хотя нет, постойте... лучше я сама выйду. Куда вы ее провели?

Оказывается, в гостиную. Вот вам и еще одно доказательство высокого статуса гостыи — с точки зрения Уилкинса.

«Юная леди» с головой ушла в созерцание семейных снимков, расставленных на камине. Она стояла спиной к двери, но профессионально-вопросительная посадка головы и тот факт, что она что-то безостановочно строчила, говорили сами за себя.

— Вы сказали — юная *леди*, Уилкинс? Я не слышалась?

Мисс Минтон, взвизгнув от неожиданности, обернулась. Выглядела она, нужно честно признать, очень мило: аккуратненький темно-синий твидовый костюмчик, блузочка в полоску и кокетливая соломенная шляпка на макушке.

Дворецкий тактично удалился, лишив меня удовольствия доказать ему, насколько он ошибался. Мисс Минтон и леди — понятия несовместимые.

Не утруждаясь ни приветствием, ни извинениями, журналистка воинственно взмахнула блокнотом и пошла в атаку:

— Вы обязаны меня выслушать, миссис Эмерсон! Обязаны!

— Обязана? И это вы *мне*, мисс Минтон?! Забыли, к кому обращаетесь?

— О нет! Иначе зачем бы я приехала?! Прошу прощения, миссис Эмерсон, мое поведение недостойно, но у меня просто нет времени на комплименты и прочее... Чтобы добраться сюда, я наняла на станции единственный кеб, но, клянусь, этот... этот дьявол не заставит себя ждать. Уж он изыщет возможность... ползком приползет...

Приполз, похоже.

В ответ на раздавшийся из коридора грохот мисс Минтон заверещала и в бессильной ярости топнула ножкой:

— Черт бы все побрал! Я его недооценила! Миссис Эмерсон, вы не...

Закончить просьбу она не успела. Скандал из прихожей переместился в гостиную. Дверь с треском распахнулась, и на пороге возникло огненно-рыжее ирландское видение: без шляпы, всклокоченное, с физиономией под стать лохмам — если и не цветом, то густотой оттенка. Застряв в проеме, О'Коннелл несколько минут усиленно хрипел и хватал ртом воздух.

У него за спиной, прямо на полу в коридоре, расположился дворецкий. Мне неизвестно, поскользнулся он, споткнулся или не устоял на ногах от *чьего-то* напора. Одно знаю точно: Уилкинс не выражал ни малейшего желания подняться. Так и сидел недвижимый, вперив остекленевший взгляд в стену напротив.

Коллеги-соперники открыли рты одновременно. Мисс Минтон настаивала на том, чтобы я *немедленно, безотлагательно, сию же секунду* что-то предприняла. Что именно, для меня осталось загадкой. Речь О'Коннелла была обращена исключительно к журналистке, но от этого ничуть не выиграла.

— Я бы... Да если бы... Были бы вы джентльменом... и точка! — Кроме этого многократно повторенного куплета уловить что-либо мне не удалось.

Сами понимаете, любезный читатель, я не могла позволить безобразной сцене длиться бесконечно. Взвесив все «за» и «против», решила в первую очередь заняться гостями. Впавшему в транс Уилкинсу на полу ничто не угрожало, а вот О'Коннелл с мисс Минтон могли разнести мою гостиную вдребезги.

— Тихо! — прикрикнула я, захлопнув дверь. Общение с Рамсесом, как видите, бесследно не прошло. В комнате воцарилась тишина. — Сядьте! Мисс Минтон! На диван. Мистер О'Коннелл! Ваше место в кресле. Нет. Подальше, в углу.

Заняв стратегическую позицию посреди гостиной, я продолжила тем тоном, который действовал даже на Рамсеса:

— Неслыханная наглость. Уж кому-кому, а вам, мистер О'Коннелл, отлично известно, что, врываясь в наш дом, вы рискуете здоровьем. Молите бога, чтобы ваш дебош не потревожил профессора. Последнее время он не в самом лучшем расположении духа.

Кевин заметно сник:

— Вы правы, мисс Амелия, и точка... Сам не понимаю, как до такого дошел. А все она! Вечно эта девчонка меня обходит...

Мисс Минтон взвилась с дивана и едва не бросилась на ирландца с кулаками. Я толкнула ее на место:

— Совсем рассудка лишились? Будьте добры немедленно объясниться. Помолчите, мистер О'Коннелл. Дойдет и до вас очередь.

Девушка вынула из сумочки газету и протянула мне.

— Вот! — возбужденно сверкнув глазами, воскликнула она. — Мумия вновь наносит удар! Лондон потрясен очередным убийством!

Глава 5

Пока Кевин с коллегой шепотом обменивались любезностями, я развернула газету. Мисс Минтон, естественно, вручила мне «Миррор» — свежайший номер, еще тепленький, если можно так выразиться. Прямо из типографии, судя по моим почерневшим пальцам.

«*Очередное убийство*», — заявила журналистка. Насчет «очередного» не знаю, поскольку смерть музейного сторожа и врачи, и полиция сочли естественной, но убийство — это точно. Человек, конечно, может самостоятельно перерезать себе горло, но не до позвоночника же! Боюсь, с диагнозом «смерть от естественных причин» у эскулапов будут проблемы.

Бросалось в глаза и еще одно отличие от предыдущей трагедии. На сей раз жертва оказалась более высокого ранга. В убитом опознали помощника хранителя египетских и ассирийских древностей, некоего Джонаса Олдакра.

— Так-так... Тело было найдено на набережной Виктории, а не в музее...

— Да, но где именно! — встрепелась мисс Минтон. — У подножия Иглы Клеопатры!

— Угу. Клеопатры... — Я еще не добралась до конца статьи. — Очень жаль, что в Британии так мало образованных журналистов. Кто-то из ваших коллег назвал этот памятник «Иглой Клеопатры» — так оно и пошло. А между прочим, Клеопатра тут ни при чем. Да и памятник точнее было бы назвать обелиском. Он был воздвигнут царем Тутмосом III и носит его имя. Мисс Минтон, я вас предупреждаю. Если не прекратите строчить в блокноте, останетесь без своего арсенала.

— Понятно, мэ. — Журналистка послушно захлопнула блокнот и опустила в сумочку. — Но память... обелиск-то все-таки египетский?

— Разумеется. Одну минуточку, дайте дочитать... Вы утверждаете, что в руке жертвы был зажат какой-то обрывок. Копия этой записки у вас есть?

— Нет, — неохотно призналась мисс Минтон.

— Откуда же вы взяли текст? Здесь он приведен слово в слово, да еще и в переводе с арабского.

Поразительно! Мисс Минтон сконфузилась. Вот уж не думала, что доведется увидеть такое зрелище. Кевин все это время нетерпеливо ерзал в кресле, кусал губы и хрустел пальцами. Наконец его прорвало:

— Она же подкупила констебля! Серебром не удалось — сам пробовал, — так пустила в ход свои женские чары...

— Как вы смеете! — вспыхнула мисс Минтон.

— Улыбочки, ямочки на щечках и прочие нежности, — не унимался О'Коннелл. — Нужно было видеть, как эта проныра строила глазки и тыкала пальчиком. «Ах, какие му-ускулы! Ах, какой вы сила-ач! Должно быть, вы гроза всех престу-упни-ков!» — писклявым голосом передразнил он.

Журналистка вскочила, перелетела через комнату, вlepила ирландцу пощечину и с достоинством вернулась на место. Поделом!

— Стыд и позор, мистер О'Коннелл! — Я всецело была на стороне его противницы.

Кевин с потерянным видом прижал ладонь к багровой щеке.

— Да уж... — глухо донеслось из угла. — Хватил через край, и точка.

Я отложила газету:

— Не буду спрашивать, кто вам перевел записку, мисс Минтон. Догадываюсь. Если, конечно, записка вообще была...

— Была, была! — подтвердил О'Коннелл. — Даже полиция не отрицает.

— Не удивлюсь, если один из вас ее и сочинил. Мне лично подобная фраза никогда не встречалась. Гм... Ситуация понятна...

— Понятна?! Разве что человеку с вашим умом, миссис Амелия, с вашим опытом! Ну а мне так ничего не понятно. Тупик, и точка!

Я уж было собралась его просветить, как вдруг заметила, что мисс Минтон украдкой вытащила блокнот, а ирландец весь напряжился и сверлит меня настырно-профессиональным взглядом.

— Тупик, говорите? Там вам и место, Кевин. Полагаю, вы заявились из Лондона в надежде на интервью? Промахнулись. Какая наглость! Ворваться в чужой дом, рыскать тут, вынюхивать, точно...

— Не-ет! — в унисон завопили коллеги. Из их слаженного хора мне следовало понять, что это страшная ошибка... Что они приехали не

расспрашивать меня, а благодетельствовать... Предложить всемирную славу и баснословное состояние в придачу к должности официального консультанта в «Дейли йелл» и «Миррор» — самых представительных и уважаемых лондонских газетах.

Заманчивое предложение. Крайне заманчивое и интригующее. А еще более интригующей оказалась оплата, за пару минут взмывшая до небес — с пятидесяти гиней до ста пятидесяти. Ах, как же не хотелось прерывать этот божественный хор! В конце концов, не каждый день даме представляется уникальная возможность узнать, в какую сумму ее оценивает индустрия печати. Я прервала молчание только из опасения нарваться на неприятности со стороны... вы сами знаете, с чьей стороны, любезный читатель.

— Исключено, молодые люди! И речи быть не может! Разговор окончен. Прошу прощения, чаю не предлагаю, поскольку вы явились без приглашения. Всего вам доброго.

Отказ, как ни странно, не вызвал бурю протестов. Судя по блеску голубых глаз, ирландец от своей идеи не отказался. Не иначе как лелеял надежду повторить попытку в Лондоне. Мисс Минтон нашла утешение в другом:

— Раз уж вы и *ему* отказали...

Я рассчитывала выпроводить нахальную парочку и поставить на этом точку, однако занавес, к несчастью, опускать было рано. Многострадальная дверь гостиной вновь подверглась штурму, и толкнувшая ее рука могла дать огромную фору руке мистера О'Коннелла.

Эмерсон убежден в том, что «телесный покой подстегивает мыслительные процессы». Неудивительно, что в гостиную он заявился в рубашке без галстука и уж тем более без жилета. Прическа у него была не в лучшем состоянии, чем у нашего ирландского знакомца, а щеки, лоб и даже ямочка на подбородке в чернильных отметинах — свидетельство жестокой, но победоносной схватки с исторической прозой. Синие глаза сверкали, брови хмурились, на скулах сквозь загар проступил румянец.

— Ага! О'Коннелл... Так я и думал, — ровным тоном произнес профессор. — Узнал ваш голос.

Кевин малодушно ретировался за прочный диван резного дерева, с пухлыми малиновыми подушками. Изобразив галантный полупоклон

в сторону мисс Минтон, Эмерсон обратился ко мне:

— Ты не в курсе, почему Уилкинс сидит на полу, Амелия?

— Понятия не имею, дорогой. У самого Уилкинса не пробовал спросить?

— У него язык отнялся.

— Это не я! — взвыл Кевин. — Пальцем не тронул, и точка! Обидеть старика...

— Не трогал, значит, — с угрозой протянул Эмерсон, закатывая рукава рубашки.

— Нет! Эмерсон, нет! — Я повисла у него на руке. — С ума сошел? Мистер О'Коннелл только того и ждет! Будет о чем накатать в газету!

Сработало. Аргумент оказался убедительнее физических усилий.

— Ты, как всегда, права, Пибоди. Слишком велика честь. Вышвырни его вон из моего дома — и дело с концом. Я человек уравновешенный, но подобные провокации терпеть не намерен. Каков наглец! Решил за моей спиной...

— Да нет же, Эмерсон, ты не понял. Им не интервью нужно. Молодые люди приехали потому, что вчера произошло еще одно убийство.

— *Еще* одно, Пибоди?

— То есть... Словом, убийство — и все. Погиб мистер Олдакр, помощник хранителя...

— Помню. Напыщенный идиот, как и все остальные протеже Баджа. И что с ним стряслось?

Я вкратце пересказала статью. Эмерсон вежливо выслушал.

— Печальная история. Но к нам отношения не имеет. Самое время распрощаться с молодыми людьми и вернуться к своим делам.

Используя мебель как прикрытие, Кевин украдкой продвигался к двери. Ирландец слишком хорошо знал «неистового профессора», чтобы клюнуть на его обманчиво любезный тон. Профессор краешком глаза следил за манипуляциями репортера и втихаря ухмылялся. У самой двери Кевин затормозил.

— Что-то забыли, мистер О'Коннелл? — нежно поинтересовался Эмерсон.

— Я... э-э... с вашего позволения... хотелось бы сопроводить мисс Минтон... Ее ждет экипаж, а я...

— Ах да. Мисс Минтон... — Под пристальным взглядом синих глаз юная дама нервно поправила шляпку. — Я не спрашиваю, каким образом удалось вломиться в мой дом мистеру О'Коннеллу. Он использовал насилие. Безобразно грубое, откровенное насилие, направленное на человека, который годится ему в дедушки. В случае с мистером О'Коннеллом мы имеем ярчайший пример классического ирландского воспитания, верно, Пибоди? Но вы, мисс Минтон?! Как вам удалось провести Уилкинса? Да-да, именно провести! Уверен, если бы вы передали через дворецкого свою карточку, в приеме вам было бы отказано.

— Точно, Эмерсон, — подтвердила я. — Мисс Минтон не соизволила назваться, но Уилкинс почему-то решил, что дело не терпит отлагательств. Не могу понять...

— Наверняка не можешь. А я попробую догадаться. Сходство-то оказалось на руку, мисс Минтон? Какую байку вы сочинили для Уилкинса? Что вы приходите мисс Эмерсон сестрой?... Плодом ошибки молодых лет...

Боюсь, возмущенный возглас мисс Минтон был не многим громче моего.

— Эмерсон!!! Как ты смеешь!

— *Очень* молодых лет, — снизошел он до поправки. — Итак, мисс Минтон?

— Ничего я не сочиняла, — насупилась журналистка. — Вашему дворецкому что-то почудилось — с него и спрашивайте. А моей вины здесь нет.

— Неужели? Ну а я другого мнения, — неожиданно весело отозвался Эмерсон. — На выход, мисс Минтон. — Он шагнул к притихшей дамочке.

У мисс Минтон вытянулось лицо.

— Вы не... Вы не посмеете ударить даму!

— Прискорбно, что такая мысль вообще пришла вам в голову. Согласитесь, однако, что *даже мне* ничто не помешает взять вас на руки и со всей осторожностью и уважением вынести вон из дома.

— Ухожу, ухожу. Сама ухожу!

— Рад слышать. — Эмерсон следовал за мисс Минтон, тесня ее к двери.

— Вы так легко от меня не отделаетесь, профессор! — напоследок сверкнув глазами, сообщила незваная гостья. — Я не сдамся!

Кевин схватил ее за руку и выволок из гостиной. Уилкинс так и не двинулся с места, но теперь он не был одинок. Рядом стоял Рамсес и с мрачным любопытством вглядывался в его окаменевшие черты. В том, что наш сыночек услышал все сказанное — или, точнее, *выкрикнутое* — в гостиной, я не сомневалась. Удирающих О'Коннелла и мисс Минтон он проводил еще более пытливым взглядом.

— Поднимайтесь, Уилкинс! Выпроводите их. Не забудьте про засов. — Отдав приказ, профессор развернулся ко мне и захлопнул дверь. — Боже мой, Пибоди! Боже мой!

— Что за ерунду ты нес, Эмерсон! Никакого сходства и в помине...

— Если тебе нравится отрицать очевидное, Пибоди, — на здоровье. Это ваше *несуществующее* сходство — штука занятная, но *не существенная*, прошу прощения за каламбур. — Он взял со стола газету и опустился в кресло.

— Сейчас ты заявишь, что убийство Олдакра — трагическое событие, которое не имеет никакого отношения к мумии...

— Не спеши с выводами, Пибоди, и позволь для начала ознакомиться с фактами... пардон, с газетными фактами, что далеко не одно и то же. Угу, угу. Так. «Обескровленный труп найден у подножия обелиска... зажат клочок бумаги... кара богов падет на голову того, кто осквернил гробницу... таинственная фигура в белых одеяниях возникла на набережной и растворилась в тумане...» А слог-то у мисс Минтон живой, верно, Пибоди? Внешностью ваше сходство не ограничивается.

— Как видишь, твой «бедолага» не так уж безобиден, Эмерсон. — Последнее идиотское замечание я пропустила мимо ушей.

— Если верить газете, полиция сомневается в присутствии жреца на набережной. Свидетель, похоже, не является сторонником трезвого образа жизни. Не удивлюсь, если Олдакра прирезал мистер О'Коннелл. Эти писаки ни перед чем не остановятся, лишь бы...

— Смешно и нелепо, Эмерсон.

— Почему же? Без Олдакра общество только выиграет. Мерзкий был тип. Невыносимый сноб, пресмыкающийся перед титулами; игрок, развратник, завсегда притонов...

— Притонов?

— Именно. Заведений, где в ходу опиум и прочая дрянь. — Отшвырнув газету, Эмерсон по привычке припечатал палец к ямочке на подбородке. Знак обнадеживающий.

— Выходит, ты считаешь, что делом стоит заняться?

— Разумеется. По-твоему, лондонская полиция недостаточно расторопна?

— Да ладно тебе! Ты прекрасно понял, что я имела в виду.

— Понял, Пибоди, понял. — Эмерсон упорно терзал подбородок. — Вот что меня привлекает...

— Египет! — не выдержала я. — Дело связано с Египтом!

— Нет, Пибоди. Меня привлекает тот факт, что в этом деле голубой кровью и не пахнет. Ни тебе лорда или леди, ни пэра... ни одного, самого завалящего аристократишки. Сначала ночной сторож. Затем помощник хранителя... Ей-богу, я готов вмешаться.

— О господи! Ну и юмор у тебя, Эмерсон! — Я чуть не поперхнулась. — Ты сам-то понял, что сказал?! *Сначала* сторож, а *затем* помощник хранителя. Подумай! Убийца движется вверх по социальной лестнице! Кто следующий?

У Эмерсона вспыхнули глаза.

— Бадж!!! Вот это да! Вот здорово, Пибоди!

— Мой дорогой, умерь свой иезуитский пыл. Он может быть неверно истолкован. Меня ты не обманешь; ни за что не поверю, что гибель мистера Бад-жа от руки маньяка доставит тебе радость.

— Тут ты права, Пибоди, — со вздохом признал Эмерсон. — Куда приятнее наблюдать его страдания. При жизни.

— Представь-ка лучше... Что, если в жертвы намечен *не* мистер Бадж? В Лондоне хватает ученых-востоковедов. Там же очень скоро появится и еще один... величайший из них, самый признанный!

Судя по улыбке, муж купался в сладких мечтах о страданиях Баджа. Моя версия не просто оторвала его от этого блаженного занятия, но поразила как гром среди ясного неба. Густые темные брови поползли вверх, глаза округлились, рот сложился в трубочку, открылся, захлопнулся... как будто Эмерсон подыскивал слово поточнее, пометче. Нашел наконец.

— *Безумие!* — заорал он. — *Обезумела!* Наслушался я твоих *безумных* теорий, Пибоди, но эта превзошла их в *безумстве!* Ничего

безумнее... Спокойно, спокойно... Мне не привыкать... Нужно взять себя в руки...

— Не мешало бы, — согласилась я. — Видел бы ты свое лиловое лицо. Того и гляди, удар хватит. Умоляю, не пренебрегай советом опытного человека. Либо обуздай эмоции — либо выплесни их. Вот хоть газету разорви. Разбей что-нибудь. Мне, к примеру, никогда не нравилась эта ваза. Чудовищно уродли...

Эмерсон взвился из кресла. Ринулся было к вазе... опомнился на полпути и замер, стиснув кулаки и бормоча что-то сквозь сцепленные зубы. Очень-очень медленно краска с его лица схлынула. Еще через несколько минут профессор со смешком выдавил:

— Один — ноль в твою пользу, Пибоди. Ты меня подцепила. Ну и шутница. Сама же не веришь, правда? Просто дразнишь...

Я промолчала. Сказать правду значило бы вызвать очередной приступ безудержной ярости. Солгать? Ложь моей откровенной, прямолинейной натуре не свойственна.

— Да-да... Дразнишь... — вслух размышлял Эмерсон. — Выискиваешь оправдания... Могла бы найти что-нибудь более правдоподобное, Пибоди. Вечно ты суешь свой нос куда не просят... Уже решила вмешаться?

— Ты о чем, Эмерсон? Я никогда никуда не сую нос.

Чистая правда, любезный читатель. Клянусь, я не вмешиваюсь в чужие дела, но в жизни бывают моменты, когда один-единственный намек или мудрый совет может уберечь человека от трагедии или ненужных переживаний. Предложить такой совет — мой христианский долг. А от исполнения своего долга Амелия Пибоди Эмерсон не имеет привычки уклоняться. Но чтобы сунуть нос куда не просят? Да ни за что!

Ах, дорогой мой Эмерсон! Он наконец пришел в себя. Багровость щек сменил здоровый румянец, заразительный смех сорвался с губ, за которыми блистал ряд ровных белоснежных зубов.

— Лгунья, — привлекая меня к себе, пророкотал любимый. — Ведь ждешь не дождешься, когда можно будет приступить к делу. Признавайся, к кому помчишься по приезду в Лондон? Кого будешь допрашивать? Констебля? Баджа? Или уж сразу мумию?

— Твои несправедливые, чтобы не сказать двусмысленные, намеки... — Закончить не удалось. Действия мужа нередко лишают

меня... способности... соображать... Но не совсем. — Эмерсон! У тебя же руки в чернилах! Испачкаешь блузку... что скажет Уилкинс... О-о-о, дорогой...

— Плевать, что скажет Уилкинс.

Как тут не признать, что Эмерсон, со свойственной ему пронизательностью, смотрел в самый корень.

* * *

Никто, надеюсь, не посмеет назвать меня суеверной. Чтобы Амелия Пибоди Эмерсон опустила до нелогичных, безотчетных предрассудков? Смех, да и только.

И все же, любезный мой читатель... и все же... Жизнь уже убедила меня в силе вещей снов. Был случай, когда мой сон сбылся наяву вплоть до мельчайших, самых зловещих деталей. Не буду настаивать на том, что любой из наших снов — вещей, хотя... все может быть. Психология движется вперед; нынешние ученые утверждают, что сны являются отражением потаенных и не слишком привлекательных желаний и фантазий человека. Я всегда стараюсь шагать в ногу со временем и воспринимать новые идеи, какими бы немислимо чудовищными они ни выглядели на первый взгляд.

Однако довольно философских раздумий. Речь, собственно, о моем сне в ночь после визита журналистов. Сне?! О нет! Точнее будет сказать — кошмаре, при воспоминании о котором я покрывалась холодным потом еще много-много лет.

* * *

Мрак. Непроницаемый, липкий. Он давит на плечи, пригибает к земле. Босые ступни оковали на мокрых камнях. Тягостное безмолвие внезапно нарушает странный звук. Поначалу чуть слышный, как биение моего собственного пульса, он неуклонно нарастает... превращается в мелодию... Кровь стынет в моих жилах. Мне знаком этот зловещий мотив.

Свет возникает и усиливается вместе с музыкой. Огни... Бездна огней... Из крохотных точек они превращаются в горящие факелы. Мрак отступает перед их мертвенным сиянием.

Я стою... нет... скорчилась на каменном выступе, нависшем над колоссальной, вырубленной в скале пещерой. Гладкая и блестящая, словно китайский шелк, поверхность стен отражает и множит огни. Факелы горят в руках призраков, облаченных в белое... с жуткими масками вместо голов. Кого здесь только нет... Аллигаторы и ястребы, львы и ибисы — целая процессия монстров вливается в пещеру. Безмолвные и торжественно-грозные факельщики занимают места вокруг алтаря у подножия громадной статуи. В каменной фигуре я узнаю Озириса, владыку царства мертвых, олицетворение высшего правосудия. Руки его сложены на груди, в каждой — по королевскому скипетру. Высокая корона и алебастрово-снежные плечи кажутся еще белее в сравнении с матовым черным блеском лица и рук.

Плавной поступью вслед за факельщиками к алтарю приближается верховный жрец. Лицо жреца скрыто за маской не животного, но человека. Жрец меня не пугает. Невообразимый ужас леденит мое сердце при виде фигуры, что вносят на носилках обнаженные рабы.

Несчастный закован в цепи, против которых бессильны даже его железные мускулы. Обнаженные руки и грудь лоснятся от благовонных масел и испарины; рот неистово оскален, и глаза извергают яростный огонь.

Носилки опускают на алтарь... Верховный жрец заносит жертвенный нож... В этот страшный миг пронзительно-синий взгляд находит меня в моем укрытии...

— Пибоди! Пибоди-и...

— Эмерсон!!!

* * *

— Дьявольщина! Что это с тобой, Пибоди? Скрипишь зубами, стонешь, вертишься как черт на сковородке!

Первые лучи весеннего солнышка коснулись потемневшей утренней щетины, такого любимого лица... заиграли в черных вихрах, высветили глубину заспанных синих глаз.

— О, Эмерсон! — Мои руки вмиг обвилились вокруг загорелой шеи.

— М-м-м... — удовлетворенно заурчал Эмерсон. — Я, собственно, не возражаю. Стони себе на здоровье. Можешь даже повертеться, если и меня пригласишь...

О дальнейших его действиях умолчу. Поверьте, читатель, на ход событий, о которых идет речь в этой книге, они не повлияли.

* * *

Пересказывать свой ночной кошмар Эмерсону я не рискнула. Истинная мудрость в том и заключается, чтобы в нужный момент смолчать. Предположим, поделилась бы я с Эмерсоном... и что? Во-первых, этот кошмар вызвал бы неприятные воспоминания о другом моем сне, воплотившемся на глазах у мужа. А во-вторых... К чему лишний раз нарываться на хорошо мне знакомые шпильки и грубости?

Эмерсон не пытался мною помыкать. Не требовал, чтобы я сделала то и не делала другого. И вовсе не потому, что деспотизм не в его характере; просто ему отлично известна бесполезность подобных попыток.

Нет, приказы он не отдавал... Он лишь слезно умолял «воздержаться от применения своего детективного дарования».

— У меня и без того дел по горло этим летом, Пибоди, — вновь и вновь повторял Эмерсон. — Не желаю отвлекаться по пустякам, слышишь?

Все это, разумеется, были пустые разговоры. Уж я-то точно знала, что в конце концов мы сплотимся и сообща возьмемся за расследование, — точно так же, как сообща трудились на раскопках. Профессор получит счастливую возможность заняться тем, о чем он втайне мечтает, и еще более счастливую возможность обвинять во всем происходящем *меня*. Этот излюбленный мужской прием не чужд даже Эмерсону, одному из самых разумных представителей своего пола.

Я же решение приняла. Окончательно и бесповоротно. Страшный сон, конечно, не мог быть буквальным воссозданием грядущих событий. Допустим, верховный жрец из кошмара — это то самое «леопардовое привидение», что наводит ужас на посетителей Британского музея... Нет, не получается. Мой привычный к научным

исследованиям интеллект продолжал и ночью трудиться, и я не могла не заметить огрехи в спектакле. Человеческое жертвоприношение среди египтян не было в ходу... по крайней мере в тот период.

Я дала самой себе твердое обещание основательно изучить этот вопрос. Позже. А сейчас мои мысли занимал Эмерсон, и только Эмерсон. Нет, ему не грозила опасность гибели на алтаре, давным-давно превратившемся в пыль. Никто не собирался приносить его в жертву божеству, чьи почитатели исчезли с лица земли сотни тысяч лет назад. Тот сон был предупреждением... символом пока неведомой угрозы, что нависла над моим обожаемым супругом. Суеверие, скажете? О нет! Безотчетные страхи мне не знакомы, но я настаиваю и впредь буду настаивать, что нас с Эмерсоном объединяет такое глубокое чувство, которое способно творить чудеса. Мистика, говорите? Что ж. Пусть мистика. Сбрасывать со счетов нашу *мистическую* связь с Эмерсоном я не могла. Доказательств моей правоты не было... А вдруг?... Вдруг по улицам Лондона действительно бродил маньяк, выискивая не беззащитных женщин, а выдающихся египтологов?! Что тогда?!

Не брать в расчет эту страшную возможность значило бы не исполнить свой долг и потерять все, что только есть у меня дорогого в жизни (кроме Рамсеса, конечно). Вот почему я за день закруглилась с делами, и на следующее утро мы отправились в Лондон.

* * *

Первая часть путешествия прошла довольно мило, в любовании придорожной зеленью и цветущей черникой. Правда, экипаж оказался тесноват для пятерых человек, трое из которых дети. Ворота Амарнахаус еще не скрылись из виду, а им уже не терпелось увидеть Лондон. Изнывающий от безделья Эмерсон вел себя не многим лучше. Еще дома он предложил нам разделиться:

— Давай я поеду на поезде, Пибоди. Так будет лучше.

— И бросишь на меня детей? Нет уж, благодарю покорно. Как-нибудь разместимся.

Я устроилась на скамье вместе с Перси и Виолеттой, а Эмерсон с сыном заняли скамью напротив. При таком варианте оставалась

надежда избежать баталий между мальчиками.

Но Рамсесу, судя по всему, было не до драк. Он был угрюм и сосредоточен более обычного, поскольку остался без своей верной спутницы. Бастет пропала.

Причины ее нездоровья стали ясны в первый же день в Амарнахаус. На десять миль вокруг не осталось ни одного кавалера кошачьего племени, который обошел бы вниманием нашу барышню. Я с пониманием отношусь к амурным слабостям, но немыслимое количество обожателей, должна признаться, крайне осложнило мне жизнь. В конце концов Бастет приняла ухаживания одного из донжуанов и исчезла на пару с ним. Несколько дней я радовалась тишине и ждала возвращения блудной дочери. Бастет не вернулась. Рамсес умолял отложить отъезд; пришлось объяснить ему, что отлучка Бастет может длиться очень долго. *Или вечно*. Видя тоску сына, вслух я этого не повторила, но осталась при своих сомнениях. Бастет в наших краях ничто не угрожало. Выросшее в суровых египетских песках, это создание сильнее и выносливее многих здешних чудосочных животных. Дитя природы, Бастет к природе же и вернулась. Рамсесу эта мысль в голову не приходила; он был уверен, что привязанность к нему любимицы так же сильна, как и его к ней. Поистине трогательное заблуждение... Раньше я и не подозревала, что в нашем сыне сохранилась детская наивность.

Одним словом, Рамсес всю дорогу пребывал в печали. Эмерсон ерзал на сиденье с видом безвинного мученика; Перси сыпал вопросами, как егеря дробью на охоте, а Виолетта давилась леденцами (единственное средство удержать эту плаксу от нытья — снабдить ее неиссякаемым запасом сладостей, другого не существует)... Так что в целом путешествие выдалось не из приятных. К счастью, все имеет конец. Настал конец и моим мукам. Сельский пейзаж сменился городским, колеса экипажа затарахтели по мостовой. Потолкавшись между кебами на шумном Стрэнде, мы добрались до относительно пустой и покойной Сент-Джеймской площади.

Нас уже ждал ленч, от которого Эмерсон наотрез отказался.

— Уходишь? — поинтересовалась я.

Мой ровный, как всегда любезный тон обманул бы кого угодно, только не Эмерсона. Нервно теребя в руках шляпу и старательно избегая моего взгляда, любимый промычал:

— Э-э... вот что, Пибоди... Мне здесь нечего делать. Помочь я тебе не могу...

— Ну что ты, дорогой. Я тоже совершенно свободна. Всего-то и дел, что устроить детей, распаковать вещи, обсудить с кухаркой ужин, распорядиться, чтобы горничные ни в коем случае не мешали опытам Рамсеса и не прикасались к его «мумиям», ответить на дюжину-другую писем...

— Каких таких писем? — грозно свел брови Эмерсон. — Дьявольщина! Предупреждаю, Амелия, я не стану тратить время на визиты и приемы. Откуда эти твои... писаки узнали о нашем приезде?

— Слухами земля полнится. Эвелина сообщила слугам, когда нас ждать. Те разнесли по округе. Да будет тебе известно, прислуга — самый верный и безотказный источник информации.

— Ну да. Слуги разнесли новость, а ты разослала всем знакомым и малознакомым личностям приглашения.

— Только тем коллегам, которых ты всегда рад видеть, Эмерсон. Говарду Картеру и мистеру Куибеллу, Фрэнку Гриффиту из колледжа...

— Отлично! Вот и читай свои письма, будь они прокляты. Можешь позвать весь Лондон, но не надейся, что я буду торчать на твоих светских приемах! Меня работа ждет, Пибоди!

Нахлобучил шляпу — и был таков.

По правде говоря, моя милая подруга сделала все возможное для нашего удобства. Даже в отсутствие хозяев в доме всегда хватало слуг. Я бы сказала — с избытком. Эвелина, сама мягкость и доброта, не могла видеть человеческого горя, и Шалфонт-хаус стал приютом не для одной юной заблудшей души. Здешнюю экономку никто не назвал бы заблудшей и уж тем более юной, но бесконечное добросердечие Эвелины осчастливило и ее. Дальняя родственница Эвелины по материнской линии, экономка вышла замуж за деревенского пастора, а после его безвременной кончины оказалась на улице. Женщинам среднего класса очень нелегко приходится в жизни. Ни образования, ни каких-либо профессиональных навыков, ни средств к существованию... Если не образование, то все остальное миссис Уотсон получила в доме Эвелины и Уолтера, и ее преданность хозяевам была безгранична.

Зная эту расторопную, заботливую женщину, я не сомневалась, что она и сама прекрасно справится с детьми и вещами. Каюсь,

читатель. Мои жалобы мужу были преувеличены... слегка. Совсем немножко. Проблем все равно оставалось предостаточно, о чем я немедленно и сообщила экономке.

Мы не взяли в Лондон ни одного из своих кентских слуг. Роза — моя правая рука; Амарна-хаус без нее просто не выстоит. От Уилкинса, честно говоря, здесь больше забот, чем пользы. С удовольствием прихватила бы Джона, но разве можно было оторвать его от молодой жены и новорожденного сына?

— Не тревожьтесь, мэм. Мы справимся, — заверила меня миссис Уотсон. — Правда, трое из девушек недавно вышли замуж и покинули дом, но таких бедолаг в Лондоне хватает.

— К сожалению, — вздохнула я.

— Да, мэм... — Экономка покачала головой. Она не изменила моде своей юности и никогда не появлялась без чепчика на убеленной пышными сединами голове. Чепчики эти выдавали некоторую игривость характера: каждый новый головной убор отличался от предыдущего экстравагантностью отделки, яркостью ленточек и немислимым количеством цветочков. В день нашего приезда миссис Уотсон выглядела так, словно целое облако розовых, сиреневых и лиловых бабочек вспорхнули с цветущего поля и опустились ей на голову.

— Нужно будет дать объявление в «Пост», — сказала я. — Детей нельзя оставлять без присмотра. Пригласим к малышке Виолетте няню, а для мальчиков найдем кого-нибудь... м-м... повыносливее и покрепче.

— Гувернера, мэм?

— Скорее конвоира. Как вы считаете, среди лакеев не найдется...

— Ребята они неплохие... — с сомнением отозвалась экономка, — но образования никакого, и манеры... Вряд ли вы их одобрите.

— Бог с ними, с манерами! Меня одно заботит: чтобы Рамсес не покалечился сам и не угробил своего кузена. Они не ладят, миссис Уотсон. И это еще мягко сказано. Каждую минуту готовы вцепиться друг другу в глотку.

— Мальчишки есть мальчишки, — добродушно улыбнулась экономка. — С девочкой пока побудет кто-нибудь из наших горничных. Кейт, скажем... или Джейн. Ну а мальчишки... Боб, на мой взгляд, крепкий парень...

— Положусь на вас, миссис Уотсон. Полностью вам доверяю.

Сбросив с плеч домашние проблемы, я отправилась решать другие, не менее важные.

Денек выдался на редкость славный. Порывы ветра с моря слегка развеяли дымные облака, и в небе над Лондоном местами даже проклюнулись голубые островки. Шаг мой был свободен и легок. Я с сожалением поглядывала на встречных дам: затянутые, словно в панцирь, в корсеты, они семенили на каблуках высотой в добрых пять дюймов, ежеминутно рискуя сломать себе шею. Бедные, бедные жертвы безвкусицы, навязанной обществом. Жертвы, однако, добровольные — такие же, скажем, как и неразумные индуски, которые покорно ныряли в могилу вслед за своим «хозяином и повелителем». Гуманный закон Британии положил конец этой варварской традиции. Какая жалость, что закон Британии недостаточно гуманен по отношению к моим соотечественницам...

Погрузившись в раздумья, я не замечала поспешного цоканья чьих-то каблучков, пока за спиной не раздался задыхающийся голос:

— Здравствуйте, миссис Эмерсон!

— Здравствуйте и до свидания, мисс Минтон. — Замедлить шаг я и не подумала. — Вам незачем меня преследовать. Мои сегодняшние планы читателям «Миррор» неинтересны.

— Пожалуйста, миссис Эмерсон... Остановитесь... на секундочку! Я за вами не поспеваю. Хотелось бы... извиниться.

Журналистке повезло. На Риджент-стрит нам пришлось затормозить, поскольку улица была запружена экипажами.

— Я вела себя отвратительно, — хватая ртом воздух, лепетала мисс Минтон. — Мне очень стыдно, честное слово. Но это он... он во всем виноват! Вы не представляете, как он меня раздражает!

Я проскочила дорогу перед омнибусом. Мисс Минтон — следом, едва не угодив под колеса.

— Речь, полагаю, о мистере О'Коннелле?

— Н-ну... да, о ком же еще. Хотя он ничем не хуже остальных. Мы живем в мире мужчин, миссис Эмерсон. Женщина, чтобы чего-то добиться, не должна уступать им в агрессивности.

— Но не *должна* и уподобляться им в грубости, мисс Минтон! Уж поверьте, можно добиться успеха в любой профессии — и при этом не уронить звания леди.

— Справедливые слова, миссис Эмерсон. Я и сама бы *о вас* лучше не сказала. Но таких, как вы, больше нет! Позвольте начистоту, миссис Эмерсон? С первой статьи о ваших приключениях в Египте я только на вас и равнялась. Даже за это дело взялась с надеждой на встречу с вами — моим кумиром, моим божеством!

— Гм-м... Что вам сказать, мисс Минтон... Не скрою, ваши устремления мне приятны, и я прекрасно понимаю, что журналистика — нелегкий хлеб для женщины.

— Значит, вы меня прощаете? — воскликнула девушка, прижав ладошки к груди.

— Прощать ближнего — долг каждого христианина, а я стараюсь следовать рекомендациям Священного Писания. Зла я на вас не держу, мисс Минтон, что, однако, не означает моего согласия с вами сотрудничать. В чем бы то ни было, и уж менее всего — в погоне за сенсациями.

— Это понятно... — пробормотала журналистка. — А вы не... э-э... Вы случайно не в Скотланд-Ярд идете?

Мне хватило одного взгляда на ее плутовскую улыбку, чтобы понять, куда ветер дует.

— Решили позабавиться за мой счет, мисс Минтон? Рада, что у вас нашелся повод для веселья. Правда, неудачный. Я иду в редакцию «Пост». Причем меня, заметьте, не интересует та из ваших колонок, где убитые горем лондонцы оставляют невнятные описания пропавших без вести родственников. Я ищу всего *лишь* прислугу. Затем я отправлюсь в Британский музей к мужу, где он работает... вовсе не над раздутым вами делом «мумии-убийцы», а *всего лишь* над собственной Историей Древнего Египта". Все, как видите, вполне прозаично. Помешать вам меня сопровождать не в моих силах, но предупреждаю — путь предстоит долгий и утомительный. Вы лишь зря потратите время.

Мисс Минтон округлила глаза:

— Неужели вы собираетесь добираться до Флит-стрит, а потом еще и до Блумбери *пешком*?

— Разумеется. *Mens sana in corpore sano*, мисс Минтон. Систематическая тренировка...

— О да, конечно! — с жаром согласилась моя юная собеседница. — И доказательство тому — ваш цветущий вид и

стройная фигура! Надеюсь, вы не против, что я позволила себе комплимент...

— Нисколько.

И впрямь — с чего бы мне быть против? Славная девушка. И манеры приятные, когда она дает себе труд о них вспомнить. Возможно, Эмерсон был не так уж и не прав, настаивая на нашем сходстве...

— А ваш наряд! — восторженно продолжала мисс Минтон. — Какая прелесть! Практичный и в то же время красивый. Модный, но и удобный...

— Жаль, не могу вернуть комплимент, дорогая. Правда, платьице на вас миленькое. Теперь так носят? Рукава, похоже, стали еще шире («Уму непостижимо! Куда уж шире!»), а юбки, слава богу, короче... Надеюсь, вы не запутаетесь в этих оборках. И цвет вам к лицу... как его называют? Горчичный? Шафрановый? Вы бы все же застегнули пальтишко, мисс Минтон. Ветерок сегодня прохладный. Позвольте-ка я помогу. Ага! Так я и думала. Корсет непомерно затянут. Неудивительно, что вы задыхаетесь. — Мою краткую, но толковую речь о влиянии тугого корсета на внутренние органы юная леди выслушала с нескрываемым интересом.

— Поразительно, миссис Эмерсон! — не удержалась она от восторженного восклицания. — А вы согласились бы... вы не могли бы... Вы не позволите угостить вас чашкой чая? Жаль прерывать такую познавательную беседу...

Ну что мне оставалось делать? Отказаться? Неопытное создание могло лишиться единственного шанса оценить преимущества рациональной одежды. Прошу прощения, любезный читатель, но я никогда не упускаю возможности сохранить здоровье, а скорее всего, и жизнь своим невежественным сестрам.

А мисс Минтон между тем не унималась:

— Умоляю, миссис Эмерсон! Клянусь, что не займу у вас ни одной лишней минуты. Если позволите, объявление я занесу сама... меня в любом случае ждут на Флит-стрит... а вы сможете прямо отсюда отправиться к профессору в музей! Согласны? — Она кивнула на ближайшее кафе — приличного вида заведение, где столовались, как я слышала, многие из лондонских деловых дам. Хотелось бы, конечно, чтобы их было побольше — и заведений, и деловых дам.

Беседа удалась. Мы обсудили и моду, и женские права, и брак (против которого у меня нашлось немало аргументов; мой собственный положительный опыт замужества — скорее исключение, чем правило), и даже профессиональные проблемы журналистики. Однако главной моей целью было выпытать у мисс Минтон как можно больше о пресловутом деле «мумии-убийцы».

Журналистка согласилась с тем, что прежде всего следует определить личность таинственного «жреца». Его способность исчезать со сцены граничила со сверхъестественной, но только лишь потому, как верно подметила мисс Минтон, что до сих пор он никого особенно и не интересовал.

— Подумаешь, ненормальный! — цинично улыбнулась журналистка. — Таких психов целый Лондон! Но теперь...

— А что — теперь? Полиция, если я правильно поняла, не доверяет показаниям подвыпившего свидетеля, который якобы видел «жреца» на месте преступления.

— Так они говорят. Я лично думаю, что Скотланд-Ярд лукавит, чтобы не спугнуть «жреца». В любом случае для прессы он лакомый кусочек. Боже! Как бы мне хотелось разыскать его и сорвать маску! Вот это я понимаю — удача для журналиста! — Она блаженно закатила глаза.

— Похоже, кое-какой замысел у вас уже созрел, мисс Минтон. Позвольте поинтересоваться — не замешан ли в нем ваш приятель... сотрудник Британского музея?

— Юстас?! — Девушка звонко расхохоталась. — Боже правый! Нет, конечно! Юстас все бы отдал, лишь бы заставить меня отказаться от дела и от журналистики вообще!

— Но вы используете его без зазрения совести. Стыдно, мисс Минтон. Играть на нежных чувствах молодого человека только для того, чтобы выудить из него... Одним словом — стыдно! А он был знаком с убитым?

— Да. Не знаю, вправе ли я... — Мисс Минтон не долго колебалась. Моя одобрительная улыбка ее обезоружила. — Говорят, смерть мистера Олдакра — потеря небольшая.

— Странное дело. Профессор сказал то же самое.

— Знаете, миссис Эмерсон... я с этим типом однажды встретилась... Когда готовила материал для первой статьи. Фу! —

Девушка презрительно скривила розовый ротик. — Подонок, каких мало! Эдакий скользкий пройдоха с влажными руками... вы меня понимаете, миссис Эмерсон. А глазки-то так и шныряют! Оскорбиться вроде бы не за что, но чувствуешь себя голой. Лизоблюд чертов... извините, мэм. Вечно пресмыкался перед властью имущими, а жизнь вел такую, которую по своим средствам позволить себе не мог.

— Ага! В долги залез?

— Не то слово! В долгах как в шелках.

— В таком случае... его мог убить кто-то из кредиторов...

— Кредиторы не имеют привычки резать курицу, несущую золотые яйца, — учтиво возразила мисс Минтон. — И в долг давать не станут, если не уверены, что деньги вернутся. Наследства Олдакр не получал, а жалованье помощника хранителя — не бог весть что. Он не мог бы жить на широкую ногу...

— Шантаж? Вы к этому ведете, мисс Минтон?

— Именно. Согласитесь, миссис Эмерсон, версия логична. Доведенные до крайности, жертвы шантажа нередко избавляются от своих мучителей.

— Логична-то логична... Но ваша версия скорее поднимает вопросы, чем отвечает на них. Кого шантажировал Олдакр? Какое отношение имеет к этому «леопардовый жрец»? Мыслите вы разумно, мисс Минтон, отдаю вам должное... Вот только опыта у вас маловато. Позвольте заметить...

Через четверть часа мы распрощались.

— Желаю удачи, дорогая, — напоследок сказала я. — Буду счастлива видеть, что женщина преуспела там, где так называемый сильный пол потерпел крах.

— О, миссис Эмерсон! — загорелась журналистка. — Если вы и вправду так думаете...

Пришлось охладить ее репортерский пыл:

— Не рассчитывайте на мою помощь, мисс Минтон. Это дело меня не интересует. Да и времени нет. Нынешним летом у меня каждый день расписан. Работа над «Историей Египта» вместе с профессором, подготовка к публикации отчета о прошлом сезоне, участие в ежегодном собрании Общества охраны древнеегипетских памятников, где намечен мой доклад о последствиях затопления

Черной пирамиды... да мало ли еще дел! Мне пора. Всего доброго, мисс Минтон.

Я дождалась, пока тоненькая фигурка не исчезла за поворотом, и только тогда продолжила путь... в сторону, противоположную Блумсбери. Иными словами — следом за мисс Минтон, по направлению к набережной Виктории и Стрэнду. Настроение у меня было преотличное. Еще бы! Ни разу не солгать — и при этом сбить журналистку со следа!

Поделом, Пибоди, как сказал бы мой муж. Самодовольство всегда наказуемо. Но кто бы разглядел лису под маской бесхитростного ягненка?

Кто угодно, только не такой открытый и чистосердечный человек, как я.

Глава 6

Поскольку до сих пор моя детективная деятельность проходила на Ближнем Востоке, я не имела удовольствия посетить Скотланд-Ярд, хотя и разглядывала его с профессиональным интересом всякий раз, когда случалось бывать поблизости. Должна сразу отметить, что не согласна с критикой его архитектуры. Здание из красного кирпича с белой отделкой и закругленными углами прекрасно смотрится, напоминая замок в стиле барокко. Возможно, его облик и противоречит мрачному назначению — так что ж? Почему бы, спрошу я вас, тюрьмам, крепостям и прочим местам заключения не выглядеть привлекательно?

На собственном опыте убедившись в разгильдяйстве и бюрократизме египетской полиции, я была приятно удивлена расторопностью британской. Первый же дежурный констебль не только ответил на мой вопрос, но и провел меня к ответственному за дело об убийстве мистера Олдакра. Кабинет ответственного лица выглядел жутковато, хоть и выходил окнами на набережную Виктории. Занимали кабинет двое — личность в форме полицейского и тощая персона с длинным и морщинистым лицом мумии. Услышав мое имя, мумия выпрыгнула из кресла и поспешила навстречу.

— Миссис Эмерсон! Не стоит и спрашивать, та ли вы самая миссис Эмерсон! Не раз видел ваши фотографии в газетах. Рад, очень рад. Прошу вас, садитесь. Чашку чая?

— Не откажусь. — Разве не занятно взглянуть, чем потчуют в Скотланд-Ярде? Я села, предварительно смахнув с предложенного стула пыль, а констебль помчался исполнять распоряжение начальника.

— Позвольте представиться. Инспектор Кафф, — сообщила до крайности изнуренная персона, вернувшись на свое место за письменным столом. — А я, знаете ли, ждал вас, миссис Эмерсон. Ждал и даже надеялся, что вы гораздо раньше окажете честь своим присутствием.

Тонкие губы, несмотря на все усилия Каффа, так и не сложились в улыбку, но от уголков глаз разбежались очень даже симпатичные

смешливые морщинки.

— Благодарю. И прошу прощения за задержку. Дела, инспектор. Домашние хлопоты, профессиональный долг... сами понимаете.

— Понимаю, мэм, понимаю. Как не понять. Но нельзя забывать и о своем долге перед британскими подданными, перед Скотланд-Ярдом. Ваш признанный талант детектива нужен нам всем, миссис Эмерсон!

— Ах, инспектор... Вы преувеличиваете...

— Не скромничайте, миссис Эмерсон. Мне все известно от одного общего знакомого и горячего поклонника вашего таланта. Помните мистера Блэки Джонса, бывшего заместителя главы каирской полиции?

— Мистер Джонс?... Как же, как же! Отлично помню. *Бывший*, говорите? Он вернулся в Лондон?

— Год назад. Сейчас в отпуске. Вот, должно быть, расстроится, что вас не застал!

— Передайте от меня мистеру Джонсу самый сердечный привет. — Я сняла перчатки и устроилась поудобнее — насколько это возможно на жестком стуле. — Довольно комплиментов и досужих разговоров, инспектор. Перейдем к делу.

— С удовольствием, мэм. Чем могу помочь? О! Прошу прощения! Наверное, вы пришли предложить помощь *мне*?

— Надеюсь, смогу быть вам полезной, инспектор. В данный момент, однако, мне недостает информации. Будьте любезны изложить существо дела. И поконкретнее, со всеми деталями.

Мистер Кафф зашелся в кашле. К счастью, констебль как раз вернулся с двумя гигантскими кружками какой-то мутной жидкости. Одну из кружек я немедленно протянула инспектору:

— Вот, глотните, мистер Кафф.

— Благодарю, мэм... Это все распроклятый... тысяча извинений... лондонский туман. Можете идти, Дженкинс. Вы мне пока не нужны.

Как только за констеблем закрылась дверь, мистер Кафф откинулся на спинку кресла и обратил на меня серьезный взгляд.

— Что касается убийства, уважаемая миссис Эмерсон... боюсь, полиция знает не многим больше читающей лондонской публики. Самоубийство исключено: слишком велика сила удара, да и орудие убийства не найдено. Часы, кошелек и прочие ценности жертвы исчезли...

— Но истинный мотив — вовсе не ограбление! — не удержалась я.

— Абсолютно справедливо, миссис Эмерсон. Один из тех бродяг, что в последнее время расплодились на улицах Лондона, наткнулся на тело и обчистил карманы жертвы. Бродягу мы поймали, но... Не думаю, чтобы он был убийцей.

— Вы повторили общеизвестные факты, инспектор. А кое-что и утаили. О клочке бумаги, например. Том самом, что был зажат в скрюченных, окоченевших пальцах жертвы.

— Какой слог! — восхитился мистер Кафф. — Верно, мэм, записка была. У меня есть копия. — Он опустил ладонь на грудку бумаг — одну из многих, сваленных на столе.

Если я где и встречала больший кавардак, чем у мистера Каффа, так только на столе многоуважаемого профессора Эмерсона. Но точно так же, как Эмерсон, инспектор знал, где что лежит. Нужный листок он выудил в мгновение ока.

— Прошу, миссис Эмерсон!

— Иероглифы выписаны правильно, — отметила я. — Но подобного текста в древнеегипетской литературе не существует. «Смерть на стремительных крыльях унесет того, кто осквернит мою могилу» — таков приблизительный перевод.

— Да, мэм. Так мне и перевели.

— Зачем же вы ко мне обратились? — Листок полетел на стол.

— Мне показалось, это *вы* ко мне обратились, мэм, — кротко возразил инспектор. — К тому же... один специалист хорошо, а два лучше. Мнение же такого известного в египтологии ученого, как вы, миссис Эмерсон, для нас особенно ценно. Не хотите ли взять копию с собой и показать профессору?

— Пожалуй. Но предупреждаю, инспектор, в общении с профессором вам придется проявить максимум такта. Впрочем, я не уверена, что мне удастся уговорить его вам помочь. К полиции он относится... м-м... слегка предвзято.

— Наслышан, наслышан, миссис Эмерсон.

Больше я ничего существенного из инспектора не вытянула. Полиция, как обычно, оказалась в тупике. Версию свидетеля о проплывающей по набережной фигуре в белых одеждах мистер Кафф отверг начисто:

— Разве это свидетель! Горький пьяница, миссис Эмерсон. Ему регулярно мерещатся всякие ужасы — змеи, драконы, гол... э-э... скажем, фривольно одетые дамочки.

— Понятно. А вам не приходило в голову, инспектор, что мы имеем дело со вторым Джеком-потрошителем?

— Н-нет, — протянул мистер Кафф. — Признаться, не приходило.

Под впечатлением от моих слов, он твердо обещал рассмотреть факты в свете этой теории.

— Непременно, миссис Эмерсон, непременно. Однако позвольте заметить, что это маловероятно. Если... упаси господи... в ближайшее время произойдет еще одно убийство... тогда конечно... Поживем — увидим, миссис Эмерсон. Таков наш с вами девиз. Поживем — увидим.

Расстались мы по-дружески, пожелав друг другу всяческих успехов. Милый джентльмен этот инспектор Кафф, размышляла я, шагая к выходу из Скотланд-Ярда. Но если он решил, что при помощи комплиментов и чашки кошмарного чая обвел меня вокруг пальца, то сильно ошибся. Ему известно гораздо больше тех крох, которыми он со мной поделился. Полицейский есть полицейский. Так же как и все остальные, не желает признавать за женщиной таланта детектива. Что ж. *Поживем — увидим*, инспектор Кафф!

На набережной я остановила кеб, потому что время поджимало, и очень скоро уже стояла на Рассел-стрит. Хотелось бы сказать, что при виде Британского музея я исполнилась гордостью за это средоточие знаний и археологических сокровищ. Очень хотелось бы... но ложь, как вы уже поняли, читатель, противна моей натуре. Сама по себе задумка была неплохой. Выполненное по образу и подобию греческих храмов, здание поначалу выглядело внушительно, но за тридцать с лишним лет лондонский смог окрасил его стены в унылый грязно-серый цвет. Ну а внутри... Музей всегда ломился от экспонатов, вот только относятся здесь к этим сокровищам с безобразной, совершенно непростительной халатностью. Чего стоят безграмотные надписи на стендах! А невежественные гиды, изо дня в день повторяющие те же ошибки посетителям! Женская рука — вот чего не хватает нашему музею. Если бы место мистера Баджа занимала дама...

Ни в читальне, ни в так называемом кабинете Эмерсона не было. А кто, собственно, рассчитывал найти профессора за работой? Из

подсобного крыла я напрямиком направилась в Египетскую галерею.

Зал мумий был наполнен до отказа. Разношерстная публика оказалась еще и многоязычной — помимо классического английского здесь звучал не только хинди, но и шотландский, йоркширский диалекты, которые с английским мало схожи. Светские дамы в шляпках и перчатках толкались среди простоватых торговцев и худосочных клерков в протертых на локтях пиджаках и брюках с пузырями на коленях. Кое-кто пришел с детьми. Не обошлось и без личностей, в которых любой с легкостью распознал бы репортеров; был даже фотограф — точнее, его нижняя часть, выглядывающая из-под черного чехла камеры. Со свойственной мне проницательностью я сделала очевидный вывод: в зале полным ходом шли приготовления к какому-то немаловажному событию.

Ни увидеть, ни тем более приблизиться к саркофагу зловредной мумии не было ни малейшей возможности. Работая локтями и ручкой своего незаменимого зонтика, я проложила путь через толпу... к статному румяному джентльмену в малиновом тюрбане, чья угольно-черная борода с порога привлекла мое внимание.

— Привет, Пибоди, — пробасил бородач. — Ты что здесь делаешь?

— Позволь и тебе задать тот же вопрос, Эмерсон.

— Я-то... Я-то увидел в газете объявление. Думаю, ты его тоже не пропустила, Пибоди? Мистер Бадж намерен осчастливить нас лекцией. Мои познания в египтологии, Пибоди, требуют постоянного совершенствования. Разве я мог прозевать такой уникальный шанс?

Едкий сарказм профессорского тона на бумаге передать невозможно.

— Твой глубочайший интерес к лекции мистера Баджа меня не удивляет, но к чему этот маскарад — вот вопрос. Борода слегка... гм... пышновата, тебе не кажется?

Эмерсон любовно огладил густую растительность. Когда-то, еще в дни нашего романтического знакомства, он носил почти такую же, а позже расстался с ней по моей просьбе. Скучает, наверное, бедняжка...

— Борода в самый раз, Пибоди. Не потерплю насмешек!

— И в мыслях не было. Ты не ответил на вопрос. От кого прячешься? От мистера Баджа?

— Да ладно тебе, Пибоди! — прорычал профессор. — Сама знаешь, что меня сюда привело... тебя, кстати, тоже. Наш неуловимый приятель в леопардовой шкуре как пить дать сегодня объявится. Столько народу! Пресса! Фотограф! Держу пари, он не устоит. Моя задача — поймать стервеца и положить конец всей этой ереси.

— Бог в помощь. Без бороды, уверена, ты бы не справился.

От очередной шпильки Эмерсона меня спас прокатившийся по залу шумок и явление мистера Баджа народу. Хранитель ценностей Британского музея шествовал в окружении охраны, которая немедленно расчистила пространство между легендарной мумией и камерой фотографа. Мистер Бадж ступил в центр и принял нужную позу; яркая вспышка, дымок... Исторический снимок сделан; благодарные потомки будут в восторге.

Правда, для этого фотографу придется как следует подретушировать запечатленный на снимке облик. Мистер Бадж, не достигший еще и сорока, выглядел гораздо старше. Позволю себе повторить слова нашего американского коллеги, одного из наиболее перспективных, по мнению Эмерсона, молодых египтологов: «Бадж? Толстый, рыхлый, несуразный. Пожимать ему руку — все равно что трясти рыбу за хвост». Прелестная характеристика, не правда ли?

Рыбьи глаза с подозрительным прищуром взирали на мир из-за толстых стекол очков. За свою деятельность Бадж заслужил уважение коллег, густо замешенное на неприязни. Уважение — за существенный вклад в музейную коллекцию; неприязнь — за подлые способы добычи экспонатов и неискоренимую страсть к плагиату. Подкуп, шантаж, элементарное воровство — эти эпизоды его гнусной деятельности не раз становились темой для сплетен среди востоковедов.

Надеюсь, читатель, у вас сложилось впечатление о человеке, который предстал перед нами с лекцией об истории мумифицирования в Древнем Египте.

Неимоверно нудной, должна признать, лекцией, щедро пересыпанной чужими цитатами и бахвальством о собственных, весьма сомнительных, достижениях. Публике, пришедшей в надежде послушать сказки о египетских принцессах и древних проклятиях, заумные разглагольствования лектора быстро наскучили. Дамы вновь зашушукались, дети затеяли возню под ногами...

— Сердце умершего подвергалось... — бубнил Бадж. — Эта процедура происходила...

Эмерсон в кои-то веки держал язык (или, скорее, жало) за зубами и не осыпал Баджа ядовитыми стрелами своего сарказма. Запустив пятерню в бороду, — видно, клей попался едкий, — профессор лишь стрелял глазами по сторонам. С его ростом это было несложно; мне же, к сожалению, оставалось только любоваться спинами слушателей. Правда, мистера О'Коннелла я разглядела даже в этой толпе — как ни прикрывал ирландец свои огненные лохмы кепкой, веснушки и небесная голубизна глаз его все равно выдали.

В двух шагах от О'Коннелла затаилось горчичное — или шафрановое? — облако с оборками. Похвально, мисс Минтон, похвально... Настойчивость и усердие необходимы в любой профессии. Юная леди могла бы, конечно, и поделиться со мной своими планами, но, с другой стороны, я тоже не была с ней до конца откровенной.

Бадж все вещал; публика внимала вполуха. Кто-то пробирался к выходу, кто-то присоединялся к толпе. В битком набитом зале было жарко, и с каждой минутой жара и духота усиливались. Стража привычно впала в столбняк, — вероятно, сберегая силы для охраны бесценной персоны после лекции.

Нечеловеческими усилиями, но мистеру Баджу удалось-таки распутать хитросплетения египетских похоронных ритуалов, и он приступил к описанию методов бальзамирования. Публика оживилась. Набившие оскомину цитаты из Геродота были выслушаны в благоговейном молчании. Кое-кто содрогнулся от ужаса.

— Первый и наиболее дорогостоящий способ заключался в извлечении мозга через носовые отверстия посредством железного щупа. Тело освобождалось от внутренностей, каковые затем опускались...

Проследить до конца эту малоприятную процедуру нам не удалось. Слушатели не сводили остекленевших взоров с лектора; Бадж красовался перед камерой... Каким образом в зале возник призрак в белых одеждах и леопардовой накидке, для меня, как и для всех остальных, осталось загадкой.

Я вцепилась в руку мужа. Эмерсон напрягся, но не двинулся с места. Умница, дорогой... Пусть этот клоун подойдет поближе... Не

так-то просто будет растаять в воздухе среди десятков зевак. А выходов здесь только два, в противоположных концах зала.

Бадж, едва ли не последним заметив леопардового визитера, зашелся в визге и отпрыгнул к стене.

— Схватить! — судорожно взмахнув короткими пухлыми ручонками, заверещал хранитель. — Чего ждете, болваны?! Не подпускайте его ко мне!!!

Обращенный, по-видимому, к страже приказ повис в воздухе. Мистическое явление «жреца» подействовало на охранников не самым лучшим образом: вместо того чтобы выйти из ступора, дюжие парни бесповоротно окаменели. К счастью, не все.

Самый отважный из них востропнулся и шагнул к нарушителю спокойствия.

— Стой! — громовым раскатом прокатилось по залу.

Рамсес непременно отметил бы, что «жрец» репетировал свою роль. Его актерское мастерство с последней нашей встречи заметно выросло. Голос звучал глубже и увереннее, повелительность жестов сделала бы честь даже королевской особе.

— Прикоснись — и умрешь! — грозно раздалось из-под маски. — Того, кто осмелится поднять руку на посланца богов, ждет страшная смерть.

Гробовую тишину нарушал лишь скрежет со стороны камеры — у фотографа тряслись руки, но он не оставлял судорожных попыток заменить фотопластину.

— Не зло несу я, но защиту, — торжественно продолжал «жрец». — По доброй воле пришел я, чтобы отвести древнее проклятие от каждого... *каждого*, кто находится в этом зале!

— Ну все, довольно! — Эмерсон выдернул руку, освобождаясь от моей хватки. — Конец представлению.

Конец? Я бы сказала — начало. Начало *светопредставления*. Угрозы «жреца» достигли цели: зрители запаниковали, заметались все разом — кто в поисках выхода, кто в попытке хотя бы подальше убраться от «посланника богов». Женский визг, плач детей, истерический смех некоторых слабонервных джентльменов... содом и гоморра! Одна из особо чувствительных дамочек закатила глаза в изыщном беспамятстве. Несколько смельчаков (репортеры в том числе) отчаянно проталкивались к леопардовому призраку. Кто-то двинул

локтем камеру; покачнувшись, трехное чудо техники рухнуло на миниатюрную старушку в уродливой шляпке и златокудрого малыша. Эмерсон без устали сыпал проклятиями, но с места, бедняжка, сдвинуться не мог. Чувствительная дамочка оказалась еще и весьма толковой: прежде чем лишиться сознания, она подыскала себе достойную опору в виде широкой профессорской груди.

Стоит ли уточнять, читатель, что в этом хаосе я сохраняла спокойствие, а если и приросла к полу, то вовсе не от смертельного ужаса. Просто не нашла иного способа удержаться на ногах среди обезумевших людей.

Призрак метнулся к саркофагу Хенутмехит... и к Баджу, естественно, поскольку тот нашел убежище в углу рядом со злополучным экспонатом. Бадж дал было деру... поскользнулся... проехался внушительным брюшком по мрамору... и закатил истерику, требуя внимания к своей особе и незамедлительного спасения важного государственного деятеля.

А жрец-то, между прочим, его и пальцем не тронул. Притормозив перед саркофагом, он обратился с почтительной, но крайне невнятной речью к безмятежному лику древнеегипетской леди, отвесил поклон — и был таков. Скрылся за занавесом в углу зала!

Конец беспорядкам положил, разумеется, не кто иной, как мой доблестный рыцарь. Не сумев избавиться от любительницы обмороков, профессор галантно подхватил ее под мышку и двинулся к Баджу. Если бы не Эмерсон, клянусь, ничто не спасло бы хранителя от бесславной гибели под ногами ошалевшей публики.

— Тихо!!! — Египтяне не зря назвали обладателя этого баритона Отцом Проклятий. — Всем оставаться на местах! Он исчез! Опасности нет! — И так далее и тому подобное.

Толпа притихла, подчиняясь властному голосу разума. Эмерсон за шкуру поднял хранителя, встряхнул по привычке (на себе испытала) и поставил на ноги. Очки наш почтенный лектор потерял, концы шейного платка свисали с уха, а физиономия едва не лопалась от избытка чувств. Чувств, добавлю, недостойных христианина. Эмерсон вручил ему бесчувственную леди. Бадж сложился пополам, однако ношу не уронил.

— Кто здесь начальник, хотел бы я знать? — пробасил Эмерсон. — Принимайся за дело, олух царя небесного! Хвастать

победами среди аборигенов ты мастер. Покомандуй-ка здесь ради разнообразия!

Не дожидаясь ответа (и правильно — Бадж надолго потерял дар речи), профессор зашагал обратно. Ах, мой дорогой Эмерсон! Он не забывал обо мне ни на минуту. Ни хитроумная леди, своим неуместным обмороком связавшая его по рукам, ни забота о никчемном хранителе, ни даже крах собственных надежд на поимку «жреца» не отняли у меня его внимания. Убедившись, что я цела, невредима, как всегда спокойна и с зонтиком наготове, Эмерсон похлопал меня по плечу:

— Молодец, Пибоди. Еще не все потеряно. Он не мог сбежать.

Занавес, за которым скрылся «жрец», на первый взгляд казался громадным сплошным куском тяжелого темно-коричневого бархата. На деле, разумеется, занавесей было как минимум два, но, чтобы в этом убедиться, Эмерсону понадобилось несколько минут и обойма проклятий.

— Черт! — Он наконец нащупал край и рванул занавес в сторону. Взглядам всех присутствующих предстала мраморная стена без единой трещины и уж тем более без двери.

Эмерсон отлично знал, что из зала невозможно выйти иным способом, кроме как через арочные проходы, расположенные друг напротив друга. Но он не был бы Эмерсоном, если бы с ходу признал очевидное. Наткнувшись на голую стену, профессор исчез за шторой — выискивать потайную дверь. Снаружи его путь отмечали вздымающиеся волны бархатных складок и густые клубы пыли.

Хранитель тем временем обрел не только дар речи, но и способность передвигаться. Не без помощи охранников, насколько я могла заметить.

— Какого черта! — завопил он, потрясая кулачками. — Что он там делает?! Миссис Эмерсон! Немедленно вытащите...

Из пыльных складок вынырнула всклокоченная борода, затем малиновый тюрбан. Синий взор профессора горел праведным гневом.

— Попрошу не выражаться в присутствии моей жены, Бадж.

Хранитель топнул ножкой:

— Вам там нечего делать, профессор!

Вслед за тюрбаном из-за портьер выступил весь Эмерсон.

— Ничего, — буркнул он. — Ровным счетом ничего, кроме глухой стены и приличного количества пыли. Вам, Бадж, следовало бы обратить внимание на...

Хранитель затопал обеими ножками:

— Вон!!! Все вон!!! Галерея для публики закрыта!!!

— А вот это разумно, — согласился Эмерсон, обратив ледяной взор на оставшуюся «публику» — двоих знакомых представителей журналистской братии и еще одну личность, мне неизвестную. — Репортеры... будь они прокляты. Вышвырните их к чертям, Бадж.

Как бы не так. О'Коннелл и мисс Минтон вовсе с места не сдвинулись, а незнакомец с самоуверенной улыбкой шагнул вперед. Элегантный черный сюртук как влитой сидел на его стройной фигуре. Развернутые плечи и широкая прямая спина выдавали отличную физическую подготовку, но если джентльмен и был атлетом, то далеко не первой молодости. Глубокие морщины избороздили лоб и щеки, а под глазами набрякли мешки. От моего наметанного глаза не укрылось высочайшее качество шелкового цилиндра, кашне и прочих аксессуаров джентльмена — в том числе и трости с золотым набалдашником, которую он небрежно вертел в затянутых лайкой пальцах.

— Надеюсь, приказ меня не касается, мистер Бадж, — вальяжно протянул незнакомец.

Боже правый! Что за метаморфоза! Баджа как подменили. Наш почтенный коллега расцвел, залопотал... ну разве что не распластался ниц.

— О чем речь, ваша светлость! Нет! Конечно, нет! Всегда рады приветствовать вашу светлость в этих скромных стенах. Надеюсь, ваша светлость будет снисходительна...

— Благодарю, Бадж, — отозвалась светлость со снисходительностью, к которой взывал хранитель. — Будьте любезны меня представить. Профессор и его супруга известны мне, как и всей Британии, но я не имел удовольствия познакомиться с ними лично.

Пока Бадж разливался соловьем перед своим высокопоставленным гостем, его светлость демонстративно изучал меня через монокль. Я вонзила ногти в руку профессора, который, как известно, на дух не выносит монокли, бесцеремонные взгляды и голубую кровь.

— Лорд Сент-Джон Сент-Саймон, если не ошибаюсь? — на удивление благодушно поинтересовался Эмерсон. — Младший сын их светлостей Кентерберийских?

Его светлость поклонился, приподняв цилиндр. Длинные нити напомаженных волос не справились с поставленной задачей, и искусная работа цирюльника пошла насмарку. На макушке откровенно просвечивала внушительная плешь.

— Польщен, профессор. Не ожидал, что вы проявите интерес к скромной деятельности такого дилетанта, как я.

— Ваша скромная деятельность занимает первые страницы всех уважающих себя британских газет, — ровным тоном объяснил Эмерсон. — Не вы ли поддерживаете... гм... очень близкие отношения с тем юным джентльменом, чей отец передал в дар музею эту мумию?

Вот так новость! Теперь понятно, почему Эмерсон тратит время на светскую болтовню, вместо того чтобы гнаться за жрецом-невидимкой.

— О да! — напыщенно вставил Бадж. — Граф Ливерпуль — прекрасный юноша и щедрый покровитель. Смею ли я надеяться, ваша светлость, что и он оказал нам сегодня честь своим присутствием?

— Граф Ливерпуль где-то поблизости, — с ленцой протянул Сент-Джон, пряча зевок за аристократически узкой ладонью.

— Неужели? О-о-о, неужели!!! Я непременно должен его увидеть. Выразить почтение...

Упорный взор Эмерсона в конце концов проделал брешь даже в непробиваемой надменности его светлости. Нервно крутанув трость, Сент-Джон изволил улыбочиво приподнять уголки рта:

— Итак, профессор? Что намерены предпринять? Откровенно говоря, я думал, что вы последуете за жрецом. Гонка на дилижансах, улюлюканье и все такое. Разве не занятно? Или вы склоняетесь к версии репортеров о сверхъестественном умении жреца растворяться в воздухе?

— Вздор, — отозвался Эмерсон.

— Согласен с вами, профессор. Тем не менее он исчез за портьерой и больше не появился. Двери там, как вы сами убедились, нет...

Настал и мой черед вступить в беседу:

— Ответ очевиден, ваша светлость. Ему достаточно было сорвать маску, сбросить накидку, платье — и смешаться с толпой. Тут такое творилось...

— Затем беспрепятственно выйти вместе со всеми, по Третьей галерее добраться до лестницы, которая ведет в зал скульптур, несколько шагов до главного выхода... и все! На Рассел-стрит полно кебов... Впрочем, мы можем хотя бы проследить его путь и расспросить охранников. Вдруг кто-нибудь из них заметил человека с объемистым свертком или сумкой...

— Где был спрятан костюм? Великолепно, профессор! — восхитился Сент-Джон. — Безукоризненная логика! Давайте проверим. Миссис Эмерсон, позвольте предложить вам руку?

— Не имеет смысла, ваша светлость. Я предпочитаю опереться на руку мужа.

Улыбка Сент-Джона наконец обрела полную силу.

— Очаровательно, миссис Эмерсон. А мисс Минтон не будет возражать?

— Мисс Минтон лучше вообще удалиться, — посуровел Эмерсон.

— Именно, именно, — поддакнул Бадж. — Отправляйтесь-ка восвояси. Вас это тоже касается, О'Коннелл. Я не возражаю против встречи с прессой после соответствующего ходатайства, но простым репортерам...

— Ну что вы, дражайший Бадж, — протянул его светлость. — Мисс Минтон — вовсе не простой репортер. Как вы могли подумать, что молодая неопытная женщина получит место в газете? Бабушка мисс Минтон...

— Не смейте! — выпалила девушка.

— ...не кто иная, как вдовствующая герцогиня Даремская, в далеком прошлом... э-э... близкая приятельница владельца «Морнинг миррор». Герцогиня горой стоит за права женщин и потому всячески поддерживает мисс Минтон... *достопочтенную* мисс Минтон в ее...

— Подлец! — Изящная ладошка с размаху припечаталась к аристократическим губам Сент-Джона. После чего мисс Минтон залилась слезами и выбежала из зала, чем сильно испортила великолепное впечатление от своего бунта.

— Да будут во веки веков благословенны прелестные дамы с их очаровательной непоследовательностью, — хохотнул Сент-Джон. —

Отношения к себе требуют равного с мужчинами, а реагируют чисто по-женски!

— Очень бы не хотелось, но придется согласиться. — Я послала его светлости суровый взгляд. — Даже слезы гнева — а это были слезы гнева, уверяю вас, — унижают достоинство леди. Не беспокойтесь, ваша светлость, с мисс Минтон я поговорю.

— Черта с два! — рявкнул Эмерсон, добавил еще кое-что в том же духе и наконец переключился на притихшего ирландца, который так ошалел от новости о бабушке-герцогине, что, кроме невнятного «Вот это я понимаю, и точка!», больше не произнес ни слова. — Так-так, мистер О'Коннелл... Что это вы, друг мой, не поспешили утешить леди?

— Она ж меня зонтиком отделает! — в ужасе выпучил голубые глаза О'Коннелл.

— Очень даже возможно. Женщины бывают чертовски несговорчивы, верно?

— Да, сэр. Счастлив, что вы на меня не сердитесь, профессор. Понимаете, я всего лишь делал свою работу...

— Не сомневаюсь, — белозубо улыбнулся Эмерсон. — На здоровье, мистер О'Коннелл. Продолжайте заниматься своим делом и помните, что, как только мое имя или имя миссис Эмерсон появится на страницах вашего дрянного листка, я не оставлю от редакции камня на камне и вытрясу вашу репортерскую душонку из этой хлипкой оболочки. Прощайте, мистер О'Коннелл.

Только мы ирландца и видели. Растворился в темноте галереи побыстрее самого жреца-невидимки.

— Отлично, — кивнул удовлетворенный профессор. — С прессой разобрались. Вы тоже, Бадж, можете удалиться со спокойной душой. Ваша помощь не понадобится; только под ногами будете болтаться. Пустые любезности и сюсюканье, будь они прокляты, и так уже отняли у меня массу времени.

Бадж откланялся и засеменил прочь, вне себя от ярости. Обвинения Эмерсона, признаться, даже мне показались несправедливыми. Не помню случая, чтобы «пустые любезности» отвлекали профессора от дела против его воли. А к его светлости Эмерсон по-прежнему относился с добродушной — и оттого еще

более подозрительной — снисходительностью. К примеру, нисколько не возражал против просьбы Сент-Джона сопроводить нас к выходу.

— Всегда мечтал понаблюдать за работой настоящего детектива, профессор, — заметил его светлость. Ну кто бы устоял против такой галантности?

Как ни печально, все наши усилия оказались тщетны. Из Третьей галереи на улицу можно было выйти разными путями: по западному коридору верхнего этажа, а затем к парадной лестнице; или же по черной лестнице и через весь первый этаж к главному выходу. Никто из охранников не заметил ни джентльмена с пакетом, ни какого-нибудь неестественно тучного (мое предположение) человека.

Его светлость все больше молчал, но за действиями профессора наблюдал с неустанным интересом. Отбросив надменность, он продемонстрировал острый ум, немалую эрудицию и даже подал несколько дельных советов. Меня это нисколько не удивило. Эмерсону всегда удается выудить все самое лучшее из тех, с кем его, пусть даже ненадолго, сталкивает жизнь.

К главному выходу поспешно стекались последние посетители, и охрана уже готова была закрыть музей. Эмерсон лично знаком со многими охранниками; пока он беседовал с ними, пытаясь освежить их память, ко мне и Сент-Джону присоединился молодой человек, до сих пор томно подпиравший колонну.

— Ну наконец-то, — протянул он дрожащим голосом. — Надолго же ты там застрял, Джек. Скучно же, ей-богу. Тоска смертная, хоть волком вой.

— Сам виноват, Нэд, — отозвался Сент-Джон. — Не поленился бы пойти — не скучал бы. Такое представление пропустил!

— Правда? — Томящийся юнец поднял трость и припал губами к набалдашнику, словно младенец к зубному кольцу.

Не иначе как тот самый граф Ливерпуль, догадалась я, и, разумеется, не ошиблась. Представив нас со свойственной ему небрежной галантностью, Сент-Джон добавил:

— Профессор и миссис Эмерсон — известные археологи и детективы. Помнишь, Нэд? Я тебе о них рассказывал. Мне сегодня посчастливилось наблюдать их за работой.

В ответ на это откровенно язвительное замечание Эмерсон набычился. Граф Ливерпуль визгливо хихикнул:

— Что ты говоришь! Правда?!

Наряд родовитого отпрыска в лоске не уступал, а скорее даже превосходил одеяние Сент-Джона, однако до элегантности облика своего старшего приятеля граф Ливерпуль не дотягивал. Ни безукоризненный покрой сюртука, ни блеск гигантского бриллианта в заколке шейного платка не могли приукрасить его чахоточную худобу и нездоровый цвет изможденного лица. А на улыбку, демонстрирующую полный рот гнилых и черных, как у древнего старца, зубов, невозможно было смотреть без слез.

— Археологи — да, ваша светлость, но не детективы! — возразила я. — Нас сюда привело исключительно желание поближе познакомиться с экспонатом, который ваш отец, упокой господи его душу, любезно преподнес Британскому музею. Весьма щедрый жест. Жаль только, что последствия его оказались столь печальны.

— Правда? Э-э... ну да... печальны. Бедный батюшка. Вот бы он удивился.

— И расстроился, — вкрадчиво подсказал Сент-Джон.

— Э-э... ну да... Не без того. — Граф снова присосался к набалдашнику и надолго умолк, бессмысленно хлопая жидкими ресницами. — Миссис Эмерсон... вы, что ли, та самая леди... которая выкапывает этих... как их... э-э... мумий.

— Нэд у нас шутник. — Сент-Джон взял руку приятеля в свою. — Миссис Эмерсон — выдающийся египтолог. Ты ведь, если не ошибаюсь, собирался пригласить ее в Моулди-Мэнор и показать коллекцию отца.

— Что? Э-э... ну да. Пригласить. Конечно. — Граф Ливерпуль сонно прикрыл глаза и ощерился. — Там их много... э-э... этих... мумий... Нет... мумий нет... Одна была. Всякие там... бутылочки, фигурки и все такое. Пожалуйста. Прошу. Когда угодно.

— Времени нет! — гаркнул Эмерсон прежде, чем я успела выразить благодарность за приглашение... каким бы оно ни было. — Нам с визитами разъезжать некогда.

— Конечно, профессор, — понимающе кивнул Сент-Джон. — Но я уверен, что вам с миссис Эмерсон найдется на что взглянуть в Моулди-Мэнор.

— Точно, точно...

Ливерпуль зашелся в очередном приступе бульканья, которое у него означало смех, а Эмерсон, потеряв терпение, неприлично быстро распрощался и потащил меня на улицу. Приятели двинулись следом.

Над городом нависла тяжелая громада черных туч. Сквозь это мрачное покрывало едва пробивались пурпурные лучи уходящего на покой светила. Я проводила глазами две черные фигуры, одна из которых, пониже ростом и потоньше, обессиленно повисла на той, что была более статной и внушительной. Зловещий закат сыграл со мной недобрую шутку. Казалось, два друга уходят в небытие... бездумно шагают к той страшной участи, что ждала по крайней мере одного из них.

— Бедный мальчик. Эта вредная привычка его погубит, Эмерсон... Опиум разрушает интеллект. Ливерпуль уже не соображает, что говорит и делает!

— При чем тут опиум! Его губит болезнь, Пибоди. Глядя на графа, поневоле поверишь в египетское божество возмездия. Какими бы ни были грехи несчастного парня — а грехи его несметны, Пибоди, уверяю тебя, — все же он не заслужил такой участи. — Ах, любимый мой Эмерсон! Ему необходимо было облегчить душу... но он не долго пребывал в унынии, природный оптимизм тут же взял верх: — Ну да ладно! Тысячи добрых людей страдают сильнее и погибают в муках пострашнее тех, которые предстоит испытать этому ничтожеству голубых кровей. Чаю хочу, Пибоди! Или чего покрепче.

Час был поздний, и я не стала возражать против кеба. Наемные экипажи с их неискоренимым ароматом затхлости и расплзающейся кожаной обшивкой действуют на моего дорогого супруга самым странным образом. Возможно, виной тому ритмичное цоканье копыт... или же все дело в замкнутом пространстве, где всегда царит полумрак и где тебя убаюкивает обманчивое чувство уединения... Трудно сказать. Однако стоило дверце захлопнуться — и Эмерсон раскрыл объятия. Должна признаться... мне несладко пришлось... пока он не внял просьбе избавиться от бороды — чудовищно колючей и куда более неприятной, чем его прежняя настоящая растительность. Но сегодня от супружеских... гм... знаков внимания Эмерсона отвлекала не только борода... Возможно, беспокойство или даже легкая тревога... Дружеская шутка — вот испытанное средство от любой хандры!

— Как насчет голубой крови, дорогой мой Эмерсон? Похоже, без аристократического привкуса и в этом деле не обойдется.

— Да уж, будь оно все проклято! Я-то надеялся избавиться от репортеров. Прояви снисходительность, Пибоди, окажи своему многострадальному супругу одну любезность. Оставь юную леди в покое. Не бери ее под свое материнское крыло. Опасность, светское пустословие — черт с ними. Но еще одна романтическая история — это уж чересчур!

— Твои опасения напрасны, дорогой, — утешила я. — С романтикой в нашем деле плохо. Разве что его светлость...

— Проклятье! Да она же ему по губам съездила!

— Что за выражения, Эмерсон! И при чем тут этот не слишком пристойный, но справедливый жест мисс Минтон? Опыта у тебя маловато, дорогой. Выказывать неприязнь на людях — не значит ее испытывать. Вспомни хоть наши с тобой...

— Не желаю вспоминать, Пибоди.

— М-да... Правда, есть еще юный Уилсон... Ты с ним, кажется, знаком?

— Угу... Чего стоят мои знакомства. Не удивлюсь, если Уилсон окажется принцем Уэльским, — помрачнел Эмерсон. — Предупреждаю, Пибоди! На членов королевской семьи меня не хватит. С аристократами бы справиться!

Кеб остановился у нашего дома. Эмерсон помог мне выйти и на минуту оставил, чтобы расплатиться с кучером. То ли от слабого дождика, то ли от мороси сумерки сгустились настолько, что бесформенный предмет у ограды я поначалу приняла за кучу тряпья. Куча неожиданно зашевелилась и превратилась в маленького оборвыша, одного из тех, для кого улицы — родной дом, а пасмурное небо Англии — единственная крыша над головой. Констебли, как правило, гоняют нищих на Сент-Джеймской площади и в других уважаемых лондонских районах, но этому малышу явно удалось улизнуть от внимания стражей порядка. Едва мы подошли к воротам, как он поднялся на ноги и в безмолвной мольбе вытянул руку.

— Совсем кроха, — вздохнула я. — Не могли бы мы...

Эмерсон уже звенел в кармане монетами.

— Не могли бы. Всех к себе не заберешь, Амелия, — отозвался он ворчливо. Но меня-то не обманешь. Нотки сочувствия и затаенного

гнева я не могла не уловить. — Вот тебе, мой мальчик, держи. — Серебро полновесно звякнуло в грязной ладошке. — Купи что-нибудь поесть и устройся где-нибудь на ночь. Иди, малыш, иди. С констеблем шутки плохи.

Худенькие пальчики сжали щедрое подаяние, ребенок проскулил что-то невнятно-благодарное и отступил назад. Шагая по дорожке к двери, Эмерсон сквозь зубы чертыхался.

— Да, мой дорогой, ты прав... Наш мир жесток. Будем надеяться, что этих несчастных ждет другой, лучший из миров.

— Вздор! — парировал Эмерсон.

— Это ты так говоришь, дорогой. Но согласись, никто не может быть уверен... Что ж... Хотя одно горемычное дитя порадует сегодня горячему ужину. Боже правый! Как поздно! Наши с тобой горемычные дитятки наверняка уже заждались и умирают без чая. Нужно будет вознести благодарность за кров и пищу.

Из дитяток лишь двое дожидались чая в гостиной. В платье с морем оборок и широченным поясом Виолетта казалась поперек себя шире. Перси при нашем появлении вскочил:

— Добрый вечер, сэр. Добрый вечер, тетя Амелия.

— Здравствуй, Перси, — отозвалась я. — Давно ждете? Просим прощения за задержку. Миссис Уотсон, будьте любезны, пошлите кого-нибудь из горничных за Рамсесом.

Экономка всплеснула руками:

— О, мадам...

— Понятно. Сбежал?

— Не понимаю, мадам... Не понимаю, как ему удалось... — запричитала миссис Уотсон. — Ведь глаз же не спускала...

— Успокойтесь, дорогая. Вы не первая, кого Рамсес обвел вокруг пальца. Эмерсон, прекрати рвать волосы. Не думаю, что плешь будет тебе к лицу. Сядь!

— И не подумаю! — взревел профессор. — Твое спокойствие, Амелия, не делает тебе чести. Знаю, все знаю! Можешь не напоминать! Рамсес сбегал много раз, и ничего с ним не случилось... но этот чертов город...

— Пойду поищу. — Я поднялась. — Остынь, Эмерсон. Съешь... вот хоть сандвич с огурцом. Надеюсь, поможет.

Эмерсон, разумеется, мой совет отверг и потопал следом в коридор. Вместе с остальными. Дворецкий бросился было за моим плащом, но я лишь отмахнулась.

И правильно сделала. Оборвыш не успел скрыться, он уже бился в руках констебля исполинского роста и телосложения. Протестующие детские крики время от времени заглушались раздраженным рычанием полицейского.

— Нечего тебе здесь делать, голодранец... ну-ка... давай отсюда... Ой! Это еще что такое? Ах ты...

— Отпустите ребенка! — крикнула я, подлетая к воротам.

— Но, мэм! Он ошивается у дома и ждет, когда...

— Он просто ждал, когда его впустят в дом, — объяснила я. — Рамсес, как ты посмел ударить полицейского?!

— Укусить, мамочка. Я был вынужден воспользоваться этим способом защиты, поскольку удары обнаженной ступни не возымели должного эффекта...

— О господи! Эмерсон, будь добр...

Серебро звякнуло вновь, на этот раз в мясистой ладони стража порядка. Констебль приподнял шляпу и удалился, укоризненно качая головой. Я протянула руку к вороту беглеца... и содрогнулась. Нет уж. *Этот* ворот лучше не трогать. В зловещем молчании мы прошли по дорожке и поднялись на крыльцо.

От наряда нашего отпрыска захватывало дух и слезы наворачивались на глаза. Отдаю Рамсесу должное: если он что-то делает, то на совесть. Босые ноги из просто загорелых стали сине-черными — черными от грязи и синими от холода (к вечеру температура заметно снизилась). Облачен он был в тряпье, кошмарнее которого мне видеть не приходилось. Рубашка и панталоны с чужого плеча — если о панталонах можно так сказать — едва держались на худом теле, несмотря на порядочное количество ржавых (где он их, спрашивается, взял?) булавок. Мокрое насквозь классическое одеяние попрошайки и аромат издавало соответствующий, словно Рамсес для пущего эффекта окунулся в сточную канаву. Миссис Уотсон, ахнув, зажала нос и попятилась.

Рамсес стянул с головы... скажем, некое подобие головного убора. Несмотря ни на что, приятно видеть, что мои лекции о поведении джентльмена в обществе не пропали даром. Затем сунул руку за

пазуху, извлек букетик жалких, сморщенных нарциссов — помнится, на клумбе в Сент-Джеймском парке они выглядели гораздо привлекательнее — и протянул Виолетте.

— Это тебе...

Виолетта затрясла всеми своими оборочками и локонами и замахала ладошками, как будто на нее напал целый осиный рой. Гримаса омерзения исказила круглое личико.

— Гадкий! — взвизгнула она. Разнообразие всегда радует. Признаться, я ждала знакомого «Умер, о-о-о, умер!». — Гадкий, гадкий, о-о-о, гадкий...

У Рамсеса вытянулось лицо, но оскорбление он перенес мужественно. Повернувшись ко мне, извлек из-под умопомрачительной сорочки еще один букетик — два цветочка и с десяток стебельков.

— Это тебе, мамочка.

— Спасибо. — Я приняла подношение двумя пальцами. — Очень мило с твоей стороны. Боюсь только, тебе придется забыть о карманных деньгах. Эти средства пойдут на *pourboires*^[2] всем тем, кого ты обокрал, укусил... словом, облагодетельствовал тем или иным образом. Сумма растет, Рамсес.

Все это время Эмерсон хватал ртом воздух, как голодная лягушка при виде комара.

— Почему... Пибоди... объясни мне, почему он так одет? — раздался наконец полувздых-полустон.

— Приступил к практическим занятиям по маскировке, — ответил за меня Рамсес. — Ты ведь не забыл, папочка, что мне было позволено оставить маскировочные принадлежности для собственных нужд. Те самые, которые мы нашли в логове преступной личности, известной под кличкой...

Я не успела вмешаться. Бедный мой, бедный Эмерсон! Побагровел, как небо перед штормом, и грудь заходила ходуном. При любом упоминании об этом диком эпизоде и еще более дикой личности у профессора подсакивает давление.

— Ты не должен выходить из дома без разрешения, — сказала я, воспользовавшись паузой. Эмерсон, кроме хрипа, ничего выдавить не мог. — Отправляйся к себе и... Секундочку. Что это за царапина на лбу? Только не говори, что виноват Перси.

— У меня не было таких намерений, мамочка.

Перси, кашлянув, выдвинулся вперед.

— Все равно я виноват, тетя Амелия... сэр. Виноват в том, что кузен ушел из дому без позволения. Я дразнил Рамсеса. Хотел пойти погулять с ним в саду, наловить бабочек для коллекции. Рамсес сначала не хотел идти... и я, наверное, сказал... что-то обидное... Ну, вроде того, что он никуда не ходит без мамочки или няни... Я просто пошутил, сэр! Понимаю, что несу всю ответст...

Рамсес прыгнул на кузена с львиным рыком, которому позавидовал бы даже его неистовый родитель. Эмерсон ухватил сына за ворот. Я отпрянула.

— Нет! Эмерсон, нет! Только не тряси...

Поздно.

Переодеваться пришлось *не только* Рамсесу. От близкого знакомства со зловонной гадостью, пропитавшей костюм оборвыша, спаслась одна лишь Виолетта. Когда угрюмый Рамсес прошмыгнул мимо, барышня сморщила нос и ткнула пальчиком:

— Гадкий!

Рамсес скис окончательно.

* * *

Чай хоть и поздновато, но подали. Я решила не отказываться от вечернего ритуала. Родители и дети должны ежедневно проводить вместе минимум час — вот неукоснительное правило, без которого семья не семья. Тем вечером чаепитие было жертвой с моей стороны, но я сочла себя обязанной принести эту жертву. Эмерсон, не считая себя обязанным, подчинился моему требованию.

Виолетта, устроившись на софе, играла с огромной куклой, едва ли не крупнее своей «мамы», и на редкость на нее похожей. Ну просто вылитая Виолетта — те же пухлые щечки, такие же тугие желтые локоны. Плаксивая барышня «понарошку» потчевала свою Хелен сэндвичами и чаем с молоком. Поймав немигающий взгляд Рамсеса, она неожиданно разулыбалась и пригласила кузена в компанию.

Вместо того чтобы с учтивым мужским пренебрежением отказаться от участия в девчачьих играх, мой сын засиял от счастья,

устроился рядышком на софе и... боже правый!... принялся качать куклу на коленках и гладить локоны.

О печальном инциденте с констеблем и прочих художествах нашего мальчика больше никто не произнес ни слова. Рамсес был наказан предостаточно. Он лишился того самого запаса «маскировочных принадлежностей», который ему совершенно напрасно позволили взять из Египта. Чего там только не было, в секретном штабе Геня Преступлений! Сундуки со всевозможными нарядами, коробки с красящими средствами для волос и бровей, румянами и губной помадой. Специальные вкладыши, благодаря которым форма лица изменяется до неузнаваемости; вставные челюсти; накладные усы и бороды. Великолепные парики, от которых не отказались бы лондонские модницы. Одним из них и воспользовался Рамсес, слегка подрезав длинные кудри и стянув подкладку булавкой.

Эмерсон честно старался поддержать беседу с Перси, но в конце концов выдохся. Ну о чем, в самом деле, поговоришь с ребенком, который домашнюю утварь додинастического периода в глаза не видел и не способен сформулировать принцип исследования напластований? Словом, уже очень скоро Эмерсон оставил бесплодные попытки и взялся за газету.

— О сегодняшнем происшествии ты там ни слова не найдешь, Эмерсон. Газеты вышли до начала лекции мистера Баджа.

— Происшествии?! — У Перси загорелись глаза. — Можно узнать, о каком происшествии, сэр?

Я бы воздержалась от ответа — к чему возбуждать детское любопытство? — но Эмерсон, разумеется, пустился в объяснения. Его ехидные шпильки в адрес мистера Баджа для Перси были пустым звуком, зато из рассказа о явлении «жреца» мальчик не пропустил ни слова.

— Вот это да! Как интересно, сэр!

— Гадкие! — скуксилась Виолетта.

— Гадкие?! — Такого оскорбления Эмерсон никак не ожидал.

— Простите ее, сэр, — быстро вставил Перси. — Это она о мумиях. Вы такой храбрый, сэр! Жалко, что не удалось его поймать.

— Гм... — подал голос Рамсес. — Нужно отметить, что загадочная личность всегда появляется вовремя и обращает так

называемый «эффект толпы» себе на пользу. Зная о предполагающемся большом скоплении народа, он рассчитывал воспользоваться этим фактором и скрыться. Отсюда возникает вопрос: уместно ли использование термина «душевнобольной» по отношению к несомненно разумному индивидууму?

На протяжении всей речи Рамсес продолжал методично поглаживать локоны пухлощечкой Хелен. Зрелище, доложу я вам, столь же нелепое, сколь и тревожное. Уж если Рамсес снизошел до подобных глупостей, значит, его симпатия к кухне даже глубже, чем кажется.

— Любопытная мысль, Рамсес... — задумался папочка. — Следует, однако, помнить, что душевнобольной отнюдь не всегда слабоумный. Такие личности зачастую обладают широкой эрудицией и быстрой реакцией.

— А! — оживился Перси. — Как у Джека-потрошителя! Его ведь так и не поймали, правда, сэр?

Сразил наповал.

— Перси! Откуда ты знаешь об этом маньяке? Твои родители не должны были...

— Это все слуги, тетя Амелия. Знаете, как они любят посудачить.

— Гадкий! — сообщила Виолетта. — И они гадкие! Умерли!

— Бож-же правый! — Эмерсон во все глаза уставился на ребенка.

— Она сама не понимает, о чем говорит, — успокоила я мужа. Но не себя.

— Будем надеяться, — заключил Рамсес, — что мы не имеем дело с аналогичным случаем. Поскольку... если преступником движет страсть к убийству и маниакальная ненависть к представителям определенной профессии... то смертельная опасность грозит любому, кто так или иначе связан с Британским музеем.

Довольно! Я схватилась за звонок:

— Миссис Уотсон! Прикажите убрать со стола!

Не желаю слышать объяснения своего сына, откуда *ему* известно о Джеке-потрошителе. И уж тем более не желаю знать, откуда *ему* известно о маниакальной ненависти, которую этот убийца испытывал к представительницам определенной... мягко говоря... профессии.

Беседы о маньяках действуют на Эмерсона не лучше, чем упоминание о Гении Преступлений. Я решила повременить, прежде чем вновь поднимать эту тему, и вернулась к ней лишь за ужином.

— Интерес Рамсеса к убийствам меня не радует, однако в его словах есть смысл. Ты обратил внимание, Эмерсон, что он повторил мою собственную версию?

Профессор сосредоточенно пилил кусок мяса, никак не желавший поддаваться. Нож выскользнул, отбивная шлепнулась на пол.

— Жаль, Бастет исчезла, — рассеянно прокомментировал Эмерсон, пока Гаргори соскребал с ковра жир. — Не было бы забот. О ней ничего не слышно, Пибоди?

— Пока нет. Я попросила Розу прислать телеграмму, как только Бастет вернется. Не увливай, дорогой, не выйдет. Положение очень серьезно.

— Не ты ли вечно меня одергиваешь, стоит только завести серьезный разговор при слугах, Пибоди? Совершенно идиотское правило, между прочим. Важные темы всем интересны. Верно, Гаргори?

— Э-э... Конечно, сэр. — Дворецкий ретировался к буфету.

— Я давным-давно оставила надежду обучить тебя хорошим манерам, дорогой. К тому же дело не терпит отлагательств, так что забудем о правилах. Стоит мне подумать о нависшей над тобой опасности...

— Вздор! — вскипел Эмерсон. — Какая разница, кто подал эту дикую идею — ты или Рамсес. В любом случае в ней нет ни малейшего смысла! Два покойника, один из которых умер собственной смертью, — а репортеры уже вопят: «Волна убийств накрыла город!» И ты туда же, Пибоди! Не обращайтесь внимания на миссис Эмерсон, — бросил он Гаргори. — Это у нее привычка такая. Никакой опасности нет.

— Рад слышать, сэр, — со вздохом искреннего облегчения отозвался дворецкий. — Мяса не желаете, сэр?

Мяса профессор желал.

— К убийству Олдакра «жрец» отношения не имел, — прошамкал он с набитым ртом. — У такого типа, как наш бывший коллега, врагов было хоть отбавляй. Я вот, к примеру, терпеть его не мог! Ну а что

касается спектакля в музее... это либо просто большая фантазия, либо шутка для достижения определенной, но нам неизвестной цели.

— Ага! И ты додумался?

— Только не говори, что ты додумалась раньше, Пибоди, — оскорбился любимый. — Вечно ты так. Мне и самому это не приходило в голову до тех пор, пока не выяснилось, что с делом связан лорд Сент-Джон. Шутка как раз в духе извращенного ума его светлости. Ты ведь о нем слышала?

Вопрос риторический. Я и не стала утруждаться с ответом, а Эмерсон не стал его дожидаться, коротко обрисовав облик развратного лорда. Даже если иметь в виду неприкрытую антипатию профессора к знати, портрет получился омерзительный и в каком-то смысле трагический.

Наделенный от природы красотой, недурным здоровьем и более чем незаурядным умом, лорд Сент-Джон подавал большие надежды. Университет он закончил без особых проблем, если не считать непристойных проделок, которые, впрочем, юношам его круга легко прощаются. Хартумскую военную кампанию 84 года лорд Сент-Джон прошел с честью, а вернувшись, присоединился к кружку молодых бездельников во главе с прощельгой голубых кровей Альбертом-Виктором, принцем Уэльским, наследником престола. Ранняя смерть принца погрузила страну и королевскую семью в траур, но принесла и облегчение. Всем известно (иначе я не стала бы так распространяться), что Альберт-Виктор, среди друзей известный как Эдди, своими безобразными манерами мог лишь опозорить британский престол.

В 92 году, уже после смерти монаршего приятеля, лорд Сент-Джон сблизился с юным графом (тогда еще виконтом Блэкпульским) и приобщил его к забавам своего окружения. Результат, как сказал Эмерсон, налицо. Все пороки этого мира — естественные и противоестественные — граф Ливерпуль испытал на себе благодаря неустанной опеке наставника.

— Естественные и противоестественные? А в чем, собственно, различие? Речь ведь о *пороках*...

— Различие тебя не должно волновать, Пибоди, — ледяным тоном отозвался Эмерсон.

— Ах вот в чем дело. Тогда понятно. Не хочешь ли ты сказать, Эмерсон, что лорд Сент-Джон и есть наш «жрец»?

— Хотел бы... Но не могу. Я видел его в толпе *до* появления жреца.

— А ты уверен, что он не сумел бы выскользнуть, переодеться и вернуться в зал?

— Исключено, дорогая моя Пибоди. Вот, взгляни-ка. — Эмерсон вытащил из кармана карандаш (переодеться к ужину он, разумеется, отказался) и стал что-то чертить на скатерти. — Широкое и длинное одеяние может скрыть что угодно, в том числе и брюки. У жреца платье было до полу. Рукава платья — чуть ниже локтей... это не проблема... рукава сорочки и даже сюртука можно закатать. Все эти манипуляции заняли бы несколько секунд, но ведь ему нужно было бы еще набросить шкуру, скрепить ее, нахлобучить маску, снять туфли, носки и застегнуть сандалии.

— Верно. Кстати сказать, неплохая имитация нарядов времен Девятнадцатой династии. Разве что ткань плотновата — тогда таких не было. Да! И парики жрецы надевали в редких случаях, в основном же просто брили головы.

— Мелочи, но красноречивые, — согласился Эмерсон. — Без них нашего приятеля легко узнали бы. К тому же, вопреки утверждениям Баджа и не совсем точным свидетельствам Геродота, который описывал обычаи египтян в период... О чем это я?

— Полагаю, дорогой мой Эмерсон, ты всего лишь хотел сказать, что парики тоже были в ходу у верховных жрецов. Замечание верное, но несущественное. Ясно, что парик *этого* жреца служил практическим целям.

— Да, но и его познания нельзя сбрасывать со счетов, Пибоди. Ты не слышала, с чем он обратился к мумии?

Гаргори давно забыл, что ему положено хотя бы притворяться, будто он подает чай. Когда он согнулся над столом, рассматривая граффити профессора, я объявила, что чай будем пить в гостиной. Крах своих надежд дворецкий перенес стоически.

На вопрос Эмерсона я ответила сразу же, как только мы устроились в гостиной за столиком.

— Нет, дорогой. Слишком шумно было. Жрец говорил тихо и стоял далеко от меня.

— Зато я оказался ближе к нему! Если бы и не расслышал, по губам бы прочитал. Для меня это не проблема, Пибоди, сама знаешь.

Вот тебе его обращение.

Скатерть для столика в гостиной не полагается, а искать писчую бумагу профессору было лень, поэтому он воспользовался манжетой сорочки. Выписывая иероглиф за иероглифом, Эмерсон повторял их вслух.

— Гм... Прекрасно, Эмерсон, только почему ты используешь древнеегипетский язык, если жрец говорил по-английски?

— Он не говорил по-английски, Пибоди.

— Боже правый! Выходит... значит...

— Я понятия не имею, что это значит, дорогая моя Пибоди. Ты тоже.

— Но ведь перед тем он говорил по-английски.

— Именно. Последовательным его не назовешь. А ты чего ждала от сумасшедшего? Совершенно очевидно, что он не совсем новичок в египтологии. Специалист? Не думаю. Даже дилетанту достанет ума выучить пару иероглифов, особенно если это его хобби. А так оно, скорее всего, и есть.

— Отлично сказано, Эмерсон! — Я повернула его руку, чтобы рассмотреть надпись. — Вполне приемлемый язык.

— Общеизвестное выражение, Пибоди. Наверняка он его просто вы зубрил. «Тысячу хлебов и тысячу кувшинов пива несу тебе, леди Хенутмехит». Стандартная формулировка. Ничего оригинального.

Его пальцы сплелись с моими. Этот нежный жест тронул меня до глубины души. Я не долго колебалась. С кем и поделиться секретом, как не со своим любимым и единственным?

— Стандартная, говоришь? А кое-что оригинальное хочешь увидеть? — Я достала из кармана копию записки, что была зажата в руке убитого Олдакра.

— Это еще что такое? — нахмурился Эмерсон. — Где взяла, Пибоди? Не иначе как кто-нибудь из твоих друзей-репортеров расстарался. Проклятье! Я же просил... Гм... Ну и белиберда. Ничего подобного не видел.

— И я не видела, дорогой мой Эмерсон. Может, это надпись с саркофага Хенутмехит? Снаружи точно ничего нет, но внутри-то...

— Не городи чушь, Амелия! Набралась у репортеров, будь они прокляты! Насколько мне известно, саркофаг никогда не открывали. Надеюсь, ты не дошла до того, чтобы верить в третий глаз и тому

подобную чушь? О, придумал! Наверное, этот полоумный в прошлой жизни был писцом — тем самым, который оставил иероглифы на гробу своей возлюбленной Хенутмехит. Ха-ха-ха! Держу пари, до такого даже твой лучший друг О'Коннелл не додумался.

Синие глаза профессора сияли, выразительные губы сложились в улыбку, перед обаянием которой я, как всегда, не устояла.

— Счастлива видеть тебя в добром расположении духа, Эмерсон.

Любимый поднес мою руку к губам и оставил поцелуй на каждом пальце по очереди.

— М-м-м-м... Доброе-то оно доброе, дорогая моя Пибоди... Но улучшить никогда не помешает. А не отправиться ли нам...

Так мы и сделали. Но тем вечером знаки внимания, на которые любимый не скупился, жалили мне сердце горькой мыслью о том, что я потеряю, если наша с Рамсесом версия подтвердится.

Глава 7

После завтрака Эмерсон объявил, что у него много дел.

— К обеду не ждите. — И ушел, посвистывая.

Чтобы, не дай бог, не испортить мужу настроение, я вовремя убрала утреннюю газету с подробнейшей статьей о «громком скандале в Британском музее». Запечатленный на снимке бородатый Эмерсон с дамочкой под мышкой вполне оправдывал свое прозвище неистового профессора и был похож скорее на Джека-потрошителя, уносящего очередную жертву.

Я как раз наливала вторую чашку чая, когда Мэри Энн вбежала в гостиную с телеграммой. Роза сообщала о возвращении Бастет, добавив: «Передайте юному джентльмену. Дома все хорошо. Ждем возвращения».

Слишком много слов и, соответственно, расходов. Ну да ладно. Новость того заслуживает. Признаться, я уже потеряла надежду на встречу с потомком египетской богини-кошки. То-то будет рад юный джентльмен".

Дверь в спальню Рамсеса была заперта, и мне пришлось назваться, чтобы получить разрешение войти.

— Ты зачем закрываешься, Рамсес? А если заболеешь?

— Согласен с тобой, мамочка. Аргумент убедительный. — Эмерсон-младший припечатал палец к подбородку (без ямочки), неосознанно повторяя родительский жест. — Маловероятно, однако, чтобы меня поразил внезапный и жестокий недуг, полностью лишив способности передвигаться. Таким образом, аргумент «против» в сопоставлении с аргументами «за», главными из которых являются острая необходимость в концентрации внимания и опасность уничтожения кем-нибудь из слуг моих опытных образцов...

— Ладно, Рамсес, ладно. Я все поняла. Что касается последнего аргумента «за»... — меня передернуло при виде опытного образца, который юный экспериментатор держал за длиннющий хвост, — должна заметить, что среди слуг не найдется желающих уничтожить или хотя бы приблизиться к объектам твоих опытов. Откуда у тебя этот экземпляр?

— Боб предоставил, сын садовника тети Эвелины и дяди Уолтера. Истребление крыс входит в его обязанности, и, хотя я негативно отношусь к использованию всякого рода капканов, в данном случае вынужден признать эти меры необходимыми, поскольку грызуны уничтожают зерно и являются переносчиками...

— Довольно, Рамсес.

— Хорошо, мамочка. Был бы счастлив продемонстрировать тебе некоторые обнадеживающие результаты своих опытов. Процесс десикации, несведущими людьми подчас называемый сушкой, мною уже отработан на самых мелких из образцов. Успешность эксперимента подтверждает ранее высказанную мной версию о том, что окись натрия в твердом состоянии предпочтительнее...

— Благодарю, Рамсес. В другой раз. — Я лишь издали глянула на рабочий стол, где в отдельных контейнерах покоились «опытные образцы». Зная скрупулезный подход Рамсеса ко всему, что связано с Египтом, можно было не сомневаться — он не упустил ни одного способа перевоплощения тела в мумию. — Собственно, я только затем и пришла, чтобы по просьбе Розы сообщить тебе радостную новость. Бастет вернулась.

Редчайший случай! Мой сын улыбнулся.

— Не стану утверждать, что я сомневался в ее возвращении. Однако в соответствии с Кораном жизнь — это...

— Мне не до цитат из Корана, Рамсес. Я оставила дела, чтобы рассказать о Бастет.

— Моя благодарность бесконечна, мамочка. Позволь поинтересоваться, не нашел ли сегодня продолжение таинственный случай, который можно с полным основанием назвать «загадкой Британского музея»?

— Продолжения не было, Рамсес.

— Высказанная мною вчера версия прозвучала несколько неубедительно... И все же я испытал бы облегчение, мамочка, если бы именно ты подтвердила, что папочке не грозит ни малейшая опасность со стороны эксцентричной личности.

Голос его был, как обычно, негромок и сдержан, облик невозмутим.

— Уверена, папа в безопасности. — Я пригладила черные кудри. — Даже если бы ему что-нибудь и угрожало... это всего лишь

предположение, не больше!... наш папа справится. Процесс мумифицирования, как ты верно заметил, требует концентрации внимания. Вот и сосредоточься на своих опытах, Рамсес, а о папе не тревожься.

Всю ночь шел дождь, но к полудню солнышко собралось с силами и попыталось пробиться сквозь неизменную пелену лондонского смога. Шлепая по лужам, я лишней раз порадовалась собственной предусмотрительности — без высоких удобных ботинок, не раз выручавших меня даже в Египте, прогулка доставила бы массу неприятностей.

Чем ближе к Стрэнду, тем больше на улицах людей, тем плотнее поток транспорта и несноснее городской шум. Оглохнуть можно от цоканья лошадиных копыт, гудков омнибусов, скрежета колес и пронзительных криков возчиков. Но и в городском пейзаже есть свое очарование. Я невольно залюбовалась величественными формами собора Св. Павла, его царственным куполом в кружевах облаков...

Редакция «Дейли йелл», как и многих других газет, разместилась на Флит-стрит. Мне пока не приходилось здесь бывать, и уверенности в том, что мистер О'Коннелл окажется на месте, не было; но почему бы не попытаться? На службе не найду — так хоть раз узнаю домашний адрес.

Дежурный клерк заверил меня, что мистер О'Коннелл еще не выходил. Следуя его же указаниям, я по лестнице поднялась на второй этаж в огромное, неимоверно грязное помещение, с плотно притертыми друг к другу письменными столами, среди которых, если не ошибаюсь, не было ни одного свободного.

Представители четвертой власти, в большинстве своем без пиджаков, но при шляпах, с сигарами или сигаретами в зубах, щедро (хоть и беззлобно) обменивались непристойностями, гоня от стола к столу мальчишек-курьеров. Ни один из "джентльменов" при моем появлении не потрудился снять шляпу или хотя бы оторвать...ся от стула. Прекрасно. Как не порадоваться встрече с людьми, чьи манеры проигрывают даже в сравнении с неотесанностью моего сына.

Щурясь от режущего глаза дыма, я все же высмотрела в дальнем углу огненную вспышку.

— Мистер О'Коннелл?

Гвалт как по команде смолк, но тем явственнее прозвучало торопливое шарканье.

— Я слышу, мистер О'Коннелл! Подойдите, будьте так любезны.

Джентльмен, занимавший стол у противоположной стены, наклонился и буркнул что-то невнятное невидимому собеседнику. Секунду спустя из-под стола выбрался сконфуженный О'Коннелл.

— Прошу, мэ. Вот вам О'Коннелл, — с ухмылкой объявил его приятель. — Что он такого натворил? Заделал ребенка и смотал удочки?

— Если это образец репортерского юмора, то явно не самый удачный, — хладнокровно ответила я. Ирландец одарил шутника яростным взором. — Идите же сюда, О'Коннелл. Нечего труситься. Мне нужно с вами поговорить — только и всего.

— Труситься?! Такого еще не было, чтобы О'Коннелл струсил перед лицом...

— Не сомневаюсь. Побыстрее нельзя?

Кевин сдернул со стула пиджак, нахлобучил на рыжие лохмы шляпу и двинулся ко мне.

— Можно и побыстрее, мэ, — буркнул он. — Даже нужно, и точка. Вы угробили мою репутацию, миссис Амелия.

Как только дверь редакции закрылась за нами, Кевин тяжело вздохнул:

— Тысяча извинений, мэ. Боб свое получит, не сомневайтесь. Но вам, ей-богу, не стоило бы появляться в таких местах.

— Мне случалось бывать в местах и похуже. А как насчет мисс Минтон? Она ведь точно в таком же работает.

— Ой, будет вам, миссис Амелия. Думаете, благородная дама станет толкаться среди нас, скромных рядовых репортеров?

— Может, и не станет. Я бы ее за это не винила. Взгляните со стороны на своих приятелей — скромных рядовых репортеров — и поймете почему. Где же она обретается, если не в редакции «Миррор»?

— Мисс Минтон снимает комнаты на Годолфин-стрит у одной пожилой леди. Статьи свои посылает с курьером. Ее хозяйка, достопочтенная вдова, мнит себя поборницей прав женщин, но корчится при виде герцогской внучки в окружении черни. Между прочим, миссис Амелия, нашей пронице здорово повезло. Редактор поручил ей небольшое интервью в связи со смертью сторожа. Небось

хотел отделаться. Надеюсь, что эта пигалица развлечется и отвяжется...

— Глупости. Не кто иной, как мисс Минтон, превратила малообещающее дело в сенсацию. Это ведь ваши собственные слова, Кевин? Да и слог у нее превосходный... для журналиста.

— Способная, — нехотя признал Кевин. — Все равно, миссис Амелия, если бы не бабулины связи и не личное знакомство с этой очкастой музейной шваброй...

— Ай-ай-ай, мистер О'Коннелл. Зависть чистейшей воды! Вам бы взглянуть правде в глаза и признать превосходство женщин... Отправлюсь-ка я к мисс Минтон. Где, вы сказали, она живет?

— Если позволите, я провожу. Заодно и пройду. Хороший денек, а в редакции так душно...

Ну и хитрец. Я прекрасно поняла, зачем он напросился в спутники, но надеялась, что ирландцу удалось выведать у меня не больше, чем — к сожалению — мне у него. Если он единственный раз и забыл об осторожности, то лишь при моем упоминании имени лорда Сент-Джона.

— Мерзкий повеса! Лодырь! Мерзавец, и точка! Чтоб на его могиле козлы... плясали!

— Что вы имеете против его светлости, Кевин?

Против его светлости Кевин много чего имел.

— Репортеры частенько узнают такое... *такое*, миссис Эмерсон, что и «Дейли йелл» не рискнет напечатать. Дело даже не в морали, а в заковыках закона. Я мог бы вам многое порассказать о его светлости...

— И вряд ли меня шокировали бы. Однако он импозантен... Согласитесь, Кевин, что впечатление лорд Сент-Джон производит благоприятное.

— О да! Особенно на дам, — процедил ирландец. — Уж год-два, как он угомонился. Утверждает, что стал другим человеком. Не знаю, не знаю... Горбатого, говорят...

Годолфин-стрит находится в одном из самых древних районов Лондона, между Темзой и Вестминстерским аббатством. По обе стороны тенистой улицы выстроились особняки с вековой историей. Временное пристанище мисс Минтон ничем не отличалось от своих соседей — тот же респектабельный вид, те же узкие окошки и

каменная лестница, ведущая к парадной двери. При нашем приближении дверь открылась, выпустив мистера Юстаса Уилсона.

В глубокой задумчивости, уткнувшись в листок, который держал в руке, мистер Уилсон не замечал меня, пока мы не столкнулись лицом к лицу.

— Миссис Эмерсон?! Вы ли это? Никак не ожидал...

— Решила заглянуть к мисс Минтон.

— Я тоже. Мы договорились вместе пообедать, но... ее нет.

— Не может быть! Неужели мисс Минтон не сдержала обещания?

Мистер Уилсон застенчиво улыбнулся:

— Не в первый раз. Она... девушки вообще... одним словом, вы понимаете, миссис Эмерсон. Она любезно оставила записку. Вот... Сообщает, что возникло срочное дело, ей пришлось уехать из Лондона и она не знает, когда вернется.

— Что ж... Это в некотором роде извиняет ее неучтивый поступок, мистер Уилсон. Может, бабушка заболела...

До сих пор О'Коннелл топтался в сторонке. Услышав, что мисс Минтон нет дома, двинулся к нам небрежной походочкой, всем видом демонстрируя отличие от щеголеватого мистера Уилсона, — руки в карманах, шляпа лихо сдвинута набок.

— Ха! — фыркнул Кевин. — Еще бы ей не сбежать от стыда подальше! Тайну-то раскрыли...

— Стыдиться ей нечего, мистер О'Коннелл, — оборвала я нахального ирландца. — Высокое положение нельзя ставить человеку в вину. Аристократия вправе рассчитывать на такое же уважение, как и низшее сословие.

— Прекрасно сказано! — Мистер Уилсон сверкнул возмущенным взглядом в сторону О'Коннелла. — Чтобы получить преимущество среди коллег, мисс Минтон достаточно было лишь назвать титул бабушки, но она этого не сделала! Мне крайне неприятно видеть ее в обществе представителей этой унижительной, гнусной профессии...

— Унижительной, говоришь? — вспыхнул О'Коннелл. — Гнусной?! — Он затряс кулаками. — Попробуй только повторить, петух общипанный, — и я заткну тебе эти слова обратно в глотку!

— Да как вы смее! — Мистер Уилсон дрожащей рукой поправил очки.

Пришлось вмешаться:

— Ну-ну, спокойно, молодые люди. Только не драться! По крайней мере не на людях.

— Прошу прощения, мэм, — первым опомнился благонаправный мистер Уилсон. — Позвольте заметить, миссис Эмерсон... очень рад, что вы вчера не пострадали. Профессор, как я понял, показал себя настоящим героем.

— Хотелось бы сказать то же самое о мистере Бадже.

Уилсон улыбнулся:

— Сегодня утром мистер Бадж был не в самом лучшем расположении духа. Я почел за благо сослаться на нездоровье и исчезнуть.

— Ничего удивительного, что он слегка не в себе. Между прочим, мистер Уилсон, вам бы тоже не следовало веселиться. У нашего безумца, похоже, зуб на сотрудников Британского музея.

Улыбка мистера Уилсона вмиг растаяла.

— То есть... Что вы хотите сказать, миссис Эмерсон? Он же совершенно безобиден...

— Мне бы вашу уверенность, мистер Уилсон. Не забывайте — два человека уже погибли, причем оба были связаны не просто с музеем, но с его восточным отделением, и с египетскими галереями в частности. Возможно, «жрец» безобиден, а возможно, и нет; возможно, именно он убийца, а возможно, и нет. Существенно другое: настоящий убийца ополчился на ученых-востоковедов. Почему — это уже другой вопрос. Либо затаил обиду на коллег, отказавших ему в признании, либо на университетских профессоров... если они, к примеру, не оценили его дарования. Да мало ли найдется причин... Однако я что-то разговорилась. Прошу меня простить. Версия эта не хуже прочих, но, как и все другие, ничем не подтверждена. Не беспокойтесь, мистер Уилсон. Не исключено, что я и ошибаюсь.

— О боже! — ахнул юноша. — Боже, боже, — бормотал он, протирая запотевшие очки.

— Тысяча извинений, миссис Амелия, — бочком придвинулся к нам О'Коннелл. — Вы имели в виду... Я не ослышался? Кажется, вы произнесли «маньяк-убийца»?

— И не думала. Посмейте только исказить мои слова... посмейте вообще меня процитировать в своей газетенке... — Взмах зонтиком был достаточно красноречив, но О'Коннелл и глазом не моргнул.

Репортерский азарт пересилил страх перед моим оружием. Мистер Уилсон по-прежнему терзал очки и лопотал свое «Боже, о боже» — вылитый Кролик из «Алисы в Зазеркалье».

— Вот это мысль! — в упоении воскликнул О'Коннелл. — И как это я сам не додумался! Да нет же... додумался, и точка! Будьте покойны, миссис Амелия, не стану я вас цитировать! Тысяча благодарностей, дорогая моя миссис Амелия, кланяюсь в ножки за то, что напомнили мне мою собственную версию. Ага! Держитесь, *достопочтенная* мисс Минтон! Хотел бы я завтра увидеть вашу... личико, когда вы возьмете в ручки «Дейли йелл»!

Рыжая бестия подмигнула и поскакала вприпрыжку прочь, давась от хохота.

— Миссис Эмерсон... Вы это серьезно? — всхлипнул бледный как смерть Уилсон.

— Голословные заявления — не мой стиль, мистер Уилсон. Могу, однако, кое-что вам пообещать.

Мы с профессором начеку и уже идем по следу. До сих пор ни одному преступнику не удалось от нас скры... точнее, не удалось нас обмануть. Особой заслуги в том нет, поскольку интеллект криминальных личностей значительно ниже. Успокойтесь, мистер Уилсон. Очень может быть, что следующей жертвой станете не вы, а мистер Бадж.

Кажется, я что-то не то сказала... Во всяком случае, нарисованная мной перспектива не показалась мистеру Уилсону такой уж радужной.

Провожая взглядом длинную, нескладную фигуру с уныло поникшими плечами, я чуть было не окликнула беднягу, чтобы дать ему дружеский совет. Мне ли не знать, как следует вести себя с юными леди склада мисс Минтон, если хочешь завоевать их благосклонность. А чувства мистера Уилсона к этой девушке, бесспорно, выходят за рамки дружеских... В конце концов я решила, что усилия того не стоят. Уж слишком наш коллега робок и неуверен в себе. Мисс Минтон ему не добиться; да он ее и не заслуживает.

Следующие несколько часов я провела в магазинах. Как бы ни были удобны мои рабочие костюмы, для Лондона, сами понимаете, они не годятся. Заказала и дюжину мужских сорочек — их запас практически иссяк благодаря неискоренимой привычке Эмерсона в спешке или в ярости рвать на себе одежду. Выбрала три костюмчика

для Рамсеса, чей гардероб страдал не меньше папочкиного, хоть и по иным причинам.

Домой я вернулась рано, чтобы перевести дух, подготовиться к встрече с детьми и к чаю прибыть во всеоружии. Миссис Уотсон и Гаргори меня уже ждали. Миссис Уотсон — с известием об очередной стычке Рамсеса с кузеном, за что Рамсес был подвергнут домашнему аресту. Гаргори же объявил, что к нам джентльмен с визитом.

Дай бог здоровья незваному гостю. Родительская беседа с Рамсесом была если и не навсегда, то хоть на время отложена. Я сразу же прошла в зеленую гостиную. Очень красивая, но чопорная, затянутая зеленым китайским шелком, комната редко когда видела гостей. Судя по чести, оказанной Гаргори неизвестному джентльмену, меня ждала встреча с титулованной особой. Разумеется, я оказалась права.

Лорд Сент-Джон с видом знатока изучал полотно кисти Гейнсборо — великолепный портрет прадеда Эвелины, украшавший стену над малахитовым камином. Стоило мне переступить порог, как его светлость поспешил навстречу с извинениями:

— Умоляю простить за вторжение, миссис Эмерсон! Неслыханная дерзость с моей стороны! Но дворецкий заверил, что вас ждут с минуты на минуту, а мне не терпелось сообщить вам что-то важное.

— Всегда рада, ваша светлость. Прошу садиться. — Я позвонила. — Мэри Энн, будьте любезны принести чай... Ах да! Детей не приглашайте.

— Ради бога, миссис Эмерсон! — взмолился корд Сент-Джон. — Малыши не должны страдать из-за меня! Буду счастлив познакомиться с вашими детьми.

— Вы сами не знаете, ваша светлость, о чем просите! Собственно, у нас с профессором Эмерсоном только один ребенок. Сын, — объяснила я. — Еще двое — дети моего брата; мы взяли их на лето.

— О! Это по-христиански, миссис Эмерсон! Впрочем, ничего иного я и не ожидал. О вашей доброте, как и о ненасытной жажде знаний, ходят легенды. — Его светлость улыбнулся, и передо мной вдруг предстал совсем другой человек: исчезли глубокие складки — печать прожитых лет (или же порока, как сказал бы Эмерсон), разгладились усталые морщины. Меня, однако, не так легко провести. Смею надеяться, что богатый опыт общения с людьми высшего света

не позволит мне попасться на удочку галантных манер и обаятельных улыбок. Ответив на комплимент учтивым, но прохладным кивком, я налила чаю.

— Не желаете ли чего-нибудь покрепче, ваша светлость?

— Нет, благодарю. Я, знаете ли, переменялся, — с плутовской улыбкой добавил он. — Самое время, как сказали бы очень многие.

Мог бы и не торопиться. В данный момент я с удовольствием глотнула бы чего-нибудь горячительного, а пришлось довольствоваться горячим. Согласитесь, не положено хозяйке наливать спиртным, пока гость скромно прихлебывает чаек.

Приняв из рук хозяйки чашку и сандвич с салатом, гость добавил уже без улыбки:

— Я свое отгулял, миссис Эмерсон. А в былые годы немало покуролесил, лгать не стану. Молодежи, говорят, нужно перебеситься...

— Вы и постарались. Беситься — так уж чтобы чертям в аду жарко стало! Верно, ваша светлость?

Сент-Джон расхохотался:

— Bravo, миссис Эмерсон! Какая прелесть! Обожаю женщин с чувством языка. И чувством юмора, разумеется. Верно, миссис Эмерсон, все верно. Мне есть чего стыдиться, и, поверьте, я сожалею о том, что натворил в прошлом. К счастью, время — великий учитель. Оно облагораживает тех, у кого хватает мудрости прислушаться к его голосу. Я остепенился. Нахожу смысл жизни в познании; надеюсь на встречу с леди, которая разделила бы со мной остаток дней. Мир и покой домашнего очага — вот чего мне недостает, миссис Эмерсон.

— Не нашли такую? В лице мисс Минтон, к примеру?

— Боже упаси! Вы шутите, миссис Эмерсон? Мир и покой рядом с мисс Минтон? Да они ей неведомы. О нет! Мне нужна спутница сдержанная, тихая... *домашняя*, если уж на то пошло. — Лорд Сент-Джон опустил блюдце с чашкой на столик. — Вот одна из причин, миссис Эмерсон, из-за которых я рискнул явиться незванным. Хотелось бы извиниться и объяснить свою вчерашнюю грубую выходку. Видите ли, Маргарет... мисс Минтон я знаю с детства; наши семьи живут по соседству в Глостершире. Маргарет мне как сестра. Понимаю, что она выросла, но не могу отказать себе в удовольствии подразнить ее, как бывало в детстве. Малышка очаровательна, но уж

очень серьезна. И все же я был не прав. Не следовало открывать ее секрет... хотя какой уж тут секрет! Ее бабушку знает вся Англия.

— Полностью с вами согласна, ваша светлость. Вы были не правы. Будьте любезны передать чашку. Благодарю. И потому приносить извинения вам следовало бы не мне, а мисс Минтон. Если это то самое дело, которое привело...

— Не совсем. Однако добрый совет, тем более из ваших уст, миссис Эмерсон, невозможно переоценить.

Сент-Джон по-приятельски улыбнулся горничной, которая внесла поднос с сэндвичами. Девушка мило зарделась. До сих пор я не видела эту хорошенькую, совсем юную особу среди горничных. Видимо, ее повысили в должности после ухода нескольких подопечных миссис Уотсон.

Приятно, конечно, побеседовать с неглупым джентльменом, но время поджимало. Эмерсон вот-вот должен был вернуться, да и дети заждались.

— В таком случае... — протянула я.

Его светлость намек понял.

— Мне хотелось услышать ваше мнение по поводу странных происшествий в музее. Правда ли, что вы с профессором взялись расследовать так называемое дело «мумии-убийцы»? Это не праздное любопытство, уверяю вас, миссис Эмерсон. Будучи патроном Британского музея и другом мистера Баджа...

— Ваш интерес более чем оправдан, милорд. Слухи о нашем участии в расследовании, я бы сказала, сильно преувеличены. Официального приглашения от полиции мы не получали. От руководства музея тоже.

— У меня есть все основания полагать, что приглашение последует, и очень скоро.

— Неужели?

— Мистер Бадж... как бы поточнее выразиться... одним словом, он напуган. Его трудно винить. Маньяк, объявивший войну египтологам, кого угодно...

— А! Выходит, не мне одной пришла в голову эта мысль! Версия здравая, милорд, но разве есть подтверждение? На кого-то снова напали? Кто-нибудь получил письма с угрозами?

— Насколько мне известно, нет... — задумчиво произнес Сент-Джон. — Но предположим, что письма были... Ваши коллеги могли и смолчать о них — из опасения, что их неправильно поймут, или, скажем, из нежелания общаться с прессой.

— Не исключено, но маловероятно. Позвольте заметить...

Нас прервали самым неожиданным и грубым образом. И кто бы, вы думали? Не кто иной, как мой грешный, подвергнутый аресту отпрыск. Дверь с грохотом распахнулась, Рамсес на всех парах влетел в гостиную и застыл передо мной, хватая ртом воздух, словно рыба на берегу.

Я взвилась с кресла.

— Рамсес! Кто позволил тебе выйти из комнаты? Немедленно...

— В сложившихся... обстоя...тельстввах, — выдохнул Рамсес, — я... счел возможным... У меня...

— Возвращайся к себе. *Немедленно.*

— Мамочка, у меня в комнате...

— Сию же секунду, Рамсес!

— ...пожар!

Моя надежда на то, что это всего лишь уловка юного хитреца, не оправдалась. Прихожая наполнилась криками и гарью; лестница плавала в клубах едкого свинцового дыма. Опередив его светлость и Рамсеса, я ринулась на второй этаж, где половина всех домашних слуг металась без толку, и лишь один из лакеев на пару с Перси поспешно срывали занавески в комнате Рамсеса и затапывали языки пламени.

Мне хватило одного взгляда, чтобы успокоиться. Катастрофа вызвала больше шума, чем разрушений, но если бы не своевременная помощь... страшно подумать, во что бы обошлось Эвелине и Уолтеру их гостеприимство! Лакей мою благодарность не принял.

— Это все юный джентльмен, мэм. Я бы не успел.

Черный от копоти Перси скромно забился в уголок.

— Не стоит беспокоиться, тетя Амелия, — заверил он. — Ожогов нет. Я помогал Рамсесу с химическим опытом и случайно опрокинул горелку. Это моя вина. Я несу всю ответственность.

Только этого мне и не хватало! Драка мальчишек в присутствии лорда Сент-Джона поставит крест на моей репутации. А стычка неизбежна. Эффект магической формулы Перси не раз проверен...

Как ни странно, Рамсес на заклинание не отреагировал. Помолчал, озадаченно склонив голову, как будто поведение «подопытного экземпляра» поставило его в тупик.

— Ответственность несу я, — произнес он негромко. — Мне не следовало подпускать к химикатам человека, не имеющего опыта работы со взрывоопасными веществами.

— С какими именно? Что это за эксперимент... нет, не нужно. Я передумала. Ну вот что, Рамсес. Принимать гостей тебе не запрещали. О бунзеновской горелке я тоже не подумала — просто потому, что прежде ты не экспериментировал со взрывоопасными веществами. Одним словом, винить тебя не в чем. Скажи спасибо кузену за то, что так легко отделался.

Рамсес открыл было рот... и промолчал. А я предпочла не настаивать.

Лорд Сент-Джон, наблюдавший за этой сценой с порога, весело хмыкнул:

— Не забыли нашу недавнюю беседу о молодежи, которой нужно... гм... отдать дань развлечениям? Мы с этими юными джентльменами — родственные души, миссис Эмерсон. Который из них ваш?

Я представила «юным джентльменам» его светлость лорда Сент-Джона. Перси, как всегда, был на высоте. Отвесил учтивый поклон и выразил сожаление, что «лишен возможности пожать руку его светлости». Рамсес тоже себе не изменил. Лорда Сент-Джона он подверг тщательнейшему осмотру с головы до ног и обратно. Разразиться одной из своих нескончаемых речей ему, однако, не удалось. Вслед за душераздирающим визгом из коридора понеслась знакомая песня: «Умер, умер, о-о-о... умер...»

— Проклятье! — Я чуть не откусила себе язык. Хорошенький пример для детей... и для его светлости. — Позови сестру, Перси. Пусть зайдет и убедится, что ты невредим, иначе истерики не избежать.

Вот когда его светлость меня по-настоящему удивил! Мы и глазом моргнуть не успели, как лорд Сент-Джон подхватил на руки голосистый колобок в кружевах и оборочках.

— Ш-ш-ш, куколка, — промурлыкал он. — Никто не умер; огонек уже потушили; твой дорогой братик — настоящий герой. Он всех нас

спас!

Рев как ножом отрезало. Барышня расцвела, разулыбалась; пухлые ручонки обвилились вокруг шеи Сент-Джона. Лицемерка! Выхватить бы ее из этих порочных объятий и трясти до тех пор, пока от дурацких локонов и намека не останется!

— Иди к себе, Виолетта, — приказала я. — Поставьте ее, ваша светлость. Прошу прощения за безобразный спектакль.

Сент-Джон напоследок прижал к себе Виолетту. Та заверещала от восторга.

— Ну что вы, миссис Эмерсон! Я обожаю детей. Особенно таких вот прелестных девчушек.

* * *

Мой дорогой Эмерсон не признает ни одну религию и от посещения служб отказывается наотрез. В Кенте я всегда брала с собой Рамсеса. Сомневаюсь, правда, чтобы он что-нибудь выносил из невнятного бормотания отца Уэнтворта. У нашего милейшего vicar всегда каша во рту — ничего разобрать невозможно. Но посещение Божьего храма умиротворяет душу и дает отдых телу; прихожане церкви Св. Уинифреда всегда рады подремать под монотонный говорок vicar.

Воскресным утром я повезла детей в церковь Св. Маргариты, что в Вестминстере, где службу вел архидьякон Фредерик Фармер — один из самых почитаемых в графстве проповедников. Детки исчерпали запас моего терпения задолго до начала службы, так что надежда оставалась только на отца Фредерика. Тема проповеди — «Братская любовь» — не могла должным образом не подействовать на моих малолетних спутников.

Виолетта превзошла себя. Когда от истерических воплей дрогнули стены, я бросилась из нашей спальни на второй этаж, в полной уверенности, что Рамсес преподнес барышне мумифицированную крысу или в лучшем случае отбеленную тысячелетиями кость из своей египетской коллекции. Ничего подобного! В детской меня встретили бледная, до смерти запуганная нянька и опухшая от злых слез

Виолетта. Пританцовывая на груди цветастых оборочек, девчонка вопила во все горло:

— Гадкие! О-о-о... гадкие! Старые! Мятые!

Насчет «мятых» она попала в точку. Утюжка ногами одежду не украшает. Признаться, после этого эпизода у меня опустились руки. Виолетта несправима. Даже *моих* сил не хватит, чтобы выбить из нее материнскую дурь.

Ни у драчунов, ни у нашей плаксы служба успеха не имела. Барышня весь обратный путь оплакивала свои «гадкие» наряды, а Рамсес обозвал Перси распроклятым экскрементом.

— Ты где этого набрался, Рамсес? — Моему возмущению не было предела. — Откуда тебе известно это слово?

— В путеводителе по Лондону прочитал, мамочка. В соответствии с твоими рекомендациями я приступил к расширению кругозора. На третьей странице путеводителя говорится, что «верхний пласт почвы под Стрэндом состоит из красно-желтого грунта в смеси с экскрементами». Поскольку я никогда не упускаю случая пополнить свой словарный запас, то обратился к словарю. Тебе будет интересно узнать, мамочка...

Рамсеса я до конца дня отправила в его комнату. Перси и Виолетту — после минутного раздумья — тоже. Несправедливо, конечно, но иного способа сохранить собственный рассудок не было.

Эмерсон улизнул, оставив записку с туманным обещанием вернуться после шести. Я провела несколько часов уединения в библиотеке за чтением «Истории Древнего Египта» (профессор поработал на славу, но без кое-каких исправлений все же не обошлось), а затем насладились чаем (одна!) в нашей уютной тихой спальне.

Автор манускрипта не задержался. Вскоре после назначенного часа в коридоре раздались знакомые шаги, дверь со знакомым треском распахнулась, но Эмерсон почему-то застрял на пороге.

— Из-за чего сыр-бор, миссис Уотсон? Ну донес я этот таз, и что с того? Вы только взгляните на эту девчушку: котенок и то больше. Нужно было лакея послать!

— Да, профессор, но она сама предложила...

— Похвально. Но неразумно. Дайте-ка сюда... будьте любезны... в сторонку...

Из глубины коридора донесся топот. Запыхавшийся Гаргори затормозил у самой двери.

— Профессор! Вам пакет, сэр! Только что принес посыльный!

— Ну и что мне прикажете делать? Видите, таз с водой держу. Отдайте миссис Эмерсон.

С тазом в вытянутых руках Эмерсон прошествовал в ванную.

— Привет, Пибоди!

— Добрый вечер, дорогой.

Плеск, грохот, проклятия. Мокрый, но чрезвычайно довольный собой, Эмерсон вернулся в комнату.

Миссис Уотсон удалилась, удрученно качая головой. Сконфуженная горничная прошмыгнула мимо нас и скрылась в ванной; Гаргори с достоинством протянул мне серебряный поднос. Я даже залюбовалась. Недурственный был бы дворецкий, если бы не сияющая на круглой физиономии широченная улыбка. Еще одна чистая душа пала жертвой профессорского обаяния.

— Спасибо, Гаргори. — Я взяла с подноса перевязанный и запечатанный пакет.

Эмерсон рухнул в кресло рядом со мной и задрал ноги на каминную решетку.

— О-о! — блаженно выдохнул он. — Дома-то как славно, Пибоди! Особенно без... я хотел сказать... где дети?

Пришлось объяснить. Пополнение отпрыском словарного запаса папочку развеселило.

— Так и сказал?! — Эмерсон зашелся в хохоте. — Экс... ха-ха-ха!... кремент?! Ей-богу, Пибоди, могло быть и хуже! А в целом как день прошел?

— В целом неплохо. Ну а ты что скажешь, дорогой? Где пропал?

— Прогулялся... Заглянул к Баджу...

— К мистеру Баджу? Боже правый, но зачем? Общих дел у вас нет, а светские визиты не в твоём духе.

— Ха-ха! Он тоже удивился. Ты только представь, Пибоди, этот чертов идиот...

— Эмерсон! — Я скосила глаза на дверь в ванную.

— А! Девочка еще там? Какого... что она там делает?

— Надеюсь, как всегда, готовит ванну. И вытирает после тебя лужи. Не отвлекайся. Речь шла о мистере Бадже. Что тебя к нему привело?

— Я предложил развернуть мумию.

— Развер... Дьявольщина! Это еще зачем?!

— Пибоди-и-и! Ай-ай-ай! — Профессор с коварной ухмылкой кивнул на дверь в ванную. — Превосходная идея! Додумался, пока... гулял по парку. Угу, точно. Пока гулял по Гайд-парку. Видишь ли, дорогая моя Пибоди... вчерашний спектакль, к счастью, закончился удачно. А если бы произошла трагедия? Всеобщая истерия достигла такого уровня... Да, кстати! Ты знаешь, что один из твоих друзей-щелкоперов состряпал статейку о психе в леопардовой шкуре? Якобы «жрец» в прошлой жизни был возлюбленным принцессы. Эх, жаль, опоздал я... Хотел ведь продать эту идею. Озолотились бы!

— Не паясничай, дорогой, умоляю. Ты уходишь от темы.

— Точно, ухожу, — беззаботно согласился Эмерсон. — Так вот... Мне пришло в голову, что пора бы положить конец всей этой галиматье, пока никто не пострадал. Для музея в подобных представлениях тоже ничего хорошего нет.

— В этом ты прав, Эмерсон. Хотелось бы только узнать, при чем здесь процедура — малоприятная, между прочим, — раздевания Хенутмехит?

— Это же очевидно, Пибоди! Откроем саркофаг; прочитаем надписи на внутренней стороне крышки — если они там есть; обнажим, с позволения сказать, иссохшую плоть и жуткий оскал египетской леди. Уж тебе-то известно, Пибоди, что самые распрекрасные мумии красотой все равно не блещут. Вот вам и конец сказке о прелестной принцессе. А вдруг у нее половины зубов не хватает? Никаким романтическим чувствам не выдержать встречи с престарелой беззубой леди.

Я тоже пристроила ноги на решетке и взяла руку Эмерсона в свою.

— Ах, дорогой! Тысячу раз говорила и еще столько же повторю! Широта твоего интеллекта сравнима лишь с глубиной твоего же знания человеческой природы! Блестяще, Эмерсон! Просто блестяще!

Мужчины тщеславны; комплименты они любят не меньше, чем дамы, уж поверьте моему опыту, читатель. Любимый расплылся в

улыбке и в благодарность приложился губами к моей руке.

Правда, я подозревала, что супруг со мной не до конца откровенен. Человеколюбие, возможно, и главная, но наверняка не единственная причина его желания лишиться одежд древнеегипетскую леди. Ради даже самой заваливающей пирамиды я, к примеру, готова хоть на край света пешком идти. Эмерсон к мумиям относится куда спокойнее, но он их все-таки любит... Никогда мне не забыть одну из наших первых встреч и ту нежность, с которой профессор слой за слоем снимал обертки с вот такой же мумии. Стоит ли добавлять, что увлечение нашего отпрыска досталось ему именно от папочки?

— К тому же ты получишь превосходный шанс прочитать лекцию о древнеегипетских проклятиях, — добавила я. — И объяснить народу, что их просто не существовало.

— Угу, — помрачнел мой дорогой супруг. — Объяснил бы, если в меня допустили к мумии.

— То есть? Бадж отверг твой план?

— О нет! План-то он как раз одобрил! Твои слова повторил, Пибоди. *Блестяще*, говорит...

— Так почему...

— Потому, дорогая моя Пибоди, что чертов... э-э... отъявленный сукин... э-э... негодяй решил нагреть ручонки на моей идее!

— Ах ты бедный мой, бедный... Так старался... Послушай! Какой смысл в этой процедуре, если ее будет проводить Бадж? Он не способен сделать выводы — определить возраст, пол... и все такое.

— Сказал, что пригласит какого-то профессоршску из соседнего медицинского колледжа. — Эмерсон скрипнул зубами.

— Может, еще передумает.

Мрачная морщинка между бровей разгладилась, и любимый раскатистый смех согрел мне душу.

— Знаю я тебя, Пибоди! Не смей даже думать! Я запрещаю... слышишь?... запрещаю ходить на поклон к Баджу и просить его *передумать*.

— Но я всего лишь...

— ...хотела как лучше для меня. Знаю, дорогая моя Пибоди! И ценю твою заботу. Бадж, по-моему, уже передумал. Перед самым моим уходом произошло... ха-ха-ха! Странная штука...

— А именно?

Эмерсон поерзал в кресле, откинул голову на спинку.

— Настоящее представление, ей-богу! Вообрази... Бадж сидит за столом и, как обычно, несет ахинею. Твой покорный слуга меряет шагами кабинет...

— ...поливая директора...

— ...пытаясь поддерживать светскую беседу. Стук в дверь. Входит охранник с пакетом. Бадж хватается за свой дурацкий нож — тот самый, который он якобы добыл на раскопках гробницы в Асьюте, — и перерезает бечевки. Бледнеет. Зеленеет... Потеряв дар речи, в ужасе таращится на...

Драматическое повествование меня захватило.

— Отрезанное человеческое ухо? Мумифицированный член?

— Ч-что? — Эмерсон и сам потерял дар речи. — Пардон, Пибоди... И какой же именно, позволь поинтересоваться, орган человеческого тела ты имеешь в виду?

— Ступню или кисть — какой же еще?

— А-а! Не угадала. Баджу преподнесли всего лишь древнюю статуэтку. Однако напугала-то его не сама ушебти, а приложенная к ней записка.

— Вот как? И что же там...

— Понятия не имею. Бадж не дал мне ни на послание взглянуть, ни на ушебти. Я, конечно, преувеличил... гм... самую малость. Но он был напуган, Пибоди! Ха-ха-ха! Еще как напуган!

Мне было не до веселья.

— Послушай-ка, Эмерсон...

— Да, Пибоди?

— Тот пакет, что принес Гаргори...

— Дьявольщина! — Профессор подпрыгнул в кресле. — Где он?!! Что ты с ним сделала, Пибоди?!! Вот черт! Мне эта штуковина сразу показалась знакомой!

— Оглянись, дорогой. Пакет на столике.

— Ага! — Вместо того чтобы по обыкновению рвануть за бечевки и разодрать бумагу, Эмерсон принялся вертеть пакет в руках. — Точно такой же... — бормотал он. — Коричневая оберточная бумага, адрес написан черной тушью... печатными буквами... плохо очищенным пером... писал мужчина... не без некоторого образования...

Это уж чересчур. Век бы мне не видеть, что там в пакете, но и выслушивать необоснованные домыслы...

— Не сочиняй, Эмерсон! С чего вдруг ты решил, что писал мужчина? Да еще и образованный?!

— Почерк определенно мужской — размашистый и резкий. Насчет образования... слишком долго объяснять, Пибоди. Есть способы, есть.

— Что за чушь! — возмутилась я.

— Ладно... Из упаковки мы больше ничего не узнаем, — задумчиво протянул новоявленный сыщик. — Развернем осторожно... вот так... Ха! Так я и думал!

— Что там?! Эмерсон, *что?!!*

— Картонная коробочка.

— О-ох... Оставь свои шуточки, дорогой! За тебя же волнуюсь!

— Извини, Пибоди. Не подумал. Так... Коробочка как коробочка. Никаких особых примет. Разве что... — Он принялся. — Чуть заметный запах табака. Хорошего табака. Эх, Пибоди... Были же денечки, когда и я...

— Если ты сию же секунду не откроешь эту чертову коробку, Эмерсон, я завизжу!

— Трубка здорово подстегивает мыслительный процесс. Нехорошо, Пибоди. Тем, кто *мнит* себя великим детективом, визжать не положено. Терпение, Пибоди, терпение. Здесь могут скрываться самые неожиданные ключи к разгад...

Выхватив коробку из рук мужа, я сдернула крышку, швырнула на пол приличный ком ваты, утрамбованной сверху, и уставилась на...

— Шавабти!!!

— Не верещи, Пибоди, — ледяным тоном посоветовал Эмерсон. — И нечего махать руками. Это фаянс. Уронишь — разлетится вдребезги.

Фигурки «шавабти» (или «ушебти», как произносит Уолтер и многие другие ученые) являют собой пример сугубо практического отношения древних египтян к жизни после смерти. В загробном мире ушебти должны были исполнять все желания умершего и делать за него всю тяжелую работу — пахать, сеять, рыть каналы в пустыне и т.д. Изготовленные из чего угодно — фаянса, камня, позолоченного дерева, — статуэтки не различались лишь формой, всегда изображая

мумифицированное тело человека. В богатой гробнице археологи находили десятки, а то и сотни этих крошечных загробных слуг.

Ушебти, присланная неведомым «благожелателем», оказалась исключением из правил. Мне еще не приходилось видеть статуэтки в царственном одеянии и со скипетрами в руках. Вязь миниатюрных иероглифов, по-видимому, означала имя владельца, но я не стала тратить время на расшифровку.

— Бадж такую же получил?

— Похожую. Точнее сказать не могу: он же мне рассмотреть не дал. — Эмерсон вытащил из коробка узкую, мелко исписанную бумажную полоску. — Так-так... А ты говоришь, Пибоди, что древнеегипетских проклятий не существует. Взгляни-ка!

Взглянуть-то несложно. Прочитать — вот проблема. От недоброго предчувствия у меня тряслись руки.

— "На любого, кто проникнет в мою гробницу, я обрушусь как на цыпленка..."

— *Обрушусь?* Для такого текста, Пибоди, ты выбрала слишком игривый тон. Позволю себе предложить более точный перевод... Скажем, «нападу». Или хотя бы «наброшусь», но никак не...

— Ради бога, помолчи! Ты еще не слышал самого страшного: «... а Эмерсон, Отец Проклятий... УМРЕТ!»

* * *

Отзвуки жуткого пророчества еще звенели в ушах, когда грянул металлический гром, словно кто-то рядом ударил в цимбалы. Я так и подпрыгнула; Эмерсон весело фыркнул. Горничная с пустым тазом в руках, звякая плохо пригнанной крышкой, бочком просеменила вдоль стенки и юркнула за дверь.

— Читать нужно было потише, Пибоди! До смерти девочку напугала.

— Совсем о ней забыла. Но ты-то, Эмерсон! Откуда такое хладнокровие?! Это же откровенная угроза... предсказание смерти... или... хуже того...

— Хуже ничего быть не может, — небрежно бросил профессор. Он заблуждался, но не в моих интересах было напоминать, ему

недавнюю встречу с Гением Преступлений, когда смерть казалась мне счастливым исходом.

— Прошу прощения, мамочка. Прошу прощения, папочка...

Нашел время!

— Как ты посмел выйти из своей комнаты! — возмутилась я. — Немедленно...

— Знаю, мамочка. Теоретически я нарушил твой приказ. Однако, учитывая, что мы с папочкой не виделись с самого утра, я посчитал возможным спуститься и случайно услышал донесшееся из-за двери вашей комнаты предсказание...

— Не мог ты его услышать, если только не подслушивал у замочной скважины!

— Будет тебе, Пибоди. В кои-то веки можно и послабление дать. — Эмерсон улыбнулся. Рамсес, не спуская с папочки глаз, осторожненько ступил через порог. В белоснежной ночной сорочке, босоногий, он выглядел такой невинной милой крохой...

— Ну что ж... — протянула я. А милая кроха только этого и дожидалась. Вмиг перелетев через комнату, Рамсес устроился на ковре у папочкиных ног на манер индийских йогов. Стоит ли добавлять, что болтал он при этом без умолку:

— Полагаю, мамочка, что беспокойство за папочку извиняет мое пренебрежение к твоему приказу. В иных обстоятельствах я, разумеется, не позволил бы себе...

— Не о чем беспокоиться, мальчик мой. Вздор и ерунда. — Эмерсон любовно потрепал черные кудри сыночка. — Очередная шутка нашего безумца — только и всего.

— Не будет ли с моей стороны бесцеремонностью попросить тебя, папочка...

— Чего уж там, Эмерсон! Пусть посмотрит. Не отстанет же, пока не увидит собственными глазами.

Папочка вручил Рамсесу коробку. Ушебти особого интереса не вызвала.

— Неплохой экземпляр, — отметил юный египтолог и сосредоточился на записке. Ненадолго. — Итак... — протянул он, наморщив гладкий лобик, — думаю, не ошибусь, если выскажу версию, что мы имеем дело с двумя текстами различного происхождения, первый из которых, если мне не изменяет память,

найден в фиванской гробнице времен Девятнадцатой династии. Второй же, как вам, разумеется, известно, является выдержкой из так называемого «проклятия мертвых», примеры которого встречаются...

— Нам это, разумеется, известно, — вставил Эмерсон.

— Что же касается орфографии, — продолжал Рамсес, — не побоюсь заявить, что автор записки следует правилам египетского правописания, изложенным мистером Баджем. На мой взгляд, употребление листа камыша при написании имени Эмерсон совершенно неоправданно...

— А на мой взгляд, — не выдержала я, — ты слишком спокоен для человека, якобы преисполненного тревоги за жизнь своего отца!

— Уверяю тебя, мамочка, внешние проявления не отражают глубину моего беспокойства. Гм... Пожалуй, это вся информация, которую мы можем получить из записки. Добавлю лишь, что ее написал человек не без некоторого образования...

— Ничего себе! — воскликнула я.

— ...и плохо очищенным пером. Положение не так серьезно, как я думал, мамочка. Поскольку мистер Бадж получил такую же ушебти, мы можем сделать вывод, что преступные намерения автора записки не направлены исключительно на папочку. Любопытно было бы узнать, не стал ли еще кто-нибудь из египтологов или сотрудников Британского музея жертвой...

— Верно, мальчик мой. — Какое счастье, что сыночку время от времени требуется передышка. Эмерсон удачно воспользовался паузой. — Говорил же я тебе, Пибоди, что это всего лишь очередная дурацкая шутка. Одно цепляется за другое — и пошло-поехало! Газетчики подняли шумиху, раззадорили еще какого-нибудь психа, вот он и решил принять участие...

— Не сомневаюсь, что...

— Отправляйся наверх, Рамсес.

— Да, мамочка. Благодарю тебя за снисхождение к моему...

— Сию секунду, Рамсес!

Ну наконец-то. Сыночек поцеловал нас и удалился, прихватив с собой ушебти.

— Пусть возьмет, — махнул рукой родитель. — Малыш переживает. Не иначе как задумал провести над «уликой» опыт. А

идею он подал что надо, Пибоди! Сбегаю-ка я к Питри и Куибеллу — узнаю, не получали ли...

— Позже, Эмерсон! Ты и так опоздал. Ужин...

— Идем! — с готовностью отозвался профессор. — Повар наверняка нервничает. Обойдемся без переодевания!

* * *

Надеюсь, кто-нибудь когда-нибудь изучит таинственные способы распространения информации в таких семьях, как наша. Речь, конечно, не о Рамсесе, — это случай особый. Даже в Лондоне найдутся люди, готовые по примеру невежественных египтян уверовать в сверхъестественную способность Рамсеса проходить и слышать сквозь стены. Уж не знаю, от сыночка ли нашего или от той трусливой горничной, что возилась в ванной, только Гаргори был уже в курсе событий. Дворецкий изволил поддержать идею профессора:

— Ваша правда, сэр. Неплохо бы и других порасспросить. Вдруг они получили такие же штушеш... штушки, сэр. Если желаете начать сегодня же, можете на меня рассчитывать. Все письма будут немедленно доставлены.

— Благодарю, Гаргори. Вы очень любезны.

— Не за что, сэр. Всегда готов услужить, сэр. Дворецкий удалился на кухню за вторым блюдом, а я воспользовалась моментом:

— Напрасно ты посвящаешь Гаргори во все наши дела, дорогой. Вряд ли Эвелине понравится участие прислуги в беседе за столом.

— Да, но Гаргори же не Уилкинс. От нашего дворецкого никакого толку. "Не могу знать, сэр! — это все, на что он способен. А Гаргори — парень толковый. Кстати...

— Что?

— Интересно, не найдется ли у него лишней трубки? Всего лишь до завтрашнего утра, пока лавки не откроются.

Сразу после ужина мы прошли в библиотеку, но написать письма коллегам в тот вечер нам было не суждено. Вооружились бумагой, перьями... а кое-кто и трубкой, которой «толковый парень» был счастлив ссудить профессора. Устроились за столом...

— К вам джентльмен с визитом, сэр... мэм! — объявил вновь возникший в дверях Гаргори.

— С визитом?! — взревел Эмерсон. — В такое время?! Проклятье! Верх наглости!

— Не ты ли собирався в *такое время* слать гонцов к Питри и Куибеллу, дорогой? Кто пришел, Гаргори? Покажите визитную карточку.

— Карточки у него нет, мэм. — Презрительно фыркнув, дворецкий стал до смешного похож на нашего сноба Уилкинса. — Но он настаивает. Назвался О'Коннеллом, мэм...

— О'Коннеллом, значит... — Эмерсон зловеще сдвинул брови. — Возьмите-ка мистера О'Коннелла под белые ручки... минутку... одному вам не справиться. Вот что, Гаргори. Сначала пригласите лакея покрепче, а уж затем возьмите мистера О'Коннелла под белые ручки... и вышвырните вон!

— погоди, Эмерсон. — Я поспешила вмешаться, пока Гаргори не бросился исполнять приказ своего идола. — Мистер О'Коннелл ни за что не осмелился бы заявиться к тебе в дом, да еще в столь поздний час, если бы у него не было на то достаточных оснований. Уверена, ему есть что сказать. Не желаешь выслушать?

— Гм... Пожалуй, Пибоди... Макнуть его веснушками в пруд я всегда успею. Лично. Давайте субчика сюда, Гаргори!

— Слушаюсь, сэр!

Эмерсон горящим взглядом уставился на дверь, то ли в надежде на хорошие новости, то ли в предвкушении расправы над несчастным репортером, — гадать не берусь.

О'Коннелл, как ни странно, при виде «неистового профессора» в ступор не впал. Гаргори только открыл рот, чтобы по всем правилам представить гостя, а ирландец уже влетел в библиотеку.

— Миссис Эмерсон! — заорал он во все горло. — Профессор!!! Полиция нанесла удар! Невинный за решеткой!

Глава 8

Мне удалось убедить мистера О'Коннелла присесть и для начала разделить с нами вечерний глоток виски с содовой.

— Отдаю вам должное, друг мой. Выход достоин гениального актера. А теперь неплохо бы успокоиться и поведать нам все по порядку.

Да и Эмерсон тем временем придет в себя. Выпивка, согласитесь, располагает к диалогу. Даже мой муж как следует подумает, прежде чем топить в пруду гостя, с которым только что пил за здравие.

Гаргори принес все необходимое и удалился... оставив дверь приоткрытой.

После впечатляющей порции спиртного репортерские таланты вернулись к мистру О'Коннеллу, и мы наконец услышали довольно связную версию его завтрашней статьи.

Полиция арестовала некоего Ахмета, члена лондонской общины египтян, среди сородичей известного под более чем красноречивым прозвищем «Вошь». Ахмет громко называл себя купцом, но, если верить Кевину, на деле был всего лишь торгашом самого невысокого пошиба, причем не слишком успешным. Причина торговых неудач, по видимому, крылась в том, что часть товара, и немалая, шла непосредственно на прокорм хозяину.

— Опиум, гашиш и прочая гадость, — объяснил Кевин. — Одним словом, фрукт тот еще. Ради денег не задумываясь продаст друга, а если приспичит угоститься снадобьем, то и мать родную не пожалует. Каюсь, я сам пользовался его услугами, когда время поджимало, а фактов для статьи не было. Пусть он негодяй, никто не спорит, но не убийца же! Да на такую расправу ему ни сил, ни смелости не хватит!

— О чем тогда речь? — процедил Эмерсон, терзая зубами позаимствованную трубку. — Разберутся во всем и выпустят.

— Не все так просто, сэр, — возразил ирландец. — После скандала в музее власти настаивают на скорейшей поимке преступника. Полиция в запарке. Разве им сейчас до разбирательств, кто прав, кто виноват? Схватят первого попавшегося — и дело с

концом! Держу пари, профессор, что инспектор Кафф просто-напросто нашел козла отпущения. А бедный Ахмет...

— Полностью с вами согласна, Кевин! — воскликнула я. — Бедный Ахмет в опасности! Инспектор Кафф и на меня произвел не самое лучшее впечатление.

Ах ты, черт! Проговорилась! А Эмерсон, хоть и погрузился в задумчивость, припечатал палец к ямочке на подбородке, тут же наострил уши:

— Что?! Ну-ка повтори, Пибоди! Когда это ты...

— Потом расскажу, дорогой. Прислушайся лучше к словам мистера О'Коннелла. Невежественный египтянин никак не мог задумать и совершить эти убийства.

— Действительно... — отозвался Эмерсон. — Ну и что...

Кевин подался вперед:

— Сделайте что-нибудь, профессор! Справедливость требует! Никто не знает египтян лучше вас. Даже те, кому довелось побывать в Каире, не имели дела с местным населением, не знают языка и...

— Да, Эмерсон, да, да, да! Наш долг помочь полиции! Как представлю себе бедного Ахмета на допросе... в руках извергов-констеблей... он же не выдержит побоев...

— Прекрати молоть чушь, Пибоди. Британская полиция арестованных не пытается. — Грозный тон меня не обманул. Эмерсон уже готов был сдаться. — Чего вы, собственно, от меня ждете? Надеюсь, мистер О'Коннелл, даже вашей общеизвестной наглости не хватит, чтобы отправить профессора археологии в притон...

— ...субботним вечером, — закончила я. — Твоя деликатность глубоко меня тронула, дорогой. Для тебя самого святая суббота — пустой звук, и тем не менее ты не забыл, что я чту заветы Господа. Однако полночь не за горами, а с ней и конец праздника. Притоны же после полуночи наверняка открыты... впрочем, говорят, они открыты в любое время. Любители опиума, если не ошибаюсь, день от ночи не отличат.

— О ч-чем речь? — захлопал глазами Кевин. — П-почему п-притон?...

— Остынь, Пибоди! В такое логово я не позволю тебе и шагу ступить — ни в *святую* субботу, ни в любой другой день.

— Ага! Вот ты себя и выдал. *Мне* не позволишь? А сам, значит, решил пойти? Ай-ай-ай! — Я погрозила любимому пальчиком. — Не выйдет. *В горе и радости! В болезни и здравии...*

— Я сказал — остынь! — рявкнул любимый. — Обойдусь без цитат из Священного Писания!

— Обойдешься — и ладно, дорогой. Только не нервничай. Еще виски? Мистер О'Коннелл наверняка не откажется.

Я взяла бокал из дрожащей руки репортера.

— М-можно п-поинтересоваться, откуда эта идея о п-походе в п-притон? — выдавил Кевин.

Пришлось взять на себя труд просветить нашего юного друга. Эмерсон, точно заговоренный, что-то бубнил себе под нос. Несколько скомканных фраз из его монолога мне уловить удалось:

— Запереть в спальне? Бред... найдет выход... в щель пролезет... как всегда... дьявольщина!

— Видите ли, Кевин... Где и начинать расследование, как не в подобном притоне. Ахмет ведь не только торговец, но и курильщик опиума. Там же наверняка можно встретить его приятелей и компаньонов. Рыбак рыбака, как говорится... Сама я не большой знаток излюбленных мест лондонских курильщиков опиума, но положитесь на громадный опыт профессора и его знание... Эмерсон! Будь так любезен, прекрати! Ты меня отвлекаешь.

— ...связать по рукам и ногам... и кляп неплохо бы... А как же... плюнуть на это дело?

— О чем мы говорили, мистер О'Коннелл?

Бедный юноша! У него уже тряслись не только руки, но и губы.

— О т-том, м-миссис Амелия, п-почему необходимо нанести в-визит...

— Ах да. Благодарю вас. Итак, притон курильщиков опиума. Это связующее звено с Египтом. До сих пор египетский акцент нашего дела не бросался мне в глаза. Преобладал чисто европейский... я бы даже сказала — британский стиль. Но если подумать... Никто ведь не видел лица «жреца». А вдруг он не англичанин, а именно египтянин, получивший кое-какое образование, но так и не сумевший избавиться от языческих суеверий? Мы уже сталкивались с похожими случаями. Эмерсон! Помнишь того живописного имама, который никак не желал впускать нас в "гробницу Баскервиля"?

Молчание со стороны Эмерсона. Зато Кевин оживился:

— Еще бы! Отлично помню. Рабочие-египтяне были так напуганы, что отказывались продолжать раскопки, пока профессор не устроил целый спектакль с разоблачениями! Да, но... Миссис Амелия! Если за убийствами действительно стоят суеверия египтян... бедняге Ахмету туго придется.

— Это всего лишь предположение, мистер О'Коннелл. Одно из многих. Но сбрасывать его со счетов не стоит. У моего мужа масса друзей и приятелей в самых разных местах... Эмерсон человек скромный, связи свои напоказ не выставляет. Не удивлюсь, однако, если он знаком и с завсегдатаями опиумных притонов...

Ну слава богу! Знатоку зланных мест пришел в чувство. Настолько, что сразу бросился в бой:

— И речи быть не может, Пибоди. Забудь. Выбрось притоны и прочую дрянь из головы.

— Переоденусь-ка я, пожалуй, в мужской костюм... Точно! Лучше не придумаешь! Женщина наверняка привлечет к себе внимание... к тому же брюки гораздо удобнее...

Эмерсон обозрел меня с ног до головы. И обратно.

— Совсем рехнулась? Какие брюки, Пибоди?! Чем ты, скажи на милость, замаскируешь свою...

— Лакеев нужно спросить... У кого-нибудь наверняка найдется что-нибудь подходящее. Вот Генри, к примеру... почти одного со мной роста. Подавились, мистер О'Коннелл? Нельзя глотать виски залпом.

— Э-э... Не в то горло попало, — проскрипел багровый от удушья О'Коннелл. — Уже лучше... Блестяще придумано, миссис Амелия. Уверен, вам удастся... э-э... преодолеть ту небольшую загвоздку, которой опасается профессор. Да и темнота поможет. Мы к вам никого близко не подпустим.

— "Мы"?... — повторила я.

— Да, мэ. *Мы*. Пусть профессор возражает в свое удовольствие, но я-то вас знаю, миссис Амелия! У вас как? Сказано — сделано! А я ни на шаг...

— Боже правый! — Мне было так стыдно перед Эмерсоном! — Извини, дорогой, не подумала. Забыла, с кем имею дело.

— Ладно уж, Пибоди, — великодушно отозвался Эмерсон. — Ничего не поделаешь. Мистер О'Коннелл поймал нас за... на слове.

Отделаться от него не удастся, так что придется взять с собой. Может, оно и к лучшему.

— Вот здорово! — засиял ирландец. — Спасибо, профессор! Не пожалеете, и точка!

— Не стоит благодарностей, мистер О'Коннелл. Буду счастлив работать с вами рука об руку. Но миссис Эмерсон строго чтит заповеди Божьи, так что нам придется отложить поход до полуночи. Отдыхайте, набирайтесь сил. Еще виски?

Казалось бы, Кевин должен был насторожиться. Профессия, как-никак, жесткая, к доверию не располагает. Ан нет. Репортер заглотив наживку и не поморщился. Впрочем, не буду судить строго. Если Эмерсон пускает в ход свое обаяние, никто не устоит. Умница, мой дорогой... А я-то! Допустить такую оплошность! Расстроенная, я удрученно помалкивала, зато Эмерсон разошелся вовсю. Ни словом, ни взглядом не укорив меня, он сосредоточился на нашем юном приятеле. Подливал виски, болтал о том о сем — одним словом, втирался в доверие. Как бы между прочим упомянул и о зловещем пакете.

Репортерская душа возликовала. О'Коннелл уже купался в лучах славы и примерял лавровый венок.

— Да что вы! Это же... подумать только... Сенсация, и точка! Ахмет-то уже был в руках полиции... нет, не пойдет... кто знает, когда был отправлен пакет?... С другой стороны... — Он запустил обе пятерни в рыжие патлы. — Совсем запутался... Хотел ведь... э-э... о чем это я?

— Торопиться некуда, мистер О'Коннелл, — благодушно улыбнулся хозяин. — Есть время, есть. Вот, глотните-ка еще...

— Благодарю, сэр. А знаете что, профессор? Я ценю ваше доверие, сэр... и точка! Всегда восхищался вашим... вашим...

— Да вы пейте, мистер О'Коннелл, пейте.

— Б-благодарю, ст-тарина. Виски что надо. Ага! Вспомнил! Эти ишерби... шарбери... ай, да провались они... Вы меня поняли... Эти мах-хонькие с-статуй-ки. М-может, их еще кто-нибудь получил, к-кроме вас с Баджем?

— Видишь, Пибоди? — восхитился профессор. — Я был прав! Мистер О'Коннелл у нас — голова! Перед самым вашим приходом, мистер О'Коннелл, мы как раз и собирались написать письма коллегам.

Составили список, к кому обратиться с этим вопросом, — а вы тут как тут со своей ошеломляющей новостью.

— Ну и д-дела... — лепетал Кевин, угощаясь очередной порцией виски, благо графин хозяин придвинул поближе к гостю, — Мечта-а, а не статья... А эта-то... вертих-хвостка... лопнет от зависти!

— Аи, как жаль, — качая головой, продолжал Эмерсон. — Сегодня уже не удастся, а железо нужно ковать... Я своих коллег знаю. Дай им ночь на раздумья — утром они прессу и близко к себе не подпустят.

С немалым трудом, но Кевин выудил-таки часы из кармана. Прищурился, наводя фокус на циферблат.

— Ис... ис-чо... Иш-шо п-полно времени! — ликующе провозгласил он. — П-полно! До п-пол-ночи вы н-не уйдете!

— Ни в коем случае, — подтвердил профессор. — Святая суббота, сами понимаете. Религиозные убеждения миссис Эмерсон не позволят ей...

— Угу. Точ-чно. М-мило. Вот что, ст-тарина... Я м-могу вас так звать, старина? Не обиж-ж-житесь?

— Ради бога, сынок!

Такой злорадной ухмылки на лице мужа мне еще видеть не доводилось. Чтобы закрепить успех, Эмерсон по-приятельски хлопнул ирландца по спине, да так, что тот едва не пропахал носом пол.

— С-с-с-сибо, старина Эм-мерсон. Меня дож-ж-жетесь? Дела. С-стрелой... Туда и об-ратно...

— Это мысль, — кивнул Эмерсон. — Бегите, бегите. Гаргори! Пальто мистеру О'Коннеллу! Мистер О'Коннелл уходит. Не копайся, Пибоди! — зашипел он, едва огненная шевелюра скрылась в конце коридора. — Быстрее!

Я так и покатила со смеху:

— Но, дорогой! Мои религиозные убеждения не позволят мне...

— Умолкни, Пибоди. У тебя отродясь не было никаких религиозных убеждений. Сама знаешь! — Он вытащил меня из библиотеки.

— Неправда! Просто мои убеждения уступают место высшим... Эмерсон! Не так быстро! Эти оборки, будь они неладны... под ногами путаются!

Любимый затормозил на полном ходу, подхватил меня на руки вместе с оборочками и всем прочим и устремился вверх по лестнице. Переодеваться.

* * *

Ночной город купался в тумане. Приглушая свет газовых фонарей, лондонский смог стал нашим союзником. Никем не замеченные, мы проскользнули в ворота и рука об руку быстрым шагом направились к Стрэнду. Оттуда наш путь лежал в районы, где мне еще не доводилось бывать. Из окна кеба, который Эмерсон нанял вблизи Стрэнда, открывался чужой Лондон.

Правый берег Темзы, к востоку от Лондонского моста, щетинился причалами. У одного из причалов кеб остановился, Эмерсон помог мне выбраться, расплатился с извозчиком, и тот лихорадочно щелкнул хлыстом — только его и видели. Когда глаза привыкли к темноте, мне стали понятны и спешное бегство кучера, и косой взгляд, которым он одарил профессора, услышав адрес.

Жуткое место! Если в районе Сент-Джеймского парка улицы в этот час были пусты, то в Ист-Энде кипела жизнь. Расплывчатые темные фигуры искателей забвения и наслаждений шныряли вокруг как крысы и растворялись во тьме.

— Эмерсон... — шепнула я, пробираясь вслед за мужем вдоль узкой зловонной улочки, — сейчас не самый подходящий момент для комплиментов, но я не могу не сказать, что ты лучший из мужей! Твоя безграничная вера в меня...

— Закрой рот, Пибоди! — шикнул любимый. — Имей в виду — произнесешь хоть слово... придушу собственными руками!

Предупреждение излишнее, но не беспочвенное. Голос у меня довольно низкий, однако не настолько, чтобы сойти за мужской. И никакой маскарад не поможет. Необходимость диктует свои законы. Пришлось подчиниться приказу «помалкивать, пока не выберемся из этой дыры».

Каменные ступени вели вниз, в зияющий черный зев пустоты. О том, что впереди дверь, я догадалась, лишь когда Эмерсон звякнул щеколдой.

Коптящий свет от единственной, сиротливо приткнувшейся над дверью лампы был не в силах одолеть полумрак. Уцепившись за рукав Эмерсона, я ступила через порог очень узкого и, по-видимому, длинного помещения. Насколько длинного, сказать не берусь — дальний конец комнаты терялся в дымной темноте. Вдоль стен тянулись ряды деревянных лавок с бесформенными *живыми* грудями. Вместо лиц — бескровные пятна, тела расслабленно-недвижны. Красные огоньки горящего в металлических чашах опиума подмигивали глазами ночного хищника.

Футах в десяти от двери, посреди прохода, прямо в земляном полу был вырыт очаг. Черный дым расползлся по логову, смешиваясь с пряным ароматом опиума. Один уголек рассыпался искрами и осветил лицо скорчившегося у очага существа. О ужас! *Женщина!* В опиумном притоне! Я не верила своим глазам. В грязных отрепьях и рваном покрывале, наброшенном на голову по обычаю египтянок, она являла собой страшное зрелище. Серые сальные космы свисали вдоль щек, полностью скрывая лицо.

Маскарад Эмерсона, как правило, ограничивается одним предметом. Стоит моему дорогому супругу нацепить бороду — и он уже считает, что изменил внешность. Для ночного визита в притон он выбрал ту кудлатую накладную растительность, в которой красовался на лекции мистера Баджа, и... Собственно, и все. Разве что напялил кепи и придал *еще* более потрепанный вид старому пальто, заранее хорошенько на нем потоптавшись. Кепи Гаргори оказалось до того мало, что едва прикрывало профессорскую макушку, а замены пальто вообще ни у одного из слуг не нашлось — на такие плечи надо бы занимать форменный наряд у гренадеров королевского полка. Впрочем, богатырскую статью Эмерсона ни под каким одеянием не скроешь... Как не приглушишь и громоподобный голос.

— Две трубки! — прокатился под низким потолком его рокот.

Вскинув голову, женщина прикрыла краем покрывала нижнюю часть лица. Поздно. Змеиная грация, плавность движений молодого тела и пронзительность темного взгляда выдали ее. В глубине громадных, опущенных черными ресницами очей блеснула и погасла вспышка изумления. Она знала Эмерсона. И он ее знал!

— Две трубки, эффенди? — сорвался с губ незнакомки резкий смешок. — Одну для Отца Проклятий, а вторую...

Эмерсон вмиг закрыл меня собой.

— С нашей последней встречи твои вкусы изменились, эффенди. Прежде ты не интересовался мальчиками.

— Тише! — зашипел Эмерсон, кивая на распростертые по скамьям тела. — Услышат!

— Не услышат, мой господин. Они в краю блаженства, там, где слышны лишь райские песни гурий. Зачем пришел, эффенди? Здесь не место для тебя и твоего...

— Мне нужно с тобой поговорить. Если не здесь — назови другое место.

— Не забыл Айшу? О! Слова эффенди проливают бальзам на израненное сердце всеми покинутой Айши... — Она злобно расхохоталась, запрокинув голову. — Творец не для лжи тебя создал, Эмерсон! Твои мысли не тайна для меня, как не были тайной и прежде. Ты не ради Айши пришел! Чего тебе нужно? Как смеешь ты заявляться сюда со своей новой любовью и травить мне душу?

Я вся обратилась в слух. И пусть каждая фраза, каждый звук мелодичного, чуть дрожащего от гнева и обиды голоса ядовитой стрелой впивался в сердце, я готова была терпеть эту муку... пока не услышу все. Пока не пойму, что связывало...

К сожалению, Айша сама положила конец моим мукам, причем очень быстро и самым неожиданным образом. Не знаю, что ее насторожило; сама я ничего подозрительного не услышала. Выпрямившись одним неуловимым движением, она ужом метнулась по проходу и растворилась в глубине помещения.

— Ах, черт! — выпалил Эмерсон. — Быстрее, Пибоди!

Куда там! Юркая леди, по-видимому, скрылась за одной ей известной потайной дверью. Пока Эмерсон в тщетной надежде обнаружить лаз шарил по стене, произошло еще одно событие, заставившее нас забыть о беглянке. Притон наводнили полицейские.

Не стану описывать в деталях следующие полчаса, любезный читатель. Ей-богу, лучше бы мне побывать в Бедламе. Знаменитой лондонской психбольнице даже в дни особого буйства пациентов такие ужасы и не снились.

Вялые, обкуренные клиенты опиумного притона сопротивляться полиции были не в силах. Нам бы сил хватило, но... назвать себя

значило поставить крест на наших планах, а возможно, и на судьбе несчастного Ахмета.

Поездку в полицейском фургоне, куда громилы в форме загнали нас, точно скот, я постаралась забыть, как страшный сон. Немыслимая теснота, искаженные лица, безумные глаза, всепроникающий запах опия и смрад немых тел... Всю дорогу Эмерсон оберегал меня не только от случайных толчков, но и от изысканных речей наших спутников. Но одна фраза, несмотря на его усилия, все же достигла моих ушей:

— Будь прокляты неверные! Все из-за них! Если бы не эти собаки, полиция не...

Во время выгрузки — иного слова не подберешь — полицейские проявили не больше любезности, чем за полчаса до того, у дверей притона. Едва ступив на землю, Эмерсон крепко прижал меня к себе и нагнулся:

— Потерпи, Пибоди! Сейчас назовусь, и мы... Дьявольщина!

Не часто мне доводилось видеть бледное от страха лицо моего рыцаря. Казалось, одни глаза жили на этом лице, и устремлены они были на тот самый предмет, который поколебал мужество неистового профессора. На фотокамеру.

Понятия не имею, откуда о рейде стало известно прессе. По-видимому, газетчиков пригласила полиция — осветить свою бурную деятельность или, вернее, отсутствие таковой. Во всяком случае, репортеры слетелись стайей воронья.

— Дьявольщина, — хрипло повторил Эмерсон. — Нет, Пибоди, не буду я называться. При этих... Нет, не буду!

Арестованные выстроились (не без помощи полисменов) в ряд. Среди разношерстного сброда Эмерсон выделялся, как лев среди шакалов. Два констебля, проводившие осмотр, уставились на него во все глаза. Один ткнул другого в бок:

— Глянь-ка! Ну прям сердце поет при виде этих голубков. Бородач-то так и прилип к сво...

Кулак Эмерсона закрыл болтуну рот. Думаю, надолго, если судить по плачевному состоянию разбитых в кровь губ.

— Ты как смеешь, негодяй... — взревел «бородач», — в присутствии дамы... и не просто дамы, а моей... моей... Проклятье!

Причиной последнего возгласа стали яркая вспышка и дымок фотокамеры. Ну мог ли неистовый профессор, пусть и замаскированный, не попасть в поле зрения газетчиков!

— Будьте любезны, — выступив вперед, обратилась я к первому попавшемуся на глаза полисмену, — немедленно вызвать сюда инспектора Каффа из Скотланд-Ярда.

Так-то вот! Воспитание вкупе с выдержкой сделали свое дело. Констебль, подступивший к Эмерсону, который занял боевую стойку, неуверенно затоптался на месте и в конце концов разжал кулаки. Его коллеги, уже готовые прийти на помощь, застыли как вкопанные.

— Прошу. — Я сунула руку в карман. — Моя визитная карточка.

* * *

— Какого черта ты потащила в притон визитку? — первым делом налетел Эмерсон, когда мы остались наедине.

Нас провели в крохотное, без единого окошка, помещение, где из мебели с трудом уместились три стула и конторка и где сами стены дышали страхом, отчаянием и горем. Трубка Эмерсона кислорода не добавляла, но возражать я сочла неуместным.

— Ты мне только нож взять запретил. Что же касается визитки... победителей не судят, дорогой. Как видишь, она нам пригодилась.

— Тогда уж и репортерам парочку вручила бы.

— Сарказм не к месту. Даже если бы борода не съехала набок, журналисты вмиг узнали бы твой непревзойденный удар. Что он такого сказал, Эмерсон? Я не расслышала.

— И слава богу.

Мой маскарад тоже пострадал от малоприятной поездки в полицейском фургоне. Добрая половина шпилек исчезла, и растрепанная грива не помещалась даже под объемистым кепи. Я положила головной убор на колени, пригладила волосы и попыталась заплести косу.

— Кто эта женщина?

— Женщина? — Эмерсон полез в карман, звякнул мелочью. Вынул спичечный коробок. Чиркнул спичкой. Поднес к трубке. — Какая женщина?

— Должно быть, красавица была в молодости.

— М-м-м... — Эмерсон чиркнул второй спичкой.

— Она тебя знает.

— Мало ли кто меня знает, Пибоди. — Эмерсон чиркнул третьей спичкой.

— Трубка горит всю, Эмерсон. *Где ты с ней познакомился? Когда? И что вас связывает...*

Дверь распахнулась. Эмерсон чуть ли не вприпрыжку ринулся к двери, как будто встречал воскресшего из мертвых друга.

— Инспектор Кафф? Прошу прощения, что потревожили вас в неурочный час.

— Не переигрывай, Эмерсон, — посоветовала я. — В конце концов, мы здесь тоже в неурочный час. А инспектор прибыл по долгу службы.

— Совершенно верно, мэм. — Кафф освободил руку из железной хватки, дунул на побелевшие пальцы и слегка потряс ладонью. — Рад знакомству, профессор. Давно жду, признаться. Не думал только, что оно произойдет при таких... э-э... необычных обстоятельствах.

— Да уж! — хохотнул Эмерсон. — Буду рад продолжить знакомство, но не при таких, как вы верно подметили, обстоятельствах. Не соизволите ли подтвердить наши личности, чтобы я мог увезти миссис Эмерсон...

— Как же так! — возмутилась я. — На тебя это не похоже, дорогой. Скрывать от полиции факты — преступление. Полагаю, вы уже догадались, инспектор, о цели нашего визита в притон курильщиков опиума. Мы намеревались добыть доказательства невиновности задержанного вами Ахмета. Говоря о невиновности я, разумеется, имею в виду убийство, поскольку столь неприглядная личность вполне может быть замешана в...

— Личность неприглядная, мэм, спору нет, — дружелюбно заметил инспектор. Достаточно дружелюбно, чтобы я не обратила внимания на его невоспитанность. Перебивать даму, согласитесь... — Но позвольте уточнить, что именно заставило вас усомниться в его вине? Говоря о вине, я, разумеется, имею в виду убийство.

— Усомниться? Я знаю наверняка, инспектор, что Ахмет невиновен! Расскажи, Эмерсон.

— Рассказать... о чем, Амелия? — По привычке вцепившись в подбородок, Эмерсон недоуменно взглянул на бороду, которая осталась в кулаке, и сунул ее в карман.

— О том, что мы слышали в фургоне.

— Ага! С вашего позволения, мэм? — Кафф опустил на стул и жестом пригласил Эмерсона последовать его примеру. — Вы ведь знаете их язык. Я весь внимание, мэм?

— Видите ли... мне мало что удалось расслышать. Но упоминание о «проклятых неверных, из-за которых полиция мешает египтянам спокойно жить», наводит на мысли. Вам не кажется?

— О да! — охотно согласился инспектор.

— На мой взгляд...

— Не стоит, мэм, я вас отлично понял. Не желаете что-нибудь добавить, профессор?

Эмерсон мотнул головой. Смотрел он при этом не на Каффа, а на меня. Уверяю вас, читатель, убийственная Медуза-горгона в сравнении с моим благоверным показалась бы жалкой дилетанткой.

Ясно как божий день, что Эмерсон что-то скрывал. К вящему моему удивлению, инспектор Кафф, профессионал сыска, не только не заметил подозрительного молчания профессора, но и вообще оставил тему:

— Крайне вам признателен. Вы, должно быть, устали и хотите побыстрее вернуться домой. Я прикажу констеблю вызвать кеб.

— Не знаю, как муж, а я не устала. Хотелось бы обсудить с вами дело Ахмета, мистер Кафф. Что побудило вас его арестовать? Не сочтите за труд привезти несчастного сюда, инспектор. С моей помощью вы могли бы узнать...

— Боже правый! Пибоди!!! — Это все, на что хватило моего дорогого супруга. Нужно будет заняться его давлением.

— Ну что вы, мэм! — Кафф весь так и светился любезностью. — Несчастный уже спит. Завтра, если пожелаете, я вызову его на допрос в Скотланд-Ярд. Милости прошу.

И что было делать, как не отступить? Стоит ли удивляться хаосу в мире, где правят мужчины?

Возвращаясь к событиям той ночи, не могу не признать за собой двух существенных оплошностей. Первая касается загадочной Айши. Интерес к этой личности был абсолютно неоправдан. Ревность — чувство, мною презираемое и мне незнакомое. О нет, я не ревновала! Однако понимаю, что кое у кого могло создаться такое впечатление. И сожалею об этом. Само собой, я отказалась не от мысли узнать как можно больше о леди из притона, а от негодного метода расследования. Есть и другие, куда более действенные!

Вторая оплошность случилась уже у ворот дома. О ней я сожалею еще больше, но очень надеюсь, что читатель меня не осудит.

Проснувшийся Эмерсон — всю дорогу он демонстративно храпел — вынул меня из кеба и бросил кучеру монету. Туман накрыл деревья белесыми шапками, посеребрил прутья ограды. Как ни сгущала краски ночь, рассвет был близок.

Ни ночная тьма, ни туман, ни напористость мужа, который умирал от желания поскорее нырнуть в кровать, не помешали мне заметить и *узнать* скорчившуюся у ворот фигурку.

— Все! Это последняя капля! — Я за шкуру протащила жалкое создание в ворота. — Закрывай, Эмерсон! Ну погодите, молодой человек! Дома вы узнаете, где раки зимуют.

— Послушай-ка... — начал было Эмерсон.

— Не смей его защищать! Он слышал приказ! Я запретила выходить из комнаты!

Гаргори явно поджидал нас. Не успела я постучать, как дверь распахнулась, и дворецкий отшатнулся при виде грязного, смрадного, извивающегося ребенка.

Чужого.

Рамсес, конечно, на многое способен, но даже ему не под силу сотворить нос пуговкой из своего почти орлиного и уж тем более не под силу изменить цвет глаз.

— Эмерсон! Весь дом разбудишь своим хохотом. Не вижу ничего смешного. — Я шагнула к лестнице.

За спиной раздалось звяканье (монеты — неизменная панацея Эмерсона от всех общественных недугов и любых неловкостей), приглушенное бормотание, сдавленные смешки Гаргори и профессора. Нахотавшись, любимый в два прыжка нагнал меня.

— Спать, Пибоди? Отлично, отлично. Должно быть, с ног валишься. А я только...

— Заглянешь к Рамсесу? Я с тобой. Пока не увижу собственными глазами, не поверю, что этот ребенок там, где ему положено быть.

Ребенок был там, где ему положено быть, но отнюдь не в постели. Дверь спальни была открыта, а на пороге стоял босоногий Рамсес в ночной рубашке.

— Добрый вечер, мамочка, добрый вечер, папочка, — с ходу завел он свою песню. — Услышав папочкин голос, я осмелился...

— В кровать, Рамсес!

— Да, мамочка. Будет ли мне позволено...

— Нет, не будет.

Рамсес зашел с другого боку:

— Зная цель вашей экспедиции, я не мог не испытывать беспокойства. Надеюсь, вы не подверглись...

— С ума сойти! Есть ли предел твоему ненасытному любопытству?!

— Тсс... — Эмерсон приложил палец к губам. — Детей разбудишь, Амелия. О нашей вылазке наверняка весь дом шушукался. Гаргори-то торчал под дверью библиотеки, не заметила? Раз уж ты все равно не спишь, сынок, и к тому же волнуешься, что вполне объяснимо, папа тебе все расскажет. Давай, спускайся. Я обещал Гаргори...

— Рамсес наказан и не имеет права выходить из своей комнаты.

— Пардон, — спохватился Эмерсон, — запомнил. В таком случае попрошу Гаргори подняться. Я ему обещал...

Более снисходительной женщины, чем я, вам вряд ли встретить, читатель. Но выдержать лекцию профессора о приключениях в опиумном притоне... да еще в присутствии сына и дворецкого... ей-богу, это чересчур! Я отправилась к себе. Совершенно неуместная вечеринка пусть останется на совести Эмерсона. Яснее ясного, что мой благоверный пытался избежать нежелательных вопросов с моей стороны, для чего и выбрал столь неуклюжий способ.

Глава 9

Не могу сказать, как долго продолжалась встреча на высшем уровне. Знаю лишь, что поутру горничные сетовали на ощутимый запах табака и пива в спальне юного джентльмена, и мне пришлось восстановить доброе имя Рамсеса, очистив его от незаслуженных обвинений. Когда я проснулась, муж сопел у меня под боком с самым безмятежным видом, словно ничто не омрачило его совесть, да еще и мечтательно улыбался во сне, чем мог бы возбудить самые зловещие подозрения... у *ревнивой* жены.

Спала я не больше трех часов, но вскочила свеженькая, полная сил и планов. Таково уж влияние праведного гнева на мой здоровый организм.

Утренняя почта доставила приятный сюрприз — письма от Розы и Эвелины. Роза подробно описывала возвращение нашей египетской питомицы, восторг домочадцев и причины нездоровья Бастет (о которых, как вы помните, я и сама догадалась).

Весточка от моей дорогой сестры и подруги, как обычно, изобиловала ничего не значащими, но такими важными для нее домашними новостями. К величайшему сожалению, на глаза молодым Эмерсонам попала статья о событиях в Британском музее... Бедняжка Эвелина исписала пять почтовых листков, уговаривая меня немедленно покинуть столицу. «Кто знает, чего ждать от душевнобольного? Боже, боже! И почему их так тянет именно к тебе, дорогая моя Амелия?»

Нужно будет как можно быстрее ответить... успокоить... не столько относительно скандала в музее — это дело прошлое... Хотелось бы, конечно, надеяться, что Уолтер и Эвелина в своем Йоркшире не получают «Морнинг миррор», но уж больно хрупка эта надежда. Запечатленная на снимке в «Миррор» дикая всклокоченная личность не имела ни малейшего сходства с интеллигентным профессором археологии. Бандитский наряд, звериный оскал и полуотвалившаяся борода сохранили бы инкогнито Эмерсона, если бы не подпись черным по белому, которая гласила: «Профессор Рэдклифф Эмерсон, известный египтолог, сбивает с ног констебля во дворе

полицейского участка на Боу-стрит». Не обошлось, разумеется, и без статьи, где откровенная клевета была разбавлена крупными правды, — в частности, названием заведения, откуда "профессора с супругой доставили в участок. Так и слышу полный ужаса возглас Эвелины: «Притон курильщиков опиума!!! Боже милостивый, Уолтер! Где они окажутся завтра?!!»

Корреспондент «Дейли йелл» Кевин О'Коннелл о происшествии в участке не упоминал (догадываетесь почему?), зато порадовал публику недурственной статейкой о «Деле зловещих статуэток». Ушебти, как выяснилось, были присланы еще нескольким египтологам, но роль главного героя получил... совершенно верно, читатель. Неистовый профессор.

Я приказала горничной унести газеты. Эмерсон их, конечно, все равно увидит, но пусть хоть позавтракает спокойно. Слава богу, успела! Мой дорогой супруг столкнулся с Мэри Энн в дверях гостиной:

— Доброе утро, Сьюзан! (С именами у него сложности.) Это у вас случайно не... Ладно, идите. Все равно прочитать не успею. Спешу.

Меня он приветствовал не менее радушно, при этом старательно пряча глаза:

— Привет, привет, дорогая моя Пибоди. Утро-то какое великолепное! (За окнами было серым-серо от тумана: ворот не видно.) Доброе утро, Фрэнк! (Лакея звали Генри.) Итак, что у нас на завтрак? Копченый лосось? Ненавижу. Яичница с беконом? В самый раз. Благодарю вас, Джон. (Лакея по-прежнему звали Генри.) Достаточно. Очень спешу.

Без умолку болтая по примеру своего отпрыска, Эмерсон умудрялся еще и просматривать письма. Разорвет конверт, пробежит глазами письмо, швырнет через плечо, схватит следующий... и так далее.

— Куда это ты так спешишь, дорогой? — поинтересовалась я. — Джон... э-э... Генри, принесите свежий тост. Этот засох.

— Что за вопрос? В музей, куда же еще! Пора закругляться с рукописью, Пибоди. Вот, полюбуйся, Оксфорд подгоняет... будь они прокляты! — Послание главного редактора «Оксфорд Пресс» постигла участь всей прочей корреспонденции.

Хорошо, что я заранее поклялась себе не поднимать некую жгучую тему, — Эмерсон все равно не дал мне и рта раскрыть.

— Как наши милые детки? Ты их сегодня уже видела? Ясное дело, видела! Твоя приверженность материнскому долгу настолько... э-э... настолько... Вы со мной согласны, миссис Уотерс?

Экономка с улыбкой кивнула:

— Да, сэр, конечно. Дети здоровы, сэр. Правда, ваш сынок еще спит. Не хотелось бы огорчать вас, сэр, но в его спальне сильно пахнет...

— Ну да, ну да... — крикнул профессор. — Знаю, миссис Уоткинс. Не обращайтесь внимания.

— Кстати, о детях, миссис Уотсон... — обратилась я к экономке. — Мне кажется, Виолетта толстеет на глазах. С прошлой недели она буквально раздалась. Что этот ребенок ест?

— Все подряд, — не задумываясь ответила миссис Уотсон. — А на прогулках еще и конфеты покупает. Должно быть, родители не поскупились на карманные деньги.

— Неужели? — вставил Эмерсон. — Это не в духе моего дорогого родственничка.

Я пропустила шпильку мимо ушей.

— Скажите няне, миссис Уотсон, чтобы ни в коем случае не позволяла юной леди покупать сладости. Конфеты не идут Виолетте на пользу.

— Я уже говорила, мэм, но девушка совсем молоденькая и робкая, а мисс Виолетта...

— Понимаю. Хорошо, я сама поговорю с Виолеттой. И еще... как по-вашему, может, сменить няню? Сейчас у нас кто, Кити или Джейн?

— Джейн, мадам. Кити не была уверена в том, что справится с обязанностями няни.

— Полагаю, сомнения возникли уже после встречи с мисс Виолеттой... Ну что ж, миссис Уотсон, испытайте другую горничную. На мое объявление никто не откликнулся?

— Нет, мадам. Я позволила себе взять на место Джейн девушку с прекрасными рекомендациями от уважаемой вдовы...

— Хорошо, хорошо. Полагаюсь на вас.

— Пора! — объявил профессор, давась последним куском тоста. — Удачи тебе, дорогая Пибоди. Какие планы на день?

Я не стала спешить с ответом. Может, опомнится наконец? Не вышло. Любимый упорно отводил взгляд.

— Мои планы тебе прекрасно известны, Эмерсон. Я отправляюсь в Скотланд-Ярд. Ты был рядом и слышал, как инспектор Кафф предложил мне допросить арестованного Ахмета.

— Ничего подобного я не слышал! — вскипел Эмерсон. — Но ты права, я мог сообразить! Уговаривать тебя отказаться от этой затеи без толку? Угу. Так и знал. Дьявольщина!

Он протопал к выходу. Решительный, упрямый, *неистовый*, как прежде. Слава богу! Терпеть не могу, когда он юлит и изворачивается передо мной. Что за жизнь без стычек и острых дискуссий? Все равно что деликатес без приправ.

— В Скотланд-Ярд, мадам? — в ужасе переспросила миссис Уотсон. — Надеюсь, не с жалобой на кого-нибудь из слуг?

Невинная душа. Как ей удалось пропустить интереснейшие события последних суток — выше моего разума.

— Нет-нет, миссис Уотсон, не беспокойтесь. Слуги ни при чем. Мне нужно побеседовать с человеком, которого несправедливо обвинили в убийстве. И не просто побеседовать, а непременно вернуть ему свободу.

— Как это... мило с вашей стороны, мэм, — пробормотала экономка.

Когда я подъехала к Скотланд-Ярду, туман начал рассеиваться. Инспектор Кафф был искренне рад меня видеть.

— Моя дорогая миссис Эмерсон! Надеюсь, ночное приключение на вас не отразилось?

— Нисколько, благодарю, инспектор. У меня отменное здоровье. Мое появление не стало для вас неожиданностью?

— Ну что вы, мэм! В ожидании вас я даже вызвал подозреваемого из участка на Боу-стрит.

— Подозреваемого? Его арестовали за убийство...

— Моя дорогая миссис Эмерсон... — Кафф расплылся в ангельской улыбке. — Боюсь, вас ввели в заблуждение. Ваш осведомитель — прошу простить за полицейский термин, — кто бы он ни был, слегка преувеличил. Мы всего лишь попросили мистера Ахмета оказать полиции помощь в поимке преступника. Вам

наверняка известно, что британский закон считает человека невиновным до тех пор, пока его вина не доказана.

— Впечатляющая речь, инспектор. Но факт остается фактом: мистер Ахмет находится в руках полиции. И вам не избежать объяснений, почему вы держите *невиновного человека* за решеткой. Улики против него есть? Что могло толкнуть мистера Ахмета на убийство Олдакра? Хотелось бы услышать ваше мнение на этот счет.

— А не желаете ли поговорить с подозреваемым и составить собственное? — Сама любезность, да и только! — Прошу, миссис Эмерсон! Сюда.

Арестанта караулил дюжий констебль, но мне хватило одного взгляда на Ахмета, чтобы убедиться в неоправданности столь строгих мер. Несчастный страдал от последствий своего пагубного пристрастия. Налицо были все признаки долгого употребления наркотиков: одутловатость, желтая кожа, крайняя худоба, дрожь в руках и блуждающий взгляд.

— *Salaam aleikhum, Ahmet il Kamleh*, — поздоровалась я. — Знаешь ситт Эмерсон? Твои сородичи называют меня Ситт Хаким. А моего хозяина (к сожалению, в арабском языке понятие «спутник жизни» обладает весьма неприятным собственническим оттенком), Эмерсона эффенди, величают Отцом Проклятий.

О да! Отца Проклятий и Ситт Хаким он знал. В мутном взгляде затеплился намек на разум; Ахмет кряхтя поднялся и на полусогнутых ногах отвесил поклон:

— Да будет мир с тобой, Ситт Хаким.

— Да будет Аллах милостив к тебе, — отозвалась я также на арабском. — Мне бы хотелось на это надеяться, Ахмет, но боюсь, что даже Всемиловитейший не сможет простить убийцу. Что говорит Священная книга, Ахмет? Что обещает Коран тому, кто отнимет жизнь человека?

— Ахмет не убивал эффенди, ситт! — заныл египтянин. — Ахмет был в другом месте. Друзья скажут...

Бегающие глазки, лживый тон... готовый кандидат на виселицу. Его счастье, что в отличие от инспектора Каффа я разбираюсь в людях.

— Верю, Ахмет. Но тебе известно что-то очень важное. Почему молчишь? Почему не спасаешь свою жизнь? Можешь мне довериться.

Ни слова в ответ, ни жеста. Лишь быстрый взгляд в сторону констебля.

— Он не понимает по-арабски, — заверила я.

— Все они так говорят, — процедил Ахмет. — А сами шныряют вокруг, шпионят, Ситт Хахим. Кое-кто из них понимает наш язык. Тьфу!

— Успокойся. Сейчас он уйдет.

Констеблю, понятное дело, моя просьба не понравилась.

— У меня приказ, мэм!

— Вы что же, действительно думаете, что это жалкое подобие человека посмеет поднять на меня руку? Уверяю вас, этого не произойдет. Во-первых, я вооружена... — Взмах зонтиком произвел должное впечатление не только на Ахмета, но и на полисмена. — А во-вторых, египтянин знает моего мужа, Эмерсона эффенди! Египтянину отлично известно, какая страшная участь постигнет его самого и всю его семью, если хоть один волос упадет с моей головы!

Угроза стала последней каплей в чаше колебаний злосчастного египтянина. Арестант разразился протестами и заверениями в глубочайшем ко мне уважении, причем большая часть речи была адресована крохотному, зарешеченному окну, как будто дух «Эмерсона эффенди» мог витать снаружи, готовый смести с лица земли всю родню Ахмета. Страстный монолог убедил даже стража порядка.

Дождавшись, когда за соглядатаем закроется дверь, я кивнула на стул:

— Садись, друг мой. Не бойся, я не желаю тебе зла. Ситт Хахим пришла помочь. Ответь на мои вопросы — и сможешь вернуться к семье и друзьям.

Судя по мрачному взгляду, Ахмет предпочел бы свободу безо всяких вопросов.

— Что хочет знать Ситт Хахим? — подозрительно прищурился он.

— Прежде всего... — Подавшись к нему, я перешла на шепот: — Среди вас есть женщина... зовут ее Айша... Время от времени она бывает в опиумном притоне на Сэдуэлл-стрит. Мне нужно... нужно знать...

Честное слово, я готова была откусить себе язык. Не может быть! Амелия Пибоди Эмерсон обращается к этому ничтожеству,

растратившему мозги на гашиш и опиум... откровенничает с ним с одной-единственной целью... разузнать... *а не имел ли великий и ужасный Отец Проклятий привычку посещать некую даму, мягко говоря, полусвета?*

Увы, увы. Горько сознавать, но Амелия Пибоди Эмерсон именно этого и добивалась. Какой стыд! Какое недостойное, позорное стремление!

Хвала Аллаху, глубина моего падения осталась тайной для Ахмета.

— Айша... — Он явно тянул время. — Имя известное, ситт. Айша бинт Аби Бекр была любимой женой пророка Магомета. Он умер на руках у Айши бинт Аби...

— Знаю. А ты, Ахмет, знаешь женщину, о которой я спрашиваю. Кто она такая? Вряд ли она курит опиум. В таком случае, что ей делать в притоне?

Египтянин пожал плечами:

— Хозяйка, ситт.

— Хозяйка *этого* заведения?

— Нет, ситт. Дома.

Целого дома?! Ничего себе! В голове не укладывается... С другой стороны, Ахмету нет смысла лгать...

— Выходит, Айша богатая дама? Или, скажем, дама со средствами, так, Ахмет? Почему же она одевается как нищенка и возится с очагом в притоне?

Еще один небрежный жест.

— Откуда мне знать, ситт? Женщин не поймешь...

— А ты подумай. — Зонтик как бы случайно лег на стол между нами.

Нет... даже зонтик не помог. Если Ахмет когда-то и умел думать, то благодаря опиуму давно распрощался с этой способностью. Впрочем, кое-что я все же выяснила. Загадочная леди Айша проживала не где-нибудь, а в собственном доме на Парк-лейн.

— Парк-лейн? А ты ничего не путаешь, дружок? Это один из лучших лондонских районов. Владелице опиумного притона среди аристократов делать нечего.

— Нечего, ситт? — красноречиво фыркнул Ахмет. — Она найдет что делать.

Мужчины по природе своей вульгарны. Ни один, даже такой жалкий тип, как этот обкуренный египтянин, не откажется от непристойной шутки. Правда, *этот* тип, не успев закрыть рот, до смерти перепугался, что сболтнул лишнее. Развивать тему он, естественно, не стал, а я не рискнула настаивать. Существуют некие рамки приличий, за которые леди не позволено заходить даже ради поимки безжалостного убийцы.

Я чуть было уже не распрощалась с египтянином, когда вспомнила, что не произнесла даже имени Олдакра. Могла бы и не произносить. Ахмет окончательно замкнулся, бубнил что-то невразумительное, качаясь из стороны в сторону и закатывая глаза.

— Прекрати ломать комедию. Твои сородичи что-то знают. Один из них сказал... — Я повторила фразу, которую услышала в полицейском фургоне.

— Приходят... — пробормотал Ахмет. — Все приходят... правоверные и еретики, женщины и мужчины, принцы крови и нищие. Гашиш и опий всех равняют, ситт. Дарят блаженство всем детям Аллаха. Даже ничтожнейшему Ахмету... даже ему... Найди мне опий, ситт. Одну трубку... одну. Будем говорить, ситт. Хочешь отправиться вместе с Ахметом в страну...

Притворялся ли он или и впрямь впал в транс, в любом случае беседе пришел конец. Я вызвала констебля и вверила арестанта полиции и Аллаху, но только после того, как повторила, что он (Ахмет, а не Аллах) может на меня рассчитывать в любой час дня и ночи.

Кафф подждал в коридоре.

— Итак, миссис Эмерсон?

— Вы еще спрашиваете? Думаете, я не заметила трещины в стене слева? Кому вы приказали подслушивать? Мистеру Джонсу?

— Вы необычайно проникательны, мэм! — Инспектор в восхищении покачал головой. — Джонс в отпуске, если помните. В Скотланд-Ярде несколько человек говорят по-арабски. С вами, конечно, не сравнить, мэм. Вы им владеете в совершенстве! Почему, позвольте узнать, вы интересовались дамой по имени Айша?

— Позвольте задать встречный вопрос. Что вам о ней известно, инспектор?

— Ничего такого, что послужило бы поводом для ареста или хотя бы вызова в участок. Умоляю вас, миссис Эмерсон, держитесь от этой

особы подальше.

— Я же не на обед собралась ее приглашать, инспектор. — Реплика прозвучала достаточно, на мой взгляд, иронично, но без излишнего сарказма. — Должна, однако, напомнить, что речь идет не о мелкой сошке вроде вашего арестанта, а о персоне, имеющей влияние в местной египетской общине. Точнее, в преступной части этой общины, поскольку назвать владелицу опиумных притонов столпом общества язык не повернется. Хотелось бы узнать, почему такой профессионал, как вы, инспектор, уклоняется от своих прямых обязанностей. Эту даму нужно немедленно вызвать в Скотланд-Ярд для допроса. Кроме того...

Мы как раз добрались до первого этажа, где Кафф остановился и устремил на меня скорбный взгляд.

— Мое уважение к вам безгранично, миссис Эмерсон. Ваша сила воли приводит меня в восторг.

Но могу ли я доверить тайны полиции человеку постороннему и к тому же... даме?! Ни в коем случае. Боюсь, начальство меня не поймет. Выговоры, понижение в звании — еще куда ни шло, но должностью я рисковать не намерен. Тридцать лет в полиции — это не шутки, дорогая моя миссис Эмерсон. Мне и служить-то осталось всего ничего. Право слово, миссис Эмерсон, не в моих силах...

— С меня довольно. Я таких речей наслушалась — до конца дней хватит. Уверяю вас, мистер Кафф, вы ничего нового не изобрели. Все те же изжившие себя оправдания, которыми мужчины прикрывают высокомерие и нетерпимость к женскому полу. Нет, вас лично я не виню; вы не лучше и не хуже остальных, инспектор. Верхи Скотланд-Ярда, уверена, столь же слепы и самонадеянны.

С вытянувшимся лицом, сокрушенно прижав ладони к груди, Кафф простонал:

— Дорогая моя миссис Эмерсон, поверьте...

— Верю. Верю, что вы действуете из наилучших побуждений. Я слегка вспылила, уж простите. Когда преступник окажется в моих руках, вы узнаете об этом первым.

Инспектор был тронут до глубины души.

Как только двери Скотланд-Ярда захлопнулись за моей спиной, я взмахом зонтика остановила кеб. Экипаж тронулся, но я успела

заметить до боли знакомую личность, энергично шагающую по направлению к парадному входу полицейского управления.

Эмерсон в Скотланд-Ярде? Признаться, я не слишком удивилась.

* * *

Итак... что дальше? Конечно, злосчастный Ахмет вполне мог назвать любой пришедший на ум адрес, лишь бы от меня избавиться. А вдруг не соврал?

За последние годы аристократическая элегантность старинных улочек вблизи Гайд-парка сменилась, как ни печально, примитивным показным шиком. Переменам этим Лондон по большей части обязан всяческим ротшильдам и их высокопоставленному приятелю принцу Уэльскому. Экипаж бойко катил по Парк-лейн, и вскоре я уже получила возможность полюбоваться громадным, словно раздувшимся от важности особняком из серого камня — резиденцией самого Леопольда Ротшильда, где, поговаривают, нашего принца не раз принимали и развлекали с роскошью, к которой он слишком быстро и слишком прочно привык.

Чуть дальше по улице высились башенки Олдфорд-хаус, построенного алмазным магнатом. Еще один миллионер, нажившийся на южноафриканских бриллиантах, поселился в бывшем доме герцогов Дадли, а под номером 25 по Парк-лейн развернулось строительство особняка, который, по слухам, должен был переплюнуть всех своих соседей. Будущий хозяин, некий Барни Барнато, в детстве полировал босыми пятками трущобы Уайтчепела. Да, мельчает Парк-лейн. Аристократия уступает место нуворишам... А я-то подняла Ахмета на смех! Мадам из опиумного притона и кокни-выскачка из Уайтчепела — чем не пара?

Экипаж остановился у приятного на вид дома неподалеку от пересечения Парк-лейн с Верхней Брук-стрит. На мой стук дверь открыла очень милая барышня в традиционном черном платье английской горничной с накрахмаленным белым фартучком, но при этом оливково-смуглая и волоокая. Напрасно я сомневалась в Ахмете.

— Будьте добры сообщить своей госпоже, милая, что мне хотелось бы с ней поговорить. — Я вручила юной египтянке визитную

карточку.

Громадные черные глаза горничной округлились. Похоже, настоящие леди этот дом визитами не баловали. Справившись с изумлением, служанка взяла визитку и пригласила меня «обождать в гостиной, пока она убедится, что госпожа дома».

Не будь я доподлинно уверена, что попала по нужному адресу, ей-богу, засомневалась бы, ступив через порог комнаты, куда меня повела служанка. Гостиная выглядела точной копией любой аристократической, обставленной по последнему слову моды *английской* гостиной. Менее терпимый человек сказал бы даже, что скрупулезная точность копии граничила с карикатурой. Стены сплошь увешаны картинами и громадными зеркалами в золоченых рамах. Ковер почти не виден из-под мебели: здесь и диванчики резного дерева, и кресла с пухлыми подушками, и пуфики всевозможных размеров, и столы, столы, столы — все как один под тяжелыми расшитыми скатертями до самого пола.

Вернувшись минут через пять — мне едва хватило времени рассмотреть обстановку, — египтянка знаком пригласила следовать за ней. Мы спустились по лестнице, прошли по длинному, в коврах, коридору. Горничная распахнула третью по счету дверь и так же молча пригласила войти.

Случалось ли вам, читатель, перемещаться во времени и пространстве? Если да, то вы удачливее меня. Со мной такое произошло впервые. Сделав один лишь шаг, я перенеслась из конца девятнадцатого века в пятнадцатый, преодолев тысячи миль, что отделяют Лондон от старого Каира.

Десятки толстенных персидских ковров были разбросаны на полу в живописном беспорядке. Стены, потолок и даже окна затянуты золотой парчой; впрочем, окон могло и не быть — снаружи не пробивался ни один солнечный лучик. В комнате царила бы кромешная тьма, если бы не изящные канделябры, свисавшие с потолка на цепочках до того тонких, что самое легкое дуновение вызывало их дрожь, рассылая по комнате мириады искр, похожих на звездочки или на крохотных светящихся насекомых, обитающих в Египте.

Поначалу мне показалось, что комната пуста, но, когда глаза привыкли к полумраку, у противоположной стены, на низкой

восточной кушетке, я разглядела темную фигуру, неподвижностью не отличавшуюся от статуи. Мое замешательство длилось не долго. Восточные традиции требуют молчания от того, чей статус ниже. Я заговорила первой:

— Доброе утро. Прошу простить за вторжение. Я...

— Мне известно, кто ты такая. — Ожившая статуя плавно и грациозно повела рукой: — Садись.

Большинство моих соплеменниц, если бы им предложили не кресло и даже не пуф, а восточную подушку, вряд ли рискнули бы принять приглашение. Ну а мне так не привыкать. Опустившись на подушку, я аккуратно расправила юбку.

Хозяйка покоев, точно сошедших со страниц «Тысячи и одной ночи», неподвижно возлежала на кушетке в каких-нибудь двух футах от меня, но разглядеть ее черты я по-прежнему не могла. Лицо Айши скрывала длинная вуаль, искусно закрепленная на усыпанном драгоценностями головном обруче. За подобными вуалями, обычно из белого муслина или шелка, женщины Востока прячут лица от мужчин и крайне редко используют их в присутствии сестер по полу. Исключение, по-видимому, было сделано с умыслом, но с каким именно — убейте, не пойму. Если таким способом дама полусвета вознамерилась меня унизить, то ее намек оказался слишком тонким для моей английской натуры. Впрочем, тончайшая ткань вуали не могла скрыть чистые благородные линии лба, высоких скул, изящного носика и подбородка.

Мне вспомнились безобразные тряпки, прикрывавшие голову Айши во время нашей первой встречи. Уму непостижимо, чтобы женщина по собственной воле уродовала такую красоту. Роскошные локоны, разметавшиеся сейчас по плечам, отливали черным атласом. Грацию божественной фигуры как нельзя лучше подчеркивал наряд, в котором египетские высокородные дамы обычно принимают своего владыку на пороге гарема, — просторные шелковые шаровары в ансамбле с длинным и узким расписным халатом на голое тело, оставляющим открытой добрую половину груди. Одним словом, не зрелище, а улада для мужских глаз. Приличия соблюдены, но все, что нужно, выставлено напоказ.

Восточная красавица и позу приняла соответствующую. Я бы сказала, небрежно-вызывающую. Опираясь на локоть, египтянка

согнула одну ногу в колене, как бы между прочим обнажив не только узкую ступню и тонкую щиколотку, но и большую часть ноги — на шароварах, вопреки гаремной моде, шел разрез до самого бедра.

— Как ты меня нашла? — подало голос неземное видение на безукоризненном английском с едва заметным очаровательным акцентом.

Восток изобретателен, хитроумен и загадочен во всем, читатель. Постичь его непросто, но еще сложнее следовать его каверзным традициям. Слабый пол, лишенный здесь права голоса в самом что ни на есть прямом смысле, научился выражать эмоции собственными методами. Наверняка зная, что я говорю по-арабски, Айша обратилась ко мне на английском. Учтивость, скажете? Ничуть не бывало. Выбор моего родного языка — не что иное, как подчеркивание превосходства хозяйки над незваной гостьей. Да и сам вопрос содержал в себе куда больше, чем услышал бы посторонний. Боюсь, для многих моих читателей традиции Востока — тайна за семью печатями. Любознательным объясню: хозяйке следовало бы поинтересоваться целью моего визита; не сделав этого, она дала понять, что нас связывает *нечто*, обеим известное.

Что ж, отлично. Ни игнорировать вызов, ни выдавать бедняжку Ахмета, у которого и без того неприятностей по горло, я не собиралась.

— Вы сказали, Айша, что знаете, кто я такая. Значит, вам должно быть известно и то, что найти человека для меня не проблема. Если помните, мы виделись не так давно. Маскарад был хорош, Айша. Но у меня острое зрение.

— "Виделись не так дав..." — Длинная шея изогнулась, придав владелице облик не прекрасного лебедя, а смертоносной кобры. — Ночью?... *Wahyat en-nebi!* Так это была ты?!!

— Именно. Это была я. Вероятно, мой маскарад оказался лучше.

— Значит, он тебя туда взял. По крайней мере, позволил...

Ослепленная внезапной вспышкой, я заслонила глаза. А когда отняла ладонь, поняла, в чем дело. Айша зажгла лампу, направив свет прямо мне в лицо. Хозяйка выбрала более чем удобное место для гостя.

Пока она меня изучала, комната звенела безмолвием. На здоровье. Пусть наглядится в свое удовольствие. Разочарование неизбежно. Ни

тебе кокетливых локонов, ни умопомрачительных ног и прочих более или менее открытых частей тела, ни завораживающих небесной красотой черт... Подумаешь! В конце концов, решаясь на свидание с мадам Само *Внешнее* Совершенство, я отлично знала, что перехватить этот титул мне не удастся. И не собиралась с ней соперничать *на ее поле*.

Тишину нарушил чуть слышный шелестящий звук — то ли смехок, то ли презрительный присвист.

— Значит, он тебя взял туда... — повторила Айша задумчиво. — Слышала я, слышала... Но не могла поверить... Итак, ты нашла меня, Ситт Хаким, супруга великого Эмерсона эффенди! Переступила порог этого дома. Неслыханная честь для моей скромной обители. Что тебе нужно от презреннойшей из презренных?

Я ответила на вопрос, сделав вид, что не заметила сарказма, капающего с языка хозяйки, точно яд с жала кобры.

— Видите ли, мисс... э-э... мадам Айша... Мне нужна ваша помощь в поимке убийцы. Вам, разумеется, известно, что один из ваших соплеменников арестован по подозрению в убийстве мистера Олдакра?

— Разумеется.

— Вам также известно, что Ахмет невиновен.

— Откуда мне это знать?

— Полно, к чему отговорки? Мы обе отлично знаем, что полиция, где служат одни мужчины, умом не блещет. Но даже полицейские не настолько пустоголовы, чтобы считать ничтожество вроде Ахмета виновником убийства. Уверена, что арест несчастного — всего лишь хитрый трюк с их стороны. Скотланд-Ярд утверждает, что Ахмет задержан исключительно ради «сотрудничества с полицией». Я много размышляла над этим делом и пришла к такому выводу: властям известно наверняка, что к убийству причастен — или причастны — кто-то из египетской общины. А Ахмет — не более чем прикрытие.

Громадные темные очи египтянки не отрывались от моего лица. Прежде чем ответить, она выдержала долгую паузу.

— Возможно... — не слишком охотно согласилась она наконец. — И что дальше? Я-то здесь при чем? Псы из Скотланд-Ярда мне не страшны. Достаточно обратиться к кому-нибудь из моих влиятельных друзей...

— Понимаю. Но и друзья, случается, предают, особенно если есть угроза их жизни или чести. В любом случае бурная деятельность полиции мешает вашему... м-м... бизнесу, разве не так? Я же уверена, что египтяне не причастны к преступлению. Убийца — англичанин.

— Что?! Как ты... Откуда ты знаешь?

— Вы лишь задаете вопросы, ситт. — Я перешла на арабский. — Неплохо было бы на мои ответить. Вам много чего известно, верно? Разве могут дела общины проходить мимо такой богатой и влиятельной дамы?

Айша выпрямилась и, скрестив ноги, опустила подбородок на ладонь.

— Это дело, к сожалению, прошло мимо меня, Ситт Хаким. Ты не поверишь, но...

— Готова верить, ситт. Но если вы говорите правду, то я бы посоветовала навести кое-какие справки — ради вашего же блага. Соединив усилия, мы многого можем добиться. Мы женщины, ситт, причем не обделенные талантами, хоть и каждая в своей...

Свистящий смех, более похожий на шипение обозленной змеи, прервал мою речь.

— Что я слышу, Ситт Хаким! Тебе, похоже, и впрямь не обойтись без помощи презренной Айши, если ты снизошла до таких сравнений!

— Ошибаетесь. Я всего лишь отдаю вам должное. Мне известны нравы Востока, и потому я прекрасно понимаю, через что вам пришлось пройти, чтобы добиться богатства и независимости...

— Ты не в своем уме! Что ты понимаешь! Да тебе и во сне не может... О-о-о! Должно быть, я сама сошла с ума, иначе не стала бы выслушивать твои глупые речи! — Она вновь упала на подушки и застыла, стиснув ладони на груди.

Вот незадача. Тонкая ниточка взаимопонимания, протянувшаяся между нами, лопнула в один миг. Что же я такого сделала? Или сказала?...

— Англичанин! — вырвалось у меня. — Вы знаете, о ком речь, верно? Возможно, вы даже знакомы с ним! Доверьтесь мне, Айша! Вы боитесь этого человека? Он вам угрожает? Мы с Эмерсоном защитим вас. Расскажите, что вас связывает с англичанином? Это ваш возлюбленный? Любовь — хрупкий цветок, ситт. Стоит ледяному

дыханию смерти или бесчестья коснуться его лепестков — и мужчины готовы растоптать его увядшую красоту.

— Все мужчины, Ситт Хаким? — хрипло процедила египтянка. — Или только твои?

— Вы неправильно меня поняли...

— Неужели! Твоя сказка об убийстве меня позабавила, Ситт Хаким. Но ты не с этим сюда заявила. Тебя тревожит неверность Эмерсона эффенди! Ха-ха! Твое сердце открыто для меня.

Хладнокровие мне не изменило.

— Если мое сердце, как вы утверждаете, открыто для вас, то вы видите, что в нем нет места сомнениям. Я верю Эмерсону. Мы с ним — одно целое.

— Вот как? Но и я когда-то знала его, Ситт Хаким. Я помню объятия его сильных рук. Помню прикосновения его губ. Ах, что за страстные ласки он мне дарил...

Боюсь, описанию тех чувств, что охватили меня, не найдется места на этих страницах, читатель. Как, впрочем, и спектаклю, который мне устроила мадам Айша, сладострастно извиваясь всем телом, заламывая, словно в любовном экстазе, руки и закатывая глаза. Так увлеклась, бедняжка, что забыла об осторожности. В какой-то момент, когда Айша, изогнув змеиную шею, с шипением потянулась ко мне, свет от лампы упал на прикрытое вуалью лицо. О ужас! Ни полупрозрачная ткань, ни толстый слой косметики не в силах были скрыть чудовищный шрам, изуродовавший щеку египтянки.

Сообразив, что наделала, Айша со стоном отпрянула и скорчилась в глубокой тени на дальнем конце кушетки.

Я была потрясена. Настолько, что на миг лишилась дара речи, а такое со мной случается не часто. Ярость, негодование и... да-да, читатель, и невыразимая жалость пронзили мое сердце. К счастью, природная сила духа и годами выработанное самообладание одержали победу над эмоциями.

— Великолечно, мадам. Ваша искренность подкупает. Надеюсь, вы меня простите, если я не отвечу вам тем же. Наши отношения с мужем — наше личное дело. Могу лишь заверить, что мне не на что жаловаться. Эмерсону, насколько мне известно, тоже.

Согнувшись пополам, египтянка выбросила руку. Тонкие смуглые пальцы железным обручем сомкнулись на моем запястье.

— Да тебя ничем не пробьешь, женщина! В твоих жилах течет рыба́я кровь! Ты холодна как лед и бесчувственна как камень! Какими чарами ты заманила Эмерсона? Какими заклинаниями приворожила? Что он в тебе нашел?

— Понятия не имею. Но не сомневаюсь, что физическая красота — далеко не единственное, что притягивает мужчину и женщину друг к другу и навеки скрепляет брачный союз. Надеюсь, когда-нибудь вы в этом сами убедитесь. Очень надеюсь, ситт. Кстати, об этом английском лорде...

— Не знаю никакого лорда! — Она отшвырнула мою руку. — Уходи, Ситт Хаким. Мне тебя не победить. Глупо было и пытаться. Мне не известно оружие, которым ты владеешь, но оно сильнее моего. Уходи.

— Что ж, ладно. — Я поднялась с подушки. На восточное изящество не претендую; довольно и того, что мне вообще удалось встать на ноги, не потеряв равновесия. — Собственно, я и не рассчитывала, что вы доверитесь мне во время первой же встречи. Однако имейте в виду, что я в любую минуту готова протянуть вам руку помощи. Жизнь, которую вы ведете, вам не на пользу. Подумайте о том, чтобы перебраться в деревню. Нет ничего более утешительного для раненой души, чем покой и единение с природой.

Перекатившись на живот, египтянка спрятала лицо в ладонях. Что, по-видимому, означало конец аудиенции.

— Не забывайте о моем предложении, — повторила я уже у двери. — Обращайтесь в любое время.

— Ситт Хаким... — донесся до меня приглушенный глухой оклик. Айша не подняла головы от подушек.

— Да?

— Если я пошлю за вами, вы узнаете моего гонца. *Если* пошлю. Я ничего не обещаю.

— Хорошо. Буду ждать.

— Ситт?...

— Да?

— Я не видела Эмерсона много лет... до вчерашней ночи. Он никогда не приходил в этот дом.

— Вот как? Думаю, теперь он не заставит себя ждать.

Больше она меня не останавливала.

Покинув обитель несчастной заблудшей души, я пересекла Парк-лейн и устроилась на скамейке в скверике напротив. Когда же ты появишься, Эмерсон? И появишься ли вообще?... Вам признаюсь, любезный читатель, что моя прощальная реплика была данью гневу и желанию шокировать египтянку своей пронизательностью. Чего уж скрывать — бывает, и меня захлестывают не слишком достойные эмоции. В остальном же, уверена, беседа с мадам была проведена на высшем уровне.

В Скотланд-Ярде Эмерсон сегодня точно побывал, в этом нет сомнений. Зная о моей предстоящей встрече с инспектором, он, видимо, дожидался, пока я выйду. Повремени он несколько минут — и визит остался бы в тайне. Ах, как это похоже на Эмерсона! Нетерпеливость — один из его главных недостатков.

Зуб за зуб, дорогой мой. Око за око. Ты молчишь о своих планах? Ну так и о моих не узнаешь. Но будь я проклята, если не докажу, что ты следуешь за мной по пятам. С какой целью — вот вопрос...

Мне не очень долго пришлось любоваться видом дома Айши из сквера. Через четверть часа один из сновавших туда-сюда экипажей остановился и с подножки спрыгнул профессор собственной персоной.

Едва оливковая горничная впустила посетителя, я наняла кеб и приказала кучеру ждать.

И что вы думаете? Актеры не обманули надежд единственного зрителя! Ясное дело, Айша сообщила о предыдущем визите. Эмерсон выскочил из дома как ошпаренный. Остановившись на крыльце, вытянул шею, сильно напомнив мне в этот миг его давнишнюю... гм... знакомую. Покрутил головой. Прищурился подозрительно. И ринулся через улицу в сквер. Последнее, что я увидела, приказав кучеру трогать, была весьма оригинальная сцена: знаменитый профессор археологии, набросившись на леди приблизительно моего роста и комплекции, пытался сорвать с нее шляпку, формой, цветом и размерами сильно напоминающую внушительный такой, солидный каминный совок для угля.

Немыслимо передать на бумаге тот сумбур, что владел моей душой после беседы с Айшей... Если она сказала правду, то мне не с чем подступиться к Эмерсону. Вправе ли я обвинять мужа в том, что он делал, говорил или чувствовал до того достопамятного момента, когда вверился мне телом и душой, сердцем и помыслами?...

Да, но сказала ли она правду? Несчастливая загубленная краса... если она и соврала, то у нее были для этого причины. Испытывала ли она ко мне ту же симпатию, что я к ней? У нас ведь так много общего... Эмерсон не в счет. Айша — сильная, волевая женщина, столкнувшаяся с такими страданиями и пережившая такие трудности, что даже мне остается лишь склонить перед ней голову. И в уме ей не откажешь... хотя одну промашку она все же совершила. Посмотрим, посмотрим... Не выудим ли мы из этой промашки что-нибудь существенное...

* * *

Дома выяснилось, что я имела несчастье прозевать встречу с мистером О'Коннеллом. Ирландец не пожалел времени на ожидание, а если верить Гаргори, то и сил на скачки по гостиной и массу невнятных, но эмоциональных возгласов. Ушел он незадолго до моего возвращения, оставив записку. Адресованное лично мне, послание тем не менее касалось скорее Эмерсона.

— Ну и ну. — Записка полетела на стол. — Мистер О'Коннелл в расстроенных чувствах. С чего бы это, хотелось бы знать? Он еще и не такие шутки с нами выкидывал. На войне, в любви и журналистике все средства хороши, Гаргори.

— Я позволил себе высказать что-то похожее мистеру О'Коннеллу, — расплылся дворецкий. — Хотя и не так красиво, мэ.

Эмерсон к чаю не вернулся. Подождав полчаса, я приказала накрыть на стол и позвать детей. Первыми спустились Перси и Виолетта. Оба чистенькие и наглаженные — приятно посмотреть. Кружевной наряд Виолетты, готовый треснуть по швам, напомнил мне о предстоящей лекции на тему «Влияние чрезмерного употребления сладостей на организм ребенка». Решив, по своему обыкновению, не откладывать дело в долгий ящик, я обрисовала Виолетте ее печальное будущее и под конец сообщила, что отныне больше одного куса торта

за чаем она не получит. В один присест расправившись со своей порцией, она сделала попытку нитьем выбить из меня добавку, потерпела крах и отправилась дуться в угол.

Перси заявил, что «ввиду ограниченного количества бабочек в городе» (с кем поведешься, от того и наберешься; бедняжка уже усвоил стиль а-ля Рамсес) он хочет переключиться на жуков. Разглагольствовал он так долго и так нудно, что появлению Рамсеса я была рада как манне небесной... даже несмотря на тот прискорбный факт, что от моего сына несло какой-то химической дрянью, — видимо, той самой, что прожгла порядочные дыры на его новеньких брючках.

— Опыты над ушебти, мамочка... — сообщил сыночек, протягивая мне статуэтку, — доказали ее бесспорную подлинность. Древний состав, как известно, дает желтое пламя; современные же подделки...

— Верю тебе на слово, Рамсес. Я, собственно, и не сомневалась в подлинности ушебти.

— Интуиция тебя не подвела, мамочка, — глубокомысленно кивнул юный экспериментатор. — Тем не менее я счел целесообразным найти тому доказательство, поскольку количество царских ушебти, как известно, крайне ограничено даже в музеях.

Перси заливисто рассмеялся:

— Ну и забавный же ты, братец. Столько всякой всячины помнишь! — Он одарил Рамсеса дружеским тычком. Мое чадо, разумеется, в долгу не осталось.

— Не деритесь, мальчики, — поспешила я вмешаться. — Рамсес, сядь рядом со мной. Верни ушебти, не дай бог разобьешь.

Рамсес повиновался, а мне пришлось украдкой отодвинуться — последствия химических опытов вблизи давали о себе знать еще сильнее.

— Так ты говоришь, что фигурка из царской гробницы. Я это, конечно, сразу поняла, но не успела прочитать имени.

— Мен-маат-Ре Сет Мер-эн-Пта, — без запинки выдал Рамсес. — Весьма любопытное совпадение, мамочка. Имя Сет для нас не ново.

— К сожалению, ты прав, Рамсес.

— Не полагаешь ли ты вероятным, что нам опять придется помериться силами с Гением Преступлений?

— Очень надеюсь, что нет. И настоятельно советую не упоминать его имени в присутствии папы.

— Предупреждение излишне, мамочка. От меня не могло укрыться, что любая ссылка на этого криминального типа вызывает у папочки ярость, не сравнимую с обычными проявлениями гнева. Не могу уяснить причину столь загадочного...

— Преступник сбежал — вот тебе и причина.

— Боюсь, мамочка, что ты не совсем...

— А ты не бойся. И не забивай голову тем, что тебя не касается. Мне вообще не хотелось бы... — я скосила глаза на Перси, — обсуждать эту тему.

Перси, судя по всему, пропустил наш разговор мимо ушей. Вынув из кармана какой-то блестящий предмет, он крутил его в руке, с довольной улыбкой поворачивая и так и этак, и явно не мог налюбоваться.

— Что это у тебя, Перси? Золотые часы? По-моему, ты еще мал для таких дорогих вещей. Напрасно твои родители позволили... Минуточку! Посмотри, Рамсес, как эти часы похожи на подарок мисс Дебенхэм!

Перси расплылся до ушей:

— Братец подарил их мне на день рождения, тетя Амелия.

Лицо брата, редко выдававшее его истинные чувства, застыло гипсовой маской. В свое время Рамсес восторгался часами, которые ему вручила Энид Дебенхэм, хотя я до поры до времени не позволила ему их носить. Интересно было бы узнать причину такого широкого жеста. В часах разочаровался? Или в самой Энид после ее замужества? Рамсес всегда считал, что мистер Фрейзер — не пара умнице Энид.

— Подарки друзей отдавать некрасиво, Рамсес.

Перси тут же протянул мне часы:

— Прошу прощения, тетя Амелия, не подумал. Вот. Возьмите. Я не хотел...

— Нет, Перси. Раз уж Рамсес их тебе подарил — они твои. Однако носить их тебе все равно еще рано. Я спрячу часы, а потом отдам твоей маме, договорились ?

— Конечно, тетя Амелия! Я сам собирался попросить вас об этом. Просто хотел сначала поиграть. Они такие красивые... а завтра ведь

мой день рождения... — Он был явно расстроен, но очень старался не подавать виду.

— Я не знала... вернее, совсем забыла о твоём дне рождения, Перси. Нужно будет обязательно отметить. Чего бы тебе хотелось?

Виолетта в своём углу неожиданно подала признаки жизни:

— А если Перси дадут торт и ещё много всего... мне можно съесть два куска? Или три?

— Посмотрим, — уклончиво ответила я. — Это праздник твоего брата, ему и решать, чем мы будем заниматься. Подумай, Перси, а завтра скажешь.

У Перси задрожали губы.

— Спасибо, тетя Амелия! Какая вы хорошая, добрая! Спасибо, спасибо, дорогая тетя Амелия! И тебе большое спасибо, братец... за подарок. — Он шлепнул кузена по плечу. Рамсес дал сдачи, и все трое, несмотря на ранний час, были немедленно отправлены по комнатам.

К ужину я решила переодеться... причем только для того, чтобы позлить Эмерсона, — как честный человек, не могу в этом не сознаться, читатель. Привыкнув к вольготным нравам нашего кентского дома, я постоянно забываю, что у аристократии принято блюсти распорядок, изобретенный, на мой взгляд, для удобства прислуги, а не хозяев. В спальню я поднялась в неурочный час, чем смертельно напугала одну из горничных.

Возившаяся с камином девушка пронзительно взвизгнула и как еж свернулась в клубок. Не успела я ее успокоить — а миссис Уотсон уже тут как тут. Сердилась-то она на меня, а попало, конечно, ни в чем не повинной горничной.

— К приходу миссис Эмерсон все должно быть готово! Быстро вниз, за горячей водой!

Девушка опрометью бросилась из комнаты.

— Не спешите, миссис Уотсон. Я просто пришла пораньше. А профессор не сказал, когда вернется?

— Нет, мадам, но я уверена, что скоро. Он всегда предупреждает, если задерживается к ужину. С горячей водой подождать до прихода профессора?

Наряду с иными современными «удобствами», приспособление для нагрева воды не оправдывало возложенных на него надежд и вечно

выходило из строя. Помучавшись, Эвелина вернулась к старинному, но прекрасно себя зарекомендовавшему методу.

— Нет, миссис Уотсон, прикажите наливать сейчас же. — В ожидании ванны я устроилась перед камином, водрузив ноги на решетку. К вечеру припустил дождь и заметно похолодало.

Решено... Об Айше не скажу ни слова. Ни намека себе не позволю. Пусть сам поднимает эту тему...

Если совесть чиста, он непременно заведет разговор об Айше. В конце концов, повторяла я себе снова и снова, до брака мой муж имел право встречаться с кем угодно, где угодно и сколько угодно. А с тех пор ни разу... *ни разу* его преданность мне и вера в меня не пошатнулась — я это знала точно. Так велика была моя собственная вера в Эмерсона... да и возможностей у него, прямо скажем, было негусто. В Египте уж точно. Хотя если подумать...

Сколько раз Эмерсон уходил с Абдуллой в соседнюю деревню якобы повидаться с родней Абдуллы. Наш давний слуга и друг скорее позволил бы отрезать себе язык, чем предал Отца Проклятий.

В те годы, что мы провели в кентском поместье, дожидаясь, пока Рамсес подрастет, Эмерсон время от времени ездил по делам в Лондон и оставался там на день... на несколько дней. Читал лекции в университете, работал в библиотеке Британского музея. График свободный. Хочешь — поезжай домой, а хочешь... Одним словом, распоряжайся временем по своему усмотрению.

Из раздумий меня вырвал отвратительный скрежещущий звук, и я не сразу сообразила, что сама от отчаяния и злости скриплю зубами.

Спокойно, Амелия, спокойно. Не забывай о своем решении. Не смей оскорблять любимого, верного супруга подозрениями. Не смей вспоминать об Айше, пусть сам все расскажет. Почему бы и нет? Это было бы естественно. И напротив, в высшей степени неестественно для него было бы промолчать. Спешное утреннее бегство Эмерсона и долгое отсутствие не позволили нам обсудить события прошлого вечера и по сложившейся традиции поделиться впечатлениями, мнениями, версиями. Но ведь когда-нибудь этот долгожданный момент настанет... Вот тогда и всплывет имя Айши. Согласитесь, будет странно и крайне подозрительно, если Эмерсон обойдет эту тему молчанием.

Эмерсон тешит себя иллюзией, что умеет ходить на цыпочках. На здоровье. Пусть себе остается при этом ошибочном мнении, но вам по секрету скажу, читатель, что на цыпочках мой благоверный производит шума не меньше, чем когда топает, ни о чем не заботясь. О возвращении супруга я узнала задолго до того, как увидела его в нашей спальне. Зашел он не сразу. Минут пять топтался под дверью, подыскивая, должно быть, наилучший вариант сближения. Ну а мне оставалось только ждать, что из этого выйдет.

Вышло довольно мило.

Дверь с треском (как обычно) распахнулась, любимый с порога бросился ко мне, вынул из кресла и прижал к груди.

— Прелестно выглядишь, Пибоди, — пророкотал он на ухо. — Платице... новое, да? Тебе к лицу.

— Это не платье, дорогой, — отозвалась я, как только мне вернули способность говорить, — а домашний наряд для чая. Тот самый, в котором ты видел меня вчера, позавчера и еще несколько вечеров подряд. Я надеваю его потому... О-о, Эмерсон... Ты прав, это одна из причин, но есть и другие... Эмерсон...

Мне стоило нечеловеческих усилий отказаться от супружеских знаков внимания, которым покров халатика весьма способствовал, но я все-таки выстояла! А чтобы не поддаться на лицемерные — именно лицемерные, уж поверьте любящей женщине, — ласки Эмерсона, даже отступила за кресло.

— Время позднее. Пора переодеваться к ужину. Вода едва теплая. Поторопись, иначе будешь купаться совсем в ледяной.

— Обойдусь, — мотнул головой Эмерсон. — Не стану переодеваться.

— Переоденешься.

— Нет.

— В таком случае я тоже заявлюсь к столу как есть. — Стыд и позор, скажете? И будете правы, любезный читатель. Вынуждена, однако, признаться, что в тот момент мне ну ни капельки не было стыдно. — Почему бы тебе не надеть тот великолепный смокинг, что я купила в Каире? Тот самый, который ты невзлюбил с первого взгляда?

Помнишь, ты еще сказал, что в нем тебя увидят только на смертном одре?

— Смокинг?... — поперхнулся Эмерсон. — Ты на меня сердисься, Пибоди?

— Я?! Сержусь?! Дорогой мой, что за мысль! Кстати, феска в комплекте со смокингом тебе пойдет.

— Дьявольщина! А это обязательно, Пибоди? Распроклятая штукавина... кисточка вечно в рот лезет!

Гаргори пришел от смокинга в дикий восторг, чем слегка умерил профессорский гнев. Феска дворецкого и вовсе пленила; бросив на меня торжествующий взгляд, профессор сдернул «распроклятую штукавину» с макушки и вручил своему юному поклоннику.

— Довольно, Пибоди, — сказал он, когда сияющий Гаргори удалился со своим призом. — Поиграли в индейцев, и будет. Теперь давай начистоту. Что с тобой? Дети в буйство впали?

— Не больше обычного; спасибо, что поинтересовался. Виолетта дуется, поскольку я ограничила ее в сладком, зато Перси с Рамсесом, кажется, находят общий язык. Рамсес провел какие-то огнеопасные опыты и доказал подлинность статуэтки.

— Я так и знал, Пибоди.

— Я тоже.

Эмерсон принялся за брюссельскую капусту.

— От твоего досточтимого братца или хотя бы его супруги по-прежнему ни слова?

— Нет.

— Чертовски странно, не находишь? Казалось бы, дама должна была выразить благодарность и поинтересоваться детьми...

— Она нездорова. Возможно, доктор запретил любые волнения.

— Угу. А дорогой Джеймс благополучно поднял паруса и скрылся в неизвестном направлении, — буркнул Эмерсон. — Как тебя угораздило заполучить таких мерзких родственничков...

— Мои-то по крайней мере не прячутся от людей. (А следовало бы, откровенно говоря.) Тебе не приходило в голову, Эмерсон, что я не знакома ни с одним твоим родственником, кроме Уолтера? Мадам Эмерсон-старшая даже не соизволила приехать на нашу свадьбу.

— Считай, тебе здорово повезло. — Мой ненаглядный злобно набросился на отбивную. — Говорил же, Пибоди, что мать много лет

назад выставила...

— Да, но так и не сказал почему.

Эмерсон швырнул вилку:

— Какого дьявола мы пустились в семейные воспоминания? Уходишь от разговора, Пибоди!

— Ты сам начал.

— Пибоди... дорогая моя Пибоди... — неожиданно нежно заворковал Эмерсон. — Бог с ними, с нашими распрокля... э-э... родственниками. Ты, да я, да Рамсес! Один за всех и все за одного, точно? Ну же! Лучше расскажи, как прошел день.

— М-м... Чуть не забыла. Ты разминулся с мистером О'Коннеллом. Я тоже. Он оставил записку.

— Знаю. Читал. — Эмерсон весело хмыкнул. — И на что он жалуется, понять не могу? Обскакал всех конкурентов премиленьким «дельцем зловещих статуэток». Ушебти у него, правда, превратились в... *шушеру*, что ли? А в остальном он превзошел себя. Кстати, ты знаешь, кто еще получил такие же посылки? Шестеро — Питри, Гриффит, директор музея...

— Разумеется, знаю. Статью в «Дейли йелл» я прочла прежде тебя. Однако по твоей милости О'Коннелла пропустил "дельце опиумного притона". Не думаю, что начальство его по головке погладит.

— Поделом. Будет знать, как злоупотреблять алкоголем и верить египтологам, дары приносящим.

Я зачерпнула ложку капусты. Эмерсон, ковыряясь в тарелке, исподтишка косился на меня.

— Поговорить о нашей проблеме не хочешь, Пибоди?

— Что это с тобой, Эмерсон? — со смешком поинтересовалась я. — Не ты ли твердил, что, во-первых, никакой проблемы вообще нет, а во-вторых, что мы тут совершенно ни при чем?

— Ничего подобного я не говорил! — возмутился Эмерсон, да так искренне, что ему поверил бы кто угодно, но только не я, поскольку слышала предыдущие заявления собственными ушами. — Проблема-то, конечно, есть... и немалая... Какого дьявола ему нужно, этому психу?... С тобой хотел обсудить. А насчет того, что мы тут ни при чем, — забыла, кто тебя взял ночью в притон?

— Очень мило с твоей стороны, Эмерсон.

— Еще как мило, Пибоди.

— Но взял-то ты меня только потому, что не мог остановить. Я бы все равно пошла, с тобой или без!

— Гм... — насутился Эмерсон. — Так хочешь поговорить или нет?

— Разумеется, хочу. Перейдем в библиотеку или здесь останемся, чтобы Гаргори мог к нам присоединиться?

Дворецкий, упустив соль моего тонкого сарказма, засиял как начищенный пенни. Брови профессора сошлись в одну линию.

— В библиотеку. Не возражаешь, Гаргори?

— Эмерсон... — процедила я, не разжимая губ.

— Да, Пибоди. Уже иду.

Ужасающая перемена! Ни тебе яростных протестов, ни грохота кулака по столу... Сама любезность, да и только. А я-то жду признания... Впрочем, надежда еще не потеряна. Пусть бы излил душу и бросился к моим ногам... Нет! Пусть бы лучше излил душу, а закончил тем, что это не мое распроклятое дело! Вот тогда мы на равных обмозговали бы проблему и поставили точку. Но первый шаг за Эмерсоном. Произнести роковое имя он должен сам.

В библиотеке мы устроились поближе к камину.

— Итак, Пибоди. Начнешь?

— Нет, благодарю, Эмерсон.

— М-да?... Что ж... К настоящему моменту — кто знает, что день грядущий нам готовит? — мы имеем три различные и внешне не связанные между собой группы. В первую входят все те, кто так или иначе имеет отношение к Британскому музею. Олдакр и ночной сторож; Уилсон и Бадж; египтологи, получившие ушебти в посылках. Вторая группа... э-э... позволю себе воспользоваться твоим определением — египетская ветвь.

Я ждала, затаив дыхание. Вот оно! Сейчас он перечислит... Ничуть не бывало. Эмерсон сделал вид, что поперхнулся; сделал вид, что прокашлялся. И продолжил:

— Наконец, третья группа — их беспутные светлости. Наша задача, как я ее себе представляю, — попытаться определить связи между двумя или всеми тремя группами.

Одобрения не дождется. Неопределенного кивка будет достаточно.

— Связь между проклятыми аристократишками и музеем очевидна: старый граф Ливерпуль подарил музею мумию, а Сент-Джон с юности увлекается археологией. Кроме того, Сент-Джон со своим обреченным протеже занимаются наркотиками, а значит, могут быть связаны и со второй группой. Вывод логичный, но не очевидный. В Лондоне десятки опиумных притонов, и большинство содержат выходцы из Китая и Индии. Где гарантия, что граф Ливерпуль достает наркотики у египтян?

— Гарантий нет, — холодно отозвалась я. — Но есть косвенные доказательства. Забыл реплику насчет «неверных собак»?

— Некоторые наши соотечественники не гнушаются посещением и даже, так сказать, опекой над подобными заведениями. Вчера ночью мы видели в притоне и англичан.

Англичан — да, но не только... Самое время Эмерсону произнести имя... Увы. Еще один шанс упущен.

— Выделить жреца в отдельную, четвертую группу мы не можем, поскольку он действует в одиночку. Есть ли связь между ним и тремя вышеназванными группами, или же это явление совершенно чуждое...

Я медленно, с достоинством поднялась с кресла:

— Не вижу смысла продолжать, Эмерсон. У нас слишком мало фактов, чтобы составить хоть какое-то приемлемое суждение, уж не говоря о том, чтобы строить теории. Меня ждет работа. Необходимо подготовить доклад для ежегодного заседания Общества охраны памятников Древнего Египта.

— А-а-а! — протянул Эмерсон. — Добавить к тому, что я сказал, нечего, Пибоди?

— Абсолютно. А тебе нечего мне больше сооб... сказать?

— Э-э... Нет, пожалуй.

— В таком случае, Эмерсон, займись своей «Историей», а я займусь докладом.

Профессор поплелся к столу, глянул на рукопись.

— Дьявольщина! — громом прокатилось по библиотеке.

— Что-то не так, дорогой?

— Не так?! Пропади... — Жуткая гримаса, до неузнаваемости перекосившая его лицо, по всей видимости, означала улыбку. — Ничего, дорогая моя Пибоди. Все в порядке.

О, читатель! У меня упало сердце, в горле застрял тошнотворный ком. Прежний Эмерсон заметался бы по комнате, как дикий зверь, попавший в клетку. Прежний Эмерсон разнес бы в щепки пару стульев, расколошматил чернильницу об стену, лишь бы донести до меня, *что он думает о моей беспардонной, наглой, хамской попытке исправить его замечательную рукопись!* Нынешнего Эмерсона я не узнавала... как будто видела впервые... Да что там! Я его презирала! Будь проклята эта благопристойность, рожденная чувством вины и страхом перед разоблачением.

Эмерсон уткнулся в рукопись. Сдавленный рык и непрерывное содрогание мощных плеч — вот и все, что выдавало эмоции, которые он не смел излить на меня.

«Причины наводнений в Черной пирамиде...» Нет, не могу. Затопленная Черная пирамида наводила на воспоминания о самых страшных и самых нежных минутах, когда мы с Эмерсоном поклялись отойти в мир иной в объятиях друг друга, — разумеется, если не отыщется иной выход, а этот выход, как вам известно, нашелся.

Возможно, у меня дрожали губы и даже слезы подступали к глазам... но я не дала им волю, о нет! Я поклялась, что ни один вопрос, ни один упрек не сорвется с губ, которым ведомы лишь прикосновения мужа... Случались, конечно, и в моей жизни *непростые* моменты, но мне себя винить не в чем!

Моя работа не двигалась. Нужно отвлечься от тягостных мыслей. К примеру, переключиться на загадку Британского музея.

Хороший детектив должен прежде всего уметь разложить факты по полочкам. В прошлом я перепробовала немало способов, но все впустую. Не так-то просто упорядочить мысли высокоинтеллектуальной личности. Решив подойти с другого боку, я расчертила лист на две колонки, одну из которых озаглавила ВОПРОСЫ, а вторую — ИХ ВОЗМОЖНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ.

Первый вопрос, пока оставшийся без ответа, напрашивался сам собой и касался, разумеется, причин смерти ночного сторожа. На листке появилась запись:

1. Кто такая Айша? Где и каким образом с ней познакомился Эмерсон? Расспросить Айшу...

Что за черт! Придется начинать все сначала. Я зачеркнула две строчки.

Эмерсон поднял голову:

— У тебя перо скрипит, моя дорогая Пибоди. Нужно бы очинить.

— Ты очень внимателен, дорогой, благодарю. Итак...

ВОПРОСЫ И ВОЗМОЖНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ

1. *Была ли смерть ночного сторожа вызвана естественными причинами?*

Обратиться к министру внутренних дел с просьбой об эксгумации тела? (Знак вопроса появился не случайно. Я сильно сомневалась, чтобы наш министр, будучи всего лишь мужчиной, согласился с этим более чем разумным предложением без серьезных улик, которых у меня не было.)

2. *В чем смысл (если он вообще есть) разбросанных вокруг тела сторожа осколков и увядших цветов?*

Самое логичное — поинтересоваться у мистера Баджа, когда в последний раз в зале подметали полы. Возможно, весь тот мусор, которому репортеры уделили столько внимания, скопился за предыдущие дни, недели, а то и месяцы. Хозяйство Баджа чистотой не блещет.

3. *Помимо мусора на полу были обнаружены засохшие пятна. Что это? Кровь? Если да, то человека или животного?*

Поинтересоваться у инспектора Каффа? (И здесь знак вопроса означал сомнение. Спросить-то я спрошу, но вряд ли получу вразумительный ответ. Полиция могла и не обратить на пятна внимания. А если даже обратила, то искрящийся любезностью мистер Кафф запросто утаит от меня правду.)

На этом вопросы, связанные со смертью Альберта Гора, были исчерпаны. Я перешла к следующей жертве, мистеру Олдакру.

4. *Известно ли о пристрастии Олдакра к наркотикам? Если он курил опий и гашиш, то не являлся ли завсегдатаем притона, где мы вчера побывали?*

Обратиться к инспектору Каффу (в надежде, что он для разнообразия оставит свои улыбочки с поклонами и ответит на простейший вопрос). Либо... отличная мысль!... обратиться к мистеру Уилсону. Юноша, помнится, знал Олдакра. Мисс Минтон, от которой, если не ошибаюсь, влюбленный в нее Уилсон ничего не скрывает, тоже может оказаться полезной. Пожалуй, с ней прежде

всего стоит пообщаться. Иметь дело с женщиной всегда приятнее. Да и толку больше.

5. Не занимался ли Олдакр шантажом? Кого и чем он мог шантажировать?

Возможность получить правдивый ответ от инспектора практически равна нулю. Как, впрочем, и вероятность того, что Каффу ответ известен. Зато мистер Уилсон и мисс Минтон, надеюсь, от сотрудничества не откажутся.

Переходим к следующей «группе», если пользоваться терминологией профессора.

6. Кто такой «леопардовый жрец»?

Казалось бы, чего проще? Поймал комедианта за руку во время очередного спектакля — вот тебе и ответ. Однако сказать всегда легче, чем сделать. Эмерсон уже попытался, и мы помним, что из этого вышло. После той шумихи «жрец», возможно, на публике больше не появится. Значит, нужно его заманить в ловушку. Но каким образом?

Поскольку подходящих идей в данный момент у меня не было, пришлось пока заняться следующим пунктом.

7. Кто послал Эмерсону и всем прочим статуэтки? Все тот же «жрец»?

Место во второй колонке осталось девственно-чистым. Я понятия не имела, что здесь можно предпринять, но почему-то в ответе не сомневалась. Именно «жрец», и никто иной, так щедро разбрасывался археологическими ценностями. До сих пор этот безумец ограничивался лишь театральными представлениями, никому не причиняя зла. Послания с ушебти носят тот же характер. Они наводят страх, но по сути совершенно безобидны. Я все больше склонялась к тому, чтобы согласиться с Рамсесом. Думаю, у нашего «жреца» с головой все в порядке, а вот с чувством юмора проблемы. И уж несомненно имеются возможности для осуществления таких оригинальных, мягко говоря, фокусов. Рамсес и в этом, надо признать, прав! Ушебти из царских гробниц — большая редкость!

И что же из этого следует? Археологическая ниточка ведет нас... Ну разумеется! Все улики против лорда Сент-Джона, молодого Ливерпуля или еще кого-нибудь из той же компании.

Нельзя, однако, забывать и о других частных коллекциях, которых в одной только Англии больше, чем хотелось бы настоящим археологам. Увы, наши законы способствуют безбожному разбазариванию уникальных древностей Ближнего Востока.

Есть и еще один вариант. «Жрец» мог унести ушебти прямо из-под носа мистера Баджа. В музее наш комедиант явно неплохо ориентируется, а халатность хранителя еще и облегчает задачу. Познания «жреца» в истории Древнего Египта наводят на мысль не о хобби дилетанта, а о профессии... Чтобы наш коллега опустил до подобных шуток? Убейте меня, не поверю! Да и кто бы это мог быть? Юный Уил-сон стоял рядом с нами, когда «жрец» давал одно из своих представлений в музее. Питри? Ну уж нет, только не Питри. *Этому* чувство юмора неведомо. Следующий вопрос пришел мне в голову внезапно, а потому не вписывался в стройную систему. А именно:

8. Не произошло ли при передаче мумии в музей чего-нибудь странного или не совсем обычного?

Надежды узнать правду мало, но попытаться можно. Молодой Ливерпуль (с подачи лорда Сент-Джона) приглашал меня в свое поместье. Почему бы не воспользоваться любезностью знатной особы? А заодно и проверить, нет ли в коллекции пустого футляра, где прежде могли бы храниться ушебти?

Что касается Олдакра, тут судить трудно, но пристрастие его светлости графа Ливерпуля к наркотикам сомнений не вызывает. Отсюда последний вопрос:

9. Какой притон он имеет обыкновение посещать? Возможно ли, что «неверные», которых проклинал египтянин в полицейском фургоне, — это лорд Ливерпуль с друзьями?

Узнать у Айши.

Фразу в правой колонке я написала твердой рукой. Без малейших колебаний.

Глава 10

Поэты нередко превозносят достоинства ночного отдыха. «О, сладость грез!», «О, крылья легкие, дающие свободу!»... и так далее и тому подобное. Мне лично сон кажется до обидного дурацкой тратой времени. На свете столько всего интересного, а ты будь любезен проводить треть жизни в беспамятстве. Ну не глупо ли? Как бы там ни было, но сон меня освежил и даже слегка успокоил. Вечерние письменные упражнения тоже не прошли даром. Теперь я по крайней мере знала, чем заняться, чтобы не терзать себя мыслями об Айше.

Проснувшись, как обычно, раньше Эмерсона, я неслышно, чтобы его не разбудить, выбралась из постели и сразу же взялась за дело. Точнее, взялась бы, после того как проштудировала свой «план действий». К сожалению, все действия моего плана пришлось отложить на более поздний срок. Если помните, этот день был обещан детям, а я от своих обещаний отказываться не привыкла.

Жаль, конечно, упускать время... А знаете, читатель, какая мысль смягчила разочарование? Стыдно признаться, но мне стало гораздо легче, когда я представила вытянутую физиономию Эмерсона.

Новость выплыла после завтрака. Не чудовище же я, в самом деле, чтобы портить человеку настроение на голодный желудок? Как только мой ненаглядный отгородился газетой, Перси подал голос:

— Дядя Рэдклифф! Мы скоро пойдем, сэр?

Профессор выглянул поверх газеты:

— А куда вы идете?

Настал час моего триумфа.

— Сегодня у Перси день рождения, Эмерсон. Я обещала отпраздновать это событие экскурсией по выбору именинника.

У Эмерсона вытянулось лицо.

— Ты обещала? Но, Пибоди...

— Дети живут в столице, а из достопримечательностей Лондона ничего не видели! Кто, как не мы, обязан познакомить их с историческими и художественными памятниками их родины? Нельзя же пренебрегать образованием детей только потому...

— Найми гувернера, — процедил Эмерсон.

— Я давно собиралась обсудить с тобой этот вопрос, однако он слишком серьезен, чтобы решать вот так, с наскока. Прогулка с тобой, Эмерсон, будет для всех нас гораздо приятнее.

— Ты так считаешь?... Что ж... в таком случае... Куда поедем?

— В Британский музей, — выпалил Рамсес.

Перси молчал, но его мнение было написано у него на лице.

— Тебе это, конечно, в радость, Рамсес. Твоему папе, думаю, тоже в самый раз. Но день рождения сегодня у Перси, и выбор останется за ним. Что скажешь, Перси?

— Мне все равно, тетя Амелия. Как скажете... но если вы не против.... В прошлом году папа водил нас в музей мадам Тюссо. Там так здорово! Рамсес еще не был? Может, и ему понравится?

Эмерсон уставился на племянника во все глаза. Потом хмыкнул, пожав плечами:

— Рамсесу-то очень даже может понравиться. А как же сестричка, мой мальчик? Некоторые из экспонатов...

— В Комнату Ужасов мы, разумеется, не пойдем, — возразила я. — А в целом выставка мадам Тюссо может принести им пользу. Очень познавательно... с исторической точки зрения. Рамсес днями и ночами возится со своими засушенными... гм... опытными образцами. Неплохо бы и отвлечься от мумий, узнать что-нибудь из современной истории.

— Угу. Что-нибудь эдакое... современное и веселенькое, — пробурчал Эмерсон. — Из истории французской революции, к примеру. А что? Чем плохо полюбоваться на головы, доставленные мадам прямо с гильотины по приказу революционного правительства?

— О да, сэр! — закивал довольный Перси. — Я помню. Там есть даже голова королевы. А мадам ее лично знала. Представляете, какой кошмар?!

— Умерли, — простонала Виолетта.

* * *

Пресловутая французская коллекция, вне всяких сомнений, является центром собрания мадам Тюссо. Мария-Антуанетта, чью голову мадам лепила, оплакивая страшную судьбу королевы, очень

скоро была отмщена. В одном ряду с ней выставлены на всеобщее обозрение головы ее палачей, в том числе и самого Робеспьера. Жуткую картину представляет собой и сцена убийства Марата. Злодей лежит в ванне с ножом в боку... (Стоит ли напоминать, что роковой кинжал занесла рука женщины? Уверена, что не стоит. Нам есть чем гордиться.)

Читатель вправе поинтересоваться: почему я не оградила детей от кровавого зрелища? Ответ прост. Я пыталась, но была вынуждена отступить перед обстоятельствами и нажимом со стороны собственного мужа.

Мы не пробыли в музее и десяти минут, как Рамсес растворился в толпе.

— Наверное, в Комнату Ужасов пошел, тетя Амелия. Я позову! — вызвался Перси и исчез, не дожидаясь разрешения.

— Пойду за ними, Эмерсон. А ты постой тут с Виолеттой... покажи ей принца Альберта с супругой и их прелестными детишками.

— Тоже хочу, — заныла Виолетта, дернув дядюшку за руку. — Умерли. Все умерли. Хочу посмотреть!

— Девочка моя дорогая... — выдохнула я.

— Да ладно тебе, Пибоди, — неожиданно благодушно заметил Эмерсон и затопал вслед за колобком в розовых оборочках. — Она здесь уже была, не забывай. Детская кровожадность — вещь абсолютно естественная. И почему так называемые столпы педагогики упорно отрицают этот факт?

Я отлично поняла, откуда такая сговорчивость. Эмерсона не меньше меня заботило пристрастие Рамсеса к мумиям и древним останкам. Обнаружив «кровожадность» в нормальных, с точки зрения общества, детях, он вздохнул спокойнее.

— Учти, я категорически против, Эмерсон. Но раз ты настаиваешь...

— Ха-ха, — отозвался профессор. — Сама не прочь заглянуть в Комнату Ужасов.

Вот вам типичный пример мужской логики, читатель. Не можешь признаться в собственной слабости — обвини супругу.

Перси изумленно ахал у фигуры Нейла Крима, недавно повешенного за отравление стрихнином десятков несчастных женщин; Эмерсон задумчиво взирал на доктора Притчарда, отправившего на тот

свет жену и тещу; Виолетта, сунув в рот пол-уха плюшевого зайца, таращила глаза на фигуру жуткого типа с классической физиономией убийцы — бог весть, сколько невинных душ погубило это чудовище в человеческом обличье. А я тем временем... опять потеряла Рамсеса.

— Пригляди за детьми, Эмерсон! — Прочесывать толпу было непросто, но мне на помощь, как всегда, пришел зонтик. Кудрявая шевелюра мелькнула у самого выхода. Я поспешила следом. Справа от дверей возвышался экспонат, которого я поначалу не заметила, — джентльмен в официальном костюме, при цилиндре и с тростью. Не самое лучшее, нужно сказать, произведение мадам Тюссо: лицо совсем неживое, больше похоже на маску. Должно быть, своего рода шутка... как и тот охранник в полном форменном обмундировании, к которому посетители нередко обращаются с вопросом, а потом сами же над собой хохочут.

Явно попавшись на ту же удочку, Рамсес о чем-то спросил джентльмена с тростью. Не знаю, как мой сын, а я так просто остолбенела, когда восковая фигура ожила, подхватила ребенка на руки и потащила на улицу. Боюсь, шок длился дольше, чем позволяли обстоятельства. Когда я выскочила из музея, похитителя и след простыл.

Какими словами передать отчаяние матери? Нет таких слов, читатель. Одно скажу: не дай вам бог пережить минуты вроде тех, что выпали на мою долю.

Отчаяние, однако, не замедлило мой бег и уж тем более не затуманило мозги.

— Видели джентльмена... — я схватила за руку прохожего в потрепанной куртке конюха, — который нес в охапке ребенка? Куда он побежал?

Конюх бессмысленно захлопал глазами, зато его спутница, неопрятная особа при шляпке с цветочками не первой свежести, отреагировала моментально:

— Видали, мэм, как не видать. Пивнушку «Веселый Джон» знаете? Прямо туда и побежал!

Это заведение мне, разумеется, было незнакомо, но дама в шляпке махнула рукой направо, и я ринулась вдогонку.

Далеко бежать не пришлось. Сразу за углом я наткнулась на Рамсеса — без кепи, с ног до головы в грязи, но живого!!!

— Рамсес! Слава богу! Ты цел? Как тебе удалось сбежать?

— Никак, мамочка, — потирая затылок, с горечью сообщило мое чадо. — Он меня сам отпустил. Я бы даже сказал — выбросил, причем головой на мостовую. Позволю себе выразить надежду, что это похищение не было задумано с целью нас разделить и впоследствии причинить вред другому члену нашей семьи. Совершенно очевидно...

Совершенно очевидно, что близкое знакомство с мостовой на здоровье Рамсеса не повлияло.

— Успокойся. Пора возвращаться. Папа наверняка...

Над Бейкер-стрит уже разносился громовой клич:

— Пибоди-и-и-и! Ты где, Пибоди-и-и-и!...

Мой дорогой Эмерсон! Умирая от тревоги, он все-таки помнил о своем долге и мчался к нам на выручку, не отпуская от себя племянников.

— Боже мой, Пибоди! — Первую порцию объятий получила я, а не чудом избежавший смертельной опасности наследник. — Никогда так больше не делай.

Силы небесные! Да он ведь даже не догадывается, что я не по собственной воле лишилась редкого удовольствия полюбоваться на злодеев мадам Тюссо. После краткого и, боюсь, сбивчивого рассказа Эмерсон побледнел как полотно, выдал несколько не предназначенных для детских ушей реплик и оглушил нас всех воплем:

— Кеб! Подать сюда кеб!

Теснота и относительная безопасность наемного экипажа, кажется, привели профессора в чувство.

— Успокойся, Эмерсон. Все обошлось. К счастью, никто серьезно не пострадал, — сказала я. — Может, этот... похититель обознался. Или просто пошутил...

— Черта с два! — рявкнул Эмерсон. Признаться, я была с ним согласна, просто не хотела пугать детей. Могла бы догадаться, что Рамсеса подобными идиотскими версиями не проведешь.

— Вынужден тебе возразить, мамочка. Похититель обратился ко мне по имени, следовательно, твое первое предположение в корне неверно. Что касается второго — оно тоже крайне сомнительно. Прежде чем меня... уронить, джентльмен произнес следующее: «Передайте наилучшие пожелания своему папе, мистер Эмерсон-

младший. Скажите, что мой следующий удар будет направлен против него».

— О, сэр! — сверкнув глазами, воскликнул Перси. — Как интересно!

За что и получил от нашего сыночка хороший удар в живот. Вернее... как бы это выразиться... не совсем в живот. Перси с воем завалился набок.

— Ты где этому... — Отец схватил Рамсеса за руку.

— В Египте, папочка. От тебя! Помнишь, когда мамочку похитил... Помнить, когда мы искали мамочку, то наткнулись на одного э-э... джентльмена с ножом, а ты...

— А-а-а! — протянул Эмерсон. — Ну, это... это же совсем другое дело, Рамсес. Если ты безоружен и твоей жизни угрожает преступник с ножом в руках... Угу. Одним словом, джентльмены решают споры иными методами.

— Ты сам-то понимаешь, что говоришь, Эмерсон?! Рамсес напал первым; ударил своего брата, совершенно безжалостно и...

— ...и, главное, скверно. Вот, смотри, Рамсес. Пальцы в кулак, большой палец внутрь...

— Ты наказан, Рамсес. Отправишься в свою комнату и не выйдешь, пока я не позволю. — На большее меня не хватило.

Папочка, к величайшему моему сожалению, не принял инцидент всерьез.

— Мальчишки всегда дерутся, Пибоди. Даже тебе не удастся изменить человеческую природу. Обучу-ка я их, пожалуй, азам бокса. А что? Отличная идея.

В честь дня рождения Перси к чаю был заказан сливовый пирог. Виолетта уплела половину: мне было не до нее.

* * *

День все же оказался не совсем потерян. Мне удалось выкроить время на несколько важных писем, да и нападение на Рамсеса (учитывая счастливый конец) не могло не вызвать интерес. Перед ужином мы поднялись в спальню, и Эмерсон, не пикнув, согласился переодеться. Грустно, читатель... Однако в тот момент меня тяготили

другие заботы. Пусть мой любимый неверен... перед лицом нависшей над ним опасности я готова была все забыть.

Мы уже почти оделись и горничная уже вылиwała воду из ванны, когда я рискнула высказать эту мысль вслух:

— Ты... Умоляю, осторожнее!

— О чем речь, Пибоди? — удивился Эмерсон, переводя взгляд со своего отражения в зеркале на меня.

— О твоей безопасности. О твоей жизни, наконец! Тебе опять угрожали...

— Мне? Похитили-то Рамсеса!

— Рамсес цел и невредим, если не считать изрядной шишки. Ты отлично понял, что удар предназначался не нашему сыну, а тебе. Зная, как дорог Рамсес профессору Эмерсону...

— У профессора Эмерсона, — его руки обвилась вокруг меня, — есть в жизни человек еще более дорогой. Бесценный! Пибоди...

Ах, читатель! Где я взяла силы, чтобы вывернуться из родных объятий?...

— Мы не одни, Эмерсон.

— Что? Опять эта... как ее? Дьявольщина! Ей что, больше заняться нечем? Пойдем вниз, Пибоди. Все равно в этом распроклятом мавзолее от чужих глаз не скроешься. Сколько нам еще тут торчать?

— До тех пор, пока ты не закончишь рукопись. — Рука об руку мы вышли из спальни и направились к лестнице.

— К чертям рукопись! Пусть все летит к чертям! Уезжай, Пибоди. Бери детей и возвращайтесь в Кент.

— Это с какой же стати, позволь спросить?

— Черт побери, Пибоди! Сама знаешь! Привет, Гаргори, как дела? Не нравится мне этот субъект. У него извращенный ум. Меня он не трогает. Меня вообще никто не трогает! Он бьет по тем, кто мне дорог, а я уже говорил и еще раз повторю...

— Не нужно. Я помню. Прежде, если не ошибаюсь, ты не пытался оградить меня от опасностей.

— Ошибаешься, Пибоди. Еще как ошибаешься! Всегда пытался. Ничего не получалось, но ведь пытался...

— Прошу прощения, мадам. Прошу прощения, сэр. — Гаргори поставил перед профессором тарелку. — Знаю, что мне не положено задавать вопросы, но, учитывая мое к вам глубочайшее уважение,

позволю себе нарушить правила. (Боже правый! Мало мне Рамсеса с его словесными вывертами...) Не грозит ли вам опасность, сэр? Мадам? Все слуги до единого готовы встать на вашу защиту. Можете на нас рассчитывать.

Я была тронута. Настолько, что даже не попеняла дворецкому на вопиющее нарушение этикета за столом. Эмерсона обращение Гаргори тоже растрогало до слез.

— Вот спасибо, уважил, друг мой. Передай всем нашу с миссис Эмерсон благодарность. Видишь ли, какая история...

Мой суп подошел к концу вместе с историей профессора. У Гаргори загорелись глаза.

— Мы готовы за вас жизнь отдать, сэр... мадам. Не волнуйтесь, сэр. До миссис Эмерсон этот тип не доберется. Что, если Боб... он среди лакеев самый сильный, сэр... Что, если велеть Бобу ни на шаг не отходить от миссис Эмерсон, когда ей случится выйти из дому? Могу и пистолетик ему подыскать...

— Нет, нет, нет! Никакого оружия, — замотал головой профессор. — Наш юный джентльмен... ты его знаешь. Пальнет в себя — и глазом моргнуть не успеешь. Разве что дубиной покрепче обзавестись...

— Что за чушь ты... глупости! Чтобы за мной кто-то присматривал? Еще чего не хватало! Гаргори, будьте любезны унести суп. Второе сегодня будет? Попробуй только приставить ко мне соглядая, Эмерсон, — пригрозила я, когда за дворецким закрылась дверь. — Ни за что на свете... — Я захлопнула рот. Задыхающийся Гаргори влетел в гостиную с подносом и кучей идей.

— А не кажется ли вам, сэр... — дворецкий с треском опустил на стол рыбное блюдо, — что удар, возможно, предназначался не вам одному? Ведь те ушбер... вашер...

— Ты прав, Гаргори, эта мысль мне тоже в голову приходила. Все мы уверены, что Рамсеса похитил тот самый субъект, который разослал пакеты с ушебти, верно?

— Именно так, сэр, — важно кивнул дворецкий.

— Ну вот что... — вставила я, остановив на Гаргори суровый взгляд, — если мне будет позволено открыть рот...

— Прошу прощения, мадам. — Дворецкий бочком просеменил к буфету.

— Крайне вам признательна, Гаргори. Я согласна, если мое скромное мнение заинтересует двух великих мыслителей... повторяю, я согласна с тем, что в обоих случаях мы имели дело с одной и той же личностью. — Дворецкий с профессором переглянулись. Эмерсон дернул плечом и с видом великомученика закатил глаза. Меня эта пантомима не остановила. — Логично будет расспросить тех, кто получил ушебти, не произошло ли с ними еще чего-нибудь странного.

Гаргори благоразумно помалкивал. Эмерсон, оскалив зубы, изобразил восторг:

— Прекрасно, Пибоди, прекрасно! После ужина и займусь. Съезжу к коллегам, разузнаю, что да как. Ты со мной?

— Нет, благодарю. Удачи вам с Гаргори.

* * *

На следующее утро за завтраком я не удержалась от замечания:

— Напрасно ты тратил силы и время. Вот, полюбуйся, весь Лондон уже в курсе вчерашних событий. «Морнинг миррор» постаралась.

— Что? Как?! — Эмерсон выхватил у меня газету. — Дьявольщина! Откуда они узнали?

— А кому ты рассказал? Помимо Гаргори, само собой.

Эмерсон сосредоточенно сдвинул брови:

— Баджу, Питри, Гриффиту и... нет, Притчетта не застал. Все они... да ты уже из газеты знаешь... Все они заявили, что на них никто не нападал, никто не угрожал и вообще все как обычно.

— Напрашивается вывод. Наш некто сосредоточил усилия на тебе одном, Эмерсон.

— Вовсе не обязательно. Бадж, конечно, ради дешевой популярности и на могиле матери речь толкнет, но остальные запросто могли и не признаться, чтобы не привлечь внимание. А из сухаря Питри вообще слова лишнего не вытянешь.

— Выходит, тебе у них ничего не удалось узнать?

(Эмерсон вернулся поздно ночью, насквозь пропахший табаком. Я притворилась спящей.)

— Гриффит показал мне свою ушебти. Точная копия нашей! Представляешь, Пибоди? Кто-то жертвует своей коллекцией... Эх, знать бы только кто!

— Неплохо бы, — вежливо согласилась я. Седьмой пункт моего плана как раз и гласил... — Кто-нибудь раньше видел подобные ушебти?

— Нет. А значит, они хранились в частной коллекции. Даже тупица Бадж не прошляпил бы *такую* кражу!

— Есть еще музеи при Оксфордском университете, в Манчестере, Бирмингеме...

— Я мог бы поинтересоваться.

— Ты и еще кое-что мог бы сделать, дорогой. Благодарю вас, Мэри Энн. — Я взяла у горничной почту.

— Правда? И что именно, дорогая моя Пибоди?

— Большинство законопослушных британских граждан обратились бы с заявлением в полицию о похищении ребенка. Пусть даже временном похищении.

— Да?... — Профессор схватился за подбородок. — И впрямь, Пибоди... Мы как-то все сами, сами... Привыкли, наверное, не доверять полиции...

— Не думаю. Прошу. Твои письма.

— Спасибо. — Профессор разделался с почтой как обычно, швыряя через плечо. — Будь они все прокляты в «Оксфорд Пресс»! — буркнул он и напоследок как бы между прочим заметил: — Пожалуй, заскочу в Скотланд-Ярд.

— Отличная мысль, Эмерсон.

— Присоединишься?

— Не вижу смысла, мой дорогой. Ты и сам прекрасно справишься.

— Мне... мне очень хотелось бы с тобой...

— Благодарю. Это так мило с твоей стороны, но у меня дела.

— Правда?

— Правда.

— Доклад движется?

— С докладом все отлично, спасибо.

Эмерсон сдернул салфетку, швырнул в кучу разодранных писем и с каким-то придушенным клетотом затопал вон из гостиной.

— Не опаздывай к чаю, дорогой, — крикнула я вдогонку моему ненаглядному. — Ждем гостя.

Топот в коридоре стих. Через секунду из-за двери появилась растрепанная профессорская шевелюра.

— Гостя? — с опаской переспросил Эмерсон. — Какого гостя?

— Мистера Уилсона. Он был так любезен, что принял мое приглашение.

— А-а! Понятно. Буду, Пибоди.

Ответ его успокоил. Что же он так боялся услышать? Не имя ли таинственной Айши?

* * *

Не получив ответа на записку, я решила лично заглянуть к мисс Минтон. Судя по статье в «Миррор», написанной кем-то из ее коллег, девица-репортер еще не вернулась в Лондон. Прогулка, хоть и пошла мне на пользу, иных результатов не принесла. Хозяйка апартаментов мисс Минтон сказала, что не видела леди, никаких известий от нее не получала и понятия не имеет, когда та вернется.

Ну что ж. Я сверилась со своим планом. Мисс Минтон может и подождать. С мистером Уилсоном встретимся за чаем. Граф Ливерпуль мгновенно — что для меня крайне лестно — ответил на письмо, пригласил завтра на ленч и обещал показать коллекцию. В правой колонке остались три незадействованные личности: мистер Бадж (вопрос по поводу уборки в египетском зале); инспектор Кафф (несколько различных вопросов, ни на один из которых у него, скорее всего, не найдется ответа)... и, наконец, последняя, самая таинственная...

Следующие три часа я провела в Гайд-парке, устроившись напротив дома номер четыре по Парк-лейн. Не скажу, чтобы это были самые тяжелые часы в моей жизни. Но одни из самых неприятных... и забываемых.

День был чудесный (для Лондона). Не мне одной пришло в голову полюбоваться в парке цветами и насладиться жарким (для Лондона) солнышком, однако незамеченной я не осталась. Любой, кто три часа сидит на одном месте и при этом не жует, не пьет и не читает, обречен

на внимание. Два констебля и милая пожилая леди поинтересовались, не нужна ли мне помощь. Еще одна личность неопределенного возраста, но определенно мужского пола кружила неподалеку явно с иной целью. Если Айшу волнует слезка за ее домом (а так оно, скорее всего, и есть), то не заметить меня она просто не могла. Четыре раза я собиралась с духом, чтобы пересечь улицу и постучать в ее дверь. И четыре раза отказывалась от этой идеи.

Гостей она не принимала. Торговцы всякой всячиной не в счет — эти, разумеется, пользовались черным входом. Был среди них порядочного роста, широкоплечий субъект с устрашающего вида черной бородой и корзиной, доверху наполненной рыбой. Я покинула свой наблюдательный пункт и остановила кеб.

* * *

Мне предстояло еще одно, хотя и не такое длительное, ожидание. Ровно в половине пятого я сидела в кебе и следила в окошко за парадной дверью скромного домика на улице Полумесяца. Без шестнадцати минут пять мистер Уилсон спустился с крыльца, глянул на мой экипаж, понял, что он занят, и через несколько шагов остановил другой. Торопится юноша. Придет к нам раньше назначенного времени. А жаль... Я-то надеялась, что Эмерсон встретит гостя.

Если не считать этой небольшой неувязки, все остальное прошло как по маслу. Полненькая, добродушная дама в фартуке любезно сообщила, что ее постояльца нет дома.

— Неужели? Какая досада! — Я взглянула на часы. — Должно быть, сейчас вернется, мы договорились о встрече. Его комнаты?...

— Второй этаж, направо... Нет, мадам! — хозяйка загородила путь к лестнице. — Мистер Уилсон строго-настрого запретил мне впускать кого-нибудь, когда его нет.

— Что за... Вот, прошу. Моя визитная карточка. — Признаться, я надеялась обойтись без визитки, но человек, как говорят, предполагает...

— Миссис Эмерсон? — Суровую мину на круглом лице хозяйки сменила широченная восторженная улыбка. — Неужели та самая миссис Эмерсон? Это про вас в газетах пишут?

— Э-э... думаю, да.

— И вы копаете этих... в Индии...

— В Египте.

— Ну конечно, мадам! В Египте! Счастлива познакомиться, мадам. Как ваш бедный малыш?

— Мой бедный?... С малышом все в порядке, благодарю вас.

Разговорчивая дама задержала меня дольше, чем я рассчитывала, но в конце концов путь к цели был свободен. К сожалению, комната мистера Уилсона не открыла никаких тайн. Скромная обстановка. Дешевые копии античных редкостей — ничего ценного, если не считать прелестной гипсовой головки девушки, немного напоминающей мисс Минтон. В отличие от мистера Баджа хозяйка поддерживала чистоту... прощай надежда обнаружить на пыльных полках места, где раньше стояли ушебти.

Следов наркотиков тоже не было. Дурные привычки мистера Уилсона, судя по количеству бутылок и сигарных коробок, ограничивались спиртным и табаком.

Если что и представляло интерес, так только закрытый на ключ ящик письменного стола, взломать который я не рискнула. Всегда можно выдумать причину визита в отсутствие хозяина, но, согласитесь, куда сложнее объяснить, что вам понадобилось в чужом письменном столе.

К чаю я опоздала на каких-нибудь сорок минут. Гаргори при виде меня порозовел от удовольствия:

— О, миссис Эмерсон! Мы уже начали волноваться. Джентльмен пришел...

— Хорошо, Гаргори, спасибо. — Я вручила ему зонтик и плащ. — Подниматься не буду, пройду сразу в гостиную.

Не знаю, кого из двоих — Эмерсона или мистера Уилсона — мое появление обрадовало больше. Эмерсона... понятно почему. Гость же, должно быть, был счастлив покончить с экзаменом по археологии, который ему устроил профессор.

— Прошу прощения, опоздала. А все из-за глупейшей ошибки, мистер Уилсон. Вообразите, я почему-то решила, что приглашена к вам, а не наоборот! Дожидалась у вас целых полчаса, пока не осознала свою оплошность. Ну не глупо ли?

Поскольку согласиться — значило бы проявить непростительное неуважение к даме, бедный юноша пробормотал что-то туманное и с бессмысленной ухмылкой кивнул. Зато Эмерсон в долгу не остался.

— Да уж. — Он остановил на мне ледяной взгляд. — Глупее некуда. Кстати, Пибоди! Ты пропустила весьма любопытный разговор о домашней утвари раннего династического периода в Квезире. Мистер Уилсон, как выяснилось, побывал там два года назад. Странно только, что он не помнит...

— Очень жаль, что не удалось принять участие в вашей дискуссии, Эмерсон. Сейчас же, если наш гость не возражает, я бы предпочла поговорить о другом.

Гость спешно заверил меня, что нисколько не возражает.

— Не стану извиняться за столь неприятную тему, мистер Уилсон. Видите ли, дело принимает серьезный оборот, так что... Будьте добры, расскажите нам все, что вам известно об Олдакре.

Откровенно говоря, я ждала встречных расспросов, но наш юный коллега оказался на высоте.

— Понимаю, миссис Эмерсон, — сказал он с улыбкой. — Боюсь только не оправдать ваших ожиданий. Видите ли, мое знакомство с Олдакром можно назвать шапочным. Поддерживать приятельские отношения с таким человеком я не стал бы. Спрашивайте, миссис Эмерсон. Думаю, так будет проще.

— Блестяще. У вас гибкий ум, друг мой. Итак... Употреблял ли он наркотики?

— Насколько мне известно, нет, — без запинки отозвался Уилсон. — Баловался, быть может... в определенных кругах это модно, но чтобы всерьез... Вряд ли.

— Не посещал ли опиумные притоны?

— Меня он, во всяком случае, не приглашал, — пошутил мой собеседник.

— Из друзей Олдакра кого-нибудь знаете? *Блиzkих друзей?*

Уилсон назвал несколько имен, ни одно из которых мне ни о чем не говорило, и повторил:

— Я его плохо знал, миссис Эмерсон.

— Понятно. Лорда Сент-Джона с ним рядом никогда не видели?

Юноша неожиданно расхохотался. Удивительно, как хорошеет человек в обществе приятных ему людей! У Уилсона, оказывается,

заразительный смех, здоровые белые зубы, хорошая кожа, правильные черты лица...

— Если его светлость и имел дело с Олдакром, то уж точно не из дружеского к нему отношения. Лорд Сент-Джон знает, с кем дружить. Людей ниже себя он и близко не подпустит.

— Не сомневаюсь. Но хоть какие-то предположения относительно привычек Олдакра у вас есть? Назовите хоть что-нибудь. Дорогостоящее хобби? Долги? Азартные игры? Женщины, наконец?

— Что касается женщин... — вспыхнул Уилсон, — в присутствии дамы о таком...

— Все ясно. Речь о падших женщинах?

— Э-э... да... Ничего особенного, обычные...

— Обычные?...

— Прошу прощения, миссис Эмерсон. Сам я никогда... Олдакр еще играл — вечно хвастал, что приглашен то в один аристократический клуб, то в другой. Часто проигрывал... и не скрывал сумм. Скорее, даже выставлял напоказ, словно тут есть чем гордиться. Трезвенником я бы его тоже не назвал. Только в этом ничего... Молодежь в большинстве такая, миссис Эмерсон.

— Прискорбно. Фактов не много, но вашей вины в том нет, мистер Уилсон. Вопросы, Эмерсон?

— Нет, — отрезал профессор.

— В таком случае можем вернуться к теме домашней утвари раннего династического периода.

Мистер Уилсон достал из кармана часы, глянул и вскочил на ноги:

— Боже правый! Я и не заметил, как пролетело время. Прошу прощения. Меня ждет мистер Бадж. Сегодня вечером он читает лекцию...

— Сегодня? Надо же. Я и забыла.

— Мистер Бадж перенес лекцию на два дня вперед. Причину не объяснил. — Юный Уилсон добавил, белозубо улыбаясь: — Мистер Бадж приказывает, а я исполняю. Сегодня мне приказано помочь с мумией. Возможно, вечером увидимся. Благодарю вас, миссис Эмерсон... профессор. Приятно было встретиться. Надеюсь на ответный визит.

— Ловлю на слове. — Я встряхнула протянутую руку.

— Дьявольщина! — прорычал Эмерсон, как только за гостем закрылась дверь. — Гордишься собой? Черт побери, я места не находил от тревоги...

— Гаргори тоже. Приношу извинения тебе и *особенно* Гаргори.

Эмерсон закрипел зубами, однако любопытство в конце концов пересилило гнев.

— Что-нибудь обнаружила в комнате Уилсона?

— Нет.

— А сказала бы, если бы обнаружила?

— Разумеется, Эмерсон. Ты ведь тоже сказал бы, верно? Если б, конечно, тебе было что сказать?

Любимый потупился. Боже, боже! Что за зрелище! Неистовый профессор... *потупился!*

— Я прикажу отложить ужин на полчаса, Эмерсон. Ты ведь, полагаю, поедешь на лекцию?

— Да. А ты?

— Устала что-то, дорогой. — Думаю, мне удалось зевнуть вполне натурально. — Да и к мумиям, сам знаешь, я равнодушна. Удачи тебе.

Эмерсон шагнул к лестнице. Притормозил у нижней ступеньки.

— Если вдруг передумаешь, Амелия, в зал не попадешь. Впускают по приглашениям.

— Неужели? — Интересно, с какой это стати... Спросить у Эмерсона? Нет уж, не дождется. — Ничего, дорогой, ты все расскажешь, когда вернешься.

* * *

Выждав добрых десять минут после ухода профессора, я приказала Гаргори заложить экипаж. Эмерсон пошел пешком — Сомерсет-хаус, выбранный Баджем для проведения сенсационной лекции, находится недалеко от Сент-Джеймской площади.

У меня были свои резоны воспользоваться экипажем, и опасность, подстерегающая даму на улицах Лондона, как вы понимаете, тут ни при чем. Во-первых, Эмерсон явно что-то задумал. В Сомерсет-хаус он отправился вовсе не ради лекции нашего досточтимого хранителя. Ради Баджа профессор Эмерсон не поднялся бы из-за собственного

стола... Объяснения мужа, почему он считает необходимым развернуть мумию и продемонстрировать публике, меня не устроили. На уме у него было что-то еще... В любом случае, Эмерсон не хотел брать меня с собой. Это точно. Хотел бы — должен был приказать оставаться дома.

Во-вторых... Об этом я боялась даже думать, но внутренне была готова к самому худшему. Что, если Эмерсон вовсе не появится на лекции? Что, если он пошел...

Одним словом, если в зале Сомерсет-хауса его не будет, поеду искать, найду и... Не знаю, что сделаю. Дай бог, чтобы мои подозрения оказались ошибкой. Иначе я за себя не отвечаю.

Глава 11

Не устаю удивляться бесконечной наивности представителей противоположного пола. Ясно же как божий день, зачем Баджу понадобилось переносить дату лекции. Надеялся надуть «жреца», чье утомительное внимание к леди Хенутмехит никак не шло на пользу авторитету хранителя. Очень может быть, что и неистового профессора наш приятель тоже надеялся провести. Присутствие Эмерсона сказывалось на престиже Баджа еще более губительным образом.

Не зная я Сомерсет-хаус как свои пять пальцев, ей-богу, решила бы, что Генри ошибся адресом и завез меня... скажем, на Ковент-Гарден в день открытия сезона. Экипажи один за другим останавливались у внушительного особняка Королевского общества; одетые с иголки джентльмены и дамы в шелках и при бриллиантах непрерывным потоком вливались в парадную дверь. Бадж, похоже, на приглашения не поспешил, пол-Лондона созвал, чтобы было кому оценить его триумф. Но тем самым честолюбец свел на нет свою первоначальную задачу. Впрочем, Бадж, скорее всего, и не догадывался, что за маской «леопардового жреца» может скрываться один из почитаемых им аристократов.

Ко входу я пробилась без особого труда. С таким зонтиком нигде не пропадешь. Мне особенно по душе его внешняя безобидность и даже некоторая кокетливость: за веселыми оборочками никто не углядит острый кончик из закаленной стали.

Мрачный прогноз Эмерсона насчет возможности остаться за дверью меня только позабавил. При чем тут приглашение? Достаточно было назваться охраннику — и путь оказался свободен. Да и зонтик тоже сыграл свою убедительную роль.

Достало ли Баджу глупости пригласить и прессу, я понятия не имела. Да это и неважно. Чтобы репортеры прозевали такое событие?! Буквально с порога мой взгляд выхватил в толпе знакомую рыжую шевелюру. Мистер О'Коннелл, приткнувшись у самых дверей лекционного зала, занимался любимым делом — безостановочно строчил в своем блокнотике.

Заметив меня, ирландец дернулся, как будто собрался улизнуть. Потом передумал, задрал нос и в качестве приветствия процедил нечто крайне невразумительное.

— Ну-ну, друг мой! — Я игриво ткнула его ручкой зонтика в бок. — Не дуйтесь. Мы еще даже не сравняли счет. Вспомните, сколько раз вы обводили меня вокруг пальца? И справедливости ради согласитесь, что на моем месте поступили бы точно так же.

— Вот еще, — фыркнул Кевин.

— Отлично выглядите, — не отступала я. — Вечерний наряд вам к лицу. Подчеркивает тициановский цвет волос и белизну кожи. Костюм напрокат взяли?

Долго изображать из себя оскорбленную невинность Кевин не мог. Натура взяла свое: в уголках голубых глаз собрались смешливые морщинки, губы дрогнули.

— А вы-то сами давно из Ирландии, миссис Амелия? Не там ли льстивым речам обучались? Нет, костюм мой собственный.

— Я так и думала. Уж очень ладно сидит.

— А где профессор? Не заболел, надеюсь?

— Надеетесь? Ай-ай-ай, Кевин! Лесть лестью, но такая беспардонная ложь — это чересчур даже для ирландца. Вы были бы счастливы увидеть профессора больным и немощным. — Дождавшись плутовской ухмылки, я продолжила: — Меня дела задержали. Профессор уже должен быть где-то здесь. Не видели его?

— Нет. Но я и мистера Баджа не приметил, а он-то точно здесь. Думаю, они оба прошли черным ходом. Полюбуйтесь, миссис Амелия. — Кевин с гримасой отвращения взмахнул блокнотом. — Составил список приглашенных высокопоставленных персон. Не научная лекция, а светский раут, ей-богу! Что я тут делаю, спрашивается? Послали бы леди Уотсворт, которая снабжает «Куин» новостями из жизни сливок общества. Не стоило мне соваться в это дело, и точка.

— Может, по своей сопернице истосковались?

— А что? С ней хоть не скучно было. Но крошка сдалась. Набила мозоли-то... вот и сбежала к бабуле. Двери закрывают, миссис Амелия. Пойдем?

— Если не возражаете, я сяду рядом.

Кевин стрельнул в меня подозрительным взглядом.

— Что задумали, миссис Эмерсон? Почему одна? Где профессор?

— Опоздаем, Кевин!

Зал был забит до отказа. Проходы остались вдоль стен и по центру зала, а все остальное пространство заняли ряды стульев. Газовые лампы освещали подиум с пятью стульями, длинным столом, кафедрой для лектора и подставкой вроде козел. Для прессы отвели первый левый ряд, а в центре восседали особо почетные гости. Коллеги Кевина любезно приняли меня в свою компанию; мы едва успели устроиться, как двое дюжих парней в форме охранников Британского музея внесли саркофаг и осторожно опустили на подставку.

Вслед за леди Хенутмехит на сцене объявился сам прославленный археолог Бадж. С достоинством уселся во главе стола, небрежно забросил ногу на ногу и якобы погрузился в изучение бумаг, которые принес с собой.

Последними на подиуме заняли места сэры Уильям Эпплби, один из попечителей музея, член Королевского общества мистер Алан Смит-Джонс и некий лысый джентльмен в вечернем туалете, — по-видимому, хирург из соседнего медицинского колледжа. Египтологов проигнорировали.

Эмерсона в поле зрения тоже не было.

Дождавшись, когда напряжение среди публики достигло нужного уровня, мистер Бадж поднялся и прошествовал к кафедре.

— Милорды... леди и джентльмены, — начал он, после чего ударился в уже знакомые нам *глубоко научные* разглагольствования.

Слушатели терпели не долго. В этот зал их привело не совсем здоровое, я бы сказала, любопытство — все ждали разоблачения египетской мумии. Цитаты из Геродота и Книги Мертвых, которыми сыпал многоуважаемый хранитель, никого не заинтересовали.

Уж не знаю, каким образом, но ненавистные мистеру Баджу *низы* умудрились-таки проникнуть на лекцию.

— Приятель! — Хриплый бас перекрыл благовоспитанный шумок в зале. — Может, одежду-то со старушки снимешь?

Грубияна утихомирили. Этого. Заткнуть рот следующему было далеко не так просто.

— ...Тело покойного погружалось в ванну с жидкой окисью натрия, где и оставалось в течение довольно длительного срока, а именно девяноста дней... — бубнил лектор.

— Понес околесицу! — громыхнуло из глубины зала. — Эй, Бадж! Не дури людям головы своей белибердой.

Сердце мое вернулось на положенное место, заполнив тоскливую черную дыру, что зияла в груди с того самого момента, когда я не обнаружила Эмерсона среди зрителей. Этот голос... его нельзя не узнать. Эмерсон здесь! Он не поехал... *туда*. Кошмар закончился... нет, всего лишь отсрочен.

Аудитория одобрительно зашумела, заскрипела стульями, кто-то, кажется, даже присвистнул. Словом, под давлением общественности Бадж был вынужден прервать «околесицу». Поправив очки и старательно делая вид, что не узнает своего оппонента, Бадж вытаращился в зал.

— Если мне будет дозволено продолжить...

— Не будет, дурья твоя башка, — пророкотал тот же голос.

Кевин, обернувшись, восторженно хохотнул:

— Профессор! Ура! Теперь мы со скуки не померем, и точка!

Где-то в центре зала ряды зрителей всколыхнулись, выпуская... нет, читатель, не угадали. Первой над людским морем появилась черноволосая кудрявая голова ребенка. Мой грешный, но *обожаемый* супруг водрузил на плечи Рамсеса... одетого, как выяснилось, когда он воспарил над залом, в безобразно засаленный костюмчик с когда-то белым кружевным жабо, истосковавшимся по крахмалу и утюгу.

— При всем моем глубочайшем почтении, мистер Бадж, вынужден указать на вашу ошибку. (У меня упало сердце: если Рамсес открыл рот, закроет он его не скоро.) Проведенные опыты доказали состоятельность моей первоначальной версии относительно...

Бадж наконец пришел в чувство:

— Что за... Да как вы... Сядьте на место, профессор! Тишина в зале! Немедленно прекратите, молодой человек!

— Ну ты че? — гаркнул тот же хриплый голос. — Че ты? Дай мальцу-то сказать!

Публика разразилась смехом и аплодисментами. Профессор двинулся по проходу к сцене, придерживая за ноги Рамсеса. Наш сыночек, само собой, не умолкал ни на секунду; я это *видела*, поскольку и лекция малолетнего экспериментатора, и протесты Баджа утонули в одобрительном хохоте аудитории.

Развернувшись лицом к залу, Эмерсон вскинул руку. Сквозь постепенно стихающий шум пробился голос Рамсеса:

— ...резкий и безошибочно узнаваемый гнилостный запах, изменение цвета и вздутие тканей тела. Вместе с тем применение окиси натрия в ее твердом состоянии, с добавками углекислого натрия и двууглекислого натрия, обеспечивает...

Профессор лучился отцовской гордостью. Я разрывалась между смехом и эмоциями иного рода.

— Боже правый!

— Ш-ш-ш! Не мешайте, миссис Амелия! — Кевин скорчился над блокнотом.

И раньше встречаясь с профессорским сыночком, Бадж наверняка знал, что никакими физическими методами Рамсеса не остановить, но на сей раз хранитель дошел в своем бешенстве до того, что готов был наброситься на нелепую парочку с кулаками.

Конец лекции, однако, положил не Бадж...

Эмерсон заметил прибавление среди зрителей раньше меня. Я увидела, как он напрягся, словно готовясь к прыжку... Дикий женский визг пронесся по залу, сорвав публику с мест стремительнее, чем порыв шквального ветра. Личность в белом одеянии возникла на пороге центрального входа и полетела между рядами.

Но что это? «Жрец» уже не в проходе! Он на сцене... Нет, у противоположной стены... Силы небесные! Четвертый... пятый... Шесть «жрецов»... все в развевающихся белых платьях, все на одно лицо... вернее, все в масках с застывшими гипсовыми чертами. Очумевшие зрители с воплями, стонами, кто бегом, кто чуть ли не ползком, пробивались к дверям.

Такого даже Эмерсон не ожидал. Добела стиснув губы, хмурия темные брови, он вмиг сдернул Рамсеса с плеч и сунул под мышку.

Я подскочила со стула вместе с остальными, но не двинулась с места. Так и стояла с зонтиком наизготовку, когда горящий синим огнем взгляд Эмерсона нашел меня среди беснующихся репортеров. О, читатель! Какая тревога за меня и гнев на собственное бессилие светились в этих родных глазах! Будь его воля, Эмерсон, я знаю, поступил бы со мной так же, как с нашим сыном, — сунул бы под мышку и унес прочь от опасности.

Рука Кевина обвилась вокруг моей талии. Ирландец схватил меня в охапку и шагнул к проходу, прокричав на ухо:

— Держитесь, миссис Амелия! Я вас отсюда вытащу!

Интересно, куда? О'Коннелл устремился не к выходу, а к относительно пустому пятаку почти у самой сцены.

На сцене творилось что-то невообразимое. «Жрецы» в масках облепили саркофаг громадными белыми мухами... Казалось, они множатся на глазах... десятки... сотни масок мелькали передо мной. В бушующем море белого муслина скалой возвышался Эмерсон. Один из «жрецов» неожиданно сложился пополам и покатился по полу. Профессор развернулся к следующему... но их слишком... слишком много. Спасая сына, Эмерсон был обречен на поражение. Один... с ребенком под боком... брошенный предателем Баджем на произвол судьбы. В следующее мгновение всклокоченная черноволосая голова моего любимого скрылась в водовороте белых одеяний и мощных кулаков.

— Отпустите меня! — я вцепилась в плечи О'Коннелла. — Немедленно, слышите! Там мой муж! Мне нужно... Силы небесные! Его могли уже...

Ирландские веснушки побледнели на фоне восторженного румянца; с воинственным кличем Кевин опустил меня на пол.

— Вот это я понимаю! Так держать, миссис Амелия! На штурм! Вперед, О'Коннеллы!!!

— Вперед, Пибоди!

— Вперед, О'Коннеллы и Пибоди! — взревел Кевин и ринулся следом за мной.

Пробиться вперед не составляло особого труда, поскольку к этому времени основная масса народа успела удрать и в зале остались лишь самые отчаянные, а таких всегда не много. Присутствие хладнокровных, уверенных в себе личностей в *штатском* помогло унять всеобщий переполох. Банда «жрецов» тоже заметила детективов. Когда мы с Кевином, потрясая кто зонтиком, кто блокнотом, добрались до подиума, на месте битвы остался один-единственный воин.

Мой рыцарь, мой любимый, мой супруг.

Прошу прощения, не упомянула Рамсеса. Вдавленный в пол весом своего папочки, Рамсес отчаянно брыкался, оглашая окрестности нескончаемым потоком вопросов.

Лицом к лицу с извечной репортерской дилеммой — куда бежать за сенсацией? — Кевин сделал разумный выбор. Вместо того чтобы, по примеру всех остальных газетчиков преследовать «жрецов», он решил взять интервью у неистового профессора. Хотелось бы надеяться, что ирландцем двигали не только журналистские, но и чисто человеческие инстинкты. Вопреки моим медицинским рекомендациям, Кевин первым делом подхватил профессора за плечи, пытаясь поставить на ноги.

— У тебя голова пробита, Эмерсон! Немедленно лечь и не подниматься, пока я...

Реакция ненаглядного меня немного успокоила.

— Руки прочь, Пибоди! Египтяне народ темный, ими и командуй. А ко мне не прикасайся! О черт... Рамсес! Где наш мальчик?

— Я здесь, папочка. — Рамсес задыхался, что вполне естественно, но в целом пережил инцидент без последствий. Несколько лишних царапин и синяков не в счет. Сыночек подполз к Эмерсону. — Не в силах выразить свою глубочайшую радость и облегчение, папочка. Услышав тебя...

— Спасибо, сынок. — Эмерсон отшвырнул кружевной платочек, которым я пыталась остановить кровотечение на лбу. — Прекрати, Пибоди, а то...

— Прошу, профессор. — Кевин выудил из кармана платок гигантских размеров и собственноручно обвязал им голову пострадавшего. Тот и не пикнул.

— Извините, профессор... — К нам подошел один из детективов.

— Дьявольщина, Орлик! — набросился на него Эмерсон. — Как вы такое допустили? Хоть кого-нибудь поймали?

Бедняга детектив, ростом повыше Эмерсона и в полтора раза шире, на глазах уменьшился в размерах.

— Нет, сэр. Простите, сэр. Вы предупреждали об одном... Их сразу шестеро... нас только трое... Силы были неравны, сэр... а потом вся эта суматоха...

— Ладно. Но чтоб духу этих писак рядом со мной не было, ясно?! — Профессор двинул локтем щуплого человечка, который бляял у него под боком: «Каковы были ваши ощущения, когда...»

— Есть, сэр! — Мистер Орлик увел репортера. Эмерсон обратил горящий взгляд на Кевина.

— Уже уйду, — мигом понял тот. — Полиция не понадобится.

— Я не полицию звать собирался, О'Коннелл, а поблагодарить вас. Вы пожертвовали сенсационной статьей, чтобы защитить миссис Эмерсон. Спасибо. Огромное спасибо. Считайте, я ваш должник, юноша.

— И я! — вставил Рамсес. — Вашу руку, мистер О'Коннелл. Помните, что с этого момента вы можете на меня рассчитывать.

Давясь смешком, О'Коннелл по-мужски пожал протянутую детскую ручку. Стоило бы его предупредить... Впрочем, Кевин не слишком удивился тому, что свою ладонь от ладони Рамсеса ему не фазу удалось отодрать. Понятия не имею, во что на этот раз влип наш сын, но он вечно лоснится от какой-нибудь дряни.

— Вам повезло, О'Коннелл, — хмыкнул профессор. — Совершили рыцарский поступок и при этом ничего не потеряли. Уверен, никому из ваших коллег не удалось поймать лицедеев.

— Черная магия, и точка! — пробормотал Кевин, украдкой вытирая ладонь о свои элегантные брюки. — Как же так? Все до единого испарились?

— Подумаешь! — Эмерсон передернул плечами. — Нам просто в голову не приходило, что эти маски могут быть сделаны из папье-маше. С виду прочные, но разлетаются от первого же удара. Сбросил платье, раздавил каблуком маску — вот вам и весь фокус.

— Вы оказались к ним ближе всех, профессор. И глаз у вас острый. Не заметили ничего такого... особенного... каких-нибудь примет, по которым можно было бы опознать хоть одного?

— В тот момент у меня были другие заботы, — с горечью буркнул Эмерсон. — Похоже, я и мумию не смог сохранить.

Он повернулся к сцене.

Жуткое зрелище, достойное выставки мадам Тюссо. Тонкие, высушенные тысячелетиями зноя деревянные стенки и крышка саркофага раскололись. Подиум был усыпан истлевшими костями, ключьями хрупкой от древности ткани... Череп таинственным образом закатился под стол.

— Боже, спаси и сохрани... — ахнул Кевин, выпучив глаза на единственную относительно целую часть скелета египетской леди. — Ирландка!

— Рыжий цвет волос, — объяснил Рамсес, — это результат окрашивания хной. Первоначально волосы были светлыми или седыми.

— Твоя догадка подтвердилась, Эмерсон. Дама-то и впрямь не первой молодости. Успокойся. Мумию «жрецам» унести не удалось.

— Ха! Нужна она им, мумия эта распроклятая, — сквозь зубы отозвался профессор. — Свое дело они сделали, Пибоди.

— То есть? — В О'Коннелле явно заговорил репортер. — По-вашему, они этого и добивались? Разбить саркофаг и уничтожить останки? Зачем?!

Профессор скосил глаза на блокнот и карандаш в дрожащих от возбуждения руках Кевина.

— Всякая благодарность имеет границы, О'Коннелл. Сегодня вам из меня ничего больше не вытянуть.

* * *

Да здравствует женская предусмотрительность. Я не отпустила экипаж, тем самым сохранив силы и здоровье Эмерсона, который наверняка лично бросился бы на поиски кеба. Генри, бедняжка, при виде раненого профессора и украшенного синяками Рамсеса чуть не свалился с козел.

— Все в порядке, рана не смертельная, — успокоила я лакея.

И оказалась, как всегда, права. Уже дома, обработав рассеченный лоб супруга, я убедилась, что на первый взгляд все выглядело страшнее, чем было на самом деле. Эмерсон, конечно, усиленно стонал и закатывал глаза... а я, собственно, и не возражала. Ухаживать за своим обессиленным, обескровленным рыцарем — разве не в этом предназначение женщины еще со времен рыцарей Круглого стола? Уверяю вас, читатель, Эмерсон наслаждался моей заботой не меньше, чем я сама.

После того как второй пациент получил свою порцию медицинского внимания, мы с мужем устроились в спальне у камина. Вдвоем... как прежде... словно и не рождались в моем сердце страшные подозрения. Но они не ушли. Они лишь затаились.

— Итак, дорогой. Кевина рядом нет. Теперь ты можешь объяснить, почему люди в масках не охотились за самой мумией, а задались целью ее уничтожить.

— С удовольствием, дорогая моя Пибоди. — Эмерсон как следует приложился к бренди. — Видишь ли, у меня были свои причины открыть саркофаг. Некоторые из них тебе известны. Но не все. Прежде всего мне хотелось вытащить нашего комедианта на публику — пропустить такое событие он, разумеется, не мог.

— В этом, надо отдать должное, ты преуспел.

— Более чем! Подумать только, целых шесть вместо одного! Фантазией парень не обижен. Организовано все было по высшему классу. При том, что я надавил... вернее, предложил Баджу перенести мероприятие на более ранний срок...

— Так это твоя идея?

— Моя. Понимаешь зачем?

— Разумеется, дорогой. О переносе лекции «жрец» в любом случае узнал бы, но на подготовку спектакля у него осталось мало времени. Выходит, ты догадывался, что он задумал уничтожить мумию?

— Нет, — признался Эмерсон. Потеря крови в сочетании с алкоголем ослабляет волю. — Мысль, конечно, была... но настолько туманная, что я и сам не отдавал в ней отчета.

— И что же это была за мысль?

— Говорю же, определить ее я поначалу не мог. Даже когда сражался с этой бандой ряженных, все еще думал, что они вот-вот сбегут с мумией. Но уж когда увидел разбитый саркофаг... ты тоже догадалась, Пибоди?

Он был со мной искренен. Я тоже не стала хитрить:

— Нет, мой дорогой Эмерсон.

— Ну как же! Вспомни, как мы разворачивали мумии. Даже самые древние и плохо сохранившиеся не рассыпались...

— Знаю!!! Саркофаг уже открывали, мумию разворачивали! Иначе она выпала бы из саркофага более или менее целой... ну разве что без головы. Верно?

— Абсолютно, моя дорогая Пибоди. Мумия оказалась не первой молодости, да еще и... гм... не первой свежести. Кто-то ею уже... гм... воспользовался. Возникает вопрос. Кто? Когда? И зачем?

— Это целых три вопроса, дорогой, — резонно заметила я. — На саркофаг могли наткнуться грабители еще несколько столетий назад... такие случаи известны. Но ты, как я понимаю, подозреваешь, что это произошло гораздо позже? Попав в музей, саркофаг был немедленно выставлен в Египетской галерее, следовательно... Нужно будет завтра поинтересоваться у лорда Ливерпуля.

— Завтра?... — прищурился Эмерсон. — Встреча уже назначена, Пибоди, или же ты собралась захватить его светлость врасплох?

В умиротворенном урчании любимого явственно слышались ревнивые нотки.

— Ах да! — со смешком призналась я. — Совсем забыла сказать! Лорд Ливерпуль пригласил нас завтра пообедать и осмотреть его коллекцию.

— И когда же он это сделал?

Зачем нарываться на неприятности, объясняя, что инициатива была моей?

— Письмо пришло сегодня утром, дорогой.

— Вот как, утром?... В таком случае, это не может быть... — Фраза так и повисла в воздухе, а Эмерсон добавил с любезной улыбкой: — Отличный ход, Пибоди. Скорее всего, твой, а не лорда Ливерпуля, но это дела не меняет. Надеюсь, его светлость не слишком разочаруется, увидев меня рядом с тобой.

* * *

Моулди-Мэнор, древнее родовое гнездо Ливерпулей, расположен на берегу реки близ Ричмонда. Признаться, мне не терпелось увидеть это знаменитое поместье, по слухам весьма живописное и оригинальное, заложенное одновременно с первыми постройками лондонского Тауэра. Помимо археологических достоинств, Моулди-Мэнор претендует и на место в истории. Перед бегством в Голландию в поместье провел целую ночь Чарльз II; в одном из здешних подземелий был подвергнут пыткам Эдвард II; здесь побывали все, кто так или иначе был связан с Войной Алой и Белой розы (Ливерпули лучше кого-либо умели вовремя переметнуться из одного клана в другой). И наконец, ни один сборник басен из жизни привидений не

будет полон без упоминания представительной труппы из Моулди-Мэнор. Дама в Белом, Черный Пес, Обезглавленный Придворный Елизаветинской эпохи, Призрачный Экипаж, запряженный четверкой лошадиных скелетов...

За большую часть пути мы не обменялись и парой фраз. Мой благоверный был погружен в раздумья, что явствовало не столько из молчания, сколько из до боли знакомого жеста. Эмерсон не отрывал указательного пальца от подбородка.

Лондон остался далеко позади, проплыл в окошке и лес на подступах к Моулди-Мэнор... и только тогда профессор подал голос:

— Давай-ка начистоту, Пибоди. Поделемся планами, чтобы потом не плутать в потемках. Идет?

— Буду с тобой предельно откровенной, дорогой.

— Ха!

— У меня нет определенного плана.

Эмерсон опять вцепился в подбородок.

— А что? Я тебе верю, Пибоди. Прикидывал и так, и эдак... Представь, ни до чего не додумался. Что ты там надеешься обнаружить? Фабрику по изготовлению масок из папье-маше?

— Вряд ли Ливерпуль устроил бы нам с тобой экскурсию на эту фабрику, — как можно суше отозвалась я. — Было бы неплохо отвлечь его светлость, пока я...

— Выбрось из головы, Пибоди. Если верить тому, что рассказывают о Моулди-Мэнор, десять человек за десять дней не смогут обыскать это поместье. И даже если ушебти были частью папочкиной коллекции, юному графу наверняка хватило ума убрать пустые коробки с глаз долой.

— Я и не надеялась на простое решение вопроса. Не нужно зевать — только и всего, дорогой. Если граф Ливерпуль — тот самый, кого мы ищем, он может случайно проговориться... допустить оплошность... выдать себя необдуманном жестом... Главное — самим побольше молчать и...

— Молчать? — фыркнул Эмерсон. — Кто бы говорил! «Та, кто силой слов своих остановит супостата»?

И сколько мне еще внимать этим глупостям?

— Не сочти за бесцеремонность, Эмерсон... Вынуждена заметить, что наш сын был прав. Это обращение к богине Исиде.

— Ха! — отвечивал профессор.

Моулди-Мэнор, каким бы представительным на вид он ни был, оказался не более чем классическим образцом смешения стилей. Одно крыло из природного камня, другое из красного кирпича с деревянной обшивкой времен Тюдоров. Жилым выглядело лишь одно крыло; к нему-то и вела усыпанная гравием подъездная дорожка.

Навстречу гостям вышли трое — сам хозяин, уже знакомый нам лорд Сент-Джон и некий юный джентльмен по имени Барнс, единственной примечательной чертой которого были акульки зубы.

Лорд Сент-Джон склонился к моей руке:

— Вы так отважны, миссис Эмерсон! Прodelать такой путь сразу после вчерашнего происшествия...

Я оглянулась. На столике у стены единственным неопрятным штрихом в этом оплоте чистоты громоздилась стопка газет.

— Вам не удалось попасть на лекцию, милорд?

— К сожалению, поздно узнал о переносе даты. На этот день у меня была заранее назначена встреча. Впрочем, я в любом случае вряд ли пошел бы. Выставлять человеческие останки на всеобщее обозрение... в этом есть что-то порочное.

Граф Ливерпуль закатился визгливым смехом:

— Стареешь, дружище Джек. Моралистом заделался? Цель была достойная, верно, миссис Эмерсон? Преимущества познания и все такое...

— Верно, милорд. Но цель, как вы, должно быть, уже знаете из газет, не была достигнута. Жаль, что вас не было в Сомерсет-хаус, джентльмены: вы пришли бы на помощь моему мужу, которому, несмотря на все усилия, не удалось спасти экспонат.

— Ах да... — пробормотал лорд Сент-Джон, глянув на приличных размеров пластырь, украшающий лоб Эмерсона. — Вы остались целы, профессор! Какое счастье для всех ваших друзей, среди которых, надеюсь, вы числите и нас.

— Благодарю. — Эмерсон прочно устроился в самом центре дивана. — Вы меня, конечно, не ждали? Ну а я приехал.

— Добро пожаловать, — отозвался лорд Сент-Джон.

Граф Ливерпуль хихикнул.

Нам подали превосходный обед, к которому хозяин практически не притронулся. Бокал его, однако, ни секунды не пустовал, и болтал юный граф за столом не закрывая рта. Мой вопрос об истории Моулди-Мэнор вызвал целую лекцию. На удивление интересную, кстати сказать, лекцию, изобилующую датами, именами и событиями.

Королева Елизавета, оказывается, провела ночь в главной спальне, в ее честь был устроен маскарад, ночная охота и тому подобные увеселительные мероприятия. На десерт явился сам Обезглавленный Придворный. Тогдашний граф Ливерпуль обнаружил привидение в спальне королевы в самый *нужный* момент. Королева, разумеется, закричала. Очень громко, но не раньше, чем увидела графа. Виновный ли, безвинный ли, но предполагаемый насильник прошел сквозь стену, как истинный джентльмен, не выдав свою королеву.

— Стыд и позор, Нэд! — смеясь, укорил приятеля лорд Сент-Джон. — Такие истории не предназначены для дамских ушей.

— Не беспокойтесь, милорд. Признаться, Елизавету я не жалею. В ней, похоже, воплотилась вся жестокость Тюдоров. Не сомневаюсь, что несчастный безголовый джентльмен был обвинен напрасно — в этом преступлении, по крайней мере.

— Увы, миссис Эмерсон, теперь этого никто не узнает. Тайна, как говорится, погребена...

— Раскрыть можно любую тайну, ваша светлость, — возразила я Сент-Джону. — Вопрос лишь в том, сколько времени и сил человек готов потратить на разгадку.

Сент-Джон в знак капитуляции приподнял бокал. На губах его блуждала коварная улыбка.

Граф Ливерпуль не умолкал ни за вторым, ни за десертом. К концу обеда я прониклась его настроением и поняла, что так увлекает этого несчастного юношу. Он был горд своими предками, досконально знал историю Ливерпулей и надеялся на продолжение рода. Бедный, бедный! Последний отпрыск знатного рода, он не хотел в этом признаваться. Я заметила, что, когда речь зашла о некоей леди, с которой граф связывал матримониальные надежды, даже лорд Сент-Джон побледнел и до крови закусил губу.

Уговорить графа показать нам особняк оказалось проще простого. На протяжении всей экскурсии я нахваливала архитектуру и интерьеры, к величайшему удовольствию хозяина. В единственном

жилом крыле нам продемонстрировали ту самую знаменитую спальню, где ночевала Елизавета, и длинную галерею, где стены были увешаны портретами сомнительной художественной ценности, но несомненно почтенного возраста. Заканчивалась галерея обитой железом дубовой дверью. Как бы между прочим я подергала ручку:

— Надо же! На замке! Куда ведет эта дверь, милорд? В подземелья пыток, где с потолочных крюков свисают скелеты несчастных узников?

Граф Ливерпуль шутки не понял. Пока он ошарашенно хватал ртом воздух, лорд Сент-Джон расхохотался:

— Какая прелесть, миссис Эмерсон! Боюсь, вы будете разочарованы. Кроме пауков, крыс и летучих мышей...

— Вот уж кого я не боюсь, ваша светлость, так это летучих мышей. Привыкла, знаете ли. Гробницы ими буквально кишат.

— А обваливающимися потолков и гнилых половиц вы тоже не боитесь? Там ведь все рушится, верно, Нэд?

— Что? А-а-а! Ну да, точно. Не дай бог, подвернете хорошенькую ножку... Прошу прощения, профессор, вы... э-э... не возражаете...

— Нисколько, — промурлыкал профессор. — У миссис Эмерсон действительно хорошенькие ножки. Рад, что вы заметили, ваша светлость.

Я поспешила утащить своего благоверного и от двери, и от зыбкой темы.

До сих пор Эмерсон все больше помалкивал, но при виде коллекции старого графа Ливерпуля немедленно стал самим собой.

— Повесить и то мало! — первым делом заявил он, имея в виду покойного хозяина. — Ты только взгляни, Пибоди, в каком состоянии... Боже правый! Эпоха Древнего царства... все ворованное... и где только доставали...

Речь шла о массивной плите из известняка с изысканным резным бордюром, изображающим сцены охоты. Центральной фигурой была выбрана кошка с рыбой в пасти, вззирающая на зрителей горделиво-независимым взглядом. Изящное создание поражало сходством с нашей Бастет, словно обе произошли от одной матери... Да так оно, собственно, и было. Недаром наша Бастет носит имя египетской богини-кошки.

Возмутительная реплика гостя скорее развеселила, чем оскорбила его светлость.

— Старик был тем еще разбойником, — хихикнул юный граф. — Ну так ведь не он один, профессор.

Это заявление Эмерсон без ответа не оставил бы, но я его опередила. Не в наших интересах было сердить нынешнего хозяина Моулди-Мэнор.

— Его светлость прав, Эмерсон. Старый граф Ливерпуль был коллекционером, а они, как ты знаешь, ни перед чем не останавливаются. Какая прелестная вещица! Мы привезли из Египта кошку, ваша светлость, — точную копию этой!

— Правда, мэм?

— Нэд обожает кошек, — бесцветным голосом вставил лорд Сент-Джон.

— О да, о да. Милые создания. В конюшнях полно, — туманно добавил юный граф.

Ничего более достойного, чем плита с кошкой, в коллекции не нашлось, хотя Эмерсон, разумеется, устроил спектакль перед каждым экспонатом. Наконец граф указал на дверь в дальнем углу комнаты:

— Последнее пристанище мумии. Теперь там уже ничего... Хотел переделать в гостиную, когда женюсь...

Сославшись на женское любопытство, я открыла дверь:

— Занятно, занятно! Отсюда, значит, и доносились те самые стоны и прочие жуткие звуки?

Лорд Ливерпуль с хихиканьем запрокинул голову.

— Малышку оставили без места... не я, нет, я такими делами не занимаюсь... экономка... сказала, что ленится... Вот крошка и решила подзаработать на нас...

Язык у него заплетался, с лица схлынула краска, под глазами залегли черные тени. Я оглянулась на Эмерсона. Тот кивнул.

— О-ох! — выдохнула я, как только под колесами экипажа захрустела галька.

— Устала, Пибоди?

— Устала... Не физически, а морально. Ужасный дом! Атмосфера так и давит...

— Разве? А по мне, так очень даже ничего. Жилое крыло удобное, светлое, современное... Предупреждал же, Пибоди, чтобы ничего не

трогала в спальне Елизаветы. Смотри, руки испачкала какой-то жирной гадостью.

— Масло, должно быть. — Я вытерла руки о платок. — Речь не о доме, Эмерсон. Речь о самом хозяине. На него больно смотреть.

— Болезнь зашла далеко... — пробормотал Эмерсон. — Он может впадать в буйство, Пибоди.

— Не думаю.

— Не думаешь — или не желаешь поверить, потому что он так молод, болен и любит кошек?

— Любовь к животным — качество достойное, Эмерсон.

— Зависит от того, — угрюмо заметил профессор, — как именно он их любит.

Глава 12

Генри остановил экипаж перед воротами, чтобы нам не пришлось заходить в дом со двора.

— А ну брысь отсюда, мелюзга! — Эмерсон погрозил кому-то кулаком. — Шею сломаешь!

— Надеюсь, это не ко мне относится, дорогой, — пошутила я, спускаясь со ступеньки экипажа.

— Мальчишка-араб пристроился сзади между колесами. Головой же рискует!

Упоминание о маленьком оборвыше вызвало не слишком приятные воспоминания.

— Пойдем-ка побыстрее в дом, Эмерсон. Интересно, чем занят Рамсес?

— Это не Рамсес. Откуда ему взяться?

— Я не сказала, что это Рамсес. Просто хочу узнать, чем занят наш сын.

Гаргори так распирало от новостей, что он едва дождался, пока мы снимем плащи.

— Вас спрашивали, мадам... сэр. Журналист заходил два раза.

— О'Коннелл?

— Кажется, так, мадам! — задрал нос дворецкий. — Переживал... сказал, что зайдет позже.

— Если он рассчитывает на мою благодарность... — взревел Эмерсон.

— Вряд ли, О'Коннелл не так глуп. Кто-нибудь еще, Гаргори?

— Юный джентльмен из музея, мадам. Тот самый мистер Уилсон. Вот его визитная карточка. Он также обещал зайти позже. Затем посыльный доставил письмо. Должно быть, что-то важное.

У меня екнуло сердце. Айша обещала, что я узнаю ее посыльного. А меня как раз и не оказалось... Что ж, проверить не сложно. Эмерсон дышал мне в затылок, пока я открывала конверт из дорогой бумаги с моим именем, выписанным изящным — явно женским — почерком.

Внутри оказалось приглашение на чай от подруги Эвелины.

— Проклятье! — вырвалось у меня.

— Ждала чего-то другого? — учтиво поинтересовался Эмерсон.

— Э-э... нет, конечно. Любопытно, с чем приходил мистер О'Коннелл?

Оказывается, Гаргори выложил еще не все новости.

— Вас тоже спрашивали, профессор.

— Кто?

— Не назвался. Очень разозлился, профессор, что вас не застал.

Разозлился. Мужской род. И что это значит? Айша могла послать слугу...

— Неужели? — фальшиво изумился этот притворщик. — Что за тип, Гаргори?

— Тип невоспитанный и грубый, сэр, — без запинки выдал характеристику дворецкий. — Иностранец. Говорит с сильным акцентом.

Не сдержавшись, я тихо ахнула.

— С каким акцентом, Гаргори? — продолжал допытываться Эмерсон.

— Не могу знать, сэр. Но на голове тюрбан. Индиец, должно быть.

— У нас есть индийцы среди знакомых, Пибоди?

— Не думаю. Но есть египтяне, которые тоже имеют обыкновение носить тюрбаны.

— Обещал зайти позже, — добавил Гаргори.

Эмерсон хмыкнул:

— От визитеров, похоже, отбоя не будет, Пибоди. Чтоб им... Поторопись, если хочешь проведать Рамсеса.

— Самое время пить чай. — Я сверилась с часами. — Прикажете накрывать на стол, Гаргори, и позовите детей.

Эмерсон поднялся в спальню — не терпелось избавиться от ненавистного фрака. Я же сразу прошла в гостиную. Дети явились, когда я уже просмотрела вечернюю почту.

— Странно, что от вашей мамы до сих пор ничего нет, Перси. Ты не знаешь адреса больницы?

— Нет, тетя Амелия. Где-то в Баварии, — сообщил мой услужливый племянник.

— Понятно. Рамсес, ты не пересядешь подальше? Ага! Поздравляю. Сегодня ты хотя бы умылся. Но от запаха деваться

некуда. Что за эксперименты...

— Обычные, мамочка.

— Гадкий, — выдохнула Виолетта.

В дверях гостиной возник Гаргори:

— Мистер О'Коннор, мадам!

— О'Коннелл, — поправила я, прекрасно понимая, что дворецкий ошибся намеренно. — Просите. А потом поднимитесь к профессору. Пусть поспешит.

Ирландец, как обычно, влетел на всех парах, судорожно засовывая в карман кепку.

— Что на этот раз, Кевин? Убийство? Арест еще одного невинного?

— Очень надеюсь, что нет, миссис Амелия. — Репортер с любопытством уставился на детей.

— Присаживайтесь. Нет, Виолетта! На сегодня булочек достаточно. И нечего дуться, не то тетя Амелия посадит тебя на хлеб и воду. Иди на диван, поиграй с куклой.

— Не буду... — заныла Виолетта.

Перси погладил желтые локоны маленькой плаксы.

— А хочешь, я с тобой поиграю? Пойдем... — Он усадил сестру на диван.

— Приятно посмотреть, — отметил Кевин. — Совсем юный, а уже джентльмен. Ну а вы как, молодой человек? — обратился он к нашему сыну. — Оправились после вчерашнего?

Из опасения, что Рамсес пустится в подробное описание каждой царапины и каждого синяка, я сама ответила на вопрос репортера:

— С ним все в порядке. Рана Эмерсона тоже оказалась не слишком серьезной. Он вот-вот... В чем дело, Гаргори? Где профессор?

Дворецкий, не привыкший скрывать своих чувств, взволнованно выпалил:

— Уехал, мадам!!! Вместе с тем самым индийцем!

— Что?!! — Я подпрыгнула в кресле. — Вот так, без единого слова, без объяснений...

— Сказал только, что вернется поздно и чтобы не волновались. Но я волнуюсь, мадам!

— Видели, в какую сторону они направились?

— Индийца ждал экипаж, мадам. Элегантный, запряженный парой серых в яблоках. В целом Лондоне не найдется лошадей красивее, мадам!

— А на дверцах не было герба... примет каких-нибудь не было, Гаргори?!

— Нет, мадам. Обычный черный экипаж. Надраенный до блеска, мадам. Поехал в сторону Пэлл-Мэлл.

— Это нам ничего не дает... По Пэлл-Мэлл можно добраться до Гайд-парка и Парк-лейн... И еще в сотни уголков Лондона.

— Прошу прощения, мадам. Они уехали так быстро, что я не успел послать Генри проследить... Предложил профессору взять с собой Боба, но он только рассмеялся... очень странно рассмеялся, мадам... и сказал, что лакеев не приглашали. И выглядел он... тоже странно, мадам.

— Напуганным?

— Что вы, мадам!

— Ну разумеется, нет. Рассерженным?

— М-м... э-э...

— Вы сказали, он смеялся.

— Да, мадам, но очень странно.

— О господи! Идите, Гаргори! Толку от вас... Прошу прощения, не хотела вас обидеть. Понимаю, вы сделали все, что было в ваших силах. Не волнуйтесь. Профессор знает, что делает.

— Благодарю, мадам, — горестно отозвался дворецкий.

После его ухода я обратилась к сыну:

— Если что-нибудь знаешь — выкладывай немедленно!

— Вынужден тебя огорчить, мамочка. Я в полном неведении, что тем более прискорбно...

— Только без разглаговольствований, Рамсес. Я тебе верю.

— А в чем, собственно, дело, миссис Амелия? — округлил голубые глаза ирландец.

Боже милостивый! Я о нем и забыла. Неприлично со стороны хозяйки, но кто бы на моем месте выдержал?!

— Не обращайтесь внимания, Кевин. Так, домашние проблемы... которые отвлекли нас от разговора. Так о чем вы хотели сообщить?

Ирландец прокашлялся; забросил ногу на ногу; спохватившись, опустил ногу; снова прокашлялся.

— Я тут проходил мимо...

— Три раза за день? Силы небесные, что это с вами, Кевин? Вы не тушевались так даже в Кенте, после того как взяли наш дом приступом и сбили с ног старика дворецкого! Ну же, говорите!

— Может, я зря вас потревожил...

— Прекратите мямлить. Сама разберусь, зря или нет.

— В общем... Вы о мисс Минтон ничего не знаете?

— Полагаю, она все еще гостит у бабушки. — Занятно. С чего бы вдруг такой интерес? Профессиональные проблемы?

Кевин с размаху опустил кулак на колено:

— Нет ее там, миссис Амелия! Она уже неделю как пропала!

— Невероятно. А вы откуда это знаете?

— Один приятель... человек... э-э... друг ей написал. Письмо вернулось с пометкой, что мисс Минтон в Лондоне по такому-то адресу. Адрес вы знаете, миссис Амелия. Хозяйка сказала, что не видела девушку с пятницы.

Дверь снова открылась.

— К вам мистер Уилсон, мадам!

— Какого... Этот что здесь делает?! — возмутился О'Коннелл.

— Может, с визитом приехал? Такое случается, знаете ли. Добрый день, мистер Уилсон, рада вас видеть. С мистером О'Коннеллом вы, полагаю, знакомы.

Юный Уилсон небрежно кивнул Кевину. Ирландец ответить не соизволил.

— Заехал поинтересоваться вашим здоровьем, миссис Эмерсон, — объяснил наш коллега. — И здоровьем профессора, разумеется. Мне рассказали о его вчерашнем ранении.

— Очень мило с вашей стороны. Сама я, как видите, невредима. Профессор... профессор чувствует себя гораздо лучше. Я что-то вас вчера не заметила, мистер Уилсон.

— А я был... так сказать, на задворках, — улыбнулся юноша.

— Очень жаль. Многое пропустили. Откинув со лба прядь волос, Уилсон продемонстрировал багровую ссадину:

— Не совсем. Столкнулся со «жрецом»... точнее, с одним из них. И вот результат.

Я поахала, как положено в подобных случаях, выразила сожаление и т.д. О'Коннелл, чье судорожное дерганье достигло уровня

эпилептического припадка, выпрыгнул из кресла.

— Пойду, пожалуй, — протянул он, бравирюя ирландским акцентом. — Волка ноги кормят. Желаю вам удачи, миссис Амелия.

— Нет уж, будьте любезны сесть, Кевин. Думаете, я про вас забыла? Ошибаетесь. Задайте-ка лучше мистеру Уилсону тот самый вопрос, с которым вы пришли ко мне. Он ведь добрый друг мисс Минтон...

— А что с мисс Минтон? — насторожился юноша.

— Она исчезла. По крайней мере, как утверждает мистер О'Коннелл, никто ее не видел с пятницы.

— Но она же гостит у своей бабушки, вдовствующей герцогини!

Хладнокровный ответ Уилсона взбесил репортера.

— Нет ее там, и точка! И близко не было!

— А вам не приходило в голову, — ледяным тоном процедил Уилсон, — что мисс Минтон не желает общаться с кем попало? Состоятельная молодая леди...

— Да ты еще больший идиот, чем кажешься! — взвыл О'Коннелл. — Какая там состоятельная! У нее ни пенни за душой. Бабуля-то питается воздухом и родовой спесью! Морковку в саду выращивает!

Уилсон, похоже, был изумлен не меньше моего. Длинное лицо вытянулось еще сильнее, глаза округлились.

— Не может... не может этого быть! — прохрипел он. — Мисс Минтон... она же получила место в «Миррор»...

— "Получила"! — ехидно передразнил ирландец. — Добилась собственным талантом, дубина ты стоеросовая. — Казалось, он был готов наброситься на Уилсона с кулаками, но я-то знала, что это выплескивается гнев на самого себя. — Может, старушка и замолвила словечко. Связи-то остались, но... но... Ах, черт! Чтоб у меня язык отсох, и точка! Крошка зарабатывает на хлеб насущный... как и я... бедна как церковная мышь... куда ей податься... ни друзей, ни денег...

Он резко отвернулся.

Белый как стена Уилсон кусал дрожащие губы.

— Но... если это правда...

— Правда, не сомневайся, — бросил через плечо Кевин.

— Но... если мистер О'Коннелл прав... тогда... Господи, что же с ней случилось? В Лондоне...

Само собой, я не пропустила ни слова из этого любопытнейшего диалога, бедный Эмерсон! Сначала аристократия вмешалась в дело, теперь еще и «распроклятая романтика»...

Бедный Эмерсон?... Если он там... одним словом, *там*... этот день *бедный Эмерсон* и на смертном одре будет вспоминать!

Однако сейчас не время предаваться мечтам о мести. Прежде нужно решить нашу небольшую проблему. Молодые люди изнывали от беспокойства, и продлевать их муки с моей стороны было бы бесчеловечно.

— Думаю, я знаю, где можно найти мисс Минтон.

Кевин резко обернулся. Уилсон взвился из кресла.

— Где? Что? Почему?... — хором завопили соперники.

— Повторяю. *Думаю*, что знаю. Если я права, а я редко ошибаюсь, беспокоиться не о чем. Во всяком случае, вам, джентльмены. Что же касается самой мисс Минтон... Вот что. Отправляйтесь-ка по своим делам и предоставьте мне...

Избавиться от них оказалось не так просто, но я непреклонно отмела все вопросы и мольбы.

— Ни один из вас не имеет права требовать, чтобы я раскрыла чужую тайну, поэтому отвечать я отказываюсь. Но обещаю сообщить вам, если мое предположение подтвердится. Договорились? Чем скорее вы уйдете, тем лучше для... мисс Минтон.

До двери я их довела, однако не дальше. Но в любом случае — разошлись ли джентльмены или остались нести вахту у ворот — свободу действий я получила.

В прихожей ко мне присоединился Рамсес.

— Почему-то мне кажется, что ты разделяешь мои подозрения, Рамсес.

— Не совсем, мамочка. Я не подозреваю, я убежден.

— Понятно. Уж и не знаю, поздравить тебя с тем, что ты наконец научился держать язык за зубами, или же наказать... за то же самое.

— Я только вчера узнал, мамочка. Она старалась не попадаться на глаза, изменила внешность...

— И превратилась в одну из тех, кого мы привыкли не замечать. Папа твой, конечно, исключение... но не умеет делать выводов. Помнишь, как долго мисс Дебенхэм водила его за нос?

Дворецкий, топтавшийся в сторонке с изумленно разинутым ртом, не утерпел:

— Позвольте спросить, мадам...

— Позже, Гаргори. Дети в гостиной. Будьте любезны, попросите их вернуться в свои комнаты. Виолетта, думаю, уже подчистила на столе все съестное.

Горничную я нашла в нашей спальне. Сидя на корточках, она разжигала камин, услышав же, что дверь открылась, быстро подхватила корзинку с углем, промычала что-то невразумительно-учтивое и бочком засеменила к двери. Так и не подняв головы.

— Игра окончена, мисс Минтон! — объявила я ей в спину. — Поставьте эту чер... вашу корзину и будьте любезны посмотреть мне в глаза.

Рука с корзинкой дрогнула, несколько угольков выпало на ковер. Девушка нагнулась за ними.

— Оставьте! Вот что я вам скажу. Репортеры с нами немало фокусов выкидывали, но ни один... ни один, включая и мистера О'Коннелла, а этот тактом не отличается, не позволил себе такой возмутительной, безобразной, хамской выходки! Мое объявление о найме прислуги вы даже до редакции не донесли, верно?

Мисс Минтон медленно выпрямилась. Черное платье, белый фартучек с накрахмаленными оборочками, аккуратный чепчик... Классическая горничная, глаз радуется! Но как я ее сразу не узнала — просто выше моего разумения. Она ничего не сделала со своим лицом, но облик изменился разительно. Опущенные долу глаза, скромно поджатые губки — и вот уже перед вами совсем другой человек. Человек низшего класса, до которого, увы, так называемому «светскому обществу» нет никакого дела.

Произошедшая на моих глазах метаморфоза ошеломляла. Мисс Минтон расправила плечи и подняла голову. Как ни пыталась она выглядеть пристыженной, коварный блеск глаз и упрямо вздернутый подбородок выдавали ее с головой.

— Ну и слава богу, что раскусили! — заявила нахальная девица. — Сил моих больше не было терпеть. Можете гордиться экономкой, мэ. Глаз не спускает со своих подопечных, шагу не дает ступить!

— Нет, вы только подумайте! — воскликнула я. — Какова наглость! Ни слова извинения... сожаления...

— Извиняюсь. Не могу сказать, что сожалею, хотя радости мало. Я тут надрывалась — днем на вас работала, ночью статьи писала, а вся слава доставалась моим коллегам.

— Ага. Выходит, появление полиции в опиумном притоне в тот самый вечер не было случайностью? И пресса заявила тоже не...

— Это мой триумф! — гордо отозвалась нахалка. — Гаргори от беспокойства проболтался, а я приняла меры. Наврала, что голова болит, попросилась подышать воздухом... а у ворот какой-то мальчишка-араб болтался, я ему и сунула записку.

— И что скажет Эмерсон...

Улыбка мисс Минтон погасла.

— Боже! — прижав руки к груди, прошептала она. — А нельзя не говорить профессору?

— С какой стати? Брак без откровенности между супругами, мисс Минтон... Впрочем, сейчас не время для лекций. Должна признаться, мне неприятно, что его мнение беспокоит вас больше, чем мое. Эмерсон, конечно, производит впечатление на...

— Не в этом дело! — Девушка заалела, но взгляда не отвела. — Я столько всего увидела... услышала... Такое взаимопонимание... такое единство... два человека как один... Теперь я знаю, каким может быть мужчина. Каким он должен быть! Его юмор, его доброта, его сила и нежная забота...

Ее счастье... и *мое* счастье, что ей не открылась другая сторона наших отношений. Что же до всего остального... Доброта и нежная забота — это, конечно, хорошо, но мисс Минтон, уверена, не настолько слепа, чтобы остаться равнодушной к пронзительной синеве его глаз, густой шевелюре цвета воронова крыла, великолепному торсу...

Журналистка опомнилась первой:

— Я немедленно уйду, мадам. Уведомить вас за полчаса — это не слишком...

— Не трудитесь. Вы не сами уходите. Вас увольняют. Без рекомендации, заметьте. Полчаса или час, юная леди, — мне все равно. Главное — вон из моего дома.

— Слушаюсь, мадам, — по слогам процедила мисс Минтон.

— Секундочку! — В мыслях об Эмерсоне я едва не совершила непростительную, бесчеловечную оплошность. Как можно было забыть разговор с Кевином? Он ведь сказал, что у девушки за душой ни пенни. Возможно, и до дому доехать не на что... — Я передумала. Останетесь до утра. В роли горничной, разумеется. Завтра можете идти куда глаза глядят. Если только... если только вы не позволите одному из ваших поклонников позаботиться о вас.

— Поклонников? — Мисс Минтон оглянулась уже от двери. — У меня нет никаких...

— Положим, я выразилась неудачно. Тем не менее два молодых джентльмена мечутся на улице в ожидании известий о вас. Я обещала подтвердить, что вы в безопасности. Какая жестокость! Какое бездумное равнодушие к друзьям...

— Нет у меня друзей! — в ярости отрезала мисс Минтон. — Одни соперники! И заботиться обо мне некому! На свете нет ни одного мужчины, которому я это позволила бы.

Один-то все же есть, дорогая. Ты можешь обмануть себя, но не меня.

— Поступайте как знаете, юная леди.

— Уйду, как только рассветет, мадам. С вашего позволения, мадам. — Безо всякого позволения она дернула за ручку и захлопнула за собой дверь с таким треском, что, окажись поблизости миссис Уотсон, до рассвета нашей горничной в доме не дожить.

Еще несколько минут после ее ухода я позволила себе потратить на раздумья. События последнего часа развивались с такой скоростью, что даже мой острый ум отказывался их воспринимать. А значит, нужно срочно привести мысли в порядок.

С молодыми людьми все понятно. Увлечение мистера Уилсона мне бросилось в глаза еще при нашем знакомстве. О'Коннелл... С О'Коннеллом сложнее. Я-то считала, что им движет исключительно профессиональная ревность. Ан нет... С другой стороны, он и сам наверняка не отдавал себе отчета в нежных чувствах к мисс Минтон, пока она не пропала. А раз так — мне не в чем себя винить. Как я могла догадаться о романтической привязанности, если она еще не проявилась?

Неожиданная симпатия юной леди к Эмерсону вполне понятна и беспокойств вызывать не должна. Он не отвечал ей взаимностью, не

подогревал ее страсть и, уверена, не станет этого делать.

Эмерсон... Вот загадка из загадок. Кто этот его странный визитер в тюрбане? Чья просьба... или угроза могла заставить моего любимого сорваться с места и исчезнуть, не сказав ни слова *мне*?!

Бессмысленно выстраивать теории, не имея фактов. Остается только ждать его возвращения. А если не вернется? Если меня ждут долгие часы неизвестности? Ну что ж, сидеть сложа руки я не буду.

А пока нужно закончить начатое дело. Джентльмены наверняка не находят себе места. Раз уж обещала... будь добра соответствовать, Амелия Пибоди Эмерсон! Несмотря ни на какие тревоги.

Дворецкий маячил у окна прихожей.

— Рано еще, Гаргори. Профессор вряд ли вернется так быстро. Откройте дверь.

— О-о-о, мадам... — простонал Гаргори. — Вы ведь не уйдете, нет? Профессор мне не простит...

— До ворот и обратно, успокойтесь. — Молодые люди по домам не разошлись, чего и следовало ожидать. О'Коннелл носился туда-сюда по улице, а мистер Уилсон застыл в неподвижности, не сводя глаз с дома.

— Умоляю, мадам...

— Ну-ну, Гаргори. — Я потрепала дворецкого по руке. — Если хотите, можете постоять на крыльце и посмотреть. Я скажу пару слов этим джентльменам и вернусь.

На улицу выходить не пришлось. Заметив меня, оба ринулись к воротам, где все мы и встретились.

— Предположение оказалось верным, — сообщила я умирающим от тревоги молодым людям. — Мисс Минтон в полной безопасности.

— Это правда, миссис Амелия? — выдохнул Кевин.

— Честное слово, мистер О'Коннелл. Я когда-нибудь вас обманывала?

Плутовская улыбка мелькнула на губах ирландца.

— Как бы то ни было, на этот раз я вам верю.

— Но где же она? — вставил мистер Уилсон. — Мне нужно с ней поговорить, убедиться...

— Странно видеть вас в таком состоянии, мистер Уилсон. — И впрямь, наш юный коллега был сам не свой. Забыл снять шляпу,

съехавшую на ухо, дико вращал глазами и буквально повис на прутьях ограды, уродуя свои элегантные серые перчатки.

— Прошу прощения, — пробормотал он. — Поверьте, я не сомневаюсь в данном вами слове.

— Надеюсь. Завтра мисс Минтон вернется к себе. Завтра и увидите. А теперь отправляйтесь по домам, выспитесь хорошенько и забудьте о своих тревогах. Мисс Минтон ничто не угрожает.

О'Коннелл тут же развернулся и зашагал прочь, не вынимая рук из карманов.

— Кепку наденьте, Кевин! — крикнула я вдогонку. — Вечером сыро!

Не оборачиваясь и не замедляя шага, ирландец вскинул руку в немом и довольно неучтивом прощании. Мой совет он проигнорировал. Мистер Уилсон отнял у меня еще минут десять изъяснениями благодарности и расспросами — безрезультатными, конечно.

Наконец и этот воздыхатель нашей горничной удалился восвояси, а я еще помедлила у ворот. Нет, призрачных надежд на быстрое возвращение Эмерсона я не питала, но воздух был так приятно прохладен, и густая зелень во дворе навевала воспоминания о любимом кентском поместье... А дома... что меня могло ждать дома? Одиночество... В лучшем случае — компания одуревшего от беспокойства Гаргори.

Ветки кустарника у самой ограды неожиданно качнулись. Ветра не было. На таком же кусте по другую сторону ворот серые от лондонской копоти листочки даже не шелохнулись. Что-то призрачно-белое, точно гигантский паук, раздвинуло ветви. Наружу вынырнуло... нет, не паук... неестественно худая рука... кисть, обтянутая сухой, почти прозрачной кожей. Я взяла сложенный листок из скрюченных узловатых пальцев. Рука исчезла... легкий шорох травы... видение пропало, как будто ушло под землю.

Посланец как раз в духе Айши. Загадочная леди недаром сказала, что я узнаю ее гонца.

Гаргори, похоже, ничего не увидел, иначе бросился бы ко мне с криком «Полиция!». Сунув послание в карман широкой юбки, я как ни в чем не бывало вернулась в дом и сразу же уединилась в библиотеке.

Листок был сложен вдвое, но не запечатан; снаружи ничего, внутри лишь одна строчка корявых иероглифов.

От волнения у меня все плыло перед глазами, и прошло несколько секунд, прежде чем я смогла рассмотреть причудливый набор пиктограмм. На расшифровку ушло куда больше времени. Казалось, автор послания лишь отдаленно знаком с изящным письмом древних египтян. Не только почерк, но и орфография (как ни странно это звучит по отношению к безбуквенному письму) привели бы в ужас любого египтолога.

Итак, обелиск... с этим все понятно, другого в Лондоне нет. Время... ни один египтянин не назвал бы полночь «серединой ночи»... Пиктограмма пары бегущих ног может означать только движение. Остался еще один значок. Просто палочка — вроде тех, что рисуют дети, постигая азы правописания.

«Приходи одна»? Не слишком оригинально, нужно сказать. Авторы анонимных писем, как правило, именно так и заканчивают свои послания... если хотят заманить человека в ловушку. Встреча в полночь на набережной с женщиной, которой не за что меня любить... Не западня ли? Я решила появиться у Иглы Клеопатры в половине двенадцатого, тем самым обеспечив себе хотя бы некоторое преимущество.

Тоскливый это был вечер, читатель. Один из самых тоскливых в моей полной приключений жизни. Я поужинала в одиночестве, если можно назвать ужином лихорадочную смену блюд. Вне себя от беспокойства, Гаргори метал на стол тарелки и уносил их с бешеной скоростью, а потом застыл на посту у окна прихожей. К возвращению профессора, полагаю, нам придется менять шторы, испорченные вконец издерганным Гаргори.

При всем желании, я вряд ли смогу перечислить все разумные, более-менее приемлемые и совершенно дикие теории, что мелькали в голове, пока я бродила по спальне в ожидании ночи. Сначала подумала, что таинственное randevu — не более чем ловушка, из которой мне не выбраться. Мгновение спустя утешилась надеждой, что Айша в конце концов хочет назвать имя преступника. Затем вообразила, что Айша удерживает Эмерсона против его воли, заманив моего мужа мольбой о помощи и посулами... да мало ли что может

пообещать мужчине *такая* дама! В этом случае она потребует выкуп. Господи! Какое это было бы счастье!

Лет приблизительно через пятьдесят после ужина (честное слово, я бы поклялась, что прошло не меньше полстолетия!) мои раздумья и терзания были прерваны осторожным стуком в дверь.

— Кто?

— Это я, мамочка. Можно войти?

Давно пора было уложить сына, поцеловать на ночь, а потом еще раз заглянуть в спальню и убедиться, что он по-прежнему в постели.

— Да, Рамсес. Я уже собиралась идти к тебе. От папы никаких известий, но я уверена, что волноваться не о чем.

Наше чадо, уже в ночной рубашке и босоногое (шлепанцы Рамсес не признает), как обычно, в такие минуты вызывало умиление и абсолютно ложное впечатление *нормальности*.

— Я хотел пожелать тебе спокойной ночи, мамочка, и узнать...

— Так я и думала. Пожелай и быстренько в кровать. Уже поздно.

— Хорошо, мамочка. — Рамсес приложился к моей щеке, подставил свою для поцелуя и тут же вывернулся из объятий. — Я хотел узнать...

— Папы все еще нет, Рамсес, ты разве не понял? Как вернется, поднимется к тебе.

— Да, мамочка. Длительное отсутствие папочки рождает во мне глубочайшую тревогу...

— Не сомневаюсь. Что еще?

— Я хотел узнать, мамочка, не выдашь ли ты мне небольшую сумму в счет карманных денег будущего месяца?

Решение Эмерсона выдавать сыну карманные деньги сразу на месяц я в свое время не одобрила, но позже смирилась, признав некоторую справедливость аргумента мужа: «Должен же парень учиться рассчитывать бюджет».

— Что? Уже все потратил? А где же те двенадцать с половиной шиллингов, которые ты намеревался отдать за велосипед мисс Хелен? А где те деньги, которые папа...

— У меня были непредвиденные расходы, — объяснил Рамсес.

— Понятно. Все на твои опыты уходит. Ладно, возьми сколько нужно из кошелька. На камине.

— Благодарю, мамочка. Трудно выразить словами, как я ценю твое...

— Ладно, сынок, ладно.

За Рамсесом закрылась дверь, и я вздохнула с облегчением. Перед свиданием с опасностью всегда лучше побыть в одиночестве.

Итак... Пожалуй, пора собираться. Подготовка не заняла много времени. Костюм, удобство которого я не раз оценила в Египте, у меня всегда под рукой — просторные твидовые штаны до колена, высокие ботинки на шнуровке и плотная рубашка мужского покроя. Очень кстати пришелся и недавно заказанный специальный корсет. Осталось застегнуть пряжку любимого «боевого» пояса, и я во всеоружии. Жаль, конечно, что нет пистолета, который я оставила у Абдуллы, согласившись с Эмерсоном, что в Англии нам пистолеты ни к чему. Ха! Твое счастье, дорогой, что тебя здесь нет. Сказала бы я...

Вы не поверите, читатель! В дверном проеме, словно вызванный силой моих мыслей, материализовался Эмерсон!

— Боже, боже! — Перелетев через комнату, я повисла на шее у мужа. — Боже, боже, боже!

Кажется, вечность прошла, а я все еще твердила свое «боже», словно других слов в нашем языке нет. Твердила до тех пор, пока Эмерсон не подал голос.

— Какой горячий прием! — Чуть отстранившись, он вопросительно склонил голову набок. — Ценю, конечно, но... с чего бы это? Что-то случилось?

— Ах ты... — Оттолкнув мужа, я отпрыгнула на середину комнаты. Эмерсон налетел спиной на дверь и расплылся в ухмылке. Нет, каково! Он еще смеет ухмыляться! — Нет, каково! Ты еще смеешь ухмыляться! Удрал из дома без предупреждения и как в воду канул! Столько часов — ни слуху ни духу! На ужин не явился! Я тут умираю от страха...

— Вон оно что! — Эмерсон с прищуром следил, как я вышагиваю перед ним, потрясая кулаками. — А сама-то ты куда собралась, дорогая моя Пибоди? Не в постель же — при полном-то параде и вооруженная до зубов, а?

Я застыла как вкопанная. Черт! Очень по-мужски, ничего не скажешь! Исчезнуть на полдня, чтобы возникнуть в самый

неподходящий момент и помешать моим планам! Еще каких-нибудь пять минут — меня бы и след простыл...

— За тобой, — буркнула я.

Поверит или нет?

— Дорогая... — Эмерсон шагнул вперед, его руки сошлись вокруг моей талии... Ну что за ирония судьбы! Ни о чем я так не мечтала, как об этом родном, крепком объятии... и вот на тебе! Предательский шорох спрятанного в кармане листка все испортил. Я и глазом моргнуть не успела, а записка уже оказалась у мужа.

— От кого это, Амелия? — пугающе спокойным тоном поинтересовался Эмерсон.

— А ты сам не знаешь?

— Знал бы — не спрашивал, Амелия. Среди моих знакомых нет никого, кто писал бы на таком безобразном арабском. — Если не считать нервного тика на щеке и бешено пульсирующей жилки на шее, ничто не выдавало его ярости. Я отвернулась. Не тут-то было. Безжалостные пальцы вцепились мне в плечи и крутанули обратно. — За мной, говоришь, собралась? Не ври, Амелия! Отвечай! Куда тебя черти понесли среди ночи?!

— А то не догадываешься! Я бы все равно туда отправилась! К счастью, она меня опередила.

— Она? — Разжав пальцы, Эмерсон уставился на меня чуть ли не с благоговением. — Как ты узнала...

— Я же видела, как ты входил к ней в дом, Эмерсон! Причем дважды. Думаешь, меня обманули твоя дурацкая борода и корзина с рыбой?

— С рыбой?... — Он захлопал глазами. — С рыбой... С рыбой!!! — Дошло наконец! — Так ты об Айше? Это от нее записка?

Ничего себе!

— Хочешь сказать, у тебя таких много? — взвыла я.

Эмерсон словно оглох. Заметался по комнате, качая головой и приговаривая себе под нос:

— Значит, она передумала... Хочет поговорить... В полночь? Банально... Амелия! Надеюсь, ты не попала на удочку? Нужно быть идиоткой, чтобы принять это оригинальное приглашение. Хотя... Что это я... Ясное дело, ты собралась на встречу...

— Собралась. И пойду. Немедленно!

— Это ловушка, Амелия!

— Откуда тебе знать? Ни ты, ни я в этом не уверены. А если и ловушка, мне тем более нужно отправляться сию же секунду. Стратегическое преимущество...

— Обойдусь без лекций! Дьявольщина!

— Прекрати ругаться!

— Прошу прощения, Пибоди. — Эмерсон вцепился в подбородок. — Насчет преимущества она права... И что же делать? Нипочем не остановить... Впрочем...

Не отрывая пальца от ямочки на подбородке, он обозрел меня с головы до ног. Я попятилась к двери.

— Только посмей меня тронуть — век будешь жалеть!

— Сам знаю, Пибоди, — со вздохом отозвался мой благоверный. — Пожалуй, нам пора. Вперед, Пибоди.

— Секундочку. Что она для тебя значит, Эмерсон? Когда ты познакомился с этой женщиной? И когда виделся...

— С какой такой женщиной? — ухмыльнулся Эмерсон. — Ладно-ладно, не злись. Некогда, дорогая моя Пибоди. Честное слово, все расскажу... если, конечно, мы с тобой переживем очередное приключение, что в данный момент мне лично кажется сомнительным. Гаргори возьмем?... Понял. Ты да я, как в старые добрые времена, верно?

Ну как после таких слов отвергнуть протянутую загорелую, сильную руку?

* * *

Даже полкроны, которые Эмерсон посулил кучеру, если тот как можно быстрее домчит нас до моста Ватерлоо, не помогли. Мы приехали позже, чем мне бы хотелось из соображений, как вы помните, стратегического преимущества. Наотрез отказавшись от сопровождения, я оставила мужа на углу Савой-стрит, откуда проще всего добраться до места встречи.

— Зонтик прихватила, Пибоди? — только и спросил любимый, на миг прижав меня к груди. — Удачи.

Я набросила капюшон на голову, поплотнее запахнула длинный плащ и зашаркала походкой столетней старухи, вместо трости тяжело опираясь на зонтик. Набережная была пуста. Слева масляно поблескивала водная рябь Темзы, а впереди чернеющее небо пронзала игла величественного в своей простотеobelиска.

Когда мы распрощались с Эмерсоном, до назначенного времени оставалось еще полчаса. Мой путь занял минут десять, не больше. Приблизившись к памятнику, я выбрала самый темный и самый удобный наблюдательный пункт у подножия иглы, куда не доставал свет от газового фонаря, и приготовилась ждать. Мне не удалось даже собраться с мыслями.

— Ш-ш-ш!

Вздрагнув от неожиданности, я оглянулась на свистящий шорох. Закутанная в черное фигура неслышно выступила из темноты.

— Добрый вечер, мадам...

Фигура резко выбросила руку; горячая ладонь накрыла мои губы.

— Молчи! И уходи немедленно, пока он не пришел!

Я отлепила от губ заметно дрожавшие тонкие пальцы Айши.

— Вы просили меня...

— Молчи! Это он меня заставил. Я надеялась, что успею тебя предупредить, потому что... Неважно. Уходи. Я думала, ты ему нужна для ритуала, но потом он нашел другую, и завтра ночью... Я сказала, что теперь не надо встречаться с Ситт Хаким, а он... Он хочет тебя убить, ситт! Иначе не заставил бы меня прийти!

Она бормотала как в бреду, то отталкивая меня, то вонзая ногти в мой плащ. Бледное лицо было так близко, что даже неизменная вуаль не могла скрыть следов страшных побоев. Бедняжка! Она поплатилась за то, что хотела защитить меня от *него*.

— Без вас не уйду. — Я нашла в темноте и сжала ее руку. — Кто он, Айша? Почему вы покрываете человека, который так жестоко обращается с вами? Назовите его имя, и больше он никогда не...

— Ты его не знаешь! Не знаешь, на что он способен. У него власть... Да ты безумна, женщина! Неужели ты не боишься смерти?

— Вы боитесь больше, Айша. И все же вы пришли сюда. Почему? Она замерла на миг, вцепившись пальцами мне в плечи.

— Он тебя любит... — прошелестело в темноте. — Из всех мужчин, которые были со мной, он один... И ты... Твои слова... Ах, что

за безумие! Уйдешь ты или нет?!

— Мы уйдем вместе. Я не оставлю вас с этим человеком.

Громадные черные глаза не отрывались от моего лица. Она согласна! В тот самый момент, когда я уже готова была взять ее за руку и увести за собой, грациозная фигурка скользнула в сторону и растворилась в темноте.

Я было бросилась следом, но здравый смысл победил. Египтянка исчезла неизвестно куда; пытаясь ее догнать, я упущу главную цель — загадочного «его», которому почему-то так не терпится меня убить. Покончив с этим негодяем, можно будет вернуться к Айше и убедить ее...

Боже правый! От пронзительного женского визга, казалось, дрогнула сама Игла Клеопатры. Айша! С зонтиком наперевес я ринулась в темноту, на крик о помощи.

— Стой, Пибоди! — Моему изумлению не было предела. Ей-богу, я и забыла о существовании Эмерсона, когда его внушительная фигура выросла передо мной словно из-под земли. — У него пистолет!

У него? Признаться, я сама еще не знала, куда, собственно, мчусь. Эмерсон ткнул в сторону деревьев, стеной высившихся справа от набережной.

Десяток-другой шагов отделял нас с мужем от человека, чье лицо было скрыто широкими полями шляпы. Черный плащ сливался с таким же черным одеянием египтянки, но зловещий металлический блеск дула, прижатого к виску женщины, я узнала сразу.

— Дьявольщина! — вырвалось у меня. — Где эта чертова полиция? Вечно их нет в самый...

Жалобный стон Айши поставил точку на моем возмущении. Убийца дал понять, какая участь ждет несчастную, если я произнесу еще хоть слово.

Эх, черт! Вместо того чтобы бросаться вперед сломя голову, нужно было подкрасться сзади и...

Еще один безумный крик разорвал тишину, слившись с грохотом пистолетного выстрела. Эмерсон поднес руку к виску...

— Что за... — недоуменно пробормотал он. И медленно опустился на землю.

Небеса этого не допустят! Эмерсон не убит, о нет! Он контужен... может быть, ранен, но не убит! Я знала одно: если оружие останется в

руках убийцы, моего любимого ждет неминуемая смерть. Египтянка отчаянно сражалась с негодяем. Взмахнув зонтиком, я ринулась в бой.

Еще выстрел! Айша раненой птицей рухнула к ногам убийцы. Черный глаз пистолета смотрел прямо мне в лицо, когда я с силой опустила зонтик на преступную руку.

Пистолет лязгнул о тротуар; одним точным движением ноги я запустила его в темноту, куда-то под деревья. Эмерсон спасен! Чего нельзя было сказать обо мне... Негодяй не упустил свой шанс. Всего лишь на долю секунды я отвлеклась на оружие, но ему и этого хватило, чтобы сомкнуть пальцы на моей шее. Силы были неравны, читатель... даже мой безотказный зонтик оказался бесполезен — я не могла размахнуться как следует... Помню, колени мои подкосились; в глазах потемнело; из груди рвался хрип...

Где же полиция, черт бы их побрал?

Полицейский свисток прозвучал в моих ушах небесной музыкой. Приоткрыв глаза, я уставилась прямо в застывшее навечно лицо Айши. Мертвая хватка больше не сжимала мое саднящее горло... негодяй исчез.

— Ах ты, дьяволенок! А ну-ка стой! Эй, Джек, обходи его слева!... А это еще что за чертовщина?!!

С трудом оторвав голову от земли, я на четвереньках подползла к Эмерсону, приложила ладонь к его груди...

Хвала Создателю! Жив! Жив!

— Пибоди... — с трудом выдавил мой ненаглядный. — Все это мне уже не нравится.

Глава 13

Ну и ночка! Стоит ли говорить, что я не сомкнула глаз, даже когда весь ужас был уже позади. Мой раненый рыцарь уснул крепким сном, не без помощи, правда, порядочной порции настойки опия, которую я, зная неугомонный профессорский нрав, тайком влила ему в чай.

До рассвета я бродила по комнате, поглядывая на любимого, прислушиваясь к его дыханию, время от времени отводя черные кудри с чуть влажной повязки на лбу... И вспоминая, вспоминая...

Айша погибла, отдав за нас жизнь... за одного из нас, по крайней мере. Эмерсон ранен, но вне опасности... И вне себя от ярости, что вновь упустил своего хитроумного противника. Я тоже жива, благодаря нашей доблестной полиции. Нужно было видеть лицо блюстителя порядка, который пустился в погоню за арабчонком-воришкой, а наткнулся на бездыханное тело, истекающего кровью раненого и леди, едва не испустившую дух!

Горло мое все еще саднило, но что значила эта боль по сравнению с душевной! Я, Амелия Пибоди Эмерсон, потерпела поражение в схватке с преступником! Ревность затуманила мне мозги. Вот что бывает, если не следовать заповедям Священного Писания, осуждающего это разрушительное чувство.

Никогда!... До конца дней никогда больше не впущу в свое сердце ревность! Прильнув губами ко лбу Эмерсона, я повторила эту клятву несколько раз.

Однако довольно сантиментов, как сказал бы мой любимый. Успокоив душу, я, кажется, вернула себе способность рассуждать здраво.

А подумать-то было над чем. Лица убийцы, который вынудил Айшу заманить меня в ловушку, я так и не увидела. Бедняжка, наверное, возбудила подозрения негодяя, и он последовал за ней... возможно, даже подслушал наш разговор.

Противник себя выдал. Это обнадеживает. Он взвинчен настолько, что решился напасть на меня. Да, но что его насторожило? Понятия не имею, чем именно я заслужила такую честь. Не исключено, правда, что моего визита к Айше оказалось достаточно, чтобы у него земля

загорелась под ногами. Нет, вряд ли. Скорее, сама не зная того, я напала на какой-то след.

Английский лорд... Айша случайно проговорила, и я посчитала это слово ключевым. А почему, собственно? Если цветистый арабский позволяет называть мужа «хозяином», то любой мало-мальски приличный представитель мужского пола для Айши мог превратиться в «лорда». К тому же она наверняка привыкла льстить мужчинам... Черт! Эдак я ни к чему не приду! Первое ощущение, как правило, и самое верное. Вот из этого и будем исходить.

В любом случае все факты за то, что фальшивый жрец и убийца Олдакра — одно и то же лицо. Остается доказать, что это либо граф Ливерпуль, либо его дьявольский наставник...

* * *

Кажется, я уснула. Нет, точно уснула... когда на минутку прилегла рядом с застонавшим во сне Эмерсоном. Первой моей мыслью, едва я открыла глаза, была мысль о муже. Эмерсон дышал глубоко и ровно, жара не было. Но что-то же меня разбудило?

— Рамсес! — позвала я. — Ты что здесь делаешь?

Из-за кровати вынырнула черноволосая головенка.

— Я старался не шуметь, мамочка. Хотел проверить, спишь ли ты...

— Уже нет, большое спасибо. Но папа, слава богу, спит, так что...

— Не сплю, — пробормотал Эмерсон.

— У тебя глаза закрыты.

— Подумаешь! — Он распахнул глаза. — Черт побери! Который час?

— Два часа десять минут, — сообщил Рамсес. — Прошу меня простить за вторжение, мамочка. Узнав от Гаргори о смертельной опасности, которой вы с папочкой подверглись этой ночью, я взял на себя смелость...

— Два часа! — взревел папочка. — Два часа дня?! Ясное дело, солнце-то светит! Ты почему меня не разбудила, Пибоди?

Никакие силы не удержали бы его в постели. Спрыгнув с кровати, Эмерсон протопал в ванную. Рамсес, поколебавшись, двинулся следом.

Он обожал наблюдать, как папочка бреется. Более того, в свое время наше чадо едва не перерезало себе горло в попытке скопировать этот увлекательный процесс, после чего ему строго-настрого запретили прикасаться к бритвенным принадлежностям.

— Так-то лучше! Ну и ночка, верно, Пибоди? — Эмерсон с наслаждением крякнул, плеснув пригоршню воды в лицо, а заодно и на повязку.

— Эмерсон, осторожнее! Теперь придется менять...

— Если не ошибаюсь, папочка, твое замечание относится к событиям этой ночи, — завел свою песню Рамсес. — Позволь поинтересоваться...

Может, папочка и позволил бы, но тут на мой звонок в спальне появилась горничная с подносом, в сопровождении еще одной горничной, с тазом горячей воды... и миссис Уотсон в качестве наблюдателя... и Гаргори — вовсе безо всякой цели.

— Как профессор?! — с порога чуть ли не завопил Гаргори.

— Отлично, отлично! — докрасна натирая щеки полотенцем, крикнул Эмерсон. — Доброе утро, дружище Гаргори. А-а! И миссис Уотсон здесь? Замечательно! Я бы не возражал против основательного завтрака, ленча или что там по времени полагается. Прошу прощения... э-э... Сюзан. — Он попятился, дав дорогу Мэри Энн с тазом.

За спиной Гаргори толпилась вся челядь, включая тех, кому вообще не положено подниматься из кухни в комнаты, — четыре лакея, кухарка и еще три горничных.

— Надеюсь, вы убедились, Гаргори... и все остальные тоже... что с профессором все в порядке. Он жив, относительно здоров и уж определенно полон энергии.

— О, миссис Эмерсон! — всхлипнула миссис Уотсон. — Простите! Не понимаю, что это с ними такое!

— Вы тут ни при чем, дорогая, — успокоила я экономку. — Мне не привыкать.

— Прошу прощения, мадам, — подал голос Гаргори.

— Да?

— Не считите за назойливость, но мы хотели бы узнать и о вашем здоровье, мадам. Вы охрипли. Не прикажете ли послать за доктором?

Ну не прелесть ли?

— Крайне признательна вам всем за заботу. А теперь, если позволите...

Не так быстро, как хотелось бы, но мне удалось развеять их сомнения и отправить всех из спальни. Впрочем, от мысли поговорить с мужем все равно пришлось отказаться. В присутствии Рамсеса, сами понимаете...

Одним словом, пока Эмерсон заканчивал туалет, а сыночек без умолку трещал, я спокойно напилась чаю. Наконец мужчины рука об руку выплыли из ванной, и мы поменялись местами. Понятия не имею, в каких словах папочка описал Рамсесу наши приключения, — из-за закрытой двери доносился приглушенный рокот, но я особенно не прислушивалась.

— Кто такая эта леди, папочка? — зазвенел голос Рамсеса, когда я, уже умытая и причесанная, вернулась в спальню. — И как случилось, что ее постигла столь печальная участь? Из твоего рассказа следует, что ты не принимал участия в завершающем этапе схватки. Однако, зная мамочку, я не сомневаюсь, что она не обратилась в бегство, чему подтверждением является ее покалеченное горло...

— Я понял, мальчик мой. — Скосив на меня глаза, Эмерсон поинтересовался: — Ты... э-э... ты что-то сказала, Пибоди?

— Нет.

— Ну еще бы! — бодренько воскликнул мой любимый, снимая Рамсеса с коленей. — Дорогая моя Пибоди! — Он подскочил с кресла и открыл объятия. — Тебе же трудно говорить! Бедная лебединая шейка! Она похожа на картину кисти Тернера! Кухарка! Где кухарка? Кажется, она предлагала чудодейственное средство...

Рамсес поскакал в ванную, приговаривая:

— Необходимо прибегнуть к большому количеству холодных примочек, чтобы предотвратить...

— Нет. — Я схватила его за руку. — Не нужно, Рамсес. Премного благодарна за заботу, но у меня хватает неприятностей и без твоих водных процедур. Иди к себе. Мама должна переодеться.

— Да, мамочка. Не позволишь ли сначала...

— Не позволю. Позже. Все вопросы позже, договорились?

Эмерсон, как обычно, предложил свою помощь. Увы, увы. Я успела лишь натянуть платье, когда вернулась экономка.

— Обед готов, мадам... профессор!

Эмерсон озабоченно уставился на часы:

— Да-да, в самом деле пора. Идем, дорогая моя Пибоди?

— Разумеется. Одна маленькая загвоздка: платье, видишь ли, не застегнуто. Не будете ли вы так любезны помочь, миссис Уотсон?

Эмерсон напустил на себя оскорбленный вид. Я притворилась, что не заметила.

Кухарка, дай ей бог здоровья, приготовила холодный обед из разнообразных закусок вроде рыбных и мясных студней и пудингов, которые не могли повредить моему «покалеченному», как выразился Рамсес, горлу. Похоже, меню и Эмерсону пришлось по душе. Он глотал все подряд, не прожевывая, то и дело косясь на часы. И при этом без остановки сыпал вопросами на самые невиннейшие темы:

— Как тебе нравится погода, дорогая моя Пибоди? Прелестная, не правда ли? Ты знаешь, что я уже заканчиваю работу над рукописью? Надеюсь, я не забыл поблагодарить тебя за твою неоценимую помощь? Что пишет крошка Эвелина? Как там Уолтер? А наши дорогие племянники Рэдди, Джонни, Вилли и малышка Амелия?

Честное слово, я снесла пытку. Даже отвечала на всю эту галиматью — пусть односложно, но отвечала. Боюсь, правда, что надолго меня бы не хватило. Продлись обед еще четверть часа — и Эмерсону не поздоровилось бы. Давать клятвы куда легче, чем их исполнять, любезный читатель... Ревность, терзавшая мою душу, не исчезла со смертью Айши. Напротив. Геройски погибшая, соперница стала еще опаснее...

— Ты такая бледненькая, дорогая моя Пибоди! — Эмерсон с тревогой заглянул мне в лицо. — Ложись-ка сразу в постель, отдохни как следует...

— А ты тем временем втихомолку улизнешь из дому?! — Смяв салфетку, я швырнула ее на пол. — Куда собрался, Эмерсон? Заказывать торжественные похороны? Нанимать скульптора, чтоб изваял ее в мраморе в натуральную величину? Торопись припасть в последний раз к ее прекрасным мертвым устам? Кто она, Эмерсон? Что она значит для тебя?!

Вцепившись в подлокотники, Эмерсон оцепенел с вытаращенными глазами и отвисшей челюстью. Реакция Гаргори была более шумной: он уронил поднос на пол, и шедевр кухарки —

великолепное трехцветное желе на десерт — добавило красок ковру в гостиной.

— О-о-о, мадам! — ахнул дворецкий.

— Сек... секундочку... У м-меня нет слов, Пибоди... — выдавил Эмерсон. — Ты решила, что я... По-твоему, мы с ней... Так вот почему... А я-то, идиот, думал, что ты шутишь!

— Шучу?! Какие могут быть шутки, когда речь идет о священном союзе?! О клятве верности перед Богом и людьми, о...

— Дьявольщина! Погоди минутку, Пибоди...

— О-о-о, мадам! — опять взвыл Гаргори, шлепая ко мне прямо по сладкому месиву из желе. — Да профессор бы никогда... Да разве ж он... Он же душой и телом вам...

— Довольно! Всему есть предел, Эмерсон! Мне крайне лестна привязанность Гаргори к нашей семье, но...

— М-да... Пожалуй... Ты уж нас прости, дружище Гаргори. И не волнуйся. Уверяю тебя, все в порядке.

Он предложил мне руку. Я ее приняла. С достоинством, размеренным шагом, мы прошествовали мимо безмолвного дворецкого. Захлопнув дверь библиотеки, Эмерсон моментально подхватил меня на руки и понес к дивану.

— Дорогая моя Пибоди, — промурлыкал он.

— Даже и не думай! — Я забарабанила кулаками по его груди. — Никакие нежности тебе не помогут.

— В самом деле? Да ты и впрямь ревнуешь, Пибоди! Как это чудесно! Я польщен, ей-богу, польщен!

— Не смей, Эмерсон. Не смей, слыши...

Вняв, хоть и не сразу, моим просьбам, Эмерсон поднял голову, усадил меня на колени, заглянул в глаза.

— Надеюсь, ты не забыла прошлую зиму в Египте, Пибоди?

Я отвела взгляд.

— Нет, конечно.

— Не стану утверждать, что у меня было больше оснований для ревности. Напомню лишь твою собственную речь, дорогая моя Пибоди: «Прожитые вместе годы и моя неизменная преданность должны были убедить тебя в том, что мне не нужен никто другой. Если этого не случилось — слова тут бессильны». Лучше не скажешь, ты согласна?

Всхлипнув, я спрятала пылающее лицо у него на груди.

— Да, дорогая, мы были знакомы с Айшей. Не просто знакомы. Мы были близки. Я впервые приехал в Египет — не археологом, а едва оперившимся птенцом, только-только выпорхнувшим из Оксфорда, наивным, как наш с тобой малыш. Стоит ли удивляться, что зеленого юнца закружил водоворот столь доступных в Каире наслаждений? К счастью, такая жизнь не для меня. Уже очень скоро я порвал с так называемыми друзьями и занялся делом. Если бы ты знала, дорогая моя Пибоди, как я презирал себя, как ненавидел весь мужской род, обрекший этих несчастных женщин на рабское существование! Прежде я не задумывался над тем, что значит быть женщиной в этом мире... Айша открыла мне глаза. Глядя на прелестную, умную, наделенную многими талантами женщину, ставшую игрушкой в мужских руках, я впервые осознал свою ответственность... Словом, я предложил ей другой путь. Она отказалась. Слишком поздно. На ней уже стояло клеймо парии, Пибоди, и она это понимала. Еще несколько раз, уже занимаясь раскопками, я заглядывал к Айше — в то время самой известной и дорогой... из этих женщин. Года через два Айша исчезла из Египта. До меня доходили слухи, что она жила в Париже с каким-то очень богатым поклонником, который не только содержал ее, но даже помог открыть свое... гм... дело. Грустная история, Пибоди... Не знаю, правда ли то, что Айша предала своего покровителя... Возможно, ее оговорили, только он вышвырнул ее вон, оставив на память чудовищный шрам, навсегда изуродовавший несчастную. По-видимому, кое-какие средства у нее остались. Айша переехала в Лондон и уже здесь продолжила свой... бизнес. Но клянусь тебе, Пибоди! Клянусь всем, что для меня дорого! Я не видел Айшу много лет, не искал с ней встреч, и сам был потрясен, когда мы столкнулись в опиумном притоне.

— Да-да... Она мне сказала то же самое. Бедная заблудшая душа...

— Пибоди... — Любимый приподнял мне подбородок и заглянул в глаза. — Ты в самом деле предложила ей переехать в деревню?

— А что? Она заслуживала лучшей... Ой, больно! Отпусти, Эмерсон, я же задохнусь!

— Ах, Пибоди, Пибоди! — Он разжал объятия. — Ты у меня — восьмое чудо света. Да разве может кто-нибудь сравниться с тобой?

— Все мы равны перед Создателем. Да, кстати! Прости меня за то, что я наговорила там, за столом, в присутствии Гаргори. Похороны, памятник... Но раз уж речь зашла... Мне кажется, это самое меньшее, что мы можем для нее сделать, Эмерсон. В конце концов, она отдала за тебя жизнь...

— Как это? Нет, я не возражаю против памятника, но при чем тут...

— Господи, ты ведь и не можешь этого знать! Ты уже был без сознания, когда...

Выслушав мой рассказ о последних минутах жизни Айши, Эмерсон долго молчал.

— Мы поставим ей самый лучший памятник, какой только... Черт побери! Ты что, не понимаешь? Она не меня спасала! Тебя, Пибоди!

— Дорогой мой...

— Со мной уже было покончено — так, по крайней мере, считала Айша. Убийца и стрелял-то, скорее всего, в тебя, но промахнулся. Ты должна была стать следующей жертвой. Она тебя спасала, Пибоди! Ты увидела в ней человека, предложила свою помощь, готова была встать на ее защиту...

— Ладно, дорогой... — Я на миг прильнула щекой к его плечу. К чему споры? Пусть остается при своем мнении. Я же навсегда сохраню в сердце память о женщине, которая спасла его жизнь ценой своей. — Можно еще вопрос? Последний?

— Последний? — Эмерсон чмокнул меня в макушку. — Верится с трудом.

— Ты говоришь, что у меня не было причин ревновать. Тогда почему ты так себя вел? Так... странно, как будто был виноват! Сам на себя не был похож! Воплощение любезности, предупредительности... тьфу! Даже не наорал на меня за рукопись...

— Ну точно, — вздохнул Эмерсон. — Восьмое чудо света. Дорогая моя Пибоди! Ты что, не видела надписи на этой распроклятой ушебти?

— Мен-маат-Ре Сет... Эмерсон! Ты тоже ревновал?

— Безумно. Отчаянно. Беспробудно, если хочешь! — провозгласил любимый, стиснув меня в объятиях с такой силой, что кости хрустнули. — А ты чего ожидала? Чтобы я сразу поверил в совпадение?... Это ведь совпадение, правда, Пибоди?

— Ну конечно. Вернее... надеюсь. Могу поклясться всем, что мне дорого...

— Не нужно. Прочь сомнения, Пибоди!

— О, дорогой мой Эмерсон!

Прошло еще немало времени, прежде чем я, отдышавшись и более-менее приведя себя в порядок, нажала на звонок.

— Рановато, конечно, но мне бы не повредил глоток виски с содовой. Присоединишься, дорогой?

— Прекрасная мысль! А потом, если не возражаешь, скрестим копыя на детективном поле. Идет? Поделимся своими догадками. Фактов-то, согласишься, более чем достаточно. Начнешь первой, дорогая моя Пибоди?

— Нет, тебе слово, дорогой мой Эмерсон.

— Я так и думал. А, вот и ты, дружище Гаргори. Не сочти за труд принести виски с содовой.

— Думаю, вы будете рады услышать, Гаргори, — добавила я, — что у нас все в порядке. Как и обещал профессор.

— Вижу, мадам! — расцвел дворецкий. — Счастлив за вас, мадам.

— А знаешь что, Пибоди... — глубокомысленно протянул Эмерсон, когда сияющий Гаргори удалился, оставив поднос с напитками, — не обменять ли нам Уилкинса на Гаргори? В этом доме Уилкинсу будет спокойнее.

— Разумно, — согласилась я. — Стоит обдумать. Не отвлекайся, дорогой.

— Ах да. — Эмерсон прошел к письменному столу, сгреб в сторону одну стопку бумаг, разметал другую. — Где же этот распроклятый... Вот он!

Взглянув на протянутый листок, я расхохоталась.

— Ой, не могу... Прости, я не над тобой смеюсь. Видишь ли, в ящике *моего* стола лежит почти такой же!

— Неудивительно. Я всегда говорил, дорогая моя Пибоди, что мы с тобой — одно целое.

— Похоже, в главном мы сходимся. О-о! Да ты даже о мусоре вокруг тела сторожа не забыл. Признаюсь, я думала, что на такую мелочь ты не обратишь внимания.

— Ха! На тебя это похоже. И какой же вывод из этой мелочи сделала ты, Пибоди?

— К сожалению, мне не удалось поговорить с мистером Баджем. Вывод будет зависеть от того, насколько усердны в музее уборщицы.

— Интересно... — вскинул брови Эмерсон. — Тут ты меня обошла. Я об этом не подумал.

— Не страшно. Ум, как говорится, хорошо... Разумеется, осколки и увядшие цветы могли валяться в зале неделями, но есть кое-какие доказательства обратного.

— Первое — мумия, — кивнул Эмерсон.

— Второе — упоминание Исиды.

— Чьи «речи мудры, а жало языка поражает цель», — с ухмылкой добавил Эмерсон.

— Именно. Наш вчерашний противник — и есть убийца Олдакра. Согласен?

— Разумеется. Он же — фальшивый жрец. Согласна?

— И да и нет, Эмерсон.

— Дьявольщина! То есть...

— Оставим пока этот вопрос, как несущественный, Эмерсон. Важнее тот факт, что убийца — тот самый человек, который прислал ушебти и напал на Рамсеса. Но кто он такой, черт по... гм. Кто из наших подозреваемых является вдохновителем... так сказать, мозгом всего преступного предприятия?

— Ну-у... — качая головой, протянул Эмерсон. — Это-то как раз очевидно!

— Неужели? И для тебя тоже? В таком случае не назовешь ли ты...

— Ты первая, Пибоди.

— Еще чего! Рано, Эмерсон, слишком рано. Недостает одной-двух улик, без которых гипотеза развалится.

— Всего лишь? Каких же именно, Пибоди?

— Вот, к примеру, вопрос, на который мне очень хочется знать ответ. — Карандаш застрочил по бумаге, и я протянула листок Эмерсону.

Что за загадочная личность в тюрбане нанесла вчера визит профессору Эмерсону, после чего вышеупомянутый профессор полдня пропал неизвестно где?

— Дьявольщина! — Скомкав листок, Эмерсон швырнул его в угол.

— Минутку! — Я подняла руку, чтобы остановить неизбежный поток проклятий. — Имей в виду, ревность тут ни при чем. Я не подозреваю тебя в неверности, но если ты скрываешь от меня улики — пеняй на себя.

— Виски подлить, Пибоди?

— Нет, мне достаточно, благодарю, дорогой.

— А я себе, если не возражаешь, плесну еще капельку, — пробурчал Эмерсон. — Послушай... Никаких улик я не скрываю. Этот человек не знает ничего такого, что представляло бы для нас интерес.

— Почему же ты не хочешь его назвать? Почему скрываешь, куда вы ездили и что делали?

— Да потому что... Я обещал, Пибоди! Клятву дал, что ни одной живой душе не скажу о нашей встрече. Не заставишь же ты меня нарушить клятву? Это в твоих силах. Одно слово...

— Нет, дорогой мой. Раз уж ты обещал... Я тебе верю — и больше не будем об этом.

Эмерсон привлек меня к себе. Мы долго стояли обнявшись, в молчании, думая каждый о своем и наслаждаясь близостью друг друга.

— Кажется... — я прислушалась к бою часов в гостиной, — уже и чай не за горами.

— Да, — со вздохом отозвался Эмерсон, — чай. И встреча с этими чертов... То есть... дети, конечно, тоже спустятся?

— Стыдно, Эмерсон!

— Знаю. Но они мне до смерти надоели, эти дети! Идея, Пибоди! У нас еще целых полчаса. Честное слово, мне легче будет пережить твою распрокля... гм... чайную церемонию, если мы поднимемся в спальню, побудем немножко наедине... Ты как, не против?

И где были, спрашивается, мои мозги? Знала ведь, чувствовала, что он что-то задумал, но после всех передряг и треволнений прошедших суток... Боюсь, я немного расслабилась.

Пока мы чинно, рука об руку, шли по коридору, я краем глаза заметила выглядывающего из-за портьеры Гаргори. Дурень сентиментальный! Расплывшись в ухмылке от уха до уха, он, кажется, готов был устроить нам овацию. А может, и устроил, когда Эмерсон подхватил меня на руки и, перепрыгивая через три ступеньки, понес наверх, в спальню.

— Эмерсон! — взмолилась я, уже оказавшись на кровати. — Дорогой, дверь! Не дай бог, кто-нибудь...

— Ах да! — опомнился любимый и метнулся через комнату к двери.

Я не видела, как он ее закрыл.

Я это *услышала*.

Даже ушат ледяной воды не охладил бы мой любовный пыл быстрее, чем скрип ключа в замке. Распахнув глаза, я подскочила на кровати.

Спальня была пуста. Из коридора донесся удаляющийся топот — Эмерсон не стал утруждать себя бегством на цыпочках. Я вмиг оказалась у двери. Заперто. Два прыжка — к окну. Вовремя.

Вовремя, чтобы увидеть улепетывающего по дорожке Эмерсона. Плащ он умудрился натянуть на ходу, а о шляпе, как обычно, забыл. За воротами этот коварный человек на секунду остановился, поднял голову, устремил взгляд на окно спальни.

Сомневаюсь, чтобы он мог меня разглядеть, — вечернее солнце стояло еще достаточно высоко, заливая фасад дома. Но Эмерсон знал, что я смотрю на него. Знал ведь наверняка, паршивец! Вскинув руку, он послал мне воздушный поцелуй — и был таков.

О черт! Представления не имею, сколько я простояла у окна, прижавшись лбом к стеклу и содрогаясь от злости.

— Мадам! — Гаргори дергал ручку двери. — Миссис Эмерсон! Вы там?

— Где ж мне еще быть, идиот! Открывайте дверь, да поскорее!

— Да, мадам. Сию минуту, мадам. Профессор так и велел. Только я не понимаю... — Дверь наконец открылась. — Не понимаю, что происходит, мадам, — продолжал лепетать дворецкий. — Профессор сказал, что замок заело. Он пошел за инструментами. Но я не понимаю, мадам... — как попугай твердил Гаргори. — Как это замок заело с этой стороны? Почему вы здесь, а профессор там?

— Вот именно — там. *Там*, Гаргори! — рывкнула я. — Полагаю, бесполезно и спрашивать, куда отправился ваш профессор?

— За инструмен... О, мадам! Он ведь не это... он что же...

— Неужели догадались? Он как раз то самое!

— Прошу прощения, мадам, — в ужасе простонал бедняга. — Может, догоним?

— Благодарю, Гаргори. Поздно. Профессора и след простыл. Вы уж простите, что я вас обозвала.

Самая большая идиотка в этом доме — это я. Не волнуйтесь. Уверена, с профессором все будет в порядке. Дайте мне несколько минут, чтобы успокоиться, и пригласите детей к чаю. Я скоро спущусь.

Истерики не было. Глаза мои были сухи. Разумеется, я не собиралась сидеть сложа руки и дожидаться возвращения Эмерсона. Еще чего! Неизвестно, куда его черти... куда он умчался, но, судя по беседе в библиотеке, в своем расследовании мы с ним шли одним путем. Как он догадался? — вот в чем вопрос. Айшу он слышать не мог, а я, само собой, не открыла ему *главного*, что узнала со слов египтянки. С другой стороны, если Эмерсон смог сделать столь важный вывод, что впервые в жизни решился *физически* убрать меня с дороги... то уж я-то, располагая всеми фактами, тем более не ошибусь!...

Однако дедукция требует времени, которого у меня сейчас не было, — снизу уже неслись детские голоса. «Чайная церемония» радовала меня не больше, чем профессора, только в отличие от Эмерсона я никогда не позволяла себе манкировать хозяйскими обязанностями. Пора было спускаться, пока Виолетта не истребила все дневные запасы сладостей.

К моему появлению барышня успела-таки умять полблюда бисквитов. Положив конец обжорству, я быстренько рассадила детей по местам.

— Как прошел день? Чем занимались?

— Гуляли в парке, тетя Амелия, — отчитался Перси. — Я ловил бабочек!

— Пончики, — простонала Виолетта. — Там продавали пончики. Горячие пончики, сладкие пончики, вкусные пон...

— Ну и как? Повезло тебе с бабочками? — обратилась я к Перси. Справляться, повезло ли его сестре с пончиками, — только утруждать себя понапрасну. Девуцу разносило буквально на глазах.

— Я очень доволен, тетя Амелия. Попались два махаона, но это так полезно — бегать с сачком по парку! Очень укрепляет здоровье.

— Рада за тебя. А ты, Рамсес? Помогал кузену?

— Трудно поверить, что ты задаешь такой вопрос, мамочка, поскольку тебе известны мои взгляды на бессмысленное уничтожение

живых существ. Позволю себе сменить тему, которая меня ни в малейшей степени не занимает.

— Если ты о папе, Рамсес, то могу ответить сразу. *Да* — папа ушел. *Нет* — я не знаю куда. Он не обязан перед нами отчитываться за свои действия.

— С точки зрения закона — не обязан, — глубокомысленно кивнул мой отпрыск. — Но существуют моральные обязательства, мамочка, и я крайне удивлен, что папочка, будучи личностью столь высоких моральных...

— Рамсес!

— Да, мамочка. Я понял.

Недолгую паузу прервал Перси:

— Могу ли я спросить вас о чем-то, тетя Амелия?

— Слушаю, Перси. О маме беспокоишься?

— Нет, тетя Амелия. Я хотел задать... теоретический, как говорит Рамсес, вопрос. Вот если, например, один человек узнал, что другой человек сделал что-то такое, чего ему делать нельзя...

М-да. А я-то еще сетую на речи Рамсеса. Наш сын по крайней мере выучил больше полусотни слов и умеет связно излагать свои мысли.

— Если этот другой человек сделал что-то плохое, — продолжал Перси. — Что-то действительно плохое. То должен ли первый человек об этом рассказать?

— Непростой вопрос, Перси. Моральные проблемы всегда трудно решать. Ответ зависит от многих обстоятельств. К примеру, связан ли «первый человек» обетом молчания? Тайна исповеди...

— Совсем не исповедь, тетя Амелия, — быстро вставил Перси.

— Серьезность провинности тоже имеет значение. Если это безобидная шалость...

— А если нет? Если другой человек сделал что-то по-настоящему плохое? Очень, очень пло...

Рамсес соскочил с дивана и вцепился брату в глотку.

Боже, что это была за сцена! До сих пор без дрожи вспомнить не могу. Мальчишки катались по полу, точно разъяренные волчата. Я бросилась их разнимать — не тут-то было. Получив хороший пинок — уж не знаю, чьим именно ботинком, — я решила на крайние меры.

Вода в чайнике чуть подостыла, но все еще была достаточно горячей, чтобы драчуны с воем разлетелись по углам гостиной.

Обозрев поле брани и пощипанных противников, я, признаться, была приятно удивлена. Едва ли не на голову ниже своего кузена, Рамсес не уступил ему ни на йоту. Похоже, папочка исполнил обещание насчет уроков бокса. Если у моего чада был всего лишь расквашен нос и руки в ссадинах, то Перси досталось — будь здоров. На лбу уже вздулась громадная шишка, губа лопнула, перекошенная физиономия посинела.

Под шумок очистив блюдо с бисквитами, Виолетта с тем же рвением обрушилась на другой объект.

— Гадкий! — верещала барышня, дубася Рамсеса кулачками по груди. — Гадкий, гадкий, гадкий!

Одной рукой притянув к себе сына, который даже не пытался дать девице сдачи, лишь спрятал лицо в ладонях, второй я вцепилась в кружевной ворот Виолетты, оторвала от пола и запустила на диван.

— Довольно!

На помощь звать не пришлось. Привлеченные грохотом и криками, миссис Уотсон и Гаргори сами прибежали в гостиную. Поручив зареванную барышню экономке, а ее распухшего братца — дворецкому, я повернулась к сыну:

— Итак...

— Отправляться к себе в комнату и не смей оттуда ни шагу. — Рамсес шмыгнул носом и вытер рукавом кровь с подбородка.

— Именно. — Я смахнула с черных кудрей чайнику. — Помощь нужна?

— Нет, мамочка. Мне не хотелось бы тебя утруждать. Как видишь, кровотечение прекратилось. Холодные примочки...

— И не жалея воды, Рамсес.

— Да, мамочка. — Он поплелся к двери, но на полпути остановился. — Если позволишь, один вопрос, мамочка.

— Сегодняшнее безобразие мы обсудим позже. В данный момент меня волнует...

— Понимаю, мамочка. Отсутствие папочки, учитывая, что тебе неизвестно его местонахождение...

— Рамсес!

— Да, мамочка. Но я хотел справиться о мисс Минтон. Она исчезла.

— Знаю. Мисс Минтон утром покинула наш дом.

— Мисс Минтон покинула наш дом ночью, мамочка. Кроме того, она оставила все свои вещи.

— Ничего удивительного. Видимо, решила, что пожитки горничной ей ни к чему.

— Наверное, ты права, мамочка. И все же я посчитал необходимым проинформировать тебя...

— Что ты и сделал. Благодарю. Отправляйся к себе.

Так-так. Любопытно. И что же предпринять в свете этих новых фактов? Я не долго размышляла. Черкнув несколько строк, вызвала Гаргори, попросила доставить письмо по адресу и дожждаться ответа. Если ответ подтвердит мою догадку — а так оно, уверена, и будет, — то нужно заранее подготовиться.

Я потянулась к звонку:

— Миссис Уотсон! Будьте любезны, подайте мне ужин в спальню. Поскольку профессора нет, я могу лечь пораньше.

Экономка, добрая душа, одобрила мое решение отдохнуть после стольких неприятностей".

Оставалось только ждать. Я почти не сомневалась, что мои выводы верны, за несколько часов ничего не должно случиться... А пока неплохо бы лишний раз все взвесить и обмозговать план действий. Я достала из ящика листок с заметками — тот самый, на который Эмерсон так и не удосужился взглянуть.

Два пункта остались неисполненными. Что ж. На них уже нет времени. Однако в связи с последним пунктом возникает вопрос: вызывать полицию — или не вызывать?

Остановимся на компромиссе. Мне известен один-единственный полицейский, который, возможно... повторяю — *возможно*, примет во внимание более чем оригинальное мнение частного лица, да к тому же дамы. Записка мистеру Каффу заняла немало времени. Едва я поставила подпись, как в дверь постучали.

— Разрешите, мадам? — Встревоженный дворецкий протянул мне листок. — Надеюсь... Надеюсь, хорошие новости?

— Ничего особенного, Гаргори. Ответ как ответ. Благодарю вас. И спокойной ночи.

Итак, мисс Минтон дома не появилась. Отправилась в наряде горничной прямо к бабушке-герцогине? Маловероятно. Приняла руку помощи Кевина О'Коннелла или мистера Уилсона? Никогда!

Вывод? Айша имела в виду именно мисс Минтон. *«Он нашел другую, и завтра ночью...»*

Он *схватил* другую. И теперь я знаю, где *он* ее спрятал, — в полуразрушенном крыле Моулди-Мэнор, за массивной дверью, замок которой был смазан так недавно и так обильно, что я испачкала руки маслом, пытаюсь отодвинуть засов.

Глава 14

Когда прислуга отправилась ужинать, мне удалось незамеченной выскользнуть из дому. Признаться, я не доверяла Гаргори. Мало ли... Вдруг они спелись с профессором настолько, что дворецкий у меня перед носом запрет дверь, а ключ выбросит? Одно плохо — не пришлось узнать у Гаргори, где можно добыть пистолет... Ну да ладно. Пояс при мне, зонтик тоже. Прорвемся!

Погода выдалась — лучше некуда. Для моих целей, разумеется. Над городом сгустились фиолетовые тучи, где-то вдали уже слышались раскаты грома.

Путь предстоял неблизкий, но оно и к лучшему. Под мерное цоканье копыт и скрип колес кеба я еще и еще раз обдумывала предстоящие действия.

А заодно и безобразное поведение Эмерсона. Каким образом он догадался о назначенной на эту ночь церемонии? Каким образом, черт побери?

Отпустив кеб на повороте к поместью, часа за два до полуночи я оказалась у стен Моулди-Мэнор. В сторожке мерцал свет; о том, чтобы пройти через ворота, не могло быть и речи. К счастью, еще во время первого нашего визита я обратила внимание на очень удобный вяз, распростерший ветви прямо над стеной.

Первый этап позади. Используя каждое дерево как прикрытие, я короткими перебежками пересекла двор, пробираясь к дальнему, полуразрушенному крылу особняка. Полуразрушенному? К несчастью, первое впечатление оказалось обманчивым. Я осторожно двинулась вдоль стены, пробуя замки на каждой двери (их было три) и каждом окне, в надежде, что хоть какой-нибудь поддастся. Не вышло. В тот миг, когда я уже взялась за зонтик, чтобы попытаться сбить щеколду с двери, у моих ног что-то сверкнуло. Луч света блеснул и пропал, но и этой подсказки мне было достаточно. Кто-то двигался с фонарем по подземному переходу... куда можно было попасть сквозь небольшое окошко в стене, у самой земли.

Процедура далась мне большим трудом. Признаться, в какой-то момент я отчаялась, решив, что застряла в этом распроклятом... как

сказал бы Эмерсон, лазе.

Слава богу, все обошлось. Едва ноги коснулись пола, я выпрямилась, напрягая слух. Тишина. Тьма кромешная. Сырость и осязаемый запах плесени. Прекрасно понимая, что в любой момент могу себя выдать, я все же чиркнула спичкой: двигаться в темноте, не оценив обстановку, было бы безумием. Отлично! Кажется, само Провидение указывает мне путь. Достаточно сделать несколько шагов из узкой, длинной ниши, где я оказалась, чтобы попасть в коридор, который наверняка ведет... Тсс! Голоса!

Слева от меня из-за распахнутой двери доносились не только голоса, но и вполне узнаваемый аккомпанемент — бульканье жидкости, звон хрусталя. Личность с фонарем заявила из винного погреба, не иначе.

Спиной ощущая каменный холод стены, я продвинулась на несколько шажков и забилась в самый угол, за дверь.

— Времени полно! — произнес странно знакомый голос. — Еще по бокалу?

— Или по бутылке. — Заливистое хихиканье не оставило сомнений в том, кто сделал столь щедрое предложение. — Без виски никуда, верно, Фрэнк?

— Я же здесь, — буркнул неизвестный мне Фрэнк. — В отличие от остальных. Где они?

— Отказались, — снова хихикнул граф Ливерпуль. — Трусливые душонки!

— Зато мыслят здраво, — пробормотал первый. Теперь я узнала голос мистера Барнса. — Давай прекратим, Нэд. Нас слишком мало...

— Достаточно, достаточно. Я обратился к тем парням — ты с ними знаком...

— Что?! — возмутился Барнс. — Черт возьми, Нэд, зачем?! Да они же нас выдадут... или начнут шантажировать... Как ты мог? Договорились же развлечься только со своими, проверенными!

— Развлечься?! — Ливерпуль, должно быть, выронил бокал. Или швырнул в стену — на пороге блеснули осколки. — Для тебя это развлечение, Фрэнк? Забыл, что это значит для меня? Жизнь! Или смерть...

— Нэд, дружище, я все понимаю, но...

— Но ничего не получится, скажешь? У него ничего не выйдет? Сомневаешься в его силе? Отвечай, Фрэнк!

— А ты? Ты не сомневаешься?

Юный граф ответил не сразу.

— Я должен верить, Фрэнк, — шепнул он так тихо, что я едва разобрала слова. — Должен. Я на все пойду. На все!

— Отлично. В таком случае, я с тобой, старина.

— Ха-ха-ха! — гнусаво отозвался Ливерпуль. — Еще бы. Думаешь, не понимаю, что тебя держит? Мой толстый кошелек... дружище! У меня был один настоящий друг, да и тот... Ай, да ладно тебе дуться. И не дрожи. Им нас не вычислить. А если и узнают, так что? По-твоему, старушка на троне позволит каким-то там паршивым полицейским схватить своего внучатого племянника? Дуй мое виски, Фрэнк, и положишься на меня. Пора начинать.

Судя по звукам, Барнс последовал совету графа.

Предупреждение Ливерпуля пришлось кстати. Я скорчилась в углу, но молодые люди, к счастью, даже не взглянули в мою сторону. Пройдя по коридору, они скрылись за черным занавесом. Лиц я так и не увидела: оба были в масках.

Как только собеседники исчезли из виду, я бесшумно проскользнула в оставшуюся открытой дверь. Занятная комната... На одной стене — длинный ряд крючков с белыми балахонами. На другой — полки со множеством самых разных масок. Здесь вам и ибисы, и бабуины, и львы — одним словом, в наличии все боги Древнего Египта. Правда, из папье-маше, но зато искусно раскрашенные.

Кошмар... Мой ночной кошмар, который я почти забыла, вдруг стал явью. Именно там я видела все эти звериные головы... Неужели от меня будет зависеть жизнь Эмерсона?!

Сорвав с себя плащ, я зашвырнула его в самый дальний угол и сунула голову в прорезь одного из белых балахонов. Одевание, явно рассчитанное на человека гигантского роста, накрыло меня полностью. Слава богу. Можно не волноваться из-за обуви. Во-первых, все сандалии, которые я обнаружила в громадном сундуке, были слишком велики, а во-вторых, мне совсем не улыбалось менять на них свои ботинки. Мало ли что. Каблуки могут и пригодиться.

Из оружия здесь, к сожалению, тоже не нашлось ничего достойного. Оставалось только прицепить к поясу зонтик и прикрыть

балахоном. Не слишком удобно — при ходьбе будет бить по коленям, ну да ладно. На войне как на войне.

Вперед! Нет, секундочку. Самое главное чуть не забыла.

Его светлость и мистер Барнс были в масках жрецов. Понятное дело, мне этот вариант не подходил, но выбирать на этом складе было из чего. Шутка Эмерсона насчет фабрики изделий из папье-маше оказалась не так уж далека от истины. Повинуясь интуиции, я предпочла Секхмет, богиню любви и войны. Оскаленная львиная пасть не вызывала симпатии, но я без колебаний опустила маску на голову.

Вот теперь — вперед! Мое счастье, что коридор был пуст: забыв об осторожности, я тут же зацепилась за зонтик и едва не растянулась на каменном полу, зато уж дальше двигалась, выверяя каждый шаг. Занавес скрывал дубовую дверь. Металлический засов, легко поддавшись моим усилиям, скользнул в сторону, дверь совершенно бесшумно распахнулась, и я оцепенела при виде... Сцены из моего кошмара! Нет, разумеется, я не перенеслась в выдолбленную в скале пещеру. Но общее впечатление...

Дверь сама собой и так же бесшумно захлопнулась. Никто из присутствующих не обратил на меня внимания, чем я и воспользовалась, чтобы оценить обстановку и собраться с мыслями.

Первоначально здесь было два этажа, затем, по-видимому, пол верхнего этажа разобрали, а потолок укрепили колоннами, устроив нечто вроде древнего храма. Я невольно сравнивала декорации с тем, что мне привиделось в кошмаре. Вместо гладких, словно отполированных, каменных стен — гобелены и тяжелые занавеси. Статуя в центре до двадцати футов не дотягивала; высотой со среднего человека, она изображала, опять-таки, вовсе не Озириса, гордого и величественного. *Это* божество было мне знакомо. Имен у него не счесть (Мин — лишь одно из самых известных), но распознать его можно по весьма *выдающейся* части тела. Как в переносном, так и в самом прямом смысле этого слова.

Освещение сцены меня не впечатлило — фитили современных масляных ламп неплохо было бы заменить, а безобразные медные тазы на треногах, где шипели угли, и вовсе не выдерживали никакой критики. Атмосфера в «храме», к слову сказать, тоже была далека от торжественной. Из полудюжины присутствующих кто-то стянул маски и пыхтел сигарами, кто-то развалился на алтаре, кто-то припал к

бутылке. Еще двое, тыча в статую пальцами, заливались смехом, обмениваясь остротами, которые я не повторила бы и под дулом пистолета.

Чтобы попасть в зал, мне нужно было спуститься на добрых два десятка ступеней лестницы, на верхней площадке которой я топталась вот уже... собственно, пару минут, не больше. Впрочем, и этого времени хватило, чтобы одна из замаскированных фигур обратила на меня внимание. Почувствовав на себе взгляд личности в маске ибиса, изображающей бога мудрости Тота, я решительно двинулась вниз.

Решительно, но не слишком быстро. С болтающимся на поясе зонтиком запросто можно споткнуться, пересчитать ступени, а в худшем случае и сломать шею. Обошлось. Ибис-Тот равнодушно отвернулся.

Остальные не заметили моих маневров. Еще несколько шагов. Я скользнула в тень и замерла, прижавшись спиной к стене.

Когда нервы напряжены, человек теряет чувство времени. Вот и я понятия не имела, сколько часов, лет или веков прошло с начала моих ночных походов. Но одно я знала точно — представление еще не началось.

— Эй, ребята! — неожиданно рявкнула неизвестная мне личность без маски, предварительно вынув сигару изо рта и растоптав окурки на полу. — Готовсь. Его милейшей светлости ваши нравы не по нраву!

Под общий гогот маски вернулись на положенные места, сигары полетели в тазы с углем, алтарь опустел.

Спрятавшись в тени, я чувствовала себя в относительной безопасности, но в этот миг ледяная струйка страха прокатилась по позвоночнику. Что же здесь происходит? Это ведь даже не древний священный обряд... Скорее языческий ритуал, от которого можно ожидать любых мерзостей.

Отвратительный фарс между тем продолжился появлением... нет, не торжественной процессии факелоносцев, а еще двух замаскированных субъектов, один из которых, остановившись на площадке лестницы, взорвался возмущенными воплями:

— Какого дьявола! Вы что себе позволяете! Убрать бутылки! Накрыть алтарь! Все по местам!

Точь-в-точь как мистер Уилсон, распекающий своих подчиненных за грязь в музейных залах. Даже баритон похож. Я поперхнулась

смешком. Ну и комедия! Может, вместо того, чтобы подпирать стену, стоит выйти на середину, снять маску и устроить всем этим лицедеям хорошую взбучку, как напавшей ребятне? Опыт, если на то пошло, накоплен немалый, учитывая загостившихся племянничков.

Скажу честно — я не долго веселилась. Участники спектакля во главе с графом Ливерпулем принялись спешно исполнять указания. Пока двое накрывали алтарь чем-то вроде парчовой скатерти с бахромой, а остальные сносили бутылки и прочий мусор в угол, фигура в маске Тота с головой ибиса снова двинулась в мою сторону. Очень высокий, широкоплечий, этот субъект выглядел угрожающе. Я сделала пару шагов вбок, но вынуждена была остановиться, чтобы не попасть в круг света от лампы. Просунув руку в прорезь балахона, нащупала рукоять зонтика. Какое счастье! Опасность миновала. Замаскированный субъект, не произнеся ни звука, застыл рядом и обратил взор на главных действующих лиц.

Вот когда мне стало совсем уж не до смеха. Его светлость не *играл*. Он был отчаянно, трагически серьезен. Вскинув руки, юный граф воззвал к статуе Мина... и у меня волосы зашевелились на затылке. Я узнала этот голос, приветствовавший Исиду в зале Британского музея.

— Он пришел! — возопил Ливерпуль. — Он пришел! Пришел тот, кто повелевает нами! — Его светлость простерся ниц на каменном полу.

Ногами к статуе.

Головой к лестнице, по которой медленно спускался жрец в леопардовой накидке.

Я похолодела. Вот он. Граф Ливерпуль, несчастный умирающий юноша, был всего лишь игрушкой в *его* руках. Злодей воспользовался отчаянием смертельно больного человека, чтобы претворить в жизнь свой преступный замысел.

О да! Актер из негодяя вышел непревзойденный! Свое появление он обставил с таким блеском, что даже отщепенцы, нанятые графом Ливерпулем (где он их раскопал, интересно?), и те благоговейно склонили головы, вслушиваясь в диалог между лордом и его, с позволения сказать, наставником. Диалог, между прочим, шел на арабском, — вернее, на смеси хорошего арабского и безобразного подобию. Ливерпуль языком явно не владел. Голос собеседника, хоть и

слегка приглушенный маской, был уверен, четок и прекрасно поставлен.

Три хлопка в ладоши «леопардового жреца» означали начало второго акта. Четыре обнаженных — если не считать набедренных повязок — бронзовотелых раба под собственный монотонный аккомпанемент спустились по лестнице. Поверх их голов, на вытянутых, блестящих от масла руках, плыли носилки. Я подалась вперед. Из груди моей рвался крик, дрожь пронзала тело...

Еще миг — и языческий «храм», клянусь, рухнул бы от моего вопля.

— Имей совесть, Пибоди. Не вздумай верещать, — прорычало мне на ухо египетское божество с головой ибиса.

Эмерсон? Эмерсон!!!

Да, но если это Эмерсон, то кто же тогда на носилках? О господи! Ночной кошмар до того затуманил мне мозги, что напрочь лишил разума. Я же *знаю*, кто на носилках!

— Эмерсон...

— Ш-ш-ш! — Божество в маске Тота залепило мне рот ладонью.

Мог бы, между прочим, и не трудиться. Я и без того онемела от счастья, облегчения и ярости. Но даже эти смешанные эмоции не отвлекли моего внимания от действия.

Верховный жрец в леопардовой накидке степенно шагнул к алтарю, куда рабы опустили носилки. Отбросил покрывало. Зрители встретили жест шепотом восхищения... Я зажмурилась... снова распахнула глаза... Хвала Всевышнему! Тело жертвы было прикрыто. Не просто прикрыто. Знакомый с египетскими традициями, преступник не поленился обеспечить девушке одеяние, очень похожее на те, в которые древние жрецы облачали девственниц перед жертвоприношением. Речь, правда, идет о *незнатных* девственницах. Простое белое платье, доходящее до щиколоток, держалось на бретелях, не стесняя грудь.

Эмерсон убрал ладонь с моих губ. Обнял меня за талию. Стиснул руку.

— Умоляю, Пибоди. Молчи! И не двигайся!

— Но они ее сейчас...

— У них не выйдет. Молчи, я сказал!

Супружеская стычка прошла незамеченной: все до единого жадные взоры были устремлены на мисс Минтон. Молодчик в маске бабуина, облизнувшись, подался вперед.

— Но... — Граф Ливерпуль, наклонившись, всматривался в лицо девушки. — Я ее знаю! Ты мне сказал...

— Избранная перед тобой! — взмыл под потолок голос «леопардового жреца». — Вот она — Божья невеста!

— Ладно... Да, да... Но... Это же внучка старой герцогини Даремской! Будь оно все проклято! Ты говорил, что жертва будет согласна...

— Она согласна. — Подсунув руку под плечи мисс Минтон, жрец приподнял девушку, усадил.

Встряхнул. — Проснись, Маргарет, Божья невеста! Открой глаза! Подари улыбку своим ревностным почитателям!

Пушистые ресницы затрепетали. Девушка приподняла веки, обвела всех бессмысленным взглядом и улыбнулась. Признаюсь, от этой улыбки меня пробрал озноб. Куда там Гаргори с его ухмылкой сентиментального идиота!

— М-м-м... — Обозрев круг склонившихся над ней людей, мисс Минтон разлепила губы: — Какие вы все... странные! Вы кто?

— Поприветствуй возлюбленного супруга своего, Божья невеста! — пропел верховный жрец.

Несчастливая с трудом держала глаза открытыми.

— Супруг... — пролепетала она. — Возлюбленный. О-о-о... Да! Да! Как это... мило... И кто же...

— Девочка ничего не соображает! — взвизгнул граф. — Опоили! Накачали наркотиком! Не могу... Не хочу... Не стану... Только не леди, черт побери!

— У меня на тебя надежды и не было, — холодно сообщил «леопардовый жрец» и отдернул руку. Мисс Минтон с хихиканьем рухнула на носилки.

— Как это? — ахнул Ливерпуль. — Ты же сказал...

— Я сказал, что тебя излечит Божественный брак. И я тебя не обманул, — отозвался наставник. — Ты забудешь о болезни, мой господин. Забудешь обо всем, что терзает твое тело... душу...

Тонкие руки мисс Минтон плавно поднялись и затрепетали, точно стебельки садовых цветов на ветру.

— Супруг... — шевельнулись ее бледные губы. — Возлюбленный... Наконец-то... Дорогой мой, единственный... Рэдклифф...

«Божество» с головой ибиса подпрыгнуло и выпустило мою руку.

— Дьявольщина! — пронесся по залу его рев, к счастью заглушённый воплем Ливерпуля:

— Дьявол тебя побери! Ты зашел слишком далеко. Не позволю!

«Леопардовый жрец» отступил от алтаря:

— Пропади все... Не думал я, что ты струсил, Нэд. Вон! Все вон! Живой круг вокруг алтаря распался. Мистер Барнс, если не ошибаюсь, улизнул первым. Его светлость стиснул кулаки:

— Она останется со мной. Я отвезу ее домой. Пригляжу за ней...

— Черта с два! — Жрец сунул руку в прорезь балахона.

Стремительный бросок Эмерсона не спас юного графа. В зале прогремел выстрел, Ливерпуль прижал ладони к груди, упал на колени, словно отдавая последнюю дань почтения каменному идолу, повалился на бок и больше уж не двигался.

Второго выстрела не было. Смерчем налетев на него, Эмерсон выбил у него пистолет. Я же взяла на мушку единственного из оставшихся на месте действия замаскированных помощников — любопытного «бабуина». Увы, увы. Увесистая ручка моего незаменимого орудия не достигла цели. Едва я размахнулась зонтиком, чтобы опустить его на голову «бабуина», как попала в капкан чьих-то смуглых жилистых рук. Непростительная ошибка с моей стороны! В полной уверенности, что обнаженные носильщики — не более чем наемные актеры, я решила, что они сбегут по примеру всех остальных.

Эмерсон, видимо, попался на ту же удочку. Еще одно мгновение — и «леопардовому жрецу» не поздоровилось бы от мощного удара профессорского кулака. К несчастью, этого самого мгновения Эмерсону и не хватило. Двое носильщиков повисли у него на плечах, заломили руки за спину и оттащили от жреца.

Ловко подхватив с пола пистолет, главный негодяй направил его...

На меня.

— Надо же, — задыхаясь, протянул он. — Все пошло наперекосяк. Эй, малютка! Платье не великовато? Не знаю, как вы сюда попали, миссис Эмерсон, но предупреждаю: если ваши приятели не успокоятся — уложу вас рядышком с его светлостью. В пылу

борьбы маска жреца едва не свалилась; он нахлобучил ее на место и хохотнул, глядя на изуродованную, в трещинах и вмятинах, голову ибиса.

— Балаган окончен, господа, — насмешливо провозгласил «леопардовый жрец». — Маски долой! Не конфузьтесь, миссис Эмерсон, я бы вас в чем угодно узнал. Этот громила... не иначе как профессор. Кто же еще мог выбрать маску Тота? А бабуин, интересно, у нас кто?

Стащив с головы маску, я швырнула ее на пол. Эмерсон последовал моему примеру. «Бабуин» же скрестил руки на груди, всем видом демонстрируя презрение. Один из египетских рабов исполнил безмолвный приказ своего господина.

— Инспектор Кафф! — не сдержалась я.

— Добрый вечер, миссис Эмерсон, — любезно приветствовал меня инспектор.

* * *

— Занятная история, — обратилась я к инспектору спустя полчаса или около того. — Я оставила вам записку с просьбой, если не вернусь к утру, обыскать Моулди-Мэнор. Но уж никак не ожидала, что вы примчитесь на помощь так быстро. Парочку констеблей случайно с собой не захватили, нет?

— Ах, миссис Эмерсон, — скорбно отозвался инспектор. — Вы не понимаете... Дело настолько деликатное... настолько деликатное... Я здесь, можно сказать, как частное лицо. Начальство не знает... Моя заслуженная годами верной службы пенсия под угро...

— Ладно-ладно. К чему оправдываться. Перед нами стоит одна задача — выбраться отсюда.

— Есть идеи? — поинтересовался Эмерсон.

Скрестив руки на груди, он подпирал сырую стену. Собственно, мы все подпирали стену, поскольку присесть здесь было не на что. От прочих подвальных каменных клеток эта отличалась одной, но существенной деталью — новехонькой толстенной и к тому же накрепко запертой дверью.

— А как же. Целых две, — сообщила я с гордостью.

— Надеюсь, хоть одна из них будет лучше предыдущей, — угрюмо буркнул Эмерсон. — Заверив нас, что прутья на окне насквозь проржавели...

— Откуда мне было знать, что здесь решетку заменили?! Интересно, сколько злосчастных узников томились в этой темнице?

Джентльмены не нашлись с ответом.

— Мисс Минтон... — продолжала я, — вот кто меня тревожит. Страшно подумать, что ее ждет, если мы вовремя отсюда не выберемся!

— Откровенно говоря, мэм, — со вздохом ответил инспектор, — мне страшно подумать, что *нас* ждет, если мы не выберемся отсюда... вовремя. Если позволите, хотелось бы выразить восхищение вашим невысказанным самообладанием.

— Благодарю. Вы очень любезны, инспектор. Но я, признаться, не так уж и волнуюсь за нашу жизнь. Задумай он нас уничтожить — расправился бы прямо на месте. К чему вся эта морока с подвалом?

— Опять ты со своими преждевременными умозаключениями, Пибоди, — вступил в разговор Эмерсон. — Уложить троих человек на месте не так-то просто. Одного ранишь, другой в это время ускользнет от его приспешников, а третий... Да что я тебе расписываю, сама все понимаешь! И зачем ему, спрашивается, лишние проблемы? Куда проще сунуть нас в каменный мешок, а самому не спеша подготовиться к... казни. Причем, заметь, не рискуя себя обнаружить.

— Да, но варианты можно по пальцам пересчитать, дорогой. Затопить подвал? Напустить ядовитого газа? Ха-ха! Ты вроде не любитель приключенческих книжонок.

— Голодная смерть, к примеру...

— Долгая история! Кто-нибудь обязательно нас обнаружит, даже если мы сами не найдем способа выбраться, что крайне маловероятно.

Джентльмены опять погрузились в раздумья. Хорошая шутка — вот радикальное средство от пессимизма. Я уж было собралась воспользоваться этим средством...

— Ой! — Меня мало что пугает в этом мире, любезный читатель. Не скажу, чтобы я так уж боялась пресмыкающихся, но, согласитесь, встреча с ними особого удовольствия не доставляет. — Эмерсон! Кажется, здесь змея!

— Если бы, — сдавленно процедил любимый. — Это не змея, Пибоди. Это вода. Проклятье! Мало нам неприятностей, так ты еще подсказываешь убийце способы расправы! Дай ему возможность самому пораскинуть мозгами.

— Вздор, Эмерсон. Это совпадение, не более того. Как думаешь, откуда вода? Зажги спичку!

— Спички почти все вышли, Пибоди. В записной книжке инспектора листов тоже не осталось, — ровным тоном отозвался Эмерсон. — Дюжину истратили на то, чтобы обследовать помещение. Еще дюжину — когда пытались высадить решетку. А зачем тебе свет, дорогая моя Пибоди? — съехидничал он. — Забыла про ту трубу, которая, если верить твоему компетентному мнению, служит для *отвода* воды из подвала?

— Ах, ну да, конечно. Обойдемся без света, Эмерсон. Спички нужно экономить.

Гроза прошла, небо очистилось; в лунном свете вода, подбиравшаяся к моим щиколоткам, серебристо поблескивала.

— Любопытно, а сколько понадобится времени, чтобы полностью затопить подвал?

— Ты в своем уме, Пибоди? — взревел любимый. — Плевать мне на твои расчеты! Эй, Кафф, подставляйте спину! Еще раз взгляну на эту распроклятую решетку.

— Умоляю, Эмерсон, только без паники. Опасность не так уж и велика. Во-первых, дверь... Она заперта, но щели все равно остаются. Во-вторых, окно. Вода будет выливаться...

— ...слишком медленно, чтобы на это можно было рассчитывать! — рявкнул Эмерсон. — Труба наверняка подведена к реке, так что запасы воды у мерзавца в избытке.

Как ни прискорбно, но он был прав. Я уже стояла по колено в ледяной воде, которая прибывала с убийственной скоростью.

— Что ж... В таком случае... Будьте любезны отвернуться, инспектор!

— Не знаю, для чего вам это понадобилось, мэм, — как всегда учтиво отозвался Кафф, — но могу заверить, что я здесь ни черта... пардон, ничегошеньки не вижу. Можете... э-э... разоблачаться.

— В самую точку, инспектор. Именно это я и собралась сделать. Так что не считите за труд отвернуться. Ради приличия.

Прошлепав от стены к двери, Эмерсон остановился рядом.

— Какого дьявола, Пибоди?! У тебя, часом, под штанами нет любимого пояса с напильником и прочими необходимыми инструментами?

— Пояса нет, Эмерсон, но кое-что весьма полезное найдется. Я додумалась до этого после... после...

— Прекрати мямлить, Пибоди! Говори прямо — после свидания в пещере с этим подон... с нашим приятелем Сети.

— Именно. Пояс слишком бросается в глаза... вот я и решила... Убери руку, Эмерсон! Щекотно!

— Какого черта ты делаешь?

— Следи за языком, Эмерсон. Мы не одни. Подержи-ка. Смотри не намочи.

— Это что такое, Пибоди... Боже правый! Ты надела корсет?!!

— Эмерсон!

— То-то мне показалось, что ты чересчур... э-э... жесткая. Дорогая моя! Ты ведь клялась никогда не носить эти распроклятые штуковины, поскольку они...

— Мне этого больше не вынести! — взмолился инспектор Кафф. — Миссис Эмерсон! Я ценю и уважаю вас более, чем кого-либо еще вашего пола, но если вы не объясните, к чему весь этот процесс... разоблачения, — я лишусь рассудка!

— Все очень просто, инспектор. Большинство дам, как известно, носят корсеты. Эта принадлежность женского туалета ни у кого не вызывает подозрений. Однако давайте взглянем на корсет под иным углом зрения, джентльмены. Известно ли кому-нибудь из вас, что, собственно, представляет собой корсет? Каркас из... чего?

— Провалиться мне на этом месте — понятия не имею, — буркнул Эмерсон.

— Пластинок! — выдохнул Кафф. — Узких костяных или стальных пластинок, каждая из которых помещается в холщовый...

— Это уже несущественно. Пластины из кости или стали — вот что важно! Такие, например, как эта. — Я нащупала ладонь мужа. — Держи. Только поосторожней, дорогой, не порежься. Пришлось изобрести специальный футляр. Жутко неудобная штука, доложу я вам, джентльмены! Вот еще. У этой одна грань с зубчиками. Теперь можно и решеткой заняться!

— Невероятно! — в восхищении воскликнул Кафф.

— Элементарно, дорогой инспектор. Позвольте поинтересоваться, откуда такое знание женских секретов? Вы женаты?

— О нет, мэм! Убежденный холостяк. Но видит Бог, вы поколебали мою веру в правильность избранного пути. Если бы мне встретилась такая женщина...

— Это единственный экземпляр, — удовлетворенно хмыкнул профессор. — За дело, Кафф!

Тощему инспектору пришлось несладко. Быстренько «облачившись», как выразился бы Кафф, я поспешила ему на помощь. В зарешеченное окошко заглядывала луна, освещая руки Эмерсона, усердно сражающиеся с толстыми прутьями. Внезапно свет исчез, словно кто-то задул свечу. Эмерсон вскрикнул. Я вздрогнула, ноги поехали на склизком полу, и я шлепнулась в воду. Пытаясь сохранить равновесие, инспектор выдал тираду, которой от него трудно было ожидать.

— В чем дело? Что там происходит, Эмерсон?!

— Бесполезно, — глухо отозвался мой благоверный. — Все равно не поверишь.

— Добрый вечер, мамочка, — услышала я, — добрый вечер, папочка. Добрый вечер, сэр. Не имея чести быть с вами знакомым, думаю, что не ошибусь, если назову вас другом, учитывая, что вы пришли на помощь моим дорогим родителям в опасном предприятии, вследствие чего и попали вместе с ними в столь плачевное...

Глава 15

На сей раз у меня не хватило духу остановить поток красноречия нашего чада. У папочки, полагаю, тоже. Проблема решилась сама собой, когда из-за решетки донесся еще один знакомый голос:

— О сэр! Вы здесь? О мадам! С вами все в порядке? Не волнуйтесь, профессор. Не волнуйтесь, миссис Эмерсон, мы вас сейчас вызволим!

Едва встав на ноги, я тут же шлепнулась обратно.

— Гаргори?

— Да, мадам. Я здесь. К вашим услугам, мадам. О мадам...

Определенно нужно было что-то предпринять. Сделав над собой усилие, я все-таки поднялась (по пояс в воде) и сделала шаг к инспектору, который все еще изнемогал под тяжестью Эмерсона.

— Вот что, Рамсес. Мне только что пришло в голову, что пилить решетку бесполезно. Папа все равно не протиснется в это окошко. Лучше быстренько проберитесь в дом и откройте...

— Боюсь, этот вариант исключен, мамочка, — сообщил Рамсес. — Ты не отойдешь от окна, папочка? Мы не сможем воспользоваться привезенным оборудованием — кувалдами, зубилами и прочим, — пока ты...

— Да, сынок, — сказал Эмерсон и спрыгнул... прошу прощения — свалился в воду, поскольку именно в этот момент ноги несчастного инспектора подкосились и он осел на пол.

— А почему нельзя было просто открыть дверь? — перекрикивая грохот кувалды, поинтересовалась я. — Рамсес! Слышишь? Почему бы просто...

— Дом горит, мамочка! — в промежутке между двумя ударами хладнокровно объяснил Рамсес.

— Злодеи сбежали? — сложив ладони рупором, допытывалась я. — Вряд ли они позволили бы вам...

Бум, бабах, бум!

— Прошу вас, мамочка и папочка, и вас, сэр, отступить в самый дальний угол, присесть на корточки и накрыть головы руками, — проинструктировал юный спаситель. — Мои худшие опасения

подтвердились. Этот метод не годится, поскольку толщина стены как минимум восемь футов. К счастью, я захватил с собой небольшую толику из своих запасов нитроглицерина...

— Силы небесные... — простонал инспектор.

Мне показалось, что рухнула не только стена, но и весь Моулди-Мэнор. Грохот стих, пыль осела, любимый выудил меня — живую! — из воды, и я обнаружила, что стена по-прежнему на месте, хотя в ней и зияет пролом, сквозь который без труда проехал бы экипаж, не говоря уж о профессоре Эмерсоне. Гаргори был полон энтузиазма и рвения. С его помощью мы выбрались из темницы, едва не ставшей нашей могилой. Пока Эмерсон обхаживал инспектора — бедняжка, похоже, впал в ступор, — мне вполне хватило времени, чтобы оценить обстановку.

Дальнее крыло особняка, то самое, где его светлость устроил импровизированный храм, полыхало вовсю. Языки пламени рвались из окон и лизали крышу. Рамсес был прав. Иного способа выбраться из подвала, чем тот, который он предложил, просто не было. Убедившись, что там моя помощь уже не нужна, я обернулась к сынуле.

Переодеться ему, похоже, было недосуг. На помощь родителям он заявился таким, каким я уже однажды его видела, — в облике уличного попрошайки. Один глаз у маленького оборвыша заплыл: схватка с Перси не прошла даром.

Надеюсь, вы не думаете, читатель, что я могла забыть о той, чья судьба была целиком и полностью в руках безжалостного убийцы? О той, ради кого и пустилась в эту ночную авантюру?

— Мисс Минтон... Ты случайно не знаешь, Рамсес...

— Юная леди с нами, мадам, — отозвался Гаргори. — Мы нашли ее в экипаже с тем джентльменом... хотя это слишком большая честь для него — называться джентльменом, потому что молодой хозяин Рамсес сказал...

— Кто это — «мы»? — оборвала я дворецкого.

— Мы, мадам. Молодой хозяин, Генри, Том, Боб — с нами все лакеи, мадам. И еще один джентльмен.

— Ну же, Кафф! — раздался у меня за спиной окрик Эмерсона, а вслед за тем пара звонких оплеух. — Чего раскисли! Мужчина вы или тряпка, я вас спрашиваю?!

Сработало.

— Благодарю вас, профессор, — простонал Кафф. — Прошу прощения. В жизни не испытывал ничего... Итак? Что же здесь произошло?

Вопрос был адресован Гаргори, но ответил — кто бы вы думали? — само собой, наш словоохотливый отпрыск. Нужно отдать Рамсесу должное — на сей раз он был краток как никогда.

— Мы появились на месте действия в самое время, сэр, чтобы перехватить экипаж, который выезжал из ворот. Опасаясь, что преступник мог захватить мамочку (видите ли, сэр, в тот момент мне не было известно о присутствии здесь папочки), я приказал остановить карету, что и было исполнено, несмотря на отчаянное сопротивление неизвестного мне джентльмена, который легко ранил в палец Генри и пробил пулей кепку Боба. После непродолжительной борьбы неизвестный джентльмен был связан, а обнаруженная в экипаже леди оказалась не мамочкой, а мисс Минтон. Решив вначале, что юная леди находится в состоянии легкого алкогольного опьянения, я впоследствии убедился в своей ошибке. Боюсь, что причиной ее не совсем нормального состояния является не алкоголь, а опий...

— И где же сейчас этот джентльмен и юная леди? — не выдержал Эмерсон.

— За воротами, папочка. Под охраной Боба и Генри. Мы же поспешили к дому, узнав благодаря настойчивым расспросам мистера Гаргори, что вы с мамочкой находитесь в подвале, куда стремительно прибывает вода. Услышав твой голос, папочка...

— Да-да, малыш, дальше нам все известно, — вставил инспектор. — А мистер Гаргори?...

— Наш дворецкий, — сообщила я.

Кафф во все глаза уставился на Гаргори. Тот с невозмутимым видом крутил в руках дубинку.

— Д-дворецкий, — ошарашенно повторил инспектор.

— Полно, Кафф! Успеете еще наахаться, — заговорил Эмерсон. — Мы тут языками чешем, а дом горит! Можно что-нибудь сделать, как по-вашему? Там же слуги!

— Позволь заверить тебя, папочка, что особой опасности нет. Все слуги, полагаю, успели покинуть дом. Что касается пожара, то его уже вряд ли удастся потушить.

И он был прав. По двору, точно потревоженные цыплята, с визгом носились полуодетые слуги. А Моулди-Мэнор сейчас мог загасить разве что второй всемирный потоп.

— Он ведь был уже мертв, правда? — шепнула я мужу.

— Да, дорогая моя Пибоди. Мы ничего не могли сделать. Какой благородный конец, — помолчав, добавил он сдавленным голосом. — Погибнуть, спасая беззащитную женщину от участи более страшной, чем смерть. Верно, Кафф?

Инспектор обменялся с Эмерсоном долгим взглядом.

— Совершенно верно, сэр. А теперь, если вы не против, займемся пленником, которого ваш сын и дворецкий так любезно поймали для Скотланд-Ярда.

Дорогу сразу за воротами перегородил наш собственный экипаж, — по-видимому, именно таким способом Рамсес приказал остановить карету, запряженную парой превосходных вороных. Генри я не увидела, а Боб, один из самых юных лакеев, безмолвным стражем возвышался над двумя фигурами — мужской и женской, — что устроились прямо на поросшем изумрудной травой склоне.

Мисс Минтон была до самого подбородка закутана в плотное темное покрывало. Длинные волосы девушки разметались по земле, накрыв и колени джентльмена, на которых покоилась ее голова. Даже не видя лица джентльмена, я узнала его мгновенно.

Какой странный оттенок придает лунный свет огненно-рыжим волосам...

— Нет! — вырвалось у меня. — Только не он! Только не Кевин!

— Спокойно, Пибоди. — Эмерсон подцепил меня за край блузки, которую я после вынужденного «разоблачения» в подвале так и не заправила в брюки. — О'Коннелл наверняка принимал участие в спасательной операции. Не могло же тебе прийти в голову, что он...

— Еще чего! Никогда!

(Я слукавила, читатель. Убийственная сила рук, едва не отправивших вашу покорную слугу на тот свет у Иглы Клеопатры, невольно навела на воспоминание о том, с какой легкостью Кевин О'Коннелл подхватил меня на руки во время заварухи в Сомерсет-хаус. На такое мало кто способен — и уж никак не хлипкий граф Ливерпуль.)

— Ха, ха! Шутишь, Эмерсон? Убийца — вовсе не Кевин О'Коннелл. Убийца...

Я выжидающе посмотрела на мужа.

— ...в карете, Пибоди, — отозвался Эмерсон.

Там мы его и нашли, связанного по рукам и ногам таким количеством веревок, галстуков, носовых платков и шарфов, что на бегство у него осталось не больше шансов, чем у злополучной мумии. На скамье напротив восседал Генри с дубиной в руках. Предосторожность разумная, но, пожалуй, излишняя. Наши доблестные лакеи, защищая профессора, едва не вышибли дух из убийцы...

Мистера Юстаса Уилсона.

* * *

Отправив злодея на Боу-стрит, инспектор Кафф объявил, что у него еще масса дел, но Эмерсон настоял на том, что мы заслужили отдых, и предложил всем вместе отправиться домой.

— К тому же, Кафф, — добавил профессор, — вы сможете совместить приятное с полезным. Выпьете рюмочку, а заодно и показания у нас возьмете. Идет?

Какое счастье, что вчера мы проснулись в третьем часу. Умывшись и переодевшись в сухое, я снова была полна сил. Все искатели приключений собрались в столовой для прислуги, поближе к кухне. К тому же нам-то все равно, а Гаргори с остальными ребятами в гостинной чувствовали бы себя неудобно. Очень милая вышла вечеринка, с холодными закусками, яблочным пирогом и реками выпивки. Рамсес не преминул провернуть обычный фокус — поставил свой бокал, думая, что папочка не заметит и плеснет ему наравне с остальными. Папочка заметил, но бокал все же наполнил.

— Заслужил, сынок. Не хмурься, Пибоди. Джентльмен должен уметь пить.

— Еще как заслужил! — подтвердил Гаргори. — Да если в не молодой хозяин, откуда в нам знать, где вас искать?

— На запятках ехал? — уточнила я.

— Да, мамочка. Зная, что ты наверняка отправишься на поиски папочки, я изменил внешность и последовал за тобой. Затем, посчитав неразумным оставаться в Моулди-Мэнор, вернулся с тем же экипажем в Лондон и немедленно обратился за помощью к мистеру Гаргори и остальным. Поскольку мистер О'Коннелл не раз приходил сюда справляться о мисс Минтон, я взял на себя смелость вызвать и его.

Кевин, разумеется, тоже был здесь. Собственно, в столовой недоставало лишь мисс Минтон, которой нужно было отдохнуть после всех злоключений, и миссис Уотсон, вызвавшей присмотреть за бедняжкой. Впрочем, миссис Уотсон в любом случае наша вечеринка с прислугой не пришлась бы по нраву.

— Ваша забота не может не тронуть сердце мисс Минтон, — заверила я репортера.

— Она спутала меня с другим, — тоскливо сообщил О'Коннелл бокалу с рубиновой жидкостью. — Я обнимал ее, покрывая прелестное лицо поцелуями... О да, пользоваться слабостью леди — не достойно джентльмена... но я не мог удержаться. Это было выше моих сил. Я обнимал ее, а она называла меня... называла...

Физиономия профессора сравнялась цветом с комодом красного дерева. Выдержав паузу — ничего, пусть мой любимый немножко помучается, — я постаралась утешить несчастного юношу:

— Опиум по-разному действует на людей, Кевин, но в любом случае человек не отвечает за свои слова и поступки. Вот увидите, когда мисс Минтон проснется, она оценит вашу преданность. Особенно после того, как узнает о вашей героической схватке с вооруженным убийцей. Ведь если бы не вы, жертв могло быть гораздо больше!

— Ну ладно, хватит сантиментов, — буркнул Эмерсон. — Инспектору, уверен, некогда выслушивать все эти романтические бредни. Угощайтесь, Кафф.

— Не откажусь, профессор. Великолепный напиток.

— Итак? — обратился ко мне Эмерсон. — Начнешь, Пибоди?

— Благодарю, дорогой. Видите ли, инспектор, это одно из самых странных дел, которые мне... нам приходилось расследовать. В нем самым причудливым образом смешались примитивнейшее убийство и экзотический, если позволите так выразиться, антураж.

— Выражайся как тебе будет угодно, Пибоди, только, ради всего святого, не тяни.

— Начну с самого начала, а именно со смерти ночного сторожа. Да, кстати, инспектор, вам придется произвести эксгумацию. Полагаю, вас ждет сюрприз. Альберт Гор наверняка умер от передозировки опия.

— Что? — изумился Кафф. — Но ведь по заключению...

— Знаю. Ваши медики не первые ошиблись. Симптомы передозировки очень похожи на симптомы кровоизлияния в мозг. Альберт Гор прежде не употреблял наркотики. В ту ночь он получил их как часть вознаграждения за то, что позволил устроить в зале оргию, — к сожалению, более подходящего слова для этого мероприятия у меня нет. Правда, оргия носила, так сказать, древнеегипетский характер. Отсюда, как вы понимаете, и странный мусор вокруг тела — увядшие цветы, осколки хрусталя, куски масок из папье-маше.

Ясное дело, что участникам шабаша пришлось подкупить не одного ночного сторожа, а еще нескольких сотрудников музея, в частности Олдакра. Этот малоприятный тип всю жизнь тяготел к аристократии. Он душу бы отдал за то, чтобы приобщиться к кругу извращенных молодых повес. Сторожу заплатили кругленькую сумму и позволили принять участие в оргии. Его смерти никто не хотел, это трагическая случайность. Не привыкший к наркотикам, Гор принял сразу слишком большую дозу. Но одно дело ночной сторож, и совсем другое — Олдакр. Деньги деньгами, однако он мечтал, как я уже сказала, джентльмены, стать членом аристократических клубов, гостем в таких домах, куда его в иных обстоятельствах ни за что не пригласили бы. Смерть Олдакра сама по себе указывала на убийцу. Подумайте, джентльмены, чем это ничтожество могло помешать особам голубых кровей? Скандалом, если правда выйдет наружу? К скандалам в высших кругах не привыкать, верно? Граф Ливерпуль ровным счетом ничего не терял, даже если бы Олдакр выложил все полиции.

А вот Юстас Уилсон — напротив. Расскажи Олдакр о том, что творится в музее, и Уилсон потерял бы все. Приличную должность, будущее как археолога, доброе имя. Но главное — он потерял бы власть над человеком, из которого методично, день за днем, тянул деньги.

Инспектор с сомнением склонил голову набок.

— Звучит убедительно, миссис Эмерсон. Теперь, когда преступник обличен. Но еще вчера самым вероятным убийцей мне лично казался юный граф. Недуг, которым страдал его светлость, изменяет характер людей. Они становятся агрессивными, нередко безо всяких на то причин впадают в буйство...

— Продолжить позволите, инспектор? — холодно поинтересовалась я.

— Прошу прощения, мэм.

— Помимо уже названной улики, были и другие, указывающие на определенного человека, то есть на мистера Уилсона. В том, что преступник тем или иным образом связан с египтологией, сомнений не было. Его наряд, за исключением некоторых несущественных деталей, в точности копировал одеяния верховных жрецов Древнего Египта. Цитаты, которыми он пользовался, известны лишь узкому кругу египтологов, а записка, зажатая в руке Олдакра, содержала даже не цитату, а вольный текст. Такое под силу только ученому. Ошибки же в этой записке, как в свое время абсолютно верно подметил Рамсес, указывали на последователя теорий мистера Баджа. Олдакр, кстати, тоже являлся учеником Баджа. Что, если Олдакр сам сочинил текст, — скажем, просто для тренировки, — а в момент смерти записка оказалась у него в руках совершенно случайно? В жизни, конечно, всякое бывает, джентльмены, но здесь речь о совпадении не идет, поскольку Олдакр был уже мертв, когда преступник принялся рассылать драгоценные ушебти с угрозами. По свету бродит немало учеников почтенного мистера Баджа. Профессор Эмерсон даже считает, что их развелось слишком много, но согласитесь, что самый близкий из них — мистер Юстас Уилсон. Уверена, Уилсон знал Олдакра гораздо лучше, чем утверждал в беседе со мной.

Я вынуждена признать, что была сбита с толку непонятной причастностью к делу юного графа Ливерпуля и лорда Сент-Джона. А ведь болезнь его светлости, собственно, и была стержнем всего дела. От нее нет спасения. Смерть неизбежна. Но человек не может смириться с такой страшной участью. Ради сохранения жизни он готов идти на все, испробовать любые средства, какими бы бессмысленными они ни были. К сожалению, эта истина открылась мне лишь после происшествия в Сомерсет-хаус.

Мумию наверняка развернули еще в Моулди-Мэнор, до передачи в музей. Кто мог это сделать? Только старый граф или его наследник. Зачем? Прежнему графу Ливерпулю, типичному коллекционеру, такой акт вандализма не пришел бы в голову. Его сын — совсем иное дело.

Известно ли вам, джентльмены, что первые рецепты лекарств, включающих в свой состав истолченные в порошок мумии, появились в двенадцатом веке? Казалось бы, просвещенный девятнадцатый должен был положить конец подобным суевериям. Ничего подобного! До сих пор у шарлатанов Лондона, Парижа и, насколько мне известно, Нью-Йорка можно приобрести порошок из мумий — якобы панацею от всех болезней. Правда, за неимением настоящих мумий теперь все чаще фабрикуют порошок из чего придется.

Итак, вы понимаете, почему доведенный до отчаяния юный граф, как утопающий за соломинку, ухватился за шанс вылечиться с помощью мумии — настоящей, заметьте! — в сочетании с соответствующим ритуалом.

И Олдакр, и Уилсон познакомились с его светлостью благодаря лорду Сент-Джону, который интересуется археологией и обладает, как всем известно, извращенным чувством юмора. Поначалу Сент-Джон тоже принимал участие в оргиях, проходивших в Моулди-Мэнор, — помните показания служанки о странных звуках, от которых у нее волосы становились дыбом? Когда старый граф обнаружил, что творится у него в поместье, он пришел в ужас и немедленно передал мумию музею, после чего и случился тот самый несчастный случай на охоте. Несчастный ли? Любопытно было бы взглянуть на список гостей, инспектор.

Подозреваю также, что поначалу Олдакр не входил в число избранных. Должно быть, он ненароком обнаружил, что за вакханалии проходят в залах Британского музея, и, чтобы закрыть Олдакру рот, молодые люди предложили ему стать членом этой тайной организации. Скромная роль, которую он был вынужден играть, Олдакра не устраивала. Полагаю, он начал шантажировать Уилсона, требуя власти и денег, и таким образом подписал свой смертный приговор. Уилсон убил его, уверенный в полной своей безнаказанности. Наша встреча с Айшей была для Уилсона первым сигналом опасности. Как верно подметил Эмерсон, наркотиками в Лондоне занимаются в основном китайцы и выходцы из Индии. Тот

факт, что граф Ливерпуль получал опий в притоне, принадлежавшем египтянке, не мог быть простым совпадением. Уилсон бывал в Египте; естественно, что у него были связи в египетской общине.

Тем временем ситуация ухудшалась. Болезнь его светлости прогрессировала, несмотря ни на какие ритуалы. Лорд Сент-Джон отказался принимать участие в спектакле, хотя вначале он поддерживал «невинное развлечение» своего юного друга. Верховного жреца они изображали по очереди; отсюда, кстати, и такое странное поведение «жреца» — то он нерешителен и подавлен, то хладнокровен и высокомерен. После смерти Олдакра лорд Сент-Джон сообразил, что игра зашла слишком далеко, но уже ничего не мог поделать. Он презирал Уилсона, но боялся навредить Ливерпулю, которого по-своему любил. Разумеется, Сент-Джон никому ничего не сказал бы, и все же для Уилсона он представлял опасность. Да и сам Ливерпуль начал выходить из-под контроля. В любой момент он мог догадаться, что так называемый спаситель водит его за нос...

Уилсон решил одним выстрелом убить двух зайцев — заставить навечно умолкнуть графа Ливерпуля, а заодно и облагодетельствовать Скотланд-Ярд, преподнеся полиции преступника, которого она давно разыскивала. Это он вынудил Айшу заманить меня в ловушку, сочинив столь безграмотную записку, что ее мог написать и такой дилетант, как граф Ливерпуль. Уилсон рассчитывал использовать меня в церемонии сегодняшней ночью. По плану, думаю, он удалил бы всех остальных и избавился и от меня, и от его светлости. Причем обставил бы все так, будто Ливерпуль убил свою жертву, а потом и сам свел счеты с жизнью.

— Да, но в жертву должны были принести не вас, а мисс Минтон... — вставил Кафф.

— Ничтожная перестановка по ходу действия, инспектор. Кстати, о мисс Минтон. Ее роль во всем этом деле весьма оригинальна. Полагаю, Уилсон хотел на ней жениться. Назвать его чувство любовью — значит осквернить это святое слово, но он явно был к девушке привязан. Больное самолюбие Уилсона страдало от пренебрежительного отношения к нему мисс Минтон. Узнав же, что у нее нет за душой ни пенни, он и вовсе воспылал ненавистью. Боюсь, в неприятностях мисс Минтон есть доля моей вины. Ведь именно от меня Уилсон узнал, что девушка находится в нашем доме. Когда я

сказала, что с ней все в порядке, он догадался, что мисс Минтон здесь. Правда, я сделала попытку обеспечить ее безопасность, предложив остаться на ночь, но бедняжка была так расстроена и рассержена, что решила не дожидаться утра. Тут-то ее и подкараулил Уилсон. Видимо, предложил сопроводить домой, нанял кеб... и все. Она оказалась у злодея в руках.

До сих пор ни один из *моих* джентльменов меня не перебивал. Увлеченная рассказом, я как-то упустила это подозрительное обстоятельство. Эмерсон, оказывается, просто сидел и ухмылялся с таким видом, что у меня зачесались руки, а Рамсес...

— Ребенок пьян! Посмотри, что ты наделал, Эмерсон!

Папочка успел подхватить тихонько сползающего с кресла на пол сына. Рамсес даже не пошевелился.

— Он не пьян, Амелия! — возмутился Эмерсон. — Малыш смертельно устал. Бессонная ночь...

— Я бы даже сказала — бессонная неделя, дорогой. По-моему, наш сын уже несколько ночей проводит вне постели. Отнесите его наверх, Боб, и уложите.

Эмерсон передал сына лакею.

— Поосторожнее, ладно, Боб?

— Конечно, сэр. Не волнуйтесь, сэр.

— Итак, джентльмены, — продолжила я, когда Боб унес наше умаявшееся дитяtko, — время позднее. Всем пора на покой. Однако прежде, инспектор, вы должны мне кое-что объяснить. Что *вас* привело в Моулди-Мэнор? Не те ли самые умозаключения, благодаря которым в этом злосчастном доме встретились мы с профессором Эмерсоном?

— Ну что вы, мэм, — виновато заморгал инспектор. — Мне такое не под силу. К тому же даже из известных фактов я сделал абсолютно неверные выводы. Скотланд-Ярд, как вы все, конечно, знаете, нередко прибегает к услугам информаторов...

— Ахмет! — воскликнула я. — А мне так ничего и не сказал, негодник!

— Может, вы просто не те вопросы задавали, мэм? — вежливо отозвался инспектор. — Ахмета мы вынуждены были арестовать... вернее, спрятать за стенами Скотланд-Ярда, ради его же блага. Их светлости граф Ливерпуль и лорд Сент-Джон сразу оказались под

подозрением, поскольку полиции известна репутация этих джентльменов. Я не давил на Ахмета, мэм. Я попросил его кое о чем рассказать — только и всего. Немного терпения — и он признался, что граф Ливерпуль был постоянным клиентом в заведениях Айши. В опиумном притоне он не появлялся; на втором этаже у нее были комнаты для привилегированных посетителей. Позже, когда профессор...

— Силы небесные! — воскликнул Эмерсон, уставившись на часы. — Глазам своим не верю. Неужели так поздно? Не сочтите за грубость, инспектор... мистер О'Коннелл... Гаргори...

Он бы еще долго перечислял всех подряд, если бы присутствующие не поняли намек. Инспектор Кафф поднялся первым:

— Вы правы, сэр. Пора. Позвольте выразить вам глубочайшую признательность, мадам... профессор...

Распрощавшись с инспектором и репортером в прихожей, мы поднялись на второй этаж, заглянули к Рамсесу — ребенок спал как убитый — и наконец оказались в спальне, где Эмерсон немедленно приступил к излюбленной процедуре *моего* раздевания.

— Послушай-ка, дорогой....

— Что, Пибоди? Вот черт! Эти пуговицы...

— Не увиливай. Ты прервал инспектора на самом интересном месте. Он как раз собирался рассказать о твоём вкладе в расследование.

— В самом деле? Есть!...

Пуговица полетела на пол.

— Я слушаю, Эмерсон. Только не вздумай заявить, что ты вычислил убийцу.

— А ты, Пибоди?

— По-твоему, я недостаточно логично...

— Более чем достаточно, дорогая моя Пибоди, но ты себя выдала, когда обнаружила в карете Юстаса Уилсона. Ха-ха. У тебя на лице было написано такое изум...

— Ты не мог видеть моего лица, Эмерсон. Я стояла к тебе спиной.

Отфутболив платье, Эмерсон сцепил ладони на моей талии.

— Ты грешила на лорда Сент-Джона. Признавайся же, дорогая моя Пибоди!

— Признаюсь, если и ты признаешься.

— Все на него указывало, верно?

— Да уж. Идеальный подозреваемый. Я бы даже сказала — чересчур идеальный. Ожесточен на полях сражений, не боится крови; умен, циничен, образован...

— Развратен до мозга костей. — Эмерсон заскрипел зубами.

— Все так, но бурная молодость его, по-видимому, и впрямь утомила. Он сам в этом признался, а я не поверила. И напрасно, как выяснилось. Что ж. Будем надеяться, что он больше не свернет с пути истинного и найдет себе достойную пару, о которой мечтает.

— Влияние женщины неопределимо! — торжественно провозгласил Эмерсон. — Пибоди! Дорогая моя Пибоди! Как насчет?...

— С удовольствием, дорогой мой Эмерсон.

Что может быть лучше, чем заснуть в объятиях любимого, с чувством выполненного долга?

* * *

Разве что проснуться в объятиях любимого, с чувством выполненного долга!

Передо мной, правда, стояли еще две проблемы, одна из которых (главная), как ни странно, решила сама собой, стоило нам с Эмерсоном выйти из спальни.

— Дьявольщина! — буркнул ненаглядный супруг. — Только глаза открыл, а уже время чая. Будешь настаивать, Пибоди?

— Разумеется, дорогой. Будешь возражать?

— Еще как буду! Сама знаешь, Пибоди...

— Знаю. Поверь, я как раз собиралась вплотную заняться этим вопросом.

— Очень на тебя рассчитываю. Чтобы закончить эту проклятую рукопись, мне необходимы тишина и по...

От душераздирающего вопля дрогнули стены дома.

— Будь оно все проклято! — взревел Эмерсон. — Ну и легкие у девицы! И это в таком возрасте. Страшно представить, на что она будет способна, когда...

— Ошибаешься, дорогой. Это не Виолетта. Будь добр, помолчи секундочку. Убедился? Кричит кто-то из горничных.

Обезумевшая Мэри Энн, опрометью вылетев из спальни Рамсеса, попала прямоком в объятия профессора. Аккуратненько приставив девушку к стенке — разумное решение, иначе бедняжка расшиблась бы на лестнице, — Эмерсон распахнул дверь.

Жуткое зрелище до сих пор стоит у меня перед глазами. Багровый от ярости Перси и пепельно-бледный Рамсес скрестили взгляды через стол, как обычно заваленный результатами опытов юного экспериментатора. В самом центре стола покоился свежий образец... *очень свежий*, судя по бурой жидкости, которая сочилась как минимум из дюжины резаных ран на его боках.

Крыса, конечно, не самая симпатичная из Божьих тварей, но, будучи все-таки Божьей тварью, она не заслуживает такого обращения. Несчастное животное подверглось пытке при жизни, и конец его мучениям еще не настал.

Эмерсон шагнул к столу. Я зажмурилась и открыла глаза, только когда услышала его глухой голос:

— Конец, Пибоди. Она мертва.

— Спасибо, дорогой.

Закусив губу, Перси мужественно сражался со слезами. Лицо Эмерсона-младшего по прозвищу Рамсес застыло маской невозмутимости, лишь в черных глазах вспыхнула и тут же погасла искра... *страха?*

— Кто это сделал?

Молчание. Впрочем, иного ответа я и не ждала.

— Перси?

Юный джентльмен напрягся. Расправив плечи, приподняв подбородок, он решительно встретил мой взгляд.

— Это ты сделал, Перси?

— Нет, тетя Амелия.

— Нет. Значит, Рамсес... Я права, Перси?

Молодчина, Перси. Не дрогнул. С него бы картину писать — «Джентльмен умирает, но не сдаётся».

— Прошу меня простить, тетя Амелия. Я люблю и чту вас, как мать, но даже сыновняя любовь не может служить оправданием предательства.

— Прекрасно сказано, Перси. У меня больше нет вопросов. Можешь идти.

Как только за юным джентльменом закрылась дверь, я открыла объятия:

— Иди сюда, сынок. Прости.

При воспоминании об этих мгновениях слезы наворачиваются у меня на глаза. Эмерсон, не стесняясь, шмыгал носом, и даже Рамсес позволил себе такую слабость.

— Ничего не нужно объяснять. — Я усадила сына на кровать. Эмерсон опустился рядом. — Мне бы давно догадаться. Но кто мог представить столь изощренное коварство в десятилетнем ребенке?

— Вот оно, школьное воспитание, — встрял Эмерсон. — Говорил же я тебе, Пибоди...

— Сотни раз, дорогой. Видишь ли, все предыдущие инциденты выглядели более-менее правдоподобно, и я, каюсь, безоговорочно принимала объяснения Перси. Но сегодня он перегнул палку. Я скорее поверю в то, что солнце взойдет на западе, чем в то, что наш сын будет хладнокровно издеваться над живым существом.

— Благодарю, мамочка, — с чувством отозвался Рамсес. — Мне неостанет слов, чтобы выразить...

Неостанет? Это уж точно из области фантастики.

— Да-да, сынок, конечно. Теперь все предстает в другом свете. И тот случай с велосипедом... Виолетта, полагаю, сказала, что мисс Хелен позволила тебе покататься, верно? А когда Перси попал в тебя крикетным мячом, ты пытался объяснить, что он сделал это нарочно, так? Э-э-э... Твоя любовь к мамочке безгранична, я понимаю, но очень прошу — поумерь свой восторг. Хотя... все равно придется переодеваться. В чем это у тебя руки? Ладно, неважно. Я у тебя в долгу, дорогой. Чего бы тебе хотелось?

— Треснуть Перси! — моментально выпалил Рамсес. — Как следует!

Эмерсон хмыкнул:

— Ишь какой! Я бы и сам не прочь. Нельзя, сынок, а жаль...

* * *

Неприглядная, что уж и говорить, сложилась картина. С первых минут пребывания в нашем доме Перси, при посильном содействии

Виолетты, постарался превратить жизнь Рамсеса в ад. Обнаружив, что кузен тайком исчезает из дому, Перси прибег к шантажу и постепенно выкачал из Рамсеса все, что только можно, — начиная с карманных денег и заканчивая часами. А когда золотой запас иссяк, негодник и провернул свой последний трюк.

Возмездие не заставило себя долго ждать — в тот же день я вернула деток их болящей мамочке. Ха! Мой прижимистый братец остался верен себе. Не пожалей он средств на то, чтобы отправить свою мадам за границу, мне пришлось бы приложить кое-какие усилия, чтобы избавиться от зловредной парочки. Но все удалось как нельзя проще. Мадам Пибоди, распустив прислугу, кроме одной вымотанной горничной, нагуливала жир в собственном доме, где я ее и обнаружила — с бульварным романом на упитанных коленках и полным ртом шоколадных конфет.

— За каким дьяволом они все это устроили? — встретил меня дома возмущенный Эмерсон. — Неужто ради нескольких сэкономленных на еде золотых?

— Не совсем, дорогой. Хотя Джеймс и за два соверена удавится. Но в данном случае цель для них оправдывала средства. Видишь ли, начитавшись статей о наших египетских приключениях, «хрупком здоровье» Рамсеса и смертельной опасности, которой он постоянно подвергается во время экспедиций, Джеймс с Элизабет решили подсунуть нам возможного наследника — на тот случай, если Рамсес... Одним словом, если другого наследника не станет.

— Что?! — Эмерсон побагровел. — Что?! Да я его... Будь он проклят, убийца сопливый!

— Тихо, тихо. Твое давление, дорогой! Перси не собирался никого убивать. Ему было велено завоевать нашу любовь, только и всего.

— Черта с два! — рявкнул Эмерсон.

— Полностью с тобой согласна. Но Джеймс все же решил попробовать. А вдруг?...

— Угу. Распроклятый репортеришка. Это он во всем виноват. Премного благодарен, мистер О'Коннелл! — Эмерсон погрозил кулаком в пространство. — Ну погоди! Я тебе руки выдерну, нечем писать будет!

Какая жалость. Рухнули мои надежды поговорить о счастливом будущем Кевина и мисс Минтон. Да-да, любезный мой читатель,

счастливом будущем! А что им мешает? Голубая кровь мисс Минтон? Не похоже, чтобы девушка кичилась своим происхождением. Да и Кевин, если уж на то пошло, совсем не так прост, как хочет казаться. Я давно заметила, что этот юноша умеет держаться и выглядит истинным джентльменом, когда не бравировает своим простонародным ирландским акцентом. Кстати, и его гардероб наводит на некоторые мысли. Помнится, в Сомерсет-хаус не было больше ни одного репортера в костюме от модного портного...

* * *

Боже, как хорошо заниматься любимым делом, когда тебе никто не мешает! К счастью, в нашей семье все вернулось на круги своя. Эмерсон отправился в музей. Я корпела в библиотеке над докладом о Черной пирамиде. Рамсес у себя в комнате изобретал новый способ мумифицирования, или проводил испытания очередного взрывчатого вещества, или... да мало ли у ребенка увлечений! Главное — в доме стояла блаженная, *оглушительная* тишина.

Если что и отвлекало меня от работы над докладом, так только та самая проблема — последняя, если помните, — решение которой я до сих пор не нашла. Легко было пообещать Эмерсону никогда не спрашивать о загадочной личности в тюрбане. Пообещать-то легко...

— Пибоди! — На пороге возник мой по-прежнему энергичный и чем-то воодушевленный супруг. — Дорогая моя Пибоди! Работа идет?

— Вовсю, дорогой мой Эмерсон.

— Отлично. Значит, можно и отвлечься! — Рухнув на диван, он призывно похлопал по подушке рядом. — Иди сюда. Глотнешь со мной?

— В такой час?

— Подумаешь! У меня есть что отпраздновать.

— Закончил рукопись?

— Рук... Ах, рукопись! Бог с ней, с рукописью! Я только что чудом избежал страшной участи, Пибоди. Давай, спрашивай!

Кажется, что-то начинает проясняться...

— Чтобы я заставила тебя нарушить клятву? Ни за что, дорогой.

— Ах, Пибоди, Пибоди! Ну что ты за женщина? Тебе положено ныть, зудить и цепляться ко мне, пока я не признаюсь.

— Считай, уже сделано.

Эмерсон с хохотом привлек меня к себе:

— Вот спасибо, от души отлегло! Итак, дорогая моя Пибоди... Не желаешь ли ты называться супругой сэра Рэдклиффа Эмерсона?

— Боже упаси! Ты только послушай, как это звучит, — леди Рэдклифф...

Любимый прервал меня поцелуем.

— Так я и думал. Не волнуйся, опасность миновала. Я отказался. А взамен вынужден был принять... — Он вложил мне в руку небольшую коробочку.

— Фу! Какая пошлость, Эмерсон. — На ладони у меня лежал перстень. Немыслимых размеров изумруд был обрамлен дюжиной бриллиантов. — И она надеется, что ты будешь это носить?

— Ты знала! — надулся любимый. — Изображала ревность, приперла меня к стенке, а сама *знала*, кто такой этот... в тюрбане!

Лестное заблуждение. Меня так и подмывало согласиться. Пусть считает, что у меня открылись сверхъестественные способности...

— Нет, дорогой. Такое мне и в голову не приходило. Выходит, это ее доверенный слуга, Мунши?

— Точно. Поскольку дело касалось... высоких сфер, Кафф был вынужден поставить ее в известность и был так любезен, что упомянул мое имя. С того момента мы работали с инспектором в паре. Именно Кафф добыл информацию о готовящемся ночном ритуале. Прости, дорогая моя Пибоди. Если бы не высочайшая просьба о конфиденциальности, я бы никогда не пошел на такой безобразный поступок... ты понимаешь, о чем речь. Но представь себе — даже посадив тебя под замок, я ничуть не удивился, когда увидел «Секхмет» в так называемом храме Ливерпуля.

— Все хорошо, что хорошо кончается! Тебе на память досталось кольцо...

— Тебе, дорогая моя Пибоди.

— Благодарю. И принимаю. Боюсь, профессору археологии изумруды не к лицу.

— Ты, как всегда, права, Пибоди.

— Кажется, речь шла о глотке виски с содовой?

---

notes

Примечания

1

Питри Уильям Мэтью (1853 — 1942), английский археолог. Вел исследования в Египте.

2

Чаевые (фр.).